

№ 4 (62). 2024

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Союзное государство

Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
«ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ»

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Памятная медаль
«ПОЭТ И ВОИН
ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ
(1923–1996)», 2023 г.

Золотой диплом Международного славянского форума
«Золотой Витязь», 2020 г.

Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.
Золотая медаль в номинации «Россия и мир»
конкурса «Патриот России», 2020 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Август 2024 № 4(62)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +79118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Алесь Карлюкевич – председатель Союза писателей Беларуси
Вадим Терёхин – сопредседатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Вячеслав Лютый – секретарь Союза писателей России
Алексей Полубота – член Правления Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Татьяна Грибанова – член Союза писателей России
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Василий Киляков – член Союза писателей России
Римма Лютая – прозаик, публицист, переводчик
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Светлана Савицкая – член Союза писателей России, учредитель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Наталья Советная – член Союза писателей России и Союза писателей Беларуси
Валерий Старжинский – доктор философских наук, писатель
Сухейль Фарах – доктор философских наук, писатель
Станислав Федотов – член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39–00302 от 24 сентября 2014 г.

Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50

Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.

Цена свободная

Издание предназначено для лиц от 12 +

Дизайн обложки – Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка – Елена Балантаева
Корректурa – Валентина Куртяк

Дата выхода номера в свет: 19 августа 2024 года. Тираж: по востребованности. Заказ № 3857.
Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты “Страж Балтики” Минобороны России»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05.

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега»-Калининград обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять
точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»-Калининград

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи принимаются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчёркивать, не форматировать, не набирать какие-либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, электронный адрес, почтовый и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Проза

Анатолий Байборodin. Дрова. <i>Повествование в рассказах</i>	5
Валерий Старжинский. Война и жизнь. <i>Повесть. Завершение. Начало в № 3-2024</i>	44
Михаил Поленок. Правительственное задание. <i>Рассказ</i>	63
Юрий Угроватый. Пряжка. <i>Рассказ</i>	78
Иван Комлев. Дождь. <i>Рассказ</i>	82
Олег Рябов. Сивка, бурка. <i>Рассказ</i>	99
Елена Канеева. Размышления	103

Поэзия

Татьяна Грибанова. Свет негасимый. <i>Стихи</i>	110
Владимир Скиф. «Я видел Тютчева во сне...» <i>Стихи</i>	113
Андрей Фролов. Пеньевская слобода. <i>Стихи</i>	116
Ираида Кельмелене. Доля поэта. <i>Стихи</i>	119
Нина Волченкова. «Спелым колосом дышит земля...» <i>Стихи</i>	122
Александр Дивеев. Старый дом. <i>Стихи</i>	124
Владимир Корнилов. «Свято чту я память о деревне...» <i>Стихи</i>	127
Татьяна Зиборова. «Смотрю я на линии ладони...» <i>Стихи</i>	130
Михаил Турбин. «Бездонна глубь небесной чаши...» <i>Стихи</i>	133
Олег Яковенко. Созвездие Кошки. <i>Стихи</i>	136

Берега Республики Беларусь

Алесь Карлюкевич. Книжная традиция. Александр Твардовский: Таким его помнят современники	139
---	-----

Берега юбилеев. К 225-летию А. С. Пушкина

Александр Сидоров. Наталья Александровна Пушкина. Некоронованная принцесса	144
Зоя Капуста. Александр Пушкин и Адам Мицкевич	146
Валерий Герланец. Этот неисправимый поэт-дуэлянт	153

Берега Новороссии

Светлана Рыбакова. Нерушимая твердыня Донбасса	157
---	-----

Берега прочтения

Людмила Воробьёва. Признание в любви. <i>О книге Лидии Довыденко «От неба данная земля». – Калининград, 2023</i>	163
Елена Крюкова. Пламя памяти. <i>О повести Анатолия Байбородина «Дрова»</i>	170
Лидия Довыденко. Одухотворение. <i>О сборнике стихов Владимира Скифа «В порту Байкал Распутин бытовал» (2024)</i>	178

Берега Болгарии

Румен Петков. Презентация книги Николы Л. Филиппова (1948 г. р.) «Болгария – Родина. Россия – Отечество: Житие-бытие князя Никиты, отражённое болгарскими медиями» (Пловдив, 2024, 448 с. 100 илл.) 183

Никола Филиппов. Как софийский чистильщик обуви стал чемпионом по плаванию, а зетем всемирно известным банкиром, коллекционером и меценатом? 185

Бережок

София Осипова. Дед. *Рассказ* 190

Евгения Артюх. Любимый храм. *Эссе* 195

Ксения Кондратенко. Окно. *Рассказ* 197

Наши друзья

Правила помощи и приобретение журнала 199

«Ну, вставай, Архип, петух охрип!» – приказал себе Иван; трусцой пробежал по ледяному полу до печки, над которой сушились штаны и рубаха, быстро оделся и, накинув телогрейку, притащил беремья дров. И скоро от запалённой бересты пламя метнулось по сухим поленьям, весело вызграло, и, когда огонь в печке радостно запел, Ваня похвалил добрые дрова, берёзовые, лиственничные, добытые прошлой зимой в хребте, что выгибался к небу за околицей.

Дрова... Узрелось с высоты орлиного полёта царство русское: звонкий утренний мороз, посреди синеватых снегов чернеет деревенька, народ торопливо волочит дрова в жилища, топят печи, и дым над крышами задорно вьётся на ветру либо висит хвостом в безветрии.

Дрова дерзко и властно вошли в жизнь Ивана Краснобаева лет с шести, когда отец лесничил и семья жила в вершине забайкальской реки Уды, у изножья затажного хребта. Ранней весной снежный наст оседал, и отец с матерью пилили дрова на грядущую зиму либо чистили лесные деляны, откуда сельские мужики на лесовозах вывезли строевой лес, а вершинник бросили леснику. Ваня подсоблял родителям собирать сучья в копны, а потом, когда отец поджигал их, зачарованно глядел, как пламя, словно огненные кони, скачет по сухому хворосту, яро возносясь в небеса.

Подрощи, Ваня пилил с отцом лиственничные кряжи, с насадой заваленные на кóзлы; но то дома, с отцом, а бывало, и в школе гоняли на заготовку дров, коими отапливались две школы – двухэтажка и одноэтажка для малышей.

Войдя в изрядные лета, Иван летовал, зимовал и в городе, и на лесных дачах, лестно прозванных заимками, где в хребтах заготавливал дрова, выискивая берёзы, лиственницы – сухостойные либо те, что на ладан дышат, готовые со дня на день пасть во мхи и багульники. *Летую, зиму* на лесных заимках – ради красного словца речено, хотя две дачи всё же – в лесу, и большая часть житья-бытья прошла на дачах.

Мог Иван и прикупить дров... гроши водились... да и, случалось, брал на зиму, а на заимках не столь сухостой валил, сколь бродил ради доброго здоровья души и плоти, ради блаженной красоты зимнего леса. Но хотя и не числился штатным лесорубом, а худо-бедно за полвека в дровах толк познал и, будучи смолоду ворчливым, мог и в преисподней проворчать: «Шибко, паря, дрова сырые, худо горят, шипят...»

Намедни листал Иван роскошный альбом Нестерова и с умилением узрел цветные репродукции с картин, где преподобный Сергей Радонежский, вроде мужика деревенского, в паре с послушником пилит кряж, топором кантует будущий венец кельи, а может, храма, и носит дрова к монашеским кельям... Вот ведь светоч земли русской, вровень святым апостолам, а тоже дрова пилил, подобно мужикам сермяжным; и обуяла Ивана гордость за дровосеков, в чей стан и прибился в таёжном малолетстве.

В заготовку дров дивом дивным вплетались потешные и поучительные истории с характерами, судьбами; истории же те Иван стихийно ведал в дружеских и семейных застольях, растекаясь мыслью по древу, не печалась о стройности сказа.

Отец и дрова

Отзвенели грозные никольские, рождественские и крещенские морозы, стихли ворчливые афанасьевские, явился февраль, лютый, снежень, бокогрей, и мужики, перекрестившись Царю Небесному, поклонившись Царице Небесной, святым угодничкам, взгляделись в небеса, в синеющий за поскоотиной лес: не пора ли дровосек зачинать?... Судили-рядили: мол, боишься холоду, полюбишь тайгу смолоду, а лежебокам сулили: в тайгу не поедешь, на печи околеешь.

Но... переменчив февраль, недаром ветреных мужиков в деревне звали февральями: то оттеплит с капелями, то заметелит с буранами. На Сретенье Господне встретилась Зима с Весной, обнялись троекратно, и повеяла с лазурного неба оттепель, повисли с драневых крыш ледяные титьки, забренчали капели, но спохватилась зима и дохнула сретенскими морозами. Охота остаревшей зиме заморозить весну молодую, но сама, лиходейка, от хотения лишь потеет. А приспел и святой Власий: ночами звенят власьевские морозы, вершащие зимушку, но у Власия и борода в масле, польёт Власий маслица на дороги, и повлажневший санный путь напомнит о близкой весне, о дровосеке. Коли милостью Божией с небес слетала зима ласковая – вдовья, сиротская – да Власий лихо сшиб

рог с зимы, то мужики, не выглядывая марта, трогались на дровосек, но чаще годили до Василия-дроворуба.

Ждали лесорубы март-зимобор, когда внешнее солнышко поцелует воскресшую землю; но опять же, и март куролесит... ишь, ухарь-купец, удалой молодец... верно же говорено: марток – надевай двое порток, ибо тепло обманчиво, словно грешная душа, могут и морозы ударить похлеще крещенских. Ну, словом, на Василия-дроворуба мужики – в тайге, дабы лес сечь, не жалея плеч, запастись дровами на грядущую зиму. И потеют дроворубы до Алексея Божьего, на деревенский лад славленого: Алексей – зажги снега, заиграй овражки.

Помнится, в начале марта-зимобора тайга оживала, и на солнечных проплешинах уже синели, желтели подснежники, в густолесье же белели сугробы; и о ту пору забайкальский лесник Пётр Краснобаев пилил дрова с богоданной, а рядом под мерное пение пилы-двуручки дремал сивый мерин, запряжённый в сани. Свалив сухостойный листвяк, мужик с бабой кряжевали лесину, кряжи укладывали в сани, а подсоблял дровосекам шестилетний сын: таскал сучья в копну; и отец, ободряя трудовой азарт малого, важно повелевал:

– Убирай, Ваня, чище – царь поедет. Поглядит, похвалит да, глядишь, и гостинец поднесёт. Пряник печатный...

Ох, мамочки родны, сам царь поедет через дабан¹, где лесничья изба!.. А вдруг пряничком угостит, а печатный пряничек – не шаньга творожная... Услышав про царя-батюшку да про печатный пряник, бегал Ваня мурашом по поляне, волочил сучья до кучи; запинался о замшелые валёжины, падал, вздымался, воображая, как на пятерике белых коней катит царь в золотой карете, с золотой короной на русых кудрях... О царе поминал отец не случайно: готовили дрова подле старомосковского тракта, по коему цесаревич Николай изволил ехать, следуя из Читы в Верхнеудинск. Но... давно уж дорогу спрямили, и брошенный царский тракт, поклонно величаемый старомосковским, заглох в сырой глуши березняка и осинника; истлели мосты, а топкие калтусы², словно прожорливые чудовища, заглохли бревенчатые гати.

Раскряжевав листвяк, уложив кряжи в сани, отец наломал сухих сучьев, запалил тихий костерок, потом смастерил таган – на берёзовые рогатки уложил жёрдочку с закопчённым котелком и, вскипятив снег, запарил чай с брусничным листом. Мать на толстый пенёк постелила холщовое рядно, выложила каравай ржаного хлеба, яиц, вяленой сохатины и даже по кусочку колотого сахара. Отец порушил каравай крупными ломтями и напластал сохачьего мяса, потом приволок пару валёжин под седалища, и семейство село чаевать. Хотя изба под боком, но охота в тайге почаевать, растопив снежок в котелке.

С поздней осени, когда снежок застелил землю и тонкий наст закреп, до поздней весны, когда снег набух влагой и осел, Ваня, впрягаясь в лёгонькие нарты, возил из леса сухие сучья – отец берёг дрова. Мать, глядячи на сына, запряжённого в нарты, с улыбкой поминала стих о том, как мужичок с ноготок вёл под уздцы лошадку, везущую хвороста воз. Прошлый год привезли на зимние каникулы Татьяну, Ванюшину сестру, что бегала в школу вторую зиму, и та, придвинув керосиновую лампу ближе к хрестоматии, шаря сонными глазами по строчкам, учила наизусть стих о махоньком дровосеке:

Однажды, в студёную зимнюю пору,
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И, шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведёт под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полшубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!

И так нудно и долго зубрила, что Ваня быстрее выучил и подсказывал, ежели сестра запиналась.

Года через два семья уючевала в село, – ребятишек пора учить; и однажды Ваня подслушал с печи, как отец, звонко плеская в гранёные стаканы «сучок»³, заливал байки мужикам:

¹ Дабан – хребет, гора, пологий горный перевал.

² Калтус – топь, болото, поросшее кустарником, березняком.

³ Сучок – водка низкого качества, из древесного спирта; а мужики говорили: из дров.

– На кордоне-то, паря, браво жили, по косачам¹ ходили: тьма была, сидят, как вороны, на деревьях, хоть за хвост их имай, оне сытые, лететь не могут. Кучно сидели... В осенину окно откроешь, и с окна стреляш, вот те и уха из петуха... А на солносяд окошко отворишь, удочку настропалишь, и – в речку, вот те и ленки на варю и жарю...

– В вершине Уды и охота ладная, – сказал мужик и добавил с лукавой улыбкой: – Помню, батя говаривал... Нас было три брата: Егор, Василий и Степан. Вот мы поехали на охоту, недалёко. Теперь едем, глядим – козы! Много их. Егор стрелил: «бух!» – сразу двух! Василий стрелил: «грох!» – сразу трёх. Вот мы их набили...

Отец, улыбнувшись небылице, опять хвалил таёжный кордон:

– И с дровами, паря, сподручно: шаг шагнул – тайга, сухоостою тьма; а на баню – листвяжьи пни, гаркие, жаркие...

Мужик... до отца лесничал на Удинском кордоне... согласно кивал головой, цокал языком:

– Да, Петро, на реке Уде дрова бравые – листвяк...

– Дак, Прокопий, у нас в Еравне кругом охальной листвяк, – отец уточнял: дескать, в Еравнинском районе, что на северо-востоке Забайкалья, – сплошь лиственничная тайга.

– А помню... я ишо под стол пешком ходил... отец помер, и мы с мамкой укочевали к дяде. От мамка чо намаялась с дровами-то, а не приведи Бог. Вокруг деревни – сплошной сосняк. Не дрова – пыль. Мама вздыхала: «Не дай Бог мужика пьяницу и худые дрова...» А потом, паря, укочевали в другое село – красота: сразу за поскотиной – березняк...

Мать, гоношась у печки, подавая мужикам жареных карасей, улыбалась отцовым байкам, качала головой в диве и тоже поминала лесной кордон:

– Осенью кухта² падат, дак тайга вся в золоте. Кулями таскали кухту листвянишну... На Покров выскоблишь пол косарём самокованным, промоешь на две-три воды, постелешь кухту, – браво, лиственню пахнет, лесом... Благодать Божия...

Лёжа на печи, чуял Ваня: материн говор пахнет смолистым, таёжным духом, и сквозь слёзный туман видел лесничью избу... На Рождественский сочельник отец украшал избу чушачьим багульником, лапником из пихты, ели, можжевельника; лапник укрывал неокантованные, круглые венцы, и лесничья изба обращалась в глухоманную тайгу. А богомольная мать застилала пол клеверным сеном, вспоминая: Отроче Младо на сене родился в яслях, подле коз и коров; и таёжная изба уподоблялась сеновалу. А на Святую Троицу хороводились в избе кумушки-берёзки – не изба, а роща, и пол, устланный свежескошенной травой, – пойменный луг подле берёзовой гривы.

Крытая сосновым драньём³, четырёхскатная, дородная изба таилась у отрогов Яблонова хребта, лицевыми окнами глядела на пойменный луг и речку Уду, а слева от усадьбы, огороженной бревенчатым заплотом, – широкий таёжный распадок, где мать с отцом пилили дрова.

Отец Вани, Пётр Краснобаев, хотя и слыл мастеровитым, азартно любил труд, а вольно ли, невольно сменил уйму деревенских ремёсел, – увольняли: подвержен зелёному змию и худой во хмелю; но выпало домочадцам доброе времечко, когда отец лесничал на кордоне и редко выпивал, – мать, боясь сглазить, не радовалась вслух, лишь плакала исподтишка и ночами молилась святому Вонифатию – от пьянства исцеляет.

* * *

Отец отлесничал и вернулся в село, где уже чаще заглядывал в рюмку, гадая: чо там, паря, нали-то; а потом с гулкового похмелья заживо сдыхал. Летом спасался от похмельной кручины и головной ломоты тем, что, насадив на черень кучерявую ерниковую метлу, мёл ограду, мёл за воротами, мёл вдоль палисадника, и мог бы вымести, вылизать всю улицу, всё бывшее волостное село, лишь бы заглушить и развеять похмельные страдания, когда уже лечиться тем, чем зашибся, нету мочи, – пропита моченька, седмицу гулял без просыху.

А зимой отец спасался дровами: взваливал на кóзлы лиственничный кряж, выносил из амбара пилу с ладно разведёнными, острыми зубьями и на пару с Ваней, уже отроком, пилил дрова, нет-нет

¹ Косачи – тетерева.

² Кухта – лиственничная хвоя.

³ Драньё – доски не пилёные, а колотые из сосновых кряжей.

да и ветошью, смоченной в солярке, натирая дочерна засмолённую пилу. Из мелкого запила, потом глубокого реза брызгали на снег хмельно пахнувшие жёлтые и бурые опилки...

Ване тягостно пилить, а отец, случалось, заваливал на кóзлы каменный листвяк: парнишка нервничал, заполошно дёргал пилу, тянул вроде из последней моченьки, забывая отпустить, и отец то выбранит, то утешит:

– Ты, паря, крепше за ручку держись, чтоб не вырвалась, – пила же сама пилит... Не дави, не дёргай с пылу да жару. Тихонько тяни и отпускай да не загибай, не загибай, пили ровненько... Ты же мужик...

Мужик, мужичок с ноготок приноравливался к отцовой тяге и, чтобы не затомиться, увеселиться, подтягивал голосистой пиле: «Вжик, вжик, я – мужик; вжик, вжик, я – мужик...»; и даже выводил куплеты чуднее: «Пили, ели свиристели», а пила подтягивала: «пили, ели свиристели...»

А вешним рассветом, поигрывая колуном, высматривая трещины в торцах, отец колол чурки, примороженные утренником, ещё не разбухшие на щедром мартовском солнце. Колол с хаканьем, с отрадой и усладой, и, наметав стог поленьев, городил поленницу, выводя игривую, красивую клетку, принохиваясь к свежим полешкам, – спиртом пахнут, водкой «сучком».

Ныне Иван, матёрый мужик, видел сквозь хмельную, полувековую мглу: отец, несмотря на зимнюю стужу, в сырмятных ичигах, смазанных дёгтем, в чёрных галифе и сером свитере, отложив колун, присаживался на измочаленную листовничную чурку, похожую на бочонок, доставал кисет и, насыпав моршанской махры в линияющую газетную осьмушку, закрутив в самокрутку, закуривал. По-хозяйски оглядывал растущую поленницу дров, и светлели отцовы глаза, досель тёмные, мутные; и Ваня, четвертую зиму постигающий азы, буки, веди, верил учительнице, что труд обратил обезьяну в человека; потом смеха ради воображал, как вертлявая мартышка пилит и колет дрова, постепенно обращаясь в человека.

Отец, если дрова кололись легко и ловко, добрел и, случалось, на перекуре толковал сыну:

– В твои лета, паря, я уже в лес ездил по дрова... Помню, махнули в лес с братом... ему о ту зиму одиннадцать было... свалили пару листвяков, распилили на кряжи. В сани завалили кряжей пять, перевязали и тронулись с Богом. И, помню, примораживало, а коль мороз, дак сорок пудов на воз – снежный наст крепкий, дорога лёгкая, можно и побольше в сани нагрузить... И помню, растяпы, топор посеяли в дороге. Беда... Тятя не облаял, но велел: «Ну, паря, чаю хлебните с мороза да и валите в лес, ищите топор. Коня не дам, конь устал, пешком дуйте. Без топора не возвращайтесь – топор кормит, поит, одевает, обувает и обороняет...»

Легко сказать, дуйте за топором, а у нас моченьки нету – вымотались в тайге, но тяте поперёк слова не скажи, вожжами отпотчует. Потопали, а уж сумерки, в степи боимся сбиться с пути, и хорошо с Прокопа¹ на случай пурги натыкали вехи по обочинам – молоденькие ёлки. Топам, тятю корим, клянём: коня пожалел, а нас не жалко... Летами я такой же был, а братка двумя годами боле... – отец вновь напомнил, пытливо и назидательно вглядываясь в сына. – Но теперичи волочимся, а уж смеркатца, и... есть же Боженька на свете... встречу – Гриня Байбородин, роднёй доводился, но так вроде седьма вода на киселе... Дядя Гриня тоже дрова везёт; полны сани, паря, нагрузил, а сам подле бредёт... Кобыла аж вся заиндевела, куржаком заросла...

«Куда, – говорит, – на ночь глядя лыжи наострили?»

Ну, мы и обсказали чо да как, а сами уж ревмя ревём – парнишки же...

«От, паря, беда-бедушка... – вздохнул дядя Гриша, – худо ваше дело, робяты, хуже некуда. Впотьмах топор искать, что иголку в стогу. Может, от дороги в снег улетел, мало ли чо... Вы уж, паря, кругом глядите, глаза у вас острые... А тятка-то ваш ши-ибко сердитый, за топор три шкуры сдерёт... Но чо, топайте; может, глядишь, и месяц взойдёт, дак светле будет...»

И уж тронулись мы с браткой, а дядя Гриня вслед:

«Постойте, – говорит, – ноне волки рыскают, дак вы хошь дрын подберите обороняться-то... – Мы со страха аж заледенели, а дядя Гриня топор и достает из саней... – Не ваш ли, робяты?.. Чудом увидел: спешился отлить, гляжу, топор на дороге валяется...»

От, паря, мы рёвом ревём, а он шутки шутит... шутник, язвы его в душу...

¹ Прокопьев день отмечается 5 декабря (по старому стилю – 22 ноября). В православном календаре это дата почитания мученика Прокопия Кесарийского (Палестинского), тещи.

«Но, паря, тятка-то ваш ши-и-ибко сердитый: поче же ребятишек-то гнать в лес за топором?! Коня бы заседлал да верхом проехал, глянул...»

Да, сердитый был тятя... Дак и поневоле будешь сердитый, коли нас, ребятешек, восемнадцать. Ежели эдаку ораву не держать в ежовых рукавицах, тогда кто в лес, кто по дрова... Другорядь и обмануть норовили, а ныне бы тятю в ноги пали... Не привадишься робить и беречь нажитое, помирушкой-помирушкой, бестолочью по миру пойдёшь...

Ваня почуял, последнее сказано ему и в укор, поскольку и от домашней работы отлынивал – с ребятами любил побегать, на конёчках покататься по ледяному озеру и добро, отцом нажитое, средю не берёг – сколь Маркен, соседский дружок, выманил рыбацких крючков, лески, щучьих блёсен, изготовленных отцом из столовых ложек.

Вспоминая, отец выкурил самокрутку до корня, когда говорят: кури дружок, я губы обжёт, и, поплевав, загасил. Надел брезентовые верхонки, ухватил колун и отмашисто саданул по чурке; а мать, пробегая по ограде, вдруг замерла... Настрадавшись от недельной пьянки-гулянки, умилённо глядела на трезвого и домовитого мужика, но потом взгляд заволокло слезами, словно стылым, морозящим дождём, и мать безголосо заплакала. Горькая и сырая бабья доля: и в горе воеет, и в радости слезьми уливается... Хвалила мать богоданного, глядя, как нарядная, золотистая поленица выросла по бревенчатый заплот, гадая о житье-бытье просто: слава Те, Господи, сена корове накосили – с молоком перезимуют; картошку в подпол ссыпали, бочонок капусты наквасили, лагушок рыбы насолили, дров напилили, муки, соли, сахара запасём, так и по миру не пойдём, с голоду не пропадём... даже если папаша загуляет. Загуля-а-ает... – смолоду обвык.

Когда Ваня, не пригибаясь, под столом пешком ходил, четыре брата довоенного приплота, отслужив службу ратную, отчалили из села; но три сестры да Ваня ещё росли в старенькой избе, а посему мужичья работа потихоньку-полегоньку с отцовых плеч кочевала на Ванины плечи. Воду с озера вози – летом бак на тачке, зимой на санках, а потом стайки чисти, корову ищи в поле, рыбу лови, дрова пили, коли, а ведь охота с дружками в прятки поиграть, в лапту и выжигало, в чижа и городки; охота, с горем пополам поделившись на белых и красных... все нагло лезли в красное воинство... укрываясь щитами из печных заслонок, биться на мечах и саблях, кои ребятня ловко мастерила из ржавых обручей, некогда крепивших капустные бочки; охота и в озере купаться, а по зиме на самодельных коньках кататься, прикручивая их кожаными лентами к подшитым катанкам.

Охота играть подростку, но мать ребячью охоту сурово окорачивала; и помнится, в очередную зиму распилили отец с Ваней листовенничные кряжи на чурки, а ночью у отца хворую спину прихватило, разогнуться не мог. Видно, надсадил поясницу, коряча толстые кряжи на козлы... Трёхлетним Ваня, бывало, топтал отцу спину, и отпускало, а нынче некому топтать; вот скрюченного и увезли отца в сельскую больницу, а потом и вовсе в город утартали. После сего мать и велела сыну:

– Хва по деревне шлындать, придуривать, коровьи шавяки пинать. Раз отец хворат, дак иди и коли дрова, а то чо же, неделю чурки посередь ограды торчат, как бельмо в глазу...

Школьная любовь и дрова

Отбегав пять зим в школу, деревенские ребятишки не столь учились, сколь трудились: копали картошку, моркошку, турнепс, убирали капусту, гребли скошенную траву в копны, рубили жерди для поскотиной городьбы, стригли овец, выгребали назём из овечьих кошар, да и любая сельская страда не обходилась без школьной подмоги. И то ребятам не в тягость, а в радость – смалу приважены к труду, да, бывало, передых, парни потешные байки травят, девки, сбиваясь на смех, радостно поют. Ну да сельских девок хлебом не корми, дай посмеяться – простодушные; и слава богу, ибо старики говаривали: где просто, там ангелов дó ста.

Посреди весны, когда солнышко слизало снег на степных увалах, а в тенистой лесной чащобе ещё белели сугробы, старшеклассники пилили дрова на зиму, ибо прожорливыми печами спасались от стужи две школы: большая, рубленая из матёрого леса в два этажа, и малая, барачная, прозванная курятником. Василий Шукшин, бывший директор сельской школы, горько поминая школьные хлопоты, поведал и о дровах: «... Что такое директор школы? Дрова достань, напили, наколи, сложи, чтобы детишки не замёрзли зимой...»

В эдаких заботах жила и сельская школа, где учился Ваня Краснобаев... Помнится, в марте Серафима Ивановна, молоденькая литераторша, она же и классная, похожая на смуглую птицу, оповестницу весны, возгласила десятиклассникам:

– Уроки отменяются, едем в лес дрова пилить...

И парни, кои больше любили трудиться, чем учиться, ревели лихоматом «ур-ра-а...», швыряли книги к потолку, а тётка-поломойка, задумчиво опершись на швабру, вздыхала, вроде жалея горемычную тайгу:

– Ну, держись, тайга, архаровцы нагрывают...

* * *

Серафима Ивановна, прозванная Симой, залетела в Сосново-Озёрск прямо с институтской парты, и свалился на её бедовую головушку наш девятый класс, где уже застарело укоренилась неприязнь к литературе. Первого сентября, когда над селом празднично синели небеса, когда берёзы в школьном саду загрузтели в предчувствии осенней мороси, а озеро утомлённо вздыхало, подле школы-двухэтажки выстроилась торжественная линейка. Для завтрашних выпускников голосил школьный хор и звонко, садня душу слезой и тоской, вились над школьным двором отроческие голоса:

...День настанет, простимся со школой,
Выпускной окончится год.
И отсюда тропинкой весёлой
Навсегда наше детство уйдёт...
Тропинка первая моя,
Веди от школьного порога,
Пройди все земли и моря
И стань счастливою дорогой!¹

Хотя и простенькие куплеты, проще некуда, но столь пронзительны музыка и пение, что у заскорузных парней душа жалобно заныла; а уж слезливые десятиклассницы, вдруг осознав, что прощаются с детством и больше не свидятся, хором заплакали... После речей первоклассник, бойко трясая медным ботальцем, позвонил, и школьники разбрелись по классам.

Серафима Ивановна явилась в чёрном, плавно облегающем длинном платье, с узеньким пояском и белым кружевным воротничком, нежно оттеняющим смуглое лицо с ямочками на щеках; окинула класс смущённым, виноватым взглядом, и школьники, привыкшие к властным учителям, удивлённо затаились, а дерзкие пареньки откровенно любовались. Литераторша стыдливо покраснела, потом обиженно опустила глаза долу, поскольку засмеялась Кланька Смолянинова, до срока вызревшая, отчего коричневое школьное платье смотрелось на деде, словно седёлка на корове, а парадный белый фартук походил на запан, что повязывают бабы, домовничают, гоношась в кути и горнице. Кланька с головушки до пят оглядела Симу ревнивым бабьим взглядом и, сварливо поджав губы, обозвала Дюймовочкой. Соседние девичьи повеселели, вспомнив: Дюймовочкой в селе дразнили тётку ростом под потолок и поперёк себя толще, в калитку едва пролазила. Деревенские – поперечные: ежли мужик тощий, кожа да кости, зовут Толстым; ежли баба шибко страшная на обличку, Красоткой величают; ежли хозяева скудные, едва сводят концы с концами, – Богачи.

Но с какого боку-припёку Кланька обозвала литераторшу Дюймовочкой, если Серафима Ивановна не толстая, не тонкая, по-девы ладная?! Но, видно, из литературы лишь Дюймовочка взошла в Кланькину память; да и то осела лишь потому, что довелось однажды, выйдя к доске, поведать сказку на потешный лад... «Но-о-о, Дюймовочка, махоня, малохольная такая, вроде, цыпушки, но захороводилась с болотным лягушом... с кем не бывает... потом с мышом, потом с жуком... Копалась, прынца ждала... На юг махнула, там нашла... мужика с крыльями...»

Обозвала Кланька литераторшу Дюймовочкой и засмеялась, хотя нашей Шуре, глупой кууре, палец покажи, ухочется... Но спустя годы Ваня вспоминал и дивился: иные девки вроде пятёрочки, институты кончили, по городам рассеялись, а житуха... так-сяк, наперекосяк: либо в девках подолом трясли и суразят² натрясли, либо смолоду – вдовье-бедовые, да и... цветы степные, пересаженные

¹ Из популярной песни советского времени «Школьная тропинка».

² Сураз – внебрачное чадо.

в глиняные горшки... увяли рано; а эта баба Бабариха, как позаочь, чтобы не схлопотать по шее, дразнил её Ваня, эта, подле которой однокашники казались заморышами, хотя и училась через пень колоду, но в девках не засиделась; да, страдала по Кешке Климову, но после выпускного бала выкинула блажь из головы и вскоре вышла за домовитого деревенского парня, уючевала из районного села в деревеньку-малодворку, похожую на заимку, и зажила с мужиком по-божески, по-русски. Плодились, трудились в поте лица, а потом, во Христа крестясь, во Христа облачаясь, молились; и хотя упирались от темна до темна, не покладая рук, не разгибая спины... скотины полон двор... зато и дуреть некогда, зато и зажили крепко и не оскудели даже на голодном и холодном перевале веков. Мужик, умудрившись завести грузовик, коему не страшны худые таёжные просёлки, попутно заготавливал и продавал дрова. Вот и барыши ладные...

Но то случилось после, а ныне...

Ныне же явилась в школу Серафима Ивановна – словно бедная школа обнову добыла, обмыла и красуется... Перед Симой сникли даже архаровцы, кои окопались на «камчатке»... так звались задние парты... и до Симы, при мужиковатой Пелагее Сысоевне, на литературе либо трепались, либо храпели, не страшась свирепой литераторши.

А Кеху Климова... Маркена, по-деревенски... сами учителя боялись пуще полымя; хотя и роста... аршин с малахаем, но дерзкий и отважный, деревянно сбитый, вроде багровый листвяк, от коего топор отскакивает, по-собачьи огрызаясь и повизгивая. И недаром учителя боялись паренька: прошлую зиму удалец-оголец в сердцах схватил залитую чернилами лохматую хрестоматию и кинул в Пелагею Сысоевну да впридачу обложил её мужичьим матом. Благо в лицо не попал, уклонилась... И лишь за то, что литераторша, ворчливая, бранливая, всю Маркенову плешь переела, требуя, хоть убей, вызубрить отрывок из письма Татьяны Лариной к Евгению Онегину.

О мужичке можно – тема знакомая: Маркен сызмала подсоблял батю пилить дрова для сельских контор и бани-казёнки; на худой конец, можно и про буреветника, что гордо реет над седым от пены морем, – тоже знакомо, коль вырос на озернице и под чайчий плач удил рыбу; можно, и даже охотно, о вещем Олеге, что проучил неразумных хазар, – Маркен спал и видел себя шлемоносцем; можно о поле Куликовом, о Бородинской битве, но письмо Татьяны к Онегину учить Маркена и палкой не заставил бы, а тем паче вещать: «...То воля неба: я твоя; вся жизнь моя была залогом свиданья верного с тобой; я знаю, ты мне послан Богом, до гроба ты хранитель мой...»

– Может, мне старуху Изергиль¹ изобразить?! – огрызнулся Маркен. – Могу Бабу Ягу, а письмо не буду, не заставите...

Но и литераторша не попускалась:

– Чтобы к завтрашнему уроку назубок, чтобы от зубов отскакивало...

Письмом Татьяны Лариной словесница и удумала сломить Маркена, объездить уросливого жеребчика, обуздать, охмутать. Узду-то, может, и накинула; может, даже оседлала и в седло влезла, да халюный² жеребчик закусил удила, полетел свирепым ветром да на лету и скинув седока.

Педсовет вырешил гнать Маркена из школы взащей поганой метлой, а литераторша челом била в милиции, дабы приструнили варнака, но мать все конторские пороги прошаркала, слезами улила и выплакала парня. На школьной линейке отчитали варнака³, для острастки оставили на второй год; вот Маркен нынче и угодил в Иванов класс. По слухам, Маркенов отец, фронтовой орденосец, поучил сына вожжами, вопрошая: «Хочешь, Кеха, неучем остаться?.. Хочешь, как я, всю жись в тайге мантулить?! Дрова пилить?!»

Ох, видно, теми вожжами и образумил батя Маркена: минует четверть века, багровой зарёю взойдёт грядущее столетие и перед Иннокентием Климовым, армейским генералом, хлебнувшим мятежного Кавказа, здешние власти постелят ковровую дорожку от поскотины до школы и будут гадать: какую улицу переименовать в честь Иннокентия?.. где воздвигнуть статую?.. и можно ли прижизненно?.. А для почина поменяют в Климовской избушке нижние венцы, сгнившие в труху, поправят забор и ворота с резными веревями и двускатной крышей из соснового дранья. Но то будет после, а пока – школа.

¹ Героиня из произведения М. Горького.

² Халюный – горячий, своевольный.

³ Варнак – разбойник по-сибирски.

Маркен всякое вольное время, прикрутив самодельные коньки на валенки, катался по ледяному озеру и, мечтая о коньках-норвегах, о заправдашной клюшке, кривым сучком гонял по льду конский шавяк, похожий на шайбу. Подросши, напялил боксёрские перчатки и, случалось, валил с ног даже зрелых парней; а посему по физкультуре ходил в пятёрчниках, да и по иным предметам выбился в ударники, но литературу люто невзлюбил, словно злую мачеху. И не полюбил даже при Серафиме Ивановне, хотя вдруг, изумив братву с «камчатки», взметнул руку и, выйдя к доске, прочёл «Бородино», ловко изобразив бывалого вояку:

– Да-а-а, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя... – Маркен с нарочитой горечью вздохнул: – Богатыри – не вы! – картинно указал на Ваню Краснобаева.

А ведь тот, хотя и телок смиренный, а двухпудовую гирию и кидал, и толкал, и жал; в тайге же нынче, когда готовили лес на тепляк¹, сосновые кряжи ворочал наравне с мужиками.

Маркен завершил «Бородино», Кланька гулко и смачно била в ладони – давно уж втрескалась по уши, хотя от любви не сохла, а пуще добрела в боках.

Если уж Маркен, врождённый футболист, хоккеист, смирился с русской словесностью, то и прочие её терпели, но посмеивались, когда Ваня, заядлый книгочей, вызубрив стих, оглашал, неволью любуясь Серафимой Ивановной:

На заре ты её не буди,
на заре она сладко так спит;
утро дышит у ней на груди,
ярко пышет на ямках ланит...²

Прости, Господи, взойдёт же блажь в беспутную душу, набухшую любострастной лирикой. Читая, вольный малый вдруг вообразил: Серафима Ивановна сладко спит на сеновале, раскинув руки, словно крылья, разметав каштановую гриву по белой овчине, брошенной в изголовье, и сквозь щелястую крышу из усохшего соснового дранья – снопы утреннего света плавают по ланитам, а утро дышит на девей груди...

На сей строке парнишка неволью покраснел, вдруг вообразив литераторшу женой, забыв, что Серафиму Ивановну пасёт школьный трудовик по прозвищу Киянка – даст по башке деревянной киянкой... молоток увесистый... и окочуришься в расцвете сил. Когда Ваня завершил стих, Маркен, ревниво слушавший, громко спросил:

– А ланиты, чо это?

Дружки его, бог весть что и удумав, заржали, словно жеребцы застоялые, а Серафима Ивановна, виновато и смущённо опушая глаза кукольными ресницами, показала пальцем на щёку.

– М-м-м... – понимающе промычал Маркен, а Кланька Смолянинова, не вмещая стих в деревенское разумение, подивилась:

– Не буди... А кто корову будет доить?! – И поморщилась: – Ишь, ланиты...

А Ваня переживал: про перси бы не спросили – наемни же Серафима Ивановна читала:

Я не желал с таким мученьем
Лобзать уста молодых Армид,
Иль розы пламенных ланит,
Иль перси, полные томленьем;
Нет, никогда порыв страстей
Так не терзал души моей!³

Ваня, начитавшись до одури про перси, уста и ланиты, греша стишками, исподтишка, чтобы архаровцы не осмеяли, умиленно гадал: кого больше любит – русскую словесность или учительницу литературы?... А раньше Ваню ланиты мало волновали; любил стихи про степи и леса, про озёра и реки, про деревенские промыслы, ремёсла, сезонные труды, про ту же заготовку дров; и даже при Серафиме Ивановне читал любимый стих сельских ребятишек – о дровосеке, что от горшка полвершка, а уж тятке подсобляет. Даже не читал, а потешно играл, и на глазах сверстников то сердобольный барин оживал, то умудрённый мужичок с ноготок...

¹ Тепляк – флигель.

² А. А. Фет. «На заре ты её не буди...»

³ А. С. Пушкин. «Евгений Онегин», глава I, строфа XXXIII.

Однажды, в студёную зимнюю пору,
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз...

– Откуда дровишки?

– Из лесу, вестимо;

Отец, слышишь, рубит, а я отвожу.

(В лесу раздавался топор дровосека.)

<...>

– А кой тебе годик? – «Шестой миновал...»¹

Ишь, все куплеты выучил, а то, помнится, вышел шалопай к доске, начал «Однажды в студёную зимнюю пору я из лесу вышел...» – здесь чадо яростно поскрёб затылок, по локоть засунул палец в нос, обморочно закатил очи к потолку и, не узрев там подсказки, ловко завершил: – Я из лесу вышел и снова зашёл...

– Артист из погорелого театра, – ревнивый Маркен низко оценил искусное чтение, ибо нашла коса на камень, ночная кошка пробежала меж уличными друзьями.

А Серафима Ивановна, дивясь странному для сельского паренька пристрастию к литературе, царнице искусств, полюбила юного стихоплёта любовью учительской, книжной. Если литература была последним уроком, случалось, и после звонка горячо толковали о Пушкине и Гоголе, о Кольцове и Некрасове; и уже в классе шелестел слушок: мол, видели, как Иван с книжками под мышкой выходил из старого барака, где квартировала литераторша. Ванины дружки посмеивались:

– Смотри, Ваня, как бы трудовик не шибанул киянкой по башке.

Ревниво и пугливо поглядывая на ухажёра Серафимы Ивановны, русого и рослого учителя столярного труда, Ваня сжимался, когда тот показывал, как ловчее молотком-киянкой сбивать табуретку. Недаром трудовика позаочь и наградили кличкой Киянка.

Похоже, и Маркен, забыв Кланьку Смолянинову, потаённо сох по литераторше, что вдруг открылось, когда старшеклассников кинули на заготовку дров...

На утренней заре собрались дровосеки в школьной ограде, набились в кузов допотопного школьного грузовика ГАЗ-51 и с гомоном, визгом, хохотом, с озорными песнями покатали по селу. Помнится Ивану, горланили ходовую, подходящую случаю задорную песенку про лесорубов:

Лесорубы,
Ничего нас не берёт –
Ни пожары, ни морозы!
Поселился
Наш обветренный народ
Между ёлкой и берёзой!
Э-ге-гей!
Привыкли руки к топорам!
Только сердце
Непослушно докторам,
Если иволга поёт по вечерам².

Девчата, как и ребята, в телогрейчишках, кирзачах, но иные в ярких вязаных шапках, в цветастых полушалках, и раздумялись на ветру, любо-дорого поглядеть. Ваня же вглядывался в заднее окошко кабины, высматривая Серафиму Ивановну, но за стеклом мелькал лишь сиреневый шерстяной берет и под цвет ему – пушистый шарф.

А тут Кланька Смолянинова, согласно дровосечной страде, отголосила деревенскую частушку:

Девки любят лейтенантов,
Бабы любят шоферов.
Девки любят из-за формы,
Бабы любят из-за дров.

¹ Н. А. Некрасов, из поэмы «Крестьянские дети».

² Популярная песня 1960–1970-х годов «Лесорубы».

Ветхий грузовичок, одышливо хрипя, сипя и кашляя, полз по ухабистой таёжной дороге и, запыхавшись, на школьной деляне заглох. Возле свежего костровища выгрузили из кузова пилы, колуны, холщовые котомки с домашней снедью. Огляделись... На солнечном склоне широкого распадка сиреневыми всполохами цвёл багульник, а в чащобе светился снег и голубели, белели подснежники. Среди пней поджидали дровосеков лиственничные кряжи, – мужики загодя свалили, сучья обрубили и собрали в вороха.

Школьный шофёр, угрюмый пожилой мужик, обречённый бригадирить, разбил ребят и девчат по парам, выдал пилы, колуны и верхонки, чтобы руки не мозолить, не занозить. Ваню взяла в напарники Серафима Ивановна; и парнишка колол чурки, а учительница на лиственничные лаги укладывала поленья в ровную поленницу, по краям с помощью Вани выводя клетки.

Прошлую весну ширикали кряжи пилой-двуручкой, а в тот памятный вешний день Маркен, которого отец-лесоруб смалу впряг в таёжную работушку, явился с батиной бензопилой «Дружба». Ребята глядели на героя завистливо, девчата с восхищением; но, распилив на чурки пару кряжей, герой долго бился с заглохшей «Дружкой», а потом, смачно плюнув на пилу, ухватил колун. Сын матёрого лесоруба Маркен, опять же на зависть ребят, ловко и красиво колол чурки, даже Серафима Ивановна любовалась, глядя, как парнишка, распустив чурку на плахи, ставил плаху на приземистый, толстый чурбан, и лихо летели поленья из-под играющего колуна.

Девчата собирали поленья в стройные поленницы и звонко пели:

На медведя я, друзья,
 На медведя я, друзья,
 Выйду без испуга,
 Если с другом буду я,
 Если с другом буду я,
 А медведь – без друга!
 Что мне снег, что мне зной,
 Что мне дождик проливной,
 Когда мои друзья со мной!

Долго ли, коротко ли пыхтели работнички с пилами и колунками, но вот бригадир, прозванный бугром, крикнул:

– Перекур!..

Серафима Ивановна присела на поваленный кряж, а Ваня сбегал на край распадка и, вернувшись, принёс ей букетик белых и голубых подснежников. Учительница мило улыбнулась парнишке, и тот вовсе потерял голову; но... недолго музыка играла: когда бригадир завершил перекур, пришёл Маркен и, оттеснив Ваню от Серафимы Ивановны, велел:

– Иди, Ваня, пили с девчатами. Там парня не хватает...

– Ты и пойдёшь. Пошто я-то должен?!

Маркен зло прищурился, грозно насупился:

– Иди подобру-поздорову, а то...

– А то чо?

– Чо, чо!.. Пару плюх, и отвалишь...

Над таёжным распадком сгущались мрачные тучи, взрвала драка, и, уже не слушая уговоры и причитания учительницы, парнишки вкрадчивыми петухами запохаживали друг возле друга, накаляясь, поджидая удобный миг, чтобы засветить сопернику в глаз. И быть бы Ване нынче битому... хотя и косая сажень в плечах, а духом слабак, а Маркен драться мастак... но вдруг рядом взревел и заглох мотоцикл «Ирбит», и, когда пареньки обернулись, увидели: явился не запыхавшийся белокрысыный учитель столярного труда, прозванный Киянком. Широко улыбаясь, подошёл к Серафиме Ивановне, принародно обнял литераторшу, а уж потом из люльки мотоцикла достал пилу «Дружба»...

Учителя работали споро; чему-то смеялись, исподтишка обнимались, а Маркен с Ваней безголосо плакали, прощаясь с былым очарованием. Эх, где вы ныне жаркие очи, румяные ланиты, светлое чело, лебединая вымя и взволнованные перси?.. Где былые страсти, палящие душу искусительным огнём?.. Всё смыла шальная полая вода...

обгонять...» – и пуще рубил топором. Пролетели три часа, судья просвистел отбой; и второй лесоруб был ошеломлён, когда судья известил, что первый за три часа срубил вдвое больше сосен. «Как ты смог меня обогнать?! – обиженно возопил первый. – Ты же каждые полчаса отдыхал, а я рубил и рубил без передыху...» – «Да, я останавливался, – ответил второй лесоруб, – но не отдохнуть, а подточить топор, а ты рубил и рубил тупым...»

Заполошной, быстротечной весной отшумела юность, разметавшая соперников по белу свету; Иннокентий Климов тянул офицерскую ляжку, Иван Краснобаев, будучи газетчиком, шатался по сибирским деревням и сёлам. Потом из сельского очеркиста возрос до очеркового литератора; и через четверть века после памятной заготовки дров вдруг случайно встретил Серафиму Ивановну в Иркутске – лечила нервы в здешней здравнице, иногда выбиралась в город, любуясь чудесами деревянного и каменного зодчества.

Иван выведал: Серафима Ивановна с учителем столярного труда вырастила сына и дочь, но рано овдовела, и ныне одиноко доживала век в стареньком, ветхом городишке. Былая краса Серафимы Ивановны по-осеннему построжала, словно уготовленная к грядущей зиме; и, вновь очарованный, Иван год жил перепиской, потом навестил учительницу в сонном городишке, но вдруг – короткое послание, где Серафима Ивановна оповестила: «Ваня, радость моя, дни мои сочтены; и через месяц, будешь в храме, поставь на канун свечку во упокой моей грешной души; да и в алтарь пошли зауспокойную записку. И я посильно молюсь о душе твоей...» Упокой, Господи, душу усопшей рабы Твоей Серафимы, прости ей вся согрешения, вольная и невольная, и даруй ей Царство Небесное...

Лесные займки и дрова

У мужиков случаются увлечения: иной почтовые марки копит, иной проще – спичечные этикетки, иной за полевыми бабочками угорело носится... слава богу, не за бабами... иной шарится по тайге с понягой¹ на горбу, иной, словно горный козёл, скачет по скалам, иной тьму денег ухитил на чёрную зависть простолюдию и путешествует по миру на белой крейсерской яхте – в белых штанах, а зазноба в чём мать родила; иной, что нынче в диковину, забивает шкафы и полки книгами, иной увлекается футболом, иной спиртоболом, а Иван Краснобаев увлекался дровами, тридцать зим пилил дрова на лесных займках да, к слову сказать, ещё и сажал картошку.

Душно, скушно, губительно сельской душе в бетонной пещере, а посему Иван, будучи доцентом университета, потом – мелким издателем, дня три в неделю служил, прочие дни – на дачах; а выйдя на пенсию, и вовсе не выводился из лесных займок, забредая в город лишь от житейской нужи и крещенской стужи.

Но пока до пенсии, як медному котелку, служить да служить; и абы не стыть в дачной избе, абы размяться и по зимнему лесу прогуляться, Иван пилил дрова; да так дровяная страда втемяшилась в разум, что, бывало, катит на поезде, хлебает чай из гранёного стакана с резным подстаканником и глядит в окошко, где снежные поля и леса, где утонувшие в сугробах ветхие избёнки, – глядит и вроде любитесь, но, любуясь, вольно ли, невольно ли высматривает сушины, годные на дрова, не сопревшие в коре.

За четверть века случались отрадные зимы, когда Иван даже в крещенскую стужу обитал на дачах, хвастливо величая их *лесные займки*, ибо вначале обрёл избушку в таёжном байкальском распадке, потом – ближе к городу, на затяжном пологом хребте. А коль перелесок под рукой, то поздней осенью, зимой и ранней весной заготавливал дрова.

Заселившись в тенистом распадке на отшибе байкальского села Култук, Иван обиженно вопрошал себя: «Что творится-то, а?.. в лесу живу, а без дров сижу. Жить у воды да не напиться...» Но усадьба покойного кузнеца-единоличника досталась с дощатым сараем, где, лаково взлѣскивая, чернел каменный уголь. Хотя и не мил уголь... пылица да угарный жар... но вынужден просеивать уголь сквозь панцирную сетку и топить плиту, хотя русскую печь не поганил углѣм, протапливал дровами; и благо угля хватило лишь на зиму, потом пришлось по старинке, свалив топором, таскать с хребта сухостойные берѣзы и осины.

¹ Поняга – самошитый таёжный рюкзак.

Поначалу навещал байкальскую заимку короткими набегами... работёнки выше крыши... и однажды поздней весной прибежал переколоть дровишки... сухие чурки уже давно и бесхозно дыбились горой посреди ограды, желтеющей одуванчиками... и уж взялся за колун, нагрянули гости, словно в песне: «Самолёт летит, колёса стёрлись, а мы не ждали вас, а вы припёрлись...»

После гостей Иван сам гостил в родном забайкальском селе и уже посреди лета колол чурки, набухшие травяной сыростью, вязкие, заплесневелые. Ладно, листовяк, сосняк – терпеливый, а уж берёза под шкурой шибко преет в жару, быстро гниёт, и бывало, найдёшь в тайге брошенную берёзовую чурку, возьмёшь в руки, а из чурки, как из трубы, сыплется изжелта-белый сухой прах. Словом, дрова вышли никудышные, но уж зато следующее лето поленья, берёзовые вперемешку с лиственничными, заготовленные по зиме, сложенные в стройную поленницу, тешили хозяйский глаз.

И помнится, вырвался Иван на заимку в начале весны; вошёл в ограду и остолбенел: от поленницы, как от горемычного козла, остались рожки да ножки. Догадался... да и санный след указал... дрова укладывали в усадьбу Хомяка, хотя какая, Господи прости, усадьба, колья Хомяк, пьющий на пару с Хомячихой, давно уж спалил дощатой заплот, сараюшки, стаюшки, и ныне избёнка нищенски чернела на семи ветрах. Теперь и на Ивановы дрова позарился: видно, голод да холод не тётка, как замерзать, пошёл воровать. Парень, позаочь прозванный Хомяком, – косая сажень в плечах, борода до колена, а дров ни полена; и хорошо, Хомячиха, эдакая юркая махоня, на московском тракте от случая к случаю торговала копчёным байкальским омулем, а то бы и вовсе загнули.

Вспомнилось, по осени завернул Хомяк одолжить гроши на похмелье... займи мне, а возьми на пне... и с лютой завистью смотрел увалень на поленницу, что золотилась на утренней заре; и хотелось Ивану усмехнуться: завидки берут, на чужую кучу глаза пучишь; но предчувствие затомило душу... вороват Хомяк... да так оно и вышло, после чего Иван тяжело вздохнул и вырешил: «Пора, хомячки, прощаться с вами и с байкальской заимкой...»

Эх, дров ни лучины, а живут без кручины; как ни заглянешь, либо, обнявшись, дрыхнут среди бела дня, либо жрут палёную водку¹, что у шинкарки обменяли на ворованное барахло – видно, очередную дачу обчистили. Хомяк фомкой дёргал дверные пробои, Хомячиха сноровисто совала в заплечный сидор дачное барахло, не брезгуя и шторами из посеревшей древней тюли. Но Бог шельму метит: не бывает вор богат, а бывает горбат; хотя и не вырос горб на спине Хомяка, но по пьянке обморозил пальцы, и жутко смотреть, как сжимал горемыка культиями гранёный стакан с палёным пойлом. Но, говаривал Хомяк, нет худа без добра – дали пенсию по инвалидности; правда, гроши, лишь для поддержки штанов, чтоб не упали, но и за то поклон собесу².

Иван, не помнящий зла, жалостливо размышлял: «Не я, Бог им судья, поселковым хомякам, у нас, богемных любодеев, грехи потяжелей... Да, вороваты, но ведь алкогольная зависимость – хворь, а с хворых какой спрос? В кармане вша на аркане, а душа горит геенским полымем, требует катанку. Поневоле бежишь по дачам; вымотришь, что худо лежит, отнесёшь шинкарке, а та, лихая бабища, вынесет пластиковый пузырь сладковатой отравы, погружающей душу в желанный бред...»

Иван редко вспоминал култукских Хомяков, а если и поминал в застольных беседах, то ради потехи; чаще же, словно в счастливом сне, виделся таёжный распадок с извилистым ручьём и усадьба, любимая до слёз, что лепилась к плешивой сопке, с вершины которой семейство Краснобаевых любовалось священным озером Байкал. В памяти оживали закаты и рассветы в кедрачах, брусничниках, черничниках, в грибных сосновых борах; слышались азартные беседы у ночного костра; оживали и вдохновенные ночи, когда, исписав пачку серой бумаги, сладостно утомлённый выходил в ограду, и душа счастливо кружила над вершинами древних сосен и лиственей, возносясь к звёздной россыпи.

Помнится, студенты-журналисты писали зарисовки о вешних лесах и полях с использованием просторечной лексики и фразеологии, а Иван Петрович Краснобаев, университетский доцент, пялился в окошко, вспоминая вчерашний день. Вчера обитал на байкальской заимке, что таилась в распадке, под сенью двух таёжных хребтов; вчера волочил с угора сухостойную осину на дрова и конопатил мхом банный сруб, а ночью, кружа воображением в родимом селе, с тихим восторгом сочинял роман о сельском детстве и отрочестве.

¹ Палёная водка (палёнка, катанка, катка) – грошовый спиртовой суррогат, производимый из сырья низкого качества в подпольных цехах, продаваемый часто из-под полы шинкарями и шинкарками.

² Собес (соц. обеспечение) – государственный орган социальной помощи населению.

До слёз любил Иван байкальскую усадьбу; тосковал, словно по матери, забытой-заброшенной в лесной глуши, а, выпив хмельную чару, лил покаянные слёзы на столешню. В распадке росла малая дочь, выросла старшая, рядом жили добрые приятели – писатели и живописцы, в избушке меж крутых хребтов, случалось, вдохновенно читал и сочинял ночи напролёт; а днями азартно пахал на усадьбе. Поклон Лесной улочке, что народилась у говорливого ручья...

* * *

По осени, когда лиходеи дважды выломали двери в избу и вынесли жалкую утварь, когда вырыли картошку... а Краснобаевы в урожайное лето накапывал дюжину кулей... когда и поленницу дров уволокли, Иван горестно доспел: дача в нищем посёлке – искус безработному, хмельному люду, а посему решил кочевать в дачное садоводство, подальше от лихих селений. По-дешёвке продал усадьбу и через год поселился в избушке, радуясь: полчаса ходьбы от полустанка, и окнами в пологий хребет, у изножья поросший березняком, сосняком и осинником, а повыше – листвяком, столь желанным печи в крещенскую стужу. И в радость дровосеку, что у полустанка имя лесное – Листвяничный, и у садоводства лесное – Берёзовое.

«Эх, в тайгу бы на займку, – вздыхал Иван в послании писателю Тарковскому, что четверть века штатно охотился в енисейской северной тайге. – Завидую снежной завистью: ты обитаешь в тайге, я под грохот поездов живу в пригородном березняке и сосняке. Охота пожить в зимовье, в краю непуганых рыб и бичей, когда рыбища клюет на голый крючок и рвёт жилку, когда в тайге черным-черно от черники и вишнёво от брусники, а рыжиков, сырых груздей хоть литовкой коси... Свистни, прибегу...»

Свистнул бы, да, поди, чует: не разбежится товарищ, коль шарит в кармане, хватит ли на трамвайный билет. Опять же, Иван зря приbedнялся в послании; слава Всевышнему, и его леса добры: могучие сосны и лиственни рядом со звонколистым, певучим березняком.

В прошлом году – затяжная поздняя осень, тёплая, посему и сиротская, и вербе почудилось – весна: распушилась, яко на Вербное воскресенье. Ох, поспешила верба с пухом: на Казанскую Богородицу небо с утра прослезилось, а к потёмкам приморозило, ночью оттепело и до рассвета – густой снегопад. Верно речено стариками: осеннее ненастье – семь погод на дворе: сеет, веет, крутит, мутит, ревёт, сверху льёт и снизу метёт. Потом весна явилась, тоже не чище; времена года хороводились вокруг лесной избушки, томили душу сладкой истомой, потом жгли душу горечью одинокого, не обласканного житья-бытья.

Марья – зажги снега, заиграй овражки – с любовью, но по-свойски, словно деревенскую жёнку, сельские мужики и бабы величали преподобную Марию Египетскую; и в день её апрельский вдруг с отцветающих небес на вешние леса и поля слетелись все времена Года: Весна – игривая дева, украшенная звонколистым зелёным венцом, Лето – томная дева в цветастом сарафане, разметавшая по смуглым плечам белёсые косы, Осень – грустная дева, накинувшая багряную шаль, и Зима – суровая дева в синевато-белом покровце. Взявшись за руки, девы повели хоровод: с утра по-зимнему примораживало, потом валил сырой осенний снег, а к полудню припекло весеннее солнышко, звенели ручьи и по-летнему зеленела, цвела мурава по сухим угорам.

* * *

Желанно вспомнилась давнишняя ранняя осень: двадцать второе октября – Яков-древопилец; на лесной займке робкий, рыхлый снег; в заснеженной роще среди голых берёз поперечная нравом, стойкая берёза в зелёной листве, и гадал Иван, глядя в окошко: хворь кумушку одолела или, наоборот, шибко здоровая и земля обильная в корнях?.. А потом иная загадка одолела: на Якова-древопильца коли снег лежал крепко, мужики ладили санный путь в тайгу, расчиляли дровосек – раннюю заготовку дров либо строевого леса; но с какого бока-припёка, с каких пирогов деревенские мужики обозвали апостола Иакова Алфеева древопильцем, ежели в житии святого и слова не молвлено про заготовку дров и леса?! Хотя в деревенском месяцеслове эдакие чудеса сплошь и рядом: подгадал Иаков под дровяную страду, вот и – древопилец.

Словом, в день апостола Иакова Алфеева, брата святого евангелиста Матфея, на Ивановой займке выпал снег... Вечор на солнотечных угорах, среди белёсой ветоши, куртинками зеленела поздняя мурава, а утром – белым-бело. Ближе к полудню подул тугой верховик, погнался за таёжный хребет

стаи серых туч; над разлапистыми соснами взыграла метель, – в порывах ветра с лап и вершин летел и омутно вихрился сухой снег. После полудня небо засинело, ярко отражаясь в просёлочных лужах, и по-вешнему запела капель. Но в лесу снег уже лёг зимовать, и коль привалил Яков-древопилец, то Иван, сунув топор за кушак, рванул в лес – сбить охотку, оглядеть угожье да, глядишь, прихватить малую сушину.

* * *

Нынче предзимье подкралось тихо, потаённо, яко седина у мужика: вчера вились кудри, словно буйная осока лохматилась на кочке, сегодня жалко висят кудерьки вокруг потной зальсины. Предвидя дровосечный азарт, Иван торопил зиму, жил на заимке в ожидании снега, коему пора бы укрыть земелюшку, коли уж Покров пришёл.

На Покров Божией Матери Иван молился в храме Святого Харлампия и, сражаясь со смертными грехами, вымаливал у Царицы Небесной спасение: «Помяни мя во Твоих молитвах, Госпоже Дево Богородица, да не погибну за умножение грехов моих, покрой мя от всякого зла и лютых напастей; на Тя бо уповаю и Твоего Покрова праздник чествующе, Тя величаю».

После обедни выбрался на лесную заимку, открыл печную вьюшку, выгреб из поддувала пепел, а то уже подпирает дверку, сыплется на притопочный железный лист, и протопил печь жаркими листовничными поленьями, хотя, жалея бедные запасы дров, мог бы и попросить, как в ранешней деревне: батюшка Покров, натопи печку без дров. Натопи-ил бы... Вспомнил: однажды на Крещение... прости, Господи, грешника... упился красного вина и уснул на заимке – в сохатинных унтах и монгольской дублёнке, с долгим вишнёвым шарфом, что умудрился повязать стильным узлом. Да и будешь спать эдак стильно, ежели изба не протоплена и пар изо рта клубится. Хотя дрова с вечера занёс, а на топку сил не хватило.

Коль Покров, то и привиделось Ивану далёкое до слёз, когда деревенские сверстницы гадали: бел снег землю покрывает; не меня ль молодую замуж снаряжает?... Эх, Ивановы деревенские сверстницы, войдя в девьи лета, случалось, ворожили на женихов, а глядя на каганец, что светил из русской печи, пели:

Каганец, каганец,
Ты скажи мне, молодец,
Когда жених ко мне придёт,
Смоляных дров привезёт?

А уж на Покров просом просили: покрой, батюшка Покров, землю снежком, а молодуху кокошником... А то и чуднее умоляли: Покров Пресвятой Богородицы, покрой мою победную головушку жемчужным кокошником, золотым подзатыльничком.

Укроется свадебным кокошником и подзатыльничком сестрица-молодица, а укроется ли земля снегом?... И вот сел Иван чаевать, обморочно уставившись в окно; да вдруг почудилось: кусты жимолости, вишни и крыжовника затаились в предвкушении снега, но трава – зелёная, но цветут дерзкие синие цветы и листья не пожелтели у одичавшей вишни. Тепло, на окошке стадами божьи коровки пасутся, словно на лесной заимке бабье лето, что давным-давно отошло. Впрочем, обрядолобцы толковали, что иное бабье лето лишь на Покров завершается, и тогда земля укрывается белой бабьей шалью.

Глядя в зелёный сад, гадая про снег покровский, Иван тихо задремал, откинувшись в кресле; очнулся, открыл глаза: Боже мой!.. в саду белым-бело, и лес заснеженный, словно Иван уснул зелёным летом, а проснулся белой зимушкой. Убрело бабье лето, мужичья зима привалила; пора снег разгрести и торить тропу на лесной угор.

Утром вышел на крылечко, глянул: Господи, столь снега выпало, что угнутая малина спряталась в сугробе и от кустов жимолости, вишни, крыжовника торчали лишь макушки. Ближе к полудню ветер-верховик разогнал снежные тучи, и под голубыми небесами снег, утаивший тоскливую серую землю и сивую ветошь, радостно искрился, сочно, певуче скрипел под валенками. До полудня, скинув телогрейку, Иван в охотку махал деревянной лопатой, торя тропинки, расчищая ограду для будущих кряжей и чурок.

Зима... В памяти поддужным колокольцем своевольно звенел стих:

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь...¹

«“Плетётся рысью...” – смешно звучит, поправить бы Александру Сергеичу...» – думал Иван, собираясь в хребет. Надо осмотреться, выбрать на повал берёзы и осины, в кронах которых жалко трепещут на ветру две-три чахлые ветки; эти лесины с гнилыми сердцевинами обречены на гибель и со дня на день рухнут. Лет пять назад горел и без того хворый здешний лес, и пожар подкрался к дачному поселью, но, слава богу, вышли дачники соборно да и погасили пламя. Но леса пострадало изрядно: обгорели комли матёрых лесин, отныне похожих на гнилые зубы с чёрными дуплами. Подобные и брал Иван, даже если лесины росли на гребне затяжного хребта; а деревья с пышной кроной обходил – пусть очищают воздух от заводского чада и смрада.

А вот сосед напротив, летующий и зимующий на даче, пластал берёзы с краю леса и подряд, оставляя после себя поляны с высокими пнями, словно могильными крестами. Иван спилил пни под корень и с каждого пня добыл по две чурки дров. Сосед, судовой моторист в отставке, сухой, смуглый, с носом, что кривая турецкая сабля, злой до работы, зимой от темна до темна возил хлысты и кражи через Иванову усадьбу с калиткой в лес; и когда в очередной раз тащил санки с доброй добычей, Иван добродушно посоветовал:

– Ты бы, сосед, повыше ходил да валил хворые... А то выпластаешь, облысеет хребет...

– А мне плевать, на мой век хватит... Буржуи всю тайгу сибирскую в Китай упёрли, а чо уж говорить про корявые берёзки...

– Это, сосед, не оправдание...

Обиделся сосед, натерил тропу в хребет через другую усадьбу; а Ивану жалко редующий лес, жалко и соседа – хворый же, коли злой, как пёс цепной.

«Ну, Бог ему судья...» – махнул рукой Иван и полез в угор. Побродил по лесу, зорко высматривая павшие деревья и сушины, надыбал сохнушую на корню осину и завершил поход в долгий хребет со скудной добычей: береста на растопку и ветки багула, что в тепле и зимой цветут сиреневым цветом.

А утром в чиненной внахлёт, линиялой телогрейке, в старых катанках, сунув под кушак острый топор, крестьянский сын Иван Краснобаев впрягся вместо клячи в кондово сбитые сани с железными подрезями и, радуясь снегу, порысил в хребет. На гребне, помолясь, перекрестясь, плюнув на ладони, словно встарь, срубил топором у самого комля помеченную осину.

Даже зажив за семьдесят, Иван пахал не шель-шевель², а чертомелил, словно молодой, и бегал как угорелый, но... сколь не хорохорился, годы брали в полон, укатали сивку крутые горки. Вот и ныне, свалил осину – ушомкался, одышливо опал на добытый осиновый хлыст и учуял, как загнанно стучит сердце, мечется в клетке убогое.

Оглядел лесную благодать: снег иссиня-белый, небо высокое, голубое, солнце печёт, сосны золотятся, и дыхание наладилось, и сердце успокоилось, и в душе – райский умирный покой, и сладостная дрема одолела, и дремотные мысли вяло роились под малахаем: «Рвану в столицу и – в Кремль в эдаком облачении – в телогрейке, в подшитых катанках: пусть видят, как живёт писатель, выходец из народа: и в пир, и в мир, и в лес по дрова – всё одёжа одна. Выходцев при серпе да молоте и в Кремле с хлебом-солью встречали, а ныне Кремль скажет: «Такой ты, Ваня, и писатель, коли в телогрейке... Чучело замшелое, и едешь в дачной электричке да в раздрызганной маршрутке, где народу битком, как сельдей в бочке; а путние писатели живут кум королю: из Парижа не вылазят, обитают в хоромах, катаются на легковушках...»

Здесь стоит молвить: Иван – в отрочестве водитель колхозной кобылы, даже в буйном воображении не мог узреть себя водителем легковушки, хотя прыткие Ивановы приятели давно уже завели железных кобыл. Но Иван полвека утешался тем, что ходьба удлиняет земное обитание, вечное же сидение за рулём укорачивает. А ходить довелось изрядно: полвека брал голубицу, черницу, брусницу, одолевая заходы в пять, семь и десять вёрст да в крутые хребты, возвращаясь с горбовиком, битком

¹ А. С. Пушкин. «Евгений Онегин», глава 5, строфа II.

² Шель-шевель – медленно, нерасторпно (*обл.*).

набитым ягодой. С трудом водрузив на спину горбовик либо пестерь... подобие рюкзака, но из тонкого алюминия... натужно спускаешься с хребта сквозь буреломы, то на карачках проползаешь под лесиной, нависшей над тропой, то перебираешься через толстые скользкие валёжины и, обливаясь жарким потом, кляня осатаневших паутов либо комаров, яростно зарекаешься: палкой теперь в хребёт не загонишь; да я лучше на базаре ягоды куплю, чем в тайге маяться. Но зарюки, словно талый снег, испаряются под жарким солнышком, и перед глазами синим-сине от черницы, красным-красно от брусницы, а вспомнишь ночи у костра, азартные беседы до рассвета, и за макушкой лета, ближе к осени властно повлечёт в хребты.

Иван, чуждый спорту, нынче осознал, что уже сорок лет турист с вечной понягой на горбу; осознал, когда с рюкзакищем тронулся на дачу и залез в маршрутку, где народу битком; всех распихал, отчего у юнцов и девушек в раздражённых глазах виделось: охренел дед, с огромным рюкзакищем в маршрутку влез. И чо деду дома не сидится?! Ладно бы лето, а то зима... Иван, часто и тяжко вздыхая, подумал: надо переходить на лёгкий прогулочный туризм по аллеям парка...

Полвека прожил Иван, пёхом забираясь в хребты да еженедельно топя по три версты на лесную заимку, поддёргивая увесистый рюкзак на горбу, хмуро оглядывая скользкие мимо легковушки. Но сейчас, сидя на дородном пне, Иван не размышлял о ездоках и пешеходах; сейчас думы выплетались чуднее: «Ежели, скажем, в телогрейке в Кремле окажусь, Кремль, однако, поморщится: “По одежке, Ваня, протягивай ножки”»; хотя и на порог, поди, не пустят. А жаль, даже царь принимал крестьян в лаптях; да и Ленин, хотя и богохул, но принимал ходоков в нищенских рубищах. Кажется, пришельцы даже чаевали с Ильичом; но, как грешили на вождя монархисты, Ильич присматривал, чтобы ходоки не свистнули серебряные ложечки...»

Страхнув дремотные думы, Иван воткнул в уши наушники, подключенные к телефону, и в душе ожила Благая весть: «Тако будут последнии первии, и первиии последни: мнози бо суть звани, мало же избранных...»

Абы глаголы Божии не затмились житейскими мыслишками, словно хлебные нивы плевелами, добавил звук в наушниках и, загрузив осиновый хлыст в сани, поволок добычу с хребта. Мимолётно подумал: «Ведь и Царь Небесный в земной юности плотничал и, поди, с отцом и братьями заготавливал дрова... Хотя какие дрова в Иудее, в Израиле?! Хворост...»

* * *

Утром, барахтаясь в сугробах, Иван брёл по взлобку выше в хребёт – дальше в лес, больше дров; а в изножье хребта продирался сквозь сосновое мелколесье, и с потревоженных лохматых лап сыпался снег, да ладно, что обратил дровосека в снеговика, но и за шиворот угодил, стылыми ручьями скатываясь по жаркой спине.

Долго ли, коротко ли, забрался на хребтинку, облюбовал сухостойный листвяк; и, помолясь на восток, вдруг сразу завёл изработанную, капризную бензопилу, и цепь люто вгрызлась в древесную плоть. Иван пожалел, что дерзко и опасно замахнулся без пособника на эдакий могучий листвяк.

Но, слава богу, прицельно ухнула лесина, к радости Ивана, не зависла кроной на разлапистой сосне; а случалось, лесина, падая, зависала на соседних деревьях, и приходилось либо раскачивать, чтобы упала, либо рискованно пилить на весу, а то и бросать в надежде, что за лето свалят буйные ветра. Ныне же, благополучно свалив дородный листвяк, срубил сучки и собрал в копёшку – к будущей зиме просохнут, можно в снегах запалить костёр, сварить чай с брусничным листом. Убрав сучья, вновь завёл «Дружбу» и, слушая кликушеские завывания бензопилы, раскряжевал лесину. Запыхался, смахнул снежный малахай с матёрого пня, присел, глядя на берёзовый и осиновый молодняк, утопающий в голубоватых суметах; окинул взглядом сосны от прокопчённых комлей до зелёных крон, замерших в небесной голубизне. В небеса уплывёт душа, и слёзы отуманили взгляд...

Лес – воистину рождественская сказка: отроческие сосенки в снежных полушалках, от рослых сосен, лиственей и берёз синеватые предсумеречные тени и тишь божественная и покой небесный. А глянул на лесной облысок – белым-бело; и невольно помянулся стих из псалма: «...омыеши мя, [Спасе], и паче снега убелюся...» Побелела борода и грива, а душа не убелилась, моршно в душе, смутно от похотей...

Засиделся, любуясь рождественским лесом, и подумал: «И на кой леший волочиться за тыщи вёрст, дабы узреть красоту, ежели везде Божья краса: и в седой заунывной степи, и в таёжной глухомани,

и среди царственных скал, и в певучих, цветастых долинах рек и озёр. Да что далёко ходить?! погожим летним днём вышел на крыльцо и обомлел от горней красоты: радужное, буйное разноцветье-разнотравье, а за тыном – сосны, от сосен тепло на душе, вокруг сосен – девьим хороводом плывут певучие берёзы; а ночью – звёзды сияют над сосновыми верхушками, из хребта всплывает багровая дородная луна, и сад – призрачно-инистый, таинственный, отчуждённый, словно не тот, что веселил душу солнечным полуднем. Я люблюсь, встречая прекраснотушных жён и мужей, но среди добрейших живут и святые, живут ради спасения грешных, ошеломляя рабов греха вольной красотой духа. Эдак и в земной красе...»

Толкуя о здешних причудливых красотах, полвека вопрошали Ивана: «А ты, Ваня, был на Ольхоне?» – «Нет...» Глаза вопрошателя дико округлялись: «Ка-ак!.. Ты!.. не был!.. на Ольхоне!.. Обитаешь подле Байкала и не посетил остров Ольхон!.. Ужас!..» Иван повинно опускал глаза долу и подыскивал оправдания: «Оно и впрямь ужас, что не посетил Ольхон – говорят, красота неопишима; но, дружище, недосуг, да и в кармане блоха на аркане...»

Но однажды надумал Иван рвануть на родные степные озёра, где вырос, да земляки оповестили: высохли забайкальские озёра, обратились в лягушачьи болота. Долго кручина томила душу, но горе забывчиво, рана заплывчата, и, одолев тоску, Иван вдруг вспомнил остров Ольхон. Забайкальской степью отичей и дедичей веяло, когда колесил по усть-ордынской степи, и автобусишко похоже трясло на дорожной гребёнке как в ознобе. А степь обратилась в лесостепь, отпахнулся Байкал, озёрная синь хлынула в счастливые глаза, и тряская, пыльная дорога забылась. Паром переплавил Ивана на остров Ольхон, и уверился мужик на закате лет: красота божественная, особо, если видишь скалы – древние динозавры, что испили байкальской воды, онемели и окаменели. Красоты тамошние Иван запечатлел на простеньких карточках; и дружище, алтайский стихотворец Сергей Чепров, узревши карточки в Интернете, восторженно написал: «Да ты, брат, в раю живёшь...», на что Иван письменно и ответил: «По поводу рая, брат, загнул; живём во грехах, яко во шелках, живём не в рай, не в муку, на скору руку. И природы – райского Творения Божия – недостойны, но каемся...»

Лесную тишь огласил колокольный трезвон... эдак голосил мобильный телефон Ивана ... звонила корректор, дама, заматеревшая в литературном журнале «Родная Сибирь», где Иван пятый год – главный редактор; и коль корректор говорливая, дотошная, то совещание затянулось, и у редактора озябли ноги, утопающие в рыхлом снегу. «Чтой-то ноги стали зябнуть, не пора ли нам дерябнуть... хотя бы чая с малиной?..» – подумал Иван, глядя вдоль тропы, ведущей к тёплому крову.

– А вы где, Иван Петрович? – интересовалась корректор.

– Где, где... Сижу на пне. Ноги замёрзли... Вышел в лес по дровишки...

Всякий раз дивилась корректор, смолоду привыкшая, что главный редактор, яко на троне, восседает в кресле, а на массивном письменном столе – рукописи, журнальные гранки и рядом: карандашница, пепельница, бюст Пушкина на лавочке – всё из белого мрамора либо из чёрного чугуна.

Попрощавшись с корректором, Иван тронулся на заимку; и потом три дня вывозил листовничные кряжи, гружёные на сани, что самостийно скользили с хребта по накатанной тропе, а дровосек, словно сказочный Емеля, сзади управлял вожжами; и порой сани так разгонялись, что приходилось бежать следом, натягивая вожжи, сдерживая скользящие сани.

Потом Иван напилил осины – прочищает печные ходы, колодцы и трубу; а вечером выдумал заделье – вырезал из осинового плашки деревянную доску для хлеба; а коль древодельное мастерство в руках не ночевало, вышло нечто забавное, под вид рыбы-камбалы.

* * *

Однажды солнечным полуднем, отдыхая на пне, Иван прикрыл глаза от слепящего снега, привычно задремал и... очнулся в столичном музее Пушкина, где удостоился премии Дельвига за книгу очерков, где... для Ивана несвучно... величали его Иван Петрович. А накануне вручения, вольготно откинувшись в барском кресле, мчался на скоростной электричке из Домодедово в Москву, оценивал взглядом чахлые осенние перелески, где среди серых снегов и густого чапыжника белели корявые берёзы да изредка желтели сосны, печально и зачарованно глядящие в слезливые небеса, набрякшие мороком.

И вдруг, породив улыбки попутчиков, Иван хлопнул себя по лбу: ведь не глядит же вхолостую, зевая и считая ворон, а цепким взглядом ищет сухостоины и чахлые дерева, что завтра засохнут...

здоровый лес жалко брать – лёгкие планеты... и, выудив взглядом сухую лесину, запомняв, что от Байкала до Москвы шесть тысяч вёрст, прикидывает хвост к носу, как ловчее сушину свалить, раскряжевать, а кряжи, впрягшись в сани, уволочь в дачную усадьбу.

Щедро обмыв премию, похмельный Иван из белокаменной махнул на поезде в песельную Вологду, где быстро исцелился; ехал по России, и в обредевших сосняках, березняках и осинниках, плывущих за вагонным стеклом, опять же выглядывал сушины и свежие валёжины, а в сёлах и деревнях – поленницы дров, кои в досельную пору хваткие мужики городили и в оградах, и на задворках, за стайками, амбарами, а если улица широкая, то и за тынами и частоколами. Чудилось, ежели обильны, крепки и украсны поленницы, то и мужик благочестивый, безунывный, крепкий душой и плотью, и баба домовитая, на обличку бравая, и чада – отцу, матери добрые и скорые пособники. Но, увы, было да сплыло, былём поросло...

Какие уж, Господи, поленницы дров, ежели на тоскливом изломе веков по земле русской деревеньки унылы, убоги, наги и сиры, словно побирušки-помирушки, укрывши голь лохмотьями, выбрали к железной дороге с протянутой рукой. Вроде пьяные, косые-кривые избушки-завалюшки со дня на день, охмелевши, отяжелевши, падут в подзаборный бурьян: окошки – мутные, по-старушечьи подслеповатые, а ино и бельмастые, с оторванными ставнями; крыши – без конька и охлупеня, изогнутые посреди, с ломаным шифером, латаные-перелатаные; огорожи с павшими пряслами, разорённые стайки и сеновалы, щербатые палисады, где чахнут кусты сирени, рябины и черёмухи. На замшелых, старчески стемневших избах, где предсмертно теплится жизнь, вместо резных коньков красуются телеантенны, заманивая в жильё любострастных демонов.

А вот в захламлённой ограде баба с охами, вздохами, кляня мужика-летуна, колет дрова, и колун в бабьих руках до слёз чужероден; а по соседству старуха с долгими стонами, одышливо тюкает чурку корявым и ржавым топоришком; а вечерами при керосиновой лампе молится за сыновей и дочерей, рассеянных по белу свету.

Глядел Иван из вагонного окошка, тоска морочила душу, и дабы не впасть в грешное унынье... тут и хвори одолеют... покаянно шептал: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, спаси и сохрани народ мой...»

Помянулось Ивану давнишнее, ещё в рабоче-крестьянском царстве, памятное путешествие по родному Забайкалью... Степь – унылая песнь кочевника, похожая на вольный ветер, волнующий ковыль; а в линияющую ковыльную зелень, в чахлые овечьи травы косами вплетаются мерцающие цветы сон-травы, шалфея, горицвета, чабреца. Потом – степные увалы, словно верблюжьи горбы в призрачном мерцании трав и цветов; а над степью парит орёл, а по солнечным увалам кочуют тени облаков и отары овец, словно брошенные с небес живые овчины.

Крытый сивым брезентом, дребезжащий «газик», вздымая пыльный хвост, скакал по грунтовой дороге, и путники сморённо, сонно глядели в степную даль, где не за что глазу уцепиться, увеселиться, – ни деревца, ни кустика, лишь изредка, словно рукотворный, вырастет придорожный курган с каменной россыпью на вершине и сиреневыми всполохами чабреца у изножья.

Разбудила, потешила Иванову душу отара овец, что бляющей рекой текла через тракт, надолго заслонив путь, а, когда машина тихо тронулась, самые беспутые овцы толпились перед бампером, потом, истошно вопя, побежали вперёд. Вот так же, бывало, семенили перед машиной ошалевшие коровы, не догадываясь, что подобру-поздорову свернуть бы на обочину, а быки, свирепо угнув шеи, пытались ещё и боднуть машину, обзлившись на выхлопной угар и моторный рёв.

За отарой – бараний гурт: изба, похожая на юрту, низенькая овечья база да поседевшие от зноя прясла загонов. «И чем буряты топятся?... – торопливо, пока гурт не ушёл с глаз, высматривал Ваня поленницу дров, но, даже осинового полешка не узрев, решил: – Поди, хохир жгут – сухим назьмом печки топят... Или уж к зиме дровами запасутся...»

И вновь – томящий душу московский тракт, куда, словно в реку, впадают ручьи мягких просёлочных дорог. Да, испокон веку русские души и сладостно и горько томят просёлки, уходящие в степную, полевую, лесную даль, а тем паче излучины дорог.

Иван – мужик лесостепной, но всё же уморила дремлющая степь; и благо, что машина мягко и беспыльно покатила по влажной пойме речушки, заросшей ивой, ольхой, черёмушником и боярышником. А потом с голубовато-сизого хребта спустился к дороге сосняк да забелели у дороги матёрые берёзы, по комлям опутанные сочно-зелёным папоротником. А вот, наконец, и село Романовка, эдак повели-

ченное в честь трёхсотлетия Царского Дома Романовых, в память о грядущем святом страстотерпце цесаревиче Николае, что в 1891 году путешествовал в здешних степях и лесах.

Подкатили к берегу Витима, вышли из пропылённого «газика», ожидая паром; оглядели село, что разметалось избами по левому и правому берегу Витима. Горделивая радость взыграла в душе, когда Иван узрел на высоком становом берегу, среди золотистых сосен добротные и хоромные избы, окружённые поленницами дров, словно крепостными стенами.

* * *

Вернулся Иван из белокаменной к Божью Сретению (15 февраля), когда зима с весной встретились, и погода чудила: то сретенские морозы, то сретенские оттепели; а деревенские деды ещё и сказывали: «Зима весну встречат, заморозить красну хочет, да от хочи лиходейку саму в пот кидат...» Словом, зима, дав на Сретение потачку теплу, дохнула наземь морозами, вроде крещенских.

Махнув рукой на стужу, Иван рванул на заимку – зима на исходе, а дров кот наплакал, хотя в дровянике – две поленницы, посреди заснеженной ограды – штабель берёзовых и листвяжких кряжей, укутанных снегом, но всё чудилось: мало... В электричке краем уха услышал: две девчущки стрекочут по-сорочьи; и простенькая с виду кажет другой, форсистой, обнову – намедни купленный телефон; форсистая брезгливо морщит носик:

– Дрова... Для лохов китайцы в сарае сляпали...

«Ишь, дурёха, дровами телефон обозвала, а тьму веков люди дровам кланялись в ножки...» – Иван обиделся, усталился в окно, где грозно стучал колёсами долгий состав, гружённый строевым лесом, – уплывала тайга в Поднебесную, текли денежки в карманы толстопузых буржуев, а дурачьё – телефончики да ноутбуки, прозванные дровами. Косят остервеневшие лесорубы строевой сибирский лес, глядят задобренные лесники на грабёж сквозь пальцы, а простецов, что на лесных дачах норовят заготовить дров, так запугали, что те боятся трухлявую берёзу свалить. Валят исподтишка, но... боятся.

Но вот и заимка, в ограде снег по колено, в избе красота – минус двадцать пять, на кухонной столешнице стакан в медном подстаканнике с ложечкой, и мерцает чай – бери и пей, да вот беда, заледенело питье. Благо прихватил термос, где чай горячий, подслащённый и с лимоном; но чай уже не согревает стареющую кровь – мёрзнут кончики пальцев на руках и ногах, отчего приходится выплясывать *подгорного мужика* с выходом из-за печи.

Приволок берёзовых поленьев, щепы и бересты на растопку, и скоро огонь озорно запел; а когда открыл дверцу, дабы подкинуть дров, зарницы поплыли по сумеречной кути. Жалко Ивану печь – страдалица: замороженная, скучает по хозяину, а тот прибежит, растопит, печка и не рада – после мороза хозяин её так раскалит, что уж духовка, сваренная из толстого железа, трижды прогорала. Да и печной кирпич крошился, не вынося резких перепадов мороза и жары.

Ну, деваться некуда, Иван протопил печь и, впрягшись в сани, побрёл в хребет; за три дня вывез последние кряжи, и вешним днём, громоздя посильные на козлы, к вечеру распилил. Любуясь чурочьей горой, гадал, как расколоть: то ли самому колуном махать, то ли звать поэта и певца Пашу Шапошникова, играющего колуном, словно казачьей шашкой. Присмотрел чурку, где янтарная лиственничная сера на коре, и привычно обратился к воображённым дочерям: «Есть вам, дочери, работёнка не бей лежачего – серы нажевать, и себе, и на продажу. Доброе дело...»

А вечером, даже не набросив телогрейку, в кожаных монгольских тапках выбежал в ограду по дрова и тут же поскользнулся, со всего маху ухнул грудью на чурки. Да так сильно зашиб рёбра, что при всяком вздохе и выдохе боль пронизывала грудь; а посему, промаявшись бессонную ночь, на сером, мутном рассвете побрёл с хребта на электричку. В деревянной клинике на окраине города, где стонал и вопил раненый люд, просветили Иванову грудь и утешили: рёбра целы, а боль схлынет; но семь дней мужик не мог толком дышать, не мог и курить... воистину, нет худа без добра... отчего и бросил губительную привычку. А ведь долго и беспрокло сражался с табаком, потом, измученный пагубной страстью, даже молился в храме преподобному Амвросию Оптинскому: «Преподобне отче Амвросие, ты, имея дерзновение пред Господом, умоли Великодаровитого Владыку подать мне скорую помощь в борьбе с нечистой страстью. Господи! Молитвами угодника Твоего, Преподобного Амвросия, очисти мои уста, оцеломудри сердце и насыти его благоуханием Духа Твоего Святого, да отбежит от мене далече злая табачная страсть, туда, откуда пришла, во чрево адово».

Похоже, благодаря молитве святому Амвросию, Бог услышал Ивана, даровал спасение от пагубы; и после сего тот, счастливый, сулился заядлым курильщикам излечить от сей похоти и добавлял, что на заимке всякую зиму вырастает гора чурок, и можно грохнуться грудью на чурки и... прощай табак. «Ежли чо, дак могу и подтолнуть...» – договаривал Иван по-деревенски.

Кроме спасения от табака, Иван в потешных застольях грозился исцелить и от ожирения – на заимке припасены снадобья: штык-лопата, лом, топор, пила-двуручка, сани, тачка и носилки.

Про исцеление от табачного срама Иван сочинил записку Владимиру Личутину, доброму приятелю и знаменитому писателю: «Владимир, жив-здоров ли я?.. Мужик в деревне прихворал... кого вру, помирал... и Господь огнём из мужика грехи выжигал, но тот не знал, – катанок сибирский. И вот мужик от боли зубами скрежещет, а спросили: “Но чо, Кузьма, как здоровье?..” Виногато улыбнулся: “Да, грех, паря, жаловаться...” Тут к Богу и отошёл... А меня, табакура, эдак Господь от табака отваживал: сперва по-староверчески уговаривал: “Бросай, паря, табак... Кто курит табак, тот хуже собак. Кто курит табак и пьёт чай, спасенья не чай...” Однажды даже писатель Распутин с горьким вздохом подивился: “Так ты, Ваня, куришь?..” Видит Господь, беспроклы уговоры, и если отец земной взял бы вожжи да разок ожёг по хребтине, то Отец Небесный попустил, чтобы рухнул на чурки да и попрощался с табаком...»

Когда грудь отпустило, прибежал Иван на заимку и, радостно вдыхая морозный дух, поблагодарил чурки, расколосил да в крытом дровянике выложил поленицы с такими бравыми клетками, что и отец бы залюбовался. Похвалил бы и козлы, что со второго захода смастерил на старинный манер: осиновый кряж с конусообразными запилами, куда на растопырку загнал четыре берёзовых ноги.

Сразу же помянулось далёкое-далёкое: родимая ограда, наряженная поленицей дров, и отец, уложивший колун на старую чурку с облешей корой, сел на козлы и пристально оглядывает сына, который уже четыре зимы отбегал в школу. Отец пытается высмотреть сыновью судьбу: добрая ли вызреет или по родительским грехам горемычная... «Видимо, в отца я пошёл, ежели увеселяю душу и таюсь от демонов на заготовке дров... – по писательской привычке эдак книжно подумал Иван. – А отец пошёл в деда, забайкальского гурана...»

В Забайкалье русские мужики и бабы, четыре века мешаясь с тамошними инородцами, обратились в гуранов¹: чернее головешки, коренасты и, подобно таёжным козлам-гуранам, по-звериному чутки и выносливы, в тайге, как в батиной избе, и сноровисты, а в сражении бесстрашны – худо-бедно, Москву отстояли... Перед Байкалом же, по Лене и Ангаре, русские, веками роднясь с тунгусами, на обличку походили на гуранов, но звались чалдонами.

Да, я чалдон. Медведь таёжный.
И понимаю толк в дровах.
Я рос на зелени подножной
И спал с поленом в головах...²

Эдакую песнь песней дровам пропел красноярский стихотворец Александр Щербаков; а Иван, хотя не чалдон и не причалил с *Дона* к диким енисейским берегам, хотя и малорослый гуран, в отличие от медвежалого Щербакова, но в жарких листьяжких дровах толк ведал. И до сипоты, до хрипоты спорил с Щербаковым, когда чалдон, прочитав Иванов сказ о дровах, вроде бы уличил сочинителя в благонамеренном вранье: «Насчёт того, что топили печи листьяжкими дровами, ты, брат, слегка приврал... Лиственница – дерево редкое, а посему дрова – обычно берёза, сосна и осина...»

С горем пополам забайкальский гуран доказал енисейскому чалдону, что село, в коем родился и вырос, окружала сплошная лиственничная тайга, где изредка белели берёзы, изредка желтели сосны да зеленели ёлки. Эх, чалдон, чалдонище, славно пели про вас девки:

Золото моё колечко,
Хуже оловянного,
Надоели мне чалдоны,
Хуже окаянного.

¹ По преданию, мужики-гураны, выходя на охоту, надевали на голову шапки с рогами косуль для того, чтобы животные принимали их за своих.

² Из стихотворения А. Щербакова «Чалдон».

А с поленом в головах спал дед Ивана по материнской ветви, и любимая тётка, перекрестясь во упокой души усопшего, поминала: «Тятя, как ему за сто перевалило, чудить стал. Сбежал в лес по грибы, а грибы давно уж отошли, дак на ночь полено под голову, а ноги на подушку: мол, дурная голова ногам покоя не дала. Так и спал: голова на полене, ноги на подушке...»

Но вернёмся на лесную заимку... С отрадой и умилением полюбовался белёсыми и багровыми поленьями, подпирающими крышу дровяника, и, спасаясь от сретенских морозов, внёс в избу беремя сухих дров; уложил на бересту и лучины, чиркнул спичкой и, замороженно глядя на игривый огонёк, ласково лижущий бересту и щепу, с горестным вздохом пожалел ямщика: не отыскавши дров для костра, замерзал, горемыка, в глухой, волчьей степи. Помянув ямщика, прочёл, вьюжно завывая, родимый стих:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...

«Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей...»¹

Выпить – не грех, ежели не упиваться, яко винопивцы ненажорные, ибо пьяному в стельку море по колено и смертные грехи в радость, особо блуд; но отраднее повеселить сердце не кружкой, а молитвой и дровосечным промыслом; хотя, конечно, охота с горя выпить, да вот беда-бедушка – обманное веселье с питья хмельного: потеплеет заледенелое сердце, томно очаруется разум, и вроде утопил горе во хмелю, – скрутил лихо, увязал на его синюшную шею каменную булыгу да и кинул в омут; а после – блудное веселье и тяжкое забытьё. Но утром... с гульбы обычно серым и ненастным... похмельная кручина, горше трезвой, так стиснет иссохшую, измаянную душу, что хоть глаза завяжи да в омут бежи. Ели, пили, веселились, а на утро прослезились; либо как в песне переиначенной: а поутру они проснулись, кругом помятая братва...

В горе... а лихо по грехам... лишь покаянная молитва ублажит и спасёт душу – «...сердце сокрушённо и смиренно Бог не унижит...» – а работа до пота, в радость и охоту укротит страсти, палящие душу. Какие страсти на вешней пахоте, на севе, жатве и покосе, на плотницкой страде, на дровосеке?! Разве что трудовые...

Прочтя вечерние молитвы, уместился Иван на лежбище под святыми образами, попрощался с зимой и азартной заготовкой дров, но и во сне причудливо виделись дрова, без коих и святому и грешнику шагу не ступить, даже переправившись на утлой лодчонке, через буйную реку жизни.

А перед сном... и смех и грех... вспомнил историю, что случилась в Ивановом селе... Вечно пьяненький, бичеватый мужичок Кузя, прозванный ночным врачом, дежурил в больничном морге; и однажды суровой зимой выскочил по нужде, заодно и дров прихватить да слегка печь подтопить, дабы покойники не оледенели; а тут пьяный дружок ввалился в морг и, коль хозяина не узрел, то и прилёг на пустую лавку, что угодила на пьяные глаза. Кузя вернулся с дровами, затопил печь, глянул в комнатёшку, где два мужика и баба ждали упокоения в сырой земле, и вдруг покойничек встал, а Кузя в обморок упал... Слава богу, одыбал, но из морга перешёл в больничную кочегарку.

А сон же Ивану выпал мрачный... Снилось верёвочная лестница в голубые небеса, куда карабкался; но вдруг налетел чёрный ворон, затмив голубизну широкими крылами, ухватил Ивана в цепкие когти и, обмершего от страха, понёс в кромешную тьму. «За что?..» – вопрошал Иван неведомо кого, незримого в лихорадочном мраке, а неведомо кто, раскатисто смеясь, отвечал: «А за то, что в душе твоей и поныне лишь грешные помыслы...»

Очнулся Иван в зимней тайге, на широкой поляне, где полыхал костёр, а мужички, вроде леших с рогами, подбрасывали в огонь жаркие листовяжки дрова, и огненные языки зловеще лизали закопчённый котёл, откуда неслись душераздирающие стоны, дикие вопли и скрежет зубовный...

¹ А. С. Пушкин. «Зимний вечер».

Среди ночи Иван проснулся в холодном поту... сердце, словно пичуга в силках, испуганно и заполошно билось в груди... и пал грешник на колени перед образами, и, обливаясь слезами, возопил:

– Боже, милостив буди мне грешному!..

Долгие, слёзные молитвы утихомирили, а коли сон изломан, решил подтопить печь и пошёл за дровами.

Русские думы и дрова¹

Запасая дрова на лесных заимках, Иван справлялся без пособников, ибо трудно позвать приятелей на дачу, если заподозрят, что манит не столь бражничать, сколь пособить. Теперь уж иных не зовёт – не пахари, с посошками бродят, жалобно шаркая подошвами и покаянно взирая в небеса. Но и в добром здравии тоже, бывало, не упросишь; однажды сулился старинный дружок, да всё беспрокло, а повинил Иван, тот ловко отбрехался.

– Ждал тебя, Егорша, в четверг. Думал, подсобишь... Сулился же, божился... Пошто не приехал?

У Егорки на всё отговорки:

– Дак это, паря, тово, понос одолел...

– А в субботу обещал?..

– А в субботу, паря, тово, золотуха...

– Ясно, что дело тёмно: то понос, то золотуха...

Звал Иван и другого давнишнего дружка, тот задумчиво чесал затылок, скрёб дремучую бороду, потом, хитровато прижмурившись, виновато улыбнувшись, то ли спросил, то ли заверил:

– Припащешь же, Ваня?!

Утешил:

– Шибко-то, Фома, не припащу... Сороки, воровки, облепиху клюют, так облачился бы пострашней и в кустах постоял, руками помахал...

– Заместо чучела?..

– Чучела не чучела, но работёнка же не бей лежачего – руками махать. Не пыльная... А с меня магарыч...

– Магарыч?

– Ну, поляна, угощение...

Смех смехом, а припахал бы... Бог не дал Ивану сынов, работающих зятьёв, и, что греха таить, не имея пособников, Иван, случалось, тайгой и баней заманивал друзей на дачу, – на старую, в байкальском селе Култук, и новую, у полустанка Листвяничного, что поблизости от реки Олхи. И до вечернего застолья либо утром ласково пытался гостей «припахать»: сильных, сноровистых – ветхую стайку ломать, малахольных – ржавые гвозди выправлять, тихих семейных – ягоду брать: вишню, смородину, малину, облепиху; но чаще уводил гостей в лес, что в Култуке – сразу за частоколом, а в Берёзовом садоводстве – за сеткой «рабицей». И душе отрада, и подворью добро: надышались хвойным духом, полюбовались тайгой и лесными еланями в цветущих жарках или голубоватых снегах, а на обратном пути спустили к избушке сухостоины на дрова или осиновые жерди на заборные прясла. Дико Ивану, сельскому жителю, шататься в лесу без заделя; к сему приваживал и гостей, даже и приятелей-писателей. С мужика – сухостоина либо жердина, а коли с женой либо невестой – два хлыста; сунул башку в семейный хомут или пялишь хомут на выю, и за богоданную трудись, не ленись.

Благодарно поминая друзей, кои без насилия, по доброй воле подсобляли пилить и колоть дрова, Иван вспоминал и вечерние застолья с песнями и плясками, с жаркой словесной бранью, ибо кручина одолевала, лишь подумаешь о горькой судьбинушке родного люда. И в прошлые века баре да разnochинцы, сойдясь в хлебосольном доме, судили-рядили о народной доле и воле, враждебно межуясь на славянофилов и западников. Однажды промозглым невским ветром занесло Достоевского в некий петербургский салон, где дамы и господа, вкусив бургундского вина, с полудня и до позднего вечера спорили о смысле человеческого житья-бытья и о спасении души. В сумерках кухонный мужик принёс охапку дров, нащипал лучины для растопки, зажёт камин, и Достоевский, угрюмо сидевший

¹ В сей главе использован мой очерк «Упокой, Господи... Памяти русского литератора Александра Беляева».

в углу, вдруг воскликнул, указав на истопника: дескать, идите к сему мужику, внимайте мужику, лишь куфельный¹ мужик и ведаёт смысл жизни. Дамы и господа сконфузились, а чтущие западных мыслителей насмешливо скривились, словно отведали кислицы с куста; и в скоморошеском обличье пошла шататься по салонам идея «куфельного мужика», якобы возглашённая безумцем.

* * *

Ночью и утром валил снег, да столь щедро, что к полудню дачный сад утопал в белых сугробах; сиротливо топорщились вершки смородины, вишни, жимолости и крыжовника, а ветви малины, согнутые в дугу, и вовсе сгнули в снегу; лишь высились над снежными дюнами кусты облепихи, и ярко светились оранжево-алые ягоды – облепили ветки рыжие детки, и чудом не склевали облепиху лесные птицы. Снегопад, похоже, зарядил надолго, – тоскливая мгла заволокла дачное поселёе; помутнел и смерк белый свет. Но в снегопад дремлют крещенские морозы, теща стариков и старух, ветхую плоть которых вяло греет усталая кровь. Впрочем, к полудню разыгрался ветер, и колючий снег полетел над землёй; и метель взвыла, а в степи, поди, уж буран бушует.

Но лишь в непогожье ощутим ласковый уют в тепло натопленной избушке, где Иван Краснобаев да Ярослав Анисимов хлебали чай, хвалили печь и жаркие дрова, судили-рядили о крестьянском роде и родном народе, костерили фармазонов, что нынче, на исходе усталого века, воцарились на Руси и, анчутки беспятые², обратили Кремль в Лысую гору, где, звеня рогами, стуча копытами, соромно пляшут и на американский лад матерно поют; а машет им, уподобляясь дирижёру, пьяный царिशко по лагерной кличке Пахан.

Растекаясь мыслью по дереву, утопая в щедром глаголании, мужики забыли, что наладились в хребет по дрова, и славно чаевали подле ласковой печи, ублажались чаем и казёнными шаньгами. Сквозь заснеженное окошко вопрошающе косились на поляну перед мелколесьем, где по-волчьи выла метель, летел косой снег, мела позёмка, вихрясь в порывах ветра. Сдурела метель – даже в усадьбе выиграла, словно за околицей ведьмы свадьбу справляли; но бодрились приятели: мети метель, нам, мужикам, не боязно, мы в опрятной, тёплой избе... печка пышет сухим жаром... мы пьём чай и в ус не дуем, нам даже отраднo любоваться метелью из тепла и напевать: «...вьюга смешала землю небом...»³

Но... сиди не сиди, доброй погоды не высидишь, пора и дровец напилить, – за зиму иссякла поленища, улетела в обжорное печное чрево; да и не худо бы поразмяться, чтобы и среди городских удобств плоть помнила не поросшую травой-дурниной былую отраду сельского труда. А что лютует ветер-снеговой, то не беда, – у природы нет худой погоды. Словом, приятели, перекрестясь, помолясь, положась на волю Божию, выпали из угревного жилья на ветер и снег, который пуще и гуще замесился... не видно ни зги... и дровосеки лишь чудом угадывали тропу среди заснеженного березняка и осинника, среди дородных сосен, что с обманчивым теплом светились в сумеречной роще.

Есть горделивая услада: набывчившись, подражая сибирским первопроходцам, настырно брести сквозь метель, подставляя лицо колючему снежному ветру, палящему нос и щёки, вышибающему обильные слёзы. Впрочем, в лесу потише, ветер не сшибает с ног; а посему дровосеки взбодрились, повеселели. Долго ли, коротко ли, но, волоча двое саней, облепленных снегом, запыхавшись, выбрели на опушку, где Иван загодя пометил три берёзы, после низового пожара почерневшие с комля, сохнувшие на корню.

Коль бензопила-привереда отказалась пилить, пришлось, веселя души древним дровосечным ремеслом, валить и кряжевать берёзы пилой «дружба два», в народе весело прозванной «тяни-толкай». Накатав тропу, приятели спустили в усадьбу дюжину кряжей, и... хотя Иван уговаривал заночевать... Ярослав рванул на позднюю электричку – в молодом рабочем городке Шелехово барышня ждала кавалера.

В юные лета, покинув байкальское село, Ярослав пахал в горячем чугунолитейном цехе; потом, заочно обучившись, осел в Шелеховской заводской газете и, увы, случилось, впадал в недельные запои, а посему, настрадавшись, жена бросила запойного мужика. После развода осталась в квартире с двумя сынами, что учились в старших классах, а Ярослав ютился в заводской общаге; но через

¹ Куфельный – кухонный, служащий при кухне (*устар.*).

² Анчутка – распространённое название нечистой силы (бесов).

³ Некогда популярная «Песня о любви» на стихи Л. Ошанина и музыку А. Островского.

семь лет вернулся в опустевшее семейное жильё, ибо в Чечне погиб младший сын, солдат срочной службы, старший же, выучившись на геолога, махнул на Крайний Север, а бывшая супруга, выйдя за вдовца, вселилась в его каменные хоромы. В те лета Ярослав, смолоду богомольный, во избавление от пьяного беса усердно молился и святому Иоанну Кронштадтскому, и святителю Вонифатию Милостивому, и преподобному Моисею Мурину, и пред иконой Божией Матери «Неупиваемая Чаша»; и одолел молитвенник беса, изверг из души.

Долго не виделись старинные приятели и столкнулись на отшибе села Посольское, где на высоком байкальском берегу бело и величаво красуется церквями Свято-Преображенский мужской монастырь, где под сенью могучей крепостной стены – часовня в скорбную память о погибших русских послых, что при царе Алексее Михайловиче пробирались с дарами к мунгальскому Цысану-хану. Царский посланник Ерофей Заболоцкий и его сын Кирилл, а также подьячий Чаплин, казаки Василий Безсонов, Терентий Соснин, Афанасий Сергеев, Яков Скороходов и промышленный мужик Сергей Михайлов переплавились на дощанике через Байкал, вышли на студёный осенний берег. До костей промёрзшие на лютотом октябрьском ветру, послы нарубили дров... благо в кедровом бору изрядно сушняка... развели костёр, абы согреться, и тут из тайги вылетела стая бешеных собак – брацких¹ людей, побила и ограбила русских, не успевших схватить сабли и ружья. С тех скорбных лет байкальский берег, освящённый праведной русской кровью, украшенный монастырскими куполами и крестами, в память о погибших послых величается Посольским, а над прахом коварно убиенных могильные кресты золотятся на байкальских зорях.

Иван седмицу послушничал во святой обители, читая и правя сочинение здешнего наместника, архимандрита Николая; и однажды, гуляя по обители, увидел возле горы сосновых чурок Ярослава; приятель колот дрова, играючи ладным колуном. Обнялись, расцеловались и дальше уже кололи вдвоём, выстроив чудную поленницу дров в виде церкви с шатровым куполом. Из монастырских послушников Ярослав пытался с Божьей подмогой возрасти духом до монашеского пострига, до ангельского чина, но, увы, наместник не благословил, и приятель вернулся в мир, словно приземлился, покружив под небесами на ангельских крыльях. При боголюбивом отречении от дольного мира ради мира горнего Ярослав мог взойти во святые юроды, но, увы, любил мужик и дольный мир, который его не жаловал.

Жил бобыль бобылём, да вдруг на закате лет по уши влюбился, словно безусый юнец, что бредется мокрым полотенцем. Даже исподтишка стихи крапал... литератор же... и, смущаясь, краснея от счастья, хвалился подругой, казал цветную карточку, утаённую в нагрудном кармане, греющую душу. Карточка жила в потёртом, рыжем бумажнике и после бракосочетания и венчания в храме. Иван каялся: обидел Ярослава, с ироничной улыбкой читая с листа его любовную лирику, напоминающую ходовой стишок: «Ветка сирени упала на грудь, милая (Галя, Валя, Оля, Поля...) меня не забудь...»

Однажды приятель ночевал на заимке; а Иван, жалея дрова... скупердый же... на ночь худо протопил печь; изба после полуночи выстудилась, и утром хозяин покаялся в скупости, но Ярослав успокоил: приснилась возлюбленная, вот, обнимаючи, и согрелся. Из приятельских уст эдакое звучало чужеродно, ибо в отличие от богемных деятелей искусств, не токмо грешащих, но и восхваляющих, воспевающих блуд, величая похоть «любовью», Ярослав, по-христиански целомудренный, сроду не страдал любострастием. А посему и любовное чувство мужика вызрело отрочески светлым и завершилось Божиим венцом, коли паспорта увенчались печатями.

Не маяли мужика и прочие смертные грехи, вроде гордыни, зависти, алчности, да и винцом уже губы не пачкал, вопреки отчаянному выводу: мол, нет молодца, чтоб одолел винца. Гневался, правда, но, вроде, праведно – против супостатов.

* * *

Потом Ярослав прибежал на закате марта, когда снег опал и на солнопёках в голом сосновом бору обнажилась белёсая ветошь прошлогодней травы. Иван встретил приятеля на полустанке Листвяничный, и от перрона шли по шпалам короткого пути, запасного ли, брошенного ли, глубоко вросшего в землю, отчего рельсы едва угадывались. Во времена запойного и разбойного правителя сей путь, где не гревели поезда, обнищавший народ обозвал «ельцинским» – Ельцин же грозился: мол, ежели цены

¹ Браты, или брацкие люди (брацкие мунгалы) – обычное наименование бурят в исторических документах XVII–XVIII веков.

на хлеб, молоко и мясо повысятся, лягу на рельсы. А цены так подскочили, что нищее простолюдье ходило в лавку, словно в музей, где экспонаты нельзя трогать руками; и ждало простолюдье: должен же лечь на рельсы, коли сулился, или, как в присказке: во хмелю что хошь намелю, а проснусь – отпрусь. И лёг бы, с него, дурного и вечно хмельного, сталось бы, но... лишь на брошенные рельсы, где давно уже отшумели поезда.

Про сей ельцинский путь Иван и поведал Ярославу, и тот, горячий, обозвал правителя иудой, что за тридцать сребреников продан америкосам и служил им, пьяным либо с похмелья восседая на русском троне. Речь Ярослава страдала откровенной митинговщиной; вот Иван и сманил приятеля на заимку, чтобы потолковать, – накануне черкал и кромсал его очерк, где, восславив черносотенство, во всех российских бедах митингово, запальчиво повинил еврейских большевиков, ухитивших власть в кровавой русской смуте. Ярослав хлёстко озаглавил сочинение: «Черносотенцы и бесы».

Иван готовил очерк в церковно-приходской альманах «Иркутское обозрение»... в народе – «Иркутское оборзение»... где служил исполнительным редактором, а главным – протоиерей Михаил Громов. Ярослав, почитая за великую честь засветиться в православном альманахе, о ту пору уже хваленном в губернии и столице, терпеливо сносил Иванову правку, лишь зауживались чалдоничьи¹ глаза да желваки сурово набухали на костистых скулах. Обильно править, лихо сокращать пришлось, ибо очерк, начинённый гремучей смесью враждующих стилей, лишь чудом не взрывался: выдержки из святых отцов, богословов и русских мыслителей переплетались с митинговой речью рабочих маёвок.

Столь ярко и жарко светилась в его душе любовь к родному русскому народу, столь яростная клокотала ненависть к врагам, что речь Ярослава, утратив даже дольную мудрость, не говоря уж горней, обращалась в базарную брань и добела раскалялась. Слушать подобное, что пить обжигающий чай, а посему Ивану хотелось остудить речь, хотя, опять же, Пушкин завещал: «глаголом жги сердца людей». Вперив ярое око в воображённых врагов русского люда, в их гнусные хари, увенчанные рожками, Ярослав бранным слогом поражал супостатов, яко святой Егорий Храбрый пронзил копием змия, пожирающего людей. Что уж говорить про Ярослава, коли сам Николай Чудотворец, яростно споря с собакой Арием, в пылу обличения и пламеневший ревностью ко Господу, заушил еретика, за что горячего епископа лишили святительского омофора и посадили в зарешеченное узилище². Даже и за то, что дал в ухо лжецу, святого угодника и возлюбили русские мужики, вроде Ярослава, который в ранней молодости за рукоприкладство угодил на пару лет за решётку.

По натуре крестьянин и Христов ратоборец, коренастый, ладно скроенный, крепко сшитый, кося сажень в плечах, Ярослав Онисимов чужеродно выглядел на филфаке, где испокон веку паслись девчата да малахольные, очкастые ребята. Хотя Иван, тоже выходец из филфака, вспоминал: случалось, залетали на факультет и эдакие бугаи, коим бы не книжки читать, а земелюшку пахать, не стихи учить, а быкам хвосты крутить.

Верно молвлено, на Руси не все караси – плавают и ерши... В обличительной ярости Ярослав не ведал чуру³ и, черпая из мутных источников, ввёл в очерк сомнительные высказывания. Вот, скажем, из маловедомых книжек выкопал жуткие русскому уху, дерзкие думы Льва Троцкого о России, коя вязанка дров для Мировой Революции: «Мы должны превратить Россию в пустыню, населённую белыми неграми, которым мы дадим такую тиранию, какая не снилась никогда самым страшным деспотам Востока... Если мы выиграем революцию, раздавим Россию, то на погребальных обломках её укрепим власть сионизма и станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени... Путём террора, кровавых бань мы доведём русскую интеллигенцию до полного отупения, до идиотизма, до животного состояния... А пока наши юноши в кожаных куртках – сыновья часовых дел мастеров из Одессы и Орши, Гомеля и Винницы – умеют ненавидеть всё русское! С каким наслаждением они физически уничтожают русскую интеллигенцию – офицеров, академиков, писателей...»

По забывчивости трижды повторивший в повествовании, что Троцкий – Лейба Бронштейн, Ярослав ещё не ведал, что Иван удалил из его очерка высказывание Лейбы, не подтверждённое

¹ Чалдоны – как выше поминалось, помешанные с тунгусами, насельники берегов Енисея, Ангары и Лены, якобы причалившие с Дона во времена Ермака и сибирских казаков-первопроходцев.

² По преданию, на I Вселенском Соборе святой Николай, боговдохновлённый ревностью о Господе, не стерпев арианского богохульства, ударил еретика по щеке (заушил). Собор почёл дерзким сие заушение, и Николая, лишив архиерейского сана, заключили в тюрьму.

³ Не знать (не ведать) чуру – не знать меры, не соблюдать правил (*устар. сиб.*).

архивным источником. А коль не ведал, то приятели, замирая на шпалах ельцинского пути, пока ещё мирно, хотя и горячо, толковали о русской судьбе.

Ярослав в очерке «Черносотенцы и бесы» воинственно защищал народ и все народные беды валил на неких хриstopродавцев, словно черносотенным флагом потрясая святым именем Иоанна Кронштадтского. Иван опасался, что альманах за слово сего праведника привлекут к суду: дескать, сеете межнациональную рознь, страдаете юдофобией. А слово святого праведника таково: «...Христиане, которые не веруют в Бога, которые с евреями действуют заодно, которым всё равно, какая вера: с евреями они евреи, с поляками они поляки, – те не христиане, и погибнут, если не раскаются... Да прекратит наши бедствия Господь, по великой милости Своей! А вы, друзья, крепко стойте за Царя, чтите, любите его, любите святую Церковь и Отечество и помните, что Самодержавие – единственное условие благоденствия России; не будет Самодержавия – не будет России; заберут власть евреи, которые сильно ненавидят нас!..»

Но попутно святитель Иоанн обличал и русский народ, и особо интеллигенцию, отпавшую от Бога, провидя, что кровавая смута по грехам русским и будет попущена Богом. Христов воитель сокрушался: «Не стало у интеллигенции любви к Родине, и она готова продать её инородцам, как Иуда предал Христа злым книжникам и фарисеям, уже не говорю о том, что не стало у неё веры в Церковь, возродившей нас для Бога и небесного Отечества; нравов христианских нет, всюду безнравственность; настал, в прямую противоположность Евангелию, культ природы, культ страстей плотских, полное неудержимое распутство с пьянством; расхищение и воровство казённых и частных банков и почтовых учреждений и посылок; и враги России готовят разложение государства. Правды нигде не стало, и Отечество на краю гибели. Чего ожидать впереди, если будет продолжаться такое безверие, такая испорченность нравов, такое безначалие?!»

Но обличения и прозрения преподобного Иоанна Кронштадтского Ярослав пускал мимо ушей; дружище, даже если писал, скажем, о забытом-заброшенном сельском поэте, у коего не хватало денег на дрова, то в сей беде винил некие зловецкие силы. Выяснялось: маетное сельское житьё-бытьё стихотворца – деяния мирового еврейства от князя Святослава и до нынешних лет.

На свою бедовую голову Иван пошутил:

– Если в кране нет воды, значит, выпили жида, – и прибавил ходовой стишок: – «Говорят, из Мавзолея тоже вынесли еврея. Евреи, евреи, кругом одни евреи...» У тебя, Слава, кругом сионисты виноваты, а русский народ – вроде ангел, ни в чём не повинен...

Иван вспомнил: протоиерей Михаил Громов, с коим водил дружбу, пытал мужика на исповеди: «Пьёшь?..» – «Пью, батюшка, запиваюсь...» – «Блудишь?..» – «Ой, батюшка, блужу...» – «Сквернословие?..» – «Хуже, матерюсь, как пьяный сапожник...» – «И кто виноват?.. Ты же и виноват...» – «Нет, батюшка, я не виноват, бесы виноваты...»

Слово за слово, приятели крепко сцепились, ибо один задержиха, другой неспустиха. Осадившись на «ельцинских рельсах», до хрипоты и сипоты спорили; орали друг другу, словно глухой глухому, размахивая руками; и если бы тихий мужичок либо тихая баба увидели, то, испуганно глядя, покрутили бы пальцем у виска: мол, чокнулись мужики; а шутники бы посетовали: что за шум, а драки нету?.. Могли бы наворожить, накаркать, и здесь не грех трижды плюнуть через левое плечо, где анчутка беспятый незримо торчит и ворчит, а потом перекреститься: слава богу, до драки споры не дошли.

Спорили о революции и гражданской войне; Ярослав с пеной у рта, брызжа слюной, твердил и твердил: дескать, евреи, после революции оседлав русский престол, с наёмными карателями истребляли русский народ, крушили православную веру вместе с храмами. Иван перечил: да, истребляли, крушили, но... русскими умами и русскими руками, ибо народ пал, обезбожился, вскинул руку на Бога и царя, Помазанника Божия. Не смогла бы завоевать многомиллионный русский народ жалкая свора еврейских большевиков с латышами да мадярами...

Ярослав оторопел, обернулся к Ивану, вроде, сжимая кулаки, и, что таить, приятель оробел: вот она гражданская война, сейчас кинется... под поезд бы не толкнул... смалу отчаянный, по юности наглому начальнику прилюдно в ухо дал и за драку пару лет зону топтал.

Кстати или некстати вспомнились редактор институтской газеты и лихой поэт с белокрылой фамилией Лебедь, стихи которого редактор и напечатал в бойкой многотиражке. Красивые стихи, грех упустить:

Спой, родимая, спой колыбельную.
 В тихом доме от свечки светло.
 Замело молодыми метелями
 Все дороженьки в наше село.
 Может, этой глубокою полночью,
 Пробираясь сквозь дебри и снег,
 Деревушку глухую чалдоночью
 Не отыщет в тайге человек...¹

Душевно, но редактор вырешил: отдавать газетную полосу целиком – изрядно чести молоденькому стихотворцу, и сверху подверстал стихи Глеба Архипова. Словно редактор, чёрный ворон, кружил над белой птицей, щёлкая железным клювом, а посему и взвился Лебедь под небеса, возопил: «Всего полполосы моим стихам?! И не сверху “чердаком”, а внизу “подвалом”!.. под убогим рифмоплётм!» Враждебно прищурившись, Лебедь взглядом пригвоздил редактора к стене, словно удумал пустить в расход, упёрся взглядом в испуганные редакторские глаза:

– Да-а, всё ясно: глаза – тёмные, нос – шнобель, картавишь, да, слышал, и мать – Софья Лазаревна...
 Редактор стал суетливо и боязливо оправдываться:

– Мама из староверов, а у староверов сплошь ветхозаветные имена!.. У меня фамилия русская!..

– Ага, русская... – зло усмехнулся Лебедь. – В кэгэбэ прижали еврея: «Фамилия?..» – «Сахаров...» – «Точнее?..» – «Сахарович...» – «Ещё точнее?..» – «Цукерман...»

И хотя редактор любил русскую лирику Лебеда, распластались мужики в пух и прах; ну, да Лебедю привычно: накануне разлаялся с двумя именитыми поэтами – Козловским да Кобелевским, и сочинил супротив них хлётскую басню «Козел, кобель и лебедь...».

Вот и Ярослав, вроде Лебеда, собрался повинить в еврействе и приятеля Ивана, для начала обозвав шабесгоем².

– Слава, – доказывал Иван, – не вали с больной головы на здоровую. При чём здесь евреи?! Русские сами за что боролись, на то и напоролись...

– Что-о!.. значит, русские сами себе устроили геноцид?! – яростно завопил Ярослав и, может, в душе спросил: «А ты сам-то русский?..»

Но Иван тоже уродился горячим, а посему, одолев мимолётный испуг, утвердительно кивнул головой:

– Да, коль хриstopродавцы искусили безбожных, богохульных дворян, разночинцев и пролетариат...

– Ага, русские обезумели и устроили себе геноцид... – глядя прямо в Иванову душу, горько усмехнулся Ярослав.

– Нет, но ты почитай святого Иоанна Кронштадтского...

– Всё!.. – Ярослав жёстко оборвал приятеля. – И не надо мне публикации в вашем «Иркутском оборзении»... – шибко уж нервно переживая за родной народ, писатель в сердцах пожертвовал даже публикацией в альманахе, хотя уж полгода спал и видел свой очерк в альманахе. – И на твою дачу не пойду!..

Развернулся на полустанок Листвяничный, а у Ивана ум на раскоряку, как вернуть приятеля; но спохватился, вспомнил деревенское: кто много спорит, тот ничо не стоит, и пошёл на попятный; и не потому, что лишился пособия на заготовке дров, а потому, что со светлой завистью любил ясную русскую душу Ярослава.

– Может, Слава, ты и прав. Прости, брат...

Постепенно приятели остыли, потом помирились и дружно потопали в гору. В избушке подтопили печь, и коль Ярослав свою бочку по молодости выпил, а ныне сивуху на дух не переносил, то приятели заварили густой чай с мятой, чабрецом и смородишным листом. Позже подбежал дачный сосед Коля, прозванный Таёгой³, и три дровосека, впрягшись в трое саней, полезли в хребет, где Иван по обычаю загодя приглядел хорошие сушины.

¹ Стихотворение Леонида Лебедева.

² Шабесгой, шабес-гой (субботный гой), гой шель шабат – нееврей, нанятый иудеями для работы в шаббат (субботу), когда сами ортодоксальные иудеи не могут делать определённые вещи по религиозным законам.

³ Таёга – матёрый таёжник в прибайкальской тайге.

По-вешнему голубело небо, солнышко припекало, снег искрился, таял, яко воск от лица огня, пахло сопревшими, лоняшными¹ травами, оттаявшей хвоей; и в душах, даже и остарелых, усталых, играло мартовское солнышко, искрился снег, залиvisto пела весёлая птица веснянка.

Выбрали мужики листвяк, что уже скоился, готовый со дня на день рухнуть, завёл Иван бензопилу, и лишь цепь въелась в древо, как ухнула снежная кухта, и мужики оторопели, похожие на белые привидения, на снежных людей. Потом Иван кряжевал листвяк, а напарники обрубали сучки; и когда Ярослав, сучкоруб, ловко сёк топором листвяжки ветви, Иван любовался молодцеватой статью, словно и не закатный мужик подсоблял ему, а сельский паренёк в вешнем соку, в играющей силе.

И разве мог Иван вообразить, что вскоре, с оказией передав альманах, где явился на белый свет очерк Ярослава Онисимова «Черносотенцы и бесы», увидит сочинителя на смертном одре, сухого и жёлтого, в окружении родичей. Правда, Ярослав повинился:

– Уж прости, брат, нынче без меня дрова заготовливай...

– Не, паря, без тебя не обойдусь, поправляйся...

Приятель вяло улыбнулся... Навидался Иван смертей на веку, як на волоку: ушли родители, четыре единокровных брата и две сестры, бесчисленные родичи, сослуживцы, приятели – писатели и художники; доводилось и сидеть в ногах у доживающих остатние, скорбные дни; сидеть на краешке постели, сутулясь, виновато и скорбно отводя взгляд от иссохших, восковых лиц; доводилось и слышать обречённые прощальные слова, не ведая, как и откликнуться.

Приятели говорили об альманахе, где, на радость Ярослава, вышла первая часть его очерка «Черносотенцы и бесы»; а, беседуя, не поминали пустоглазую с косой, что постаивала у изголовья друга; тот ещё надеялся выкарабкаться, хотя, с отрочества храбрый, воистину воин Христов, смерти, положе, не боялся, в полную душу покаявшись в грехах.

Ярославу Онисимову на могилку водрузили скальный валун с эпитафией, загодя Ярославом сочинённой: «Под сим байкальским камнем покоится прах Ярослава Ивановича Онисимова, многогрешного раба Божия, что спасался любовью к родному русскому народу. Братья и сестры, молитесь Бога о спасении души раба Божия Ярослава».

Поминая приятеля, тихо умиравшего, Иван видел Серафиму Ивановну, запоздало возлюбленную, слышал гаснущий голос Надежды, очерк которой давно уже кис в портфеле «Иркутского обозрения»; и помнится, чудом вызвонил, бодро поздоровался и, хотя слышал, тяжело больна, всё же весело спросил:

– Жива-здорова, Надя?..

В ответ услышал:

– Умираю я, Ваня...

Как не ведал Иван, чем утешить уходящего Ярослава, так же не ведал, что сказать Наде; но сдуру, впопыхах ляпнул:

– Не спеши, поправишься – сразу позвони...

И с той поры Иван негасимо слышал голос, далёкий-далёкий, словно уже с небес: «Умираю я, Ваня...» А вскоре позвонил старенький сельский писатель, с коим в Култуке совместно запасались дровами:

– Ваня, я крепко залёг. В хосписе лежу, отсюда уже не выходят... Богу душу предаю... А думал, поживу, взял машину дров на зиму...

Но в сем случае Иван обрёл дар речи и, словно приходской поп, властно советовал исповедаться, причаститься Святых Даров, собороваться и, пав на колени, покаянно молиться, стуча лбом в половицы. Ярослав и без Ивановых наказов исповедался, причастился, потом соборовался, – легкой грешной душе взбираться по лестнице мытарств, когда налетят чернокрылые бесы, дабы унести душу в ад кромешный, где огонь неугасимый и червь неусыпный, где плач и скрежет зубовный. Но до сего Ангел-Хранитель да иные белокрылые ангелы Божии обороняли покаянную душу раба Божия Ярослава и, вероятно, оборонили, и упокоилась душа в райском блаженстве.

¹ Лоняшный – прошлогодний.

Друзья и дрова

С радостной любовью вспоминал Иван товарищей, вроде Ярослава Онисимова, что посещали лесную дачу и зимними вечерами в братчинном пиру веселили его тоскующую душу русской песней, жаркой беседой; а до застолья, абы размяться, пособляли валить, кряжевать, спускать с хребта сухостой, колоть чурки на дрова.

Однажды зимой пригласил Иван на заимку доброго приятеля Пашу Шапошникова, музыканта, стихотворца, и Паша радостно спросил:

– С гитарой или саксофоном?

– С колуном, Паша... Дрова колоть... Шучу, брат... Приезжай с гитарой, саксофон уже слушали...

Беда от саксофона... Помнится, однажды в сумерках спустили с хребта последний кряж, Пётр Алексеевич Романов, кашевар, сварил омулёвую уху; и дровосеки, отведав красного вина, закусив, слушали Пашин саксофон. А коль горница тесна и низка, а саксофонист неистов, то слушатели оглохли и дивились: чудом изба выстояла, когда звуки, истошные и пронзительные, словно дикие вопли кедровки в ночной таёжной тиши, впивались в брусовой сруб, выдавливали окошки.

– Нет, Паша, лучше гитару бери. Нынче на видео запишу, как ты играешь и поёшь... Пётр Алексеевич приедет, Таёга подбежит, сосед мой...

И в тот февральский день Иван и Пётр Алексеевич, отставной подполковник милиции, прилегли вздремнуть, ибо после сытного обеда по закону Архимеда полагается поспать, а Паша, скинув Иванову телогрейку, напевая и насвистывая, к вечеру переколол гору кручёных-верчёных, суковатых сосновых чурок.

Иван дивился, глядя, как молодежавый мужик, вроде вечный юноша, погрузив на сани два, а то и три кряжа, толкал сани по накатанной тропе и, когда сани, скользя с крутого хребта, разгонялись, падал на кряжи, летел вниз, громогласно и восторженно вопя. Но вскоре сани сбивались с тропы, врезались в сугроб, Паша нырял в снег и, утирая мокрое лицо, пуще ликовал среди сугробов, что в оттепельные дни завораживали взор, слепяще искрились под небесной синевой.

Вот так же шутя, любя, играючи Паша колот чурки, и гора поленьев росла на глазах. А уж смеркалось, и блеклое небо укрылось густой синевой, и уж Иван просом просил:

– Бросай, Паша, колун. Завтра поутру доколешь. Пошли, Пётр Алексеевич зовёт на ужин. Баранина остынет...

Но Паша, упорный и азартный мужик, угомонился лишь тогда, когда расколол последнюю чурку.

Пётр Алексеевич сгоношил ужин – чугунный котёл тушёной баранины с картошкой, и подбежал Иванов сосед Коля Таёга. Бакшеев Коля, крепкий мужик, изрядно сменил профессий на трудовом веку и перед пенсией крутил баранку в пожарной части. Выйдя на заслуженный отдых, лет десять зиму и лето обитал на лесной заимке, поскольку с городской женой, увы, жили, словно кошка с собакой, и кто прав, кто виноват, лишь Богу ведомо. Таёга, хотя и корявенькую, но своеручно срубил избу с летней мансардой, потом и баньку из осинового леса, похожую на таёжную зимовьюху; и хотя годы ползли к восьмидесяти, шустро бегал по хребту на широких охотничьих лыжах, подбитых изюбриной шкурой. Летом Таёга добывал черемшу, жимолость, чернику, бруснику, а зимой пилил дрова и вечерами вырезал из осины таёжных зверей, причудливых зверушек и пичужек, леших и кикимор, домовушек и баннушек, ёкарных бабаев и ёшкиных котов.

А познакомился Иван с Колей забавно... По натуре Таёга – мужик братчинный, а посему, махнув рукой на запущенный сад и огород, вечно шатался по заимке, пособляя друзьям заготовить дров и застольничая. А когда Иван прикупил избушку, кою потом перестроил и достроил, Таёга тут же прибежал знакомиться. Поинтересовался:

– И откуда ты родом?

– Забайкальский я, паря... Из Бурятии...

Таёга повеселел:

– Да?... И я, паря, из Бурятии. А ты из какого аймака?

– Из Еравны, село Сосново-Озёрск...

Таёга выпучил восторженные глаза, словно узрел чудо:

– Ого, за тыщу вёрст земляка встретил... Я же, паря, из соседнего села, из Романовки. Верховье Витима... Слышал?

– Кого слышал?! Сто раз гостил в Романовке у племяша... Красивое село, кругом тайга...
– Дак я, паря, с пелёнок из тайги не вылезил. Мы же, Ванюха, гураны – помесь русских с бурятами, эвенками. А те, паря, охотники фартовые...

– Романовка... Красивое село... Я-то вырос в степном селе, а Романовка таёжная... Помню, ехали на «газике», кругом степь, а к Витиму выбежали – тайга. В Романовке левый берег низкий, березнячок да осинничек, а правый становой берег высокий, и сплошной сосняк. А дома добротные, а возле домов сплошные поленницы дров...

– Да, паря, на Витиме тайга богатая, из окошка глухарей стрелял, а за околицей зверя брал. Помню, шестую зиму в школу бегал, и под весну пилили с отцом дрова, и вдруг...

Витимский таёжник поведал случай, как попутно с дровами завалили сохатого¹, и в будущем Иван услышал от Коли... Таёга же... дюжины охотничьих случаев, как зверовал в северной тайге, особо на таёжной метеостанции, где посчастливилось верно служить и азартно жить с молодой женой.

И вот, когда Паша расколол остатнюю чурку, а Пётр Алексеевич, кашевар, сварганил жаркое, да столь вкусное, за уши не оттащишь, когда подбежал Таёга, и затеялся дружеский пир с песнями до сипоты и плясками до упаду. Впрочем, Иван и Таёга не пели, ибо икун – не говорун, емануха – не певица, а плясали, лишь топя чоботами, а Пётр Алексеевич Романов старательно плясал; хотя бывший тверской тракторист, потом знатный сибирский сыщик, вышедший в отставку с погонами подполковника, страдал подагрой и по сему поводу говаривал: «Фамилия царская, болезнь дворянская, рода крестьянская».

Итак, Паша наяривал на гитаре «Подгорную», а Пётр Алексеевич, полный тёзка Петра Великого, но, в отличие от дылды царя, коренастый, круглый и шустрый, степенно плясал, но потом сморился и, выпивая, закусывая, поведал тьму историй, как брал усть-илимских² варнаков³ голыми руками.

– Помню, в Едучанке... посёлок усть-илимский... жил на поселении бывший экз. Для посёлка дрова заготавливал, а варнак варнаком, раз пять лагерные нары протирал. И помню, бахвалился, зараза: «Бывало, говорит, чёрная тоска накатит, пойдёшь, зарежешь кого-нибудь – и, вроде, легче...» Языком трепал, сука лагерная, а ведь зарезал и убежал в тайгу, где я с операми и брал зэчару...

Поведав про варнака, подполковник Пётр Алексеевич Романов, который нынче с ватажниками пилил сухостой в хребте, вдруг узрел родимое тверское село:

– Пять зим в школу отбегал, отца схоронили... пришёл с фронта раненый, контуженный... и остался я у матери за мужика. А мне всего двенадцать лет... Помню, осенние каникулы, одноручку-пилу, топор за кушак и – по дрова. Глубоко в лес не полезешь – снег выше колена, пилил с краю, где берёзы суковатые, это в густом березняке – свечки. Да и мёрзлые берёзы, пила скачет, не вгрызается. Семь потов прольёшь, пока свалишь... К вечеру гляжу: вроде на конные сани хватит, и таскаю кряжи в штабель, поближе к дороге. А уж на зимние каникулы запрягут колхозные мужики лошадёнку в сани, вот я в лес по дрова. И сам бы запряг, да мал ростом, хомут супонью не могу затянуть – надо же ногой в хомут упираться. Ну, а в лесу кряжи заваливаю в сани, затягиваю верёвкой и – в село. А боюсь, не дай бог хомут рассупонится по дороге, мне же супонь-то не затянуть. И что делать?... В деревню топтать вёрст пять, мужика звать?... Но, слава богу, мужики туго затягивали супонь, и потихоньку довозил кряжи до избы. А весь перемерзнешь, оголодаешь... И на весенние каникулы с матерью пилили кряжи, потом тюкал топором суковатые чурки, а уж поленья складывал в дровяник. Вот так и проходили мои школьные каникулы...

Пётр Алексеевич, помянув сельское детство и дрова, сел на любимого конька и подробно поведал, как его отец в тверской деревушке не дурака валял, но валенки в бане, загодя припасши овечью шерсть. Но и здесь дело не обошлось без дров...

– Отец заготавливал дрова для школы и клуба, а по вечерам валял валенки всей деревне, – коль Иван уже слышал долгую историю об отцовском ремесле, то Пётр Алексеевич заводил долгое повествование для Паши и Коли. – Он был каталем. Мастер был искусный, со всей округи приезжали за валенками. У нас овцы были «романовской» породы. В Сибири овцы длинношёрстные, поэтому на заводах, где войлочное производство, использовали шерсть не тонкорунную, а груборунную. Овец

¹ Сохатый – лось, великан среди парнокопытных. Сохатым лося назвали из-за громоздких рогов, напоминающих соху.

² Усть-Илимский район – северный район Иркутской губернии.

³ Варнак – в старину сибирский каторжанин, беглый каторжник, беглый заключённый, а позже – просто разбойник.

обычно стригли по осени, вручную. Всю шерсть, которую состригли, нужно было разбить, чтобы легче прясть. У добротных хозяев водились специальные шерстобитные станки. Шерсть начинает скручиваться, слепливаться друг с другом и превращается в единое полотно. Потом скручивались два колпака, которые походили на огромные сапоги. Дальше мать берёт два колпака, взбивает и отдаёт отцу. А он вечерами, после работы, катал валенки. Бывало, зимой придёт с работы, накормит, напоит овец, поужинает, баньку подтопит и валяет в бане валенки...

Если Ивановых приятелей-писателей до глубокой старости звали Вовка, Гошка, Трошка, то сын катал ещё ходил пешком под телегу, а уже величался Пётр Алексеевич. Бывало, ковыляет по деревне, одной рукой держится за материн подол, другой утирает мокрый нос, а мужики кланяются: «Будь здоров, Пётр Алексеич!.. Ишь, мужик уже; пора и в колхоз записывать, быкам хвосты крутить...»

А вечернее застолье, грозя перевалить за полночь, продолжалось; и, отыграв плясовую, Паша под тихий гитарный звон пел задушевные советские песни, ставшие русскими народными, а Пётр Алексеевич, Иван и Таёга, коль медведь уши оттоптал, лишь подтягивали. Для зачина и подогрева Паша лихо пропел северную охотничью:

Я открою поддувало, чтоб оно заподдувало,
Чтобы в печке затрещало листовничное смольё.
Белый снег, и нету грязи, снегоход у коновязи,
Отвечайте, я на связи! Я приехал в зимовьё¹.

Разогревшись, Паша вдруг голосисто вывел сибирскую старинушку, застольникам неведомую, и те слушали, дивились:

Пойду, выйду на высокий
Я на берег Иртыша.
Ой ты, милая сторонка,
До чего ж ты хороша!
Эх, ельничек, да и березничек!
Кедровые, пихтовые
Сибирские леса!²

Пётр Алексеевич с Иваном вышли на сон грядущий подышать лесным духом и, коль уж хмельные, кратко помолились, взирая на восток, усыпанный жаркими звёздами, благодаря Бога, что накануне исповедались, причастились святых даров в Никольской церкви, посреди села Олха.

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами Пречистой Матери, преподобных и богоносных отец наших, помилуй нас, – со вздохом перекрестился Иван перед крыльцом.

А среди высоких снежных суметов, под сияющей луной остался Паша, сколь певучий, столь и богомольный; раскрыл толстый молитвослов, где затёртые корочки уже едва сдерживали взерошенные страницы, и взмолился:

– Боже, милостив буди мне грешному...

* * *

...Явился с небес Спиридон-солнворот, и медведь в берлоге заворочался с бока на бок, а солнышко по-вешнему ласково пригрело коровье брюхо; о ту пору пожаловали на заимку заветные друзья: Пётр Алексеевич Романов, протоиерей Михаил Громов, настоятель храма, и живописец Александр Тихамиров, славленный в Иркутске и Москве. Мужики решили подсобить Ивану, спустить с хребта хоть пару сухостоин на дрова.

Ранней осенью сманил Иван друзей по рыжики в Тункинскую долину, где, запальчиво уверял, грибов, что грязи; друзья поверили, запасливо прихватили здоровенные корзины да решили, ежели чо, дак и багажник набить грибами. Ходили, ходили, полдня бродили по лесу и даже гнилого рыжика не узрели. Нашли три подосиновика – похожи на древних старух, коротающих век на завалинке. «То ли рыжики не родились, то ли грибники выпластали?...» – гадал Иван, выходя из леса на песчаный просёлок, где поджидала машина. Настороженно огляделся: думал, будут друзья с берёзовым дрыном

¹ Слова М. Тарковского.

² Автор – омская песенница Аграфена Оленичева (1911–1960). Песня «Ельничек-березничек».

гонять по тайге, но величаво сияла небесная синь, тайга светилась цветами радуги, и при эдакой осенней красе браниться – святотатство. Краса и спасла Ивана от дружеского осуждения; поклон таёжной красоте – дивному Творению Божию.

А позже на глазах друзей отец Михаил освятил загородный дом Петра Алексеевича Романова, рубленный из толстого бруса, с верхним и нижним жильём, изнутри обшитый полированной доской с пеньковой верёвкой в пазах. Рядом с эдаким хоромным домом Иванова заимская изба выглядела банькой, но в Долине нищих... так простолюдые дразнит коттеджные посёлки... среди каменных дворцов, с глухими каменными заборами дом Петра Алексеевича походил на зимовьё, воинственно чуждое дворцам.

Ну, да всяк сверчок знай свой шесток... Иван на своём веку дважды или трижды мимоходом навещал буржуйские дворцы, дивясь чудовищной роскоши и мужиками да бабами, похожими на манекены, что красуются в витринах богатых лавок. Пластмассовые манекены... вроде нежить и нерусь... говорили на пластмассовом наречии, глядели погашенными фарами на Ивана, голодранца, нищebroда.

На освящении Романовского жилища, как и на церковных службах, Иван, окутанный грехами, страшился глянуть на батюшку и, пряча глаза, под звон кадила однообразно шептал:

– Боже, милостив, буди мне грешному...

Батюшка щедро кропил святой водой золотистые венцы, а заодно и друзей, обмерших со свечами, где трепетали нежные огоньки; при сём батюшка, в дикие девяностые окормлявший русских воинов на Кавказе, лихо приговаривал:

– Кропило пристрелянное, бьёт без промаха...

Потом – кажение, и звон кадила, величавый в храме, звучал тревожно в тесной горнице, где намедни пустословил, суесловил болтливый телевизор. Читая молитвы, батюшка вручал кадило Тихамирову, словно алтарнику, и живописец, рослый, вальжанный, с окладистой русой бородой, в кожаных штанах и красных сафьяновых сапожках, был столь впечатляющ с кадилом, что батюшка повеличал его монументом, а Иван в дружеском застолье, усаживаясь на диван, весело попросил:

– Статуй, подвинься, я присяду.

Ваня и Саня, дружные смолоду, дружно страдали пристрастием к огненному питию, но если Иван, отроду равнодушный к изысканным блюдам, чтит лишь горячую картошку в мундире, то Александр, гурман, ещё и чревоугодием грешил.

После освящения гнезда приятели, Богу помолясь, земно поклонясь, сели за круглый стол и, выпив по чаре холодной водочки, закусив копчёным омульком, взялись за жареного сига. Иван по вдохновению разглагольствовал о русских избяных обычаях, о чудной и чюдной Романовской печи, что не жрала столь дров, как Иванова, а избу грела усердно. И вдруг Иван осёкся, споткнулся на полуслове, узрев, что Тихамиров, дружище, опустошив свою чашку, выуживает рыбу из Ивановой. А в разгар застолья художник, откинувшись на спинку стула, вдруг задремал, огласив горницу богатырским храпом; и батюшка пихнул приятеля локтём:

– Саня, не храпи...

Подобное случилось однажды и в больнице, куда уехали Петра Алексеевича; не успел тот насладиться уколами, как нагрянули друзья: отец Михаил Громов, Иван Краснобаев и Александр Тихамиров. На лестничном пролёте между этажами сели на лавочку и поджидали хворого, а, когда тот спустился в пролёт, Александру пришлось встать, чтобы хворый присел на лавочку, коя больше трёх стройных не вмещала. На широченном, низком подоконнике раскинули скатерть-самобранку, где среди изысканных закусок красовалась и четвертинка... в народе – четушка... армянского коньяка в плоской фляжке. А за окном золотисто сияли октябрьские берёзы, рдели гроздья рябины среди багровой листвы. Любуясь, друзья, что греха таить, выпили, закусили и повели степенную беседу, блуждая в философских дебрях; и вдруг послышался храп, и батюшка привычно пихнул художника:

– Саня, не храпи...

А Иван восхищённо подивился:

– Знаю, лошади стоя спят, но чтобы художники... А чем ты, Саня, ночью занимался?

– Вот ты, Ваня, всякую чепуху молотишь, да ещё, поди, воображаешь, а я всю ночь работал...

– Ну, прости, брат, коли обидел...

О ту пору Иван с отцом Михаилом издавали православный альманах «Иркутский вестник»; батюшка духовно окормлял, а Иван составлял альманах; и однажды надумал украсить очередную книжку живописью Тихамирова, а коль тот, бродячий художник, покинув Сибирь, обитал в белокаменной, то Иван и позвонил в столицу:

– Саня, здорово! Как поживаешь, дружище?

Ответ Иван не разобрал и продолжил:

– Саня, ты должен месяц угощать меня в кабаке...

Из маловнятного бормотания Иван уразумел лишь угрозу: с вина сторишь, как со стыда, а потом вопрос:

– И с какого бока-припёка я должен поить тебя, Ваня?

– А с такого бока-припёка, что в очередной номер альманаха ставим репродукции твоих картин.

И мой очерк о твоей живописи...

Приятель вновь забормотал, словно глухарь на токовище, и смеха ради Иван спросил:

– Саня, ты когда к логопеду пойдёшь?.. Чо говоришь, ничо не пойму, у тя же слова в носу застревают...

Художник заговорил внятнее... очевидно, прямо в телефон... и сообщил, что готовит живописную выставку в Москве...

– Ого, здорово! Поздравляю, дружище! А я чуть раньше в столицу прилечу и с неделю погощу. И, бог даст, подбегу на выставку. Но ежели на открытие опоздаю, то хотя бы на банкет...

– Какой банкет?! Чудом картины оформил...

Тихамиров опять ворчливо бубнил; из ворчания Иван с трудом смекнул, что художник на мели, хотя тот вечно сидел на мели, путешествуя по российскому белу свету, живописуя скалы Байкала, волны Охотского моря, камчатских рыбаков и оленеводов Чукотки.

– Ладно, обойдёмся... Я же говорил, что в альманахе с репродукциями поставим и мой очерк о твоей живописи. Думаю над заголовком... Решил такой заголовок поставить: «Гений Александр Тихамиров».

В трубке задумчивое сопение художника, потом вопрошающий голос:

– А может, нескромно? Или сойдёт?.. Ну, короче, ближе к ночи, сам решай, я тебе доверяю.

– Ладно, тогда оставим заголовок: «Гений Александр Тихамиров»...

После разговора Иван, помяная заголовок про гения, хохотал до слёз; вот ведь хохмы ради ввернул «гения», а Саня согласился. Хотя, может, живописец и заслужил эдакое величание, о чём Иван Краснобаев и поведал в очерке:

«Александр Тихамиров – чадо исподвольно талантливое, но растерянного поколения, а в младые лета – кумир творческой богемы; но, ведомый умыслом иль промыслом, распираемый живописной силой, потаённо и азартно трудолюбивый, неколебимо верящий в свою художническую звезду, не утопил талант в богемных шабашах, не сгинул в пучине модернизма, но, пройдя огни, воды и медные трубы, возродился к российскому имперскому искусству. А яростное блуждание в западном модерне, как ни странно, лишь обогатило и без того необозримо щедрую, порой и вселенски холодноватую, неотмирную, но и яростно земную тихамировскую живопись. Живопись Александра Тихамирова в иных произведениях – имперская евразийская симфония, где слились мелодии сибирских народов, в других полотнах – музыка нечеловеческая, музыка Вселенская.

Намедни увидел в храме иконописный триптих живописца «Иркутские святители», а в зале приходской воскресной школы – и живописные произведения из серии о гражданской войне; и не мне судить, сколь иконно духовны парсуны святителей иркутских, сколь верны характером атаман Семёнов и барон Унгерн, но ошеломила живописная мощь картин...»

* * *

Коль сочинитель сего повествования поведал о легендарном сыщике Петре Алексеевиче и славном живописце Тихамирове, то приспел час молвить словечушко и про достопочтенного отца Михаила Громова, чьи бесчисленные деяния во славу Божию, во благо православных христиан посильны лишь перу матёрого романиста, а мне до романистов, что до небес. Напомню реченное выше: у сего

батюшки, подобно прочим героям повествования, есть прототип, и сочинитель не озвучил земное имя пресвитера¹, дабы не уничтожить высокий образ Христова воителя.

Иван Краснобаев и отец Михаил Громов – земляки, уроженцы забайкальских русско-бурятских селений; а сдружил их Харлампиевский храм, что благодаря батюшке и тогдашнему губернатору возродился из мерзости запустения. В черновых заметках для грядущей повести Иван поминал юные лета, когда, окончив сельскую школу, дерзнул поступать на исторический факультет Иркутского госуниверситета: «Поселили меня в Харлампиевском храме, который безбожники обратили в студенческую общагу, сбив кресты, своротив купола, из высоких икон сколотив двери; здесь и началась моя иркутская судьба; здесь... слава Богу, ожил из руин двухвековой морской храм... здесь, дай Боже, после исповеди, соборования, причастия святых даров... отпоёт меня батюшка; здесь помолятся за мою блудную душу добрые прихожане, братья и сестры во Христе...»

Иван, сдавший три экзамена на отлично, с треском завалил сочинение, ибо в слове «ещё» мог изловчиться и совершить четыре ошибки; после сего кануло полвека, суетных, хмельных и грешных, и, уставший, опустошённый, Иван вновь очутился в морском храме, что... поклон губернатору и отцу Михаилу... величавым ковчегом выплыл из руин и ныне белоснежно светится в небесной синеве. Здесь, будучи даже не добрым прихожанином, а захудалым захожанином, Иван и сдружился с отцом Михаилом.

За спиной батюшки, подобная ратной, служба в забайкальских приходах, душеспасительное окормление русских воинов в боях на Кавказе, возрождение храмов, а для путешествующих по железной дороге возведение Никольской церкви в старинном казачьем Верхнеудинске, ныне Улан-Удэ. А уж Харлампиевский храм власть земная и власть небесная удумала сносить, ибо старчески одряхлел, и сквозь трещину в стене тогдашний владыка вольно входил в нижний придел. Словом, решили сокрушить: мол, дешевле обойдётся новодельный, но некий славный пресвитер убедил владыку: памятник старинного русского зодчества посильно спасти, и, благословясь, начал уборку храма, обращённого в свалку. А вскоре в согласии с повелением губернатора владыка благословил отца Михаила, и долгими, тяжкими трудами, заботами, хлопотами древний храм обрёл белоснежное величие. И ныне отец Михаил, настоятель сего дивного храма, с амвона творит боговдохновенные проповеди, похожие на покаянные исповеди; и ныне в певучем мерцании горящих свеч из ярого воска, в свете лампад ожили образа Царя Небесного, Царицы Небесной, преподобных и богоносных отец наших и всех святых.

Вот батюшка после обедни шествует по храму и ласково, с христорадной любовью благословляет мирян; а Иван, глядя на отца Михаила, слышит голос Вседержителя: «Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи...» У батюшки чресла препоясаны широким кожаным ремнём, яко у Предтечи, а походка борцовская, раскачистая, руки разведены, словно готовы для схватки, глаза горящи, – воистину, воин Христов, у коего небесный покровитель сам Архангел Михаил, атаман небесного воинства, в схватке оборовший сатану. И походка у батюшки медвежалая не случайна – по-молодости в классической русской борьбе изрядно соперников уложил на лопатки и, по слухам, вышел в мастера спорта, а потом освоил и русский рукопашный бой. Батюшка – смиренномудрый, но, ежели прилюдно охаешь Бога, упредит в сердцах: «Дам по рогам, олень!..» – и ежели поганую пасть не закроешь, то и заушит, словно Чудотворец Николай еретика Ария на Вселенском Соборе в Никее².

Иван вспомнил: на Крещение Господне после праздничной обедни художник Тихамиров, подполковник Романов, батюшка и он прибежали на крещенскую иордань, что православные мужи вырубили в заливе Иркутского моря. Надо трижды окунуться, смыть святочные грехи, но Иван оробел – мороз за тридцать; а батюшка поплавал в иордани, поплескался, яко селезень, и вдохновенно кличет Ивана: мол, ты же, Иван Петрович, в блудных грехах, как в шелках, – ныряй, все грехи смоешь, ибо вода святая; а если окочуришься в иордани – душа прямым ходом в рай... «Спасибо, батюшка, за щедрость...» – улыбнулся Иван и, положась на милостивую волю Божию, разгребая ледяную шугу, погрузился в крещенское море.

¹ Пресвитер – древнейшее каноническое, основанное на правилах апостолов, вселенских и поместных соборов, название второй степени священства в христианстве.

² По преданию, на I Вселенском Соборе Николай, боговдохновлённый ревностью о Господе, не стерпев арианского богохульства, ударил еретика по щеке (заушил). Собор почёл дерзким сие заушение, и Николая, лишив архиерейского сана, заключили в узилище.

* * *

Но вернёмся в день Спиридона-солноворота, когда нагрянули на Иванову заимку Пётр Алексеевич Романов, протоиерей Михаил Громов, живописец Александр Тихамиров. Коль мужики сулились, грозились спустить с хребта пару-тройку сухостоин на дрова, то Иван выдал батракам хваткие, мягкие верхонки, бриткий топор, моторную пилу, пару саней, и друзья тронулись в заснеженный лес.

У вершины хребта, фартовые, надыбали засыхающую лиственницу, кроной гаснущую в небе, и батюшка лихо, словно полжизни пахал на лесоповале, завалил лесину, да прицельно, дабы не зависла на соседней сосне.

В сучкорубах ходил Иван, ибо Петра Алексеевича послали кашеварить, а Тихамиров, живописец, снимал лесоповал на кинокамеру. Вот сучки срублены, лесина раскряжёвана; Иван с батюшкой стали разворачивать толстый кряж комлем вниз, чтобы погрузить на сани и спустить с горы, но кряж даже не шелохнулся, поскольку надо толкать враз, а у дровосеков кто в лес, кто по дрова. Но с надсадой всё же закатали кряж на сани, и Тихамиров запечатлел кинокамерой дивную картину: батюшка в чёрном подряснике и серой куртке из шинельного сукна, в чёрной скуфье на голове, впрягшись в сани, волочит комлистый кряж. Иван похвалил батюшку:

– Про эдаких, как вы, батюшка, мама моя, Царство Небесное, говаривала: добрый – под комель встаёт, не под вершину, когда мужики лесину на плечах тащат...

Прытко забегая вперёд, поведаем, чем нынешний дровосек обернулся для Ивана... Помнится, Рождество Христово в ночном храме, потом – святочная трапеза, а перед рассветом Иван вызвал извозчика и, ожидая, гулял по церковной ограде, выискивая в сияющем звёздном рое Вифлеемскую звезду, что привела волхвов к пещере, где родился Христос. И сладостно зрелось, певуче слышалось: в полночь по всей Руси Великой величаво и радостно звонят колокола, и плещется рождественский звон над заснеженными лесами и полями, над полуночными сёлами и городами, и крещёные единым гласом ликующе воспевают божественную стихиру преподобного Романа Сладкопевца: «Дева днесь Пресущественнаго рождает, и земля вертеп Неприступному приносит; Ангелы с пастырьми славословят, волсви же со звездою путешествуют; нас бо ради родися Отроча младо, превечный Бог».

Иван замер пред малиново подсвеченным вертепом, вырубленным из снега, озирая пещеру для скота, где в яслях, набитых сеном, возлежал Отроче млада, и умилённо глядели на Чадо Матерь Божия, святой Иосиф-обручник и даже овечки с бурой коровушкой. Подумалось: «Ишь, и в постоялом дворе не нашлось угла святому семейству, пришлось в пещере для овец и коров ночь коротать. Зябко, поди, семейству, а ежли бы дрова, да Иосифу развести бы малый костришко, всё бы теплее... Хотя какие дрова в Вифлееме Иудейском...»

Вскоре отозвался извозчик, и, когда Иван шёл по церковной ограде, увидел матушку, богоданную отца Михаила, что, подобно батюшке, уродилась в забайкальской староверческой семье и жила в суровом благочестии. Матушка, стоящая на крыльце воскресной школы, обратилась к Ивану:

– Иван Петрович, если с батюшкой что случится, вы будете моих детей содержать. Как вы могли запрячь в сани батюшку, у которого был инфаркт?!

Иван смекнул: забавную картину – батюшка с надсадой волочит толстый кряж, – отснятую Тихамировым на кинокамеру, увидело многочисленное семейство отца Михаила: матушка и пятеро ребятишек, из коих о ту пору лишь два старших брата бегали в школу.

– Матушка, простите, я же не знал, – испуганно оправдывался захожанин.

– Толстомясого гения не могли запрячь?!

Иван доспел: о Тихамирове речь, и хотел ответить матушке: где видано и слыхано, чтобы гениальных живописцев запрягали в сани?! но воздержался от эдакого высказывания и вновь извинился.

После сего Иван, помнится, угощался в церковной трапезной и пригласил батюшку на заимку: мол, в баньке попаримся, потолкуем в застолье; а матушка, что подавала печёную рыбу и слышала, тут же, не глядя на Ивана, спросила батюшку:

– Что, у Краснобаева дрова кончились?..

С той поры Иван, бывало, говорит с батюшкой об альманахе, что совместно доводили до ума, и, если рядом окажется матушка, тут же оповестит отца Михаила:

– Батюшко, а у меня дрова кончаются...

Матушка властно поведёт строгим оком, сурово подождёт губы, но словом не удостоит.

Но то случилось потом, ныне же – дровосек, и батюшка спустил с хребта последний кряж. А уж солнце склонилось к закату, словно отяжелевшая глава к подушке, и батюшка велел: «Баста, пора в баньку...» Иван жарко, не жалея листвяжьих и берёзовых дров, протопил баню, а возле крыльца пихлóm и лопатой нагрёб снежную сопку; и если Пётр Алексеевич с Иваном грелись на полкè, легонько обхлестываясь берёзовым и пихтовым веничком, да в снег сломя голову не кидались, то батюшка и Тихамиров парились до упада и, багровые, с казачьим гиканьем летели из предбанника в снежный сугроб, где долго купались, радостно вопя. А когда, напарившись, в предбаннике пили чай с чабрецом и шаманской травой саган-дали, Тихамиров вдруг отлучился из бани и коль долго не возвращался, Иван заперевживал... мало ли что, на дворе под сорок... и, накинув шубу, сунув ноги в катанки, пошёл искать живописца. Узрел диво дивное: постаивает Тихамиров среди снежных сугробов за баней, дебелий и белый в лунном свете, да, похохатывая, почёсывая обильное брюхо, треплется по телефону. Похоже, с милой сударушкой, коль мороз не в мороз...

По случаю филипповского поста Пётр Алексеевич Романов сварил чугунный казан омулёвой царской ухи... Помолвились с чувством, толком, а то Иван, забывчивый, рассеянный, суетливый, ежели забудет прочитать Иисусову молитву перед ествой, то читает после и благословляет еду и питье, крестя брюхо. А с батюшкой не забудешь...

В предчувствии лютых морозов, на ночь глядя Иван подтопил печь; и в сухом, избяном тепле поначалу ладóm текла застольная беседа, а затем под завывание ветра за оконным куржаком батюшка пел «чёрного ворона», да не ходового, а вроде былинной старины.

... Чёрный ворон, друг ты мой залётный,
 Где летал так далеко?
 Где летал так далеко?
 Ты принёс мне, а ты, чёрный ворон,
 Руку белую с кольцом.
 Руку белую с кольцом...
 Вышла, вышла, а я на крылечко,
 Пошатнулася слегка.
 Пошатнулася слегка...
 По колечку друга я узнала,
 Чья у ворона рука.
 Эт рука, рука мойво милова,
 Знать, убит он на войне,
 Знать, убит он на войне...
 Он убитый ляжить незарытый
 В чужедальной стороне...¹

Глаза застольников влажно мерцали в тихом свете настольной лампы, и даже Пётр Алексеевич прослезился, хотя, будучи пожизненным сыщиком, нагляделся на смерти и, бывало, уже смотрел без содрогания, без сосущего холода в паху, без волнения в душе.

А Иван слушал, чуял: мороз по сердцу пошёл; и приблизился ему байкальский старожил, певший древние песни, да столь могуче, что чудилось: сосны звенят, на священном Байкале волны вздымаются, прибрежные скалы трещат. И голосил сей певень забайкальского казачьего *ворона*: «Ты вещун, да птица-ворон, да чо кружишьси надо мной. Полетай, вещун да ворон, ты к себе лучче домой...» Певень потом сокрушался в беседе с Иваном: «Счас редко кто старинны мотивы поёт, всё больше дрыгалки-прыгалки, что в радиве, что в телевизоре... Да ишо и похабщина сплошь, а ранешни старики баяли: “Оборони меня Бог от грозы и молнии, от плохого глаза и уроченья, от зверя дикого и языка поганого”».

* * *

Иван, глядя на батюшку, поминал давнишнее путешествие по Забайкалью, воплощённое в его беглых путевых записках: «...В бурятском стольном граде гостили у коммерсанта в дачных хоробах, и, когда хозяин отлучился, его старенький батя, бывший советский начальник, собрав нас за круглым столом, стал знакомиться.

¹ Былинная песня донских казаков.

– Писатель Иван Краснобаев...

Бывший глянул на меня, мелкого, невзрачного мужика, как на круглого дурака, но я привык; мне родной зять говорил: “Ты, Ваня, не писатель, ты, Ваня, нарезчик – дуру нарезаешь...”

– Подполковник полиции Пётр Алексеевич Романов...

– Да... – Бывший даже приподнялся и с почтительным поклоном пожал руку знатному сыщику. – Ваша работа нынче особо нужна и важна – распоясался народ...

– Художник Александр Тихамиров...

– О, доброе дело... Нам бы вот, товарищ художник, беседку покрасить, да покрасивше бы...

– Отец Михаил Громов, священник...

– Да-а-а, видно, нету никакой специальности, – вздохнул Бывший».

Из степной столицы махнули, укатили за сотни вёрст в село Тамир; и когда проезжали притрактовые селения, Иван высматривал в деревенских усадьбах поленницы дров, тоскливо провожал взглядом заколоченные избы, пустые дворы, а когда подвернули к сельповской лавке, с горечью глядел, как пожилая баба колола дрова, мочая колуном чурку, и едкие слёзы орошали глаза. Поминались горькие присказки: охонюшки, тяжело жить без Афонюшки; ох-хо-хо, здоровье плохó, дров ни полена, жена заколела.

А Тамир – древлематёрое, русское село, чудом выплывшее из восемнадцатого века... Улицы – сплошь дородные бревенчатые избы, с рублеными фронтонами – явный признак старинного избяного зодчества. И может, потому что деревня вытянулась вдоль широкой, насквозь продуваемой долины, усадеб едва коснулась гниль. Да и, слава богу, хозяева обихаживали дедовские избы, отчего те и не ветшали, не вращали в землю-матушку; и, в отличие от других сёл и деревень, немного высмотрел я в Тамире брошенных усадеб, как мало узрел и нынешнего убогого новостроя; из поколения в поколение жили и живут многие тамирцы в могучих хороминах, рубленных дедами и прадедами. И потешила мою деревенскую душу милая картина: над бревенчатыми заборами виделись высокие поленницы дров, хотя и вылинявших на долгом солнце.

Мы гостили у здешнего церковного старосты, в усадьбе которого поленницы переросли бревенчатый забор, и дровяник битком, а рядом корявые сосновые чурки с манящим колуном. Мы, гости, по очереди долбили суковатый чурбан, но пришёл староста, усмехнулся, перевернул чурку и, поплевав на мозолистые ладони, взял колун, и вскоре чурка развалилась надвое, а потом и на поленья.

А вечером в разгар братской трапезы я, многогрешный рабчишка Божий, заживо сгорающий в похотях, забыв о смирении, послушании, почитании священнического сана, вступил с батюшкой в перебранку, защищая крестьян, кои, увы, пока ещё бредут мимо сельских церквей: иные ещё не одолели материализм, атеизм, что вбивали в их разум с отрочества, иные от лености души, иные от беспробудного пьянства. Справедливо укорял батюшка хмельных, лодырей и безбожных селян, а я оправдывал: бывший сельский житель, я жалел несчастных крестьян, которых испокон русского веку ломали через колено – крепостное право, коллективизация и раскулачивание крепких хозяев, а, когда крестьяне привыкли к совхозам и колхозам, обретя в них былую общину, когда расцвело село, власть жестоко порушила коллективные хозяйства, кинув крестьян на произвол безжалостной судьбы; и уйма крестьянских малосемейных дворов, отвыкших выживать единолично, погрузилась в беспросветную нищету и пьяную тоску. Одыбает ли село, вернётся ли в храмы, Бог весть... Блаженны нищие духом, а посему живёт надежда: сельские души, если и пустые, то чистые, не испитые демонскими письменами мудрости мира сего, как у грамотеев, когда уже нет вольного поля для Божиих глаголов...

А трапеза на лесной заимке устало завершалась; изрядно говорено и не о суетных, утробных пустяках, но аж сразу о даровании православным благочестия, смирения и спасения, для чего и помняли стих дивного стихотворца Алексея Хомякова:

Подвиг есть и в сраженье,
Подвиг есть и в борьбе;
Высший подвиг в терпенье,
Любви и мольбе¹.

2014, 2015, 2022 годы

¹ А. Хомяков. «Подвиг».

Проза

Валерий Старжинский

Валерий Павлович Старжинский – родился в 1950 году. Окончил с отличием физико-математический факультет Минского педагогического института им. А. М. Горького. Работает в должности профессора кафедры философских учений Белорусского национального технического университета. Является одним из разработчиков концепции проектирования Парка высоких технологий Республики Беларусь, автором четырёх патентов на изобретения, двух стартапов. Работает на стыке научной и художественной культур. На протяжении десяти лет им разрабатывались сценарии серии телепередач на ОНТ, в ток-шоу «Выбор» и на СТБ в ток-шоу «Такова судьба» по проблемам противодействия антикультуре и духовной деградации молодёжи. Печатался в журналах: «Берега», «Польмя», «Белорусская думка», «Наука и инновации», «Адукацыя і выхаванне», периодических

изданиях: «Беларусь сегодня», «Республика», «Настаўніцкая газета», «Семь дней» и др. Член редакционного совета журнала «Берега». Опубликовано 17 монографий и учебных пособий, свыше 600 публикаций, из них три повести, несколько рассказов, эссе, рецензий и метарецензий. В целом более 30 произведений на художественно-публицистическую тематику.

ВОЙНА И ЖИЗНЬ

Повесть

Завершение. Начало в № 3-2024

Партизаны. Первая встреча

Когда немцы впервые появились в деревне, то они сразу всех собрали на площади и сделали с помощью переводчика ряд объявлений. Прежде всего объявили об установлении новой власти – власти Германского рейха. Потребовали в обязательном порядке сообщать в немецкую комендатуру обо всём, что противоречит интересам германской власти, сообщать о местонахождении комиссаров и евреев. За невыполнение этих требований – расстрел на месте. Потребовали сообщать о местонахождении русских солдат, бежавших из плена. Они понимали, что эти пленные образуют партизанщину и будут воевать с немецкой армией. Предлагали записываться в ряды немецкой полиции для борьбы с жидо-большевистской властью. За службу в немецкой полиции обещали выплачивать хорошие деньги. За любую информацию о местонахождении пленных также обещалось денежное вознаграждение. Самим вступать в схватку с пленными не следует. Это сделает доблестная немецкая армия. Полиция будет находиться в посёлке Ленин. Кто желает вступить в полицию на службу, следует прийти в немецкую управу. Настоящим патриотам немецкого рейха будет выдано оружие для борьбы с партизанами и врагами немецкой власти.

Часть людей стали на путь предательства Родины и пошли служить в полицию, некоторых заставили родственники. Были случаи, когда одумавшиеся полицейские пытались сдать назад оружие и надеялись занять нейтральную позицию. Однако немцы с такими были беспощадны – расстреливали либо вешали для устрашения других. Никто из мужчин призывного возраста отсидеться за печкой не мог и должен был сделать выбор – борьба с немецко-фашистскими оккупантами или предательство и сотрудничество с врагом. Зарождалось партизанское движение, подавляющая часть белорусского народа встали на борьбу с врагом.

Помню первую встречу с партизанами. Я пасла деревенских коров, как на опушке леса стала свистеть перепёлка. Смотрю, а среди деревьев стоит бородастый человек и призывно машет мне рукой. Я подошла с опаской к незнакомцу и стала на опушке.

– Девочка, я тебя знаю. Ты – дочка Гришки с Тимошевич. Не бойся нас, мы партизаны. В деревне немцы есть?

– Нету. Уехали в Ленин.

– У тебя есть хлеб?

– Нате. – Я протянула полотняную торбочку. Там была краюха хлеба и четыре варёных картошки.

Он всё разделил пополам и вернул торбочку.

– Только о нашей встрече никому. Поняла?

– Да. Не маленькая.

Потом ещё подходили партизаны. Просили у моего деда, которого тоже хорошо знали, взять немного соли и луковиц. Дед всё передавал. Однако торбу с провизией таскал сам на пастбище и прятал в дупло дерева. Но это продолжалось недолго – всего несколько раз. Я слышала, что партизаны обустроили далеко в болоте лагерь, где зимовали в землянках и совершали боевые нападения на немецкий гарнизон, что находился в Ленине.

Кто придумал войну и убийство людей

Когда у людей было мало живности, то каждый сам пас свой скот. Как правило, пасли живёлину дети-подростки. У нас было пять овец, и я была пастухом бессменным. Настоящим помощником мне была сучка Филя, очень смышлёная и преданная. Вначале надо было объяснять и показывать на овцу – нарушительницу. Потом Филя освоила службу и сама поддерживала порядок. Мне стало намного легче справляться с обязанностями пастуха.

Дело было во время войны. Самое начало. Партизан практически не было, и немцы ходили по нашей земле без опаски. Чувствовали себя хозяевами. Шли с Полустевич, полициянты и немецкие солдаты. Было их человек пять или шесть. Филя службу несла исправно. Увидела, что приближаются к нам мужики и стала лаять на них. Они шли по шляху (проторенной дороге) в метрах пятнадцати от нас. Группа была смешанная – примерно половина солдат вермахта и половина наших предателей-полициянтов в чёрных куртках с повязкой на рукаве. Все они идут с оружием. Чем ближе подходят оккупанты, тем яростнее брешет сучка на них, а потом отбежала от меня и приблизилась к отряду. И тут один из полициянтов достаёт пистолет и стреляет в собаку. Это облаивание собачье он воспринял как оскорбление новой власти и решил навести орднунг (порядок). В собаку он попал, но не убил, а только ранил. Собака бросилась ко мне в ноги, ища защиту. Другой полицай ему кричит:

– Не стреляй. Девочку покалечишь. Плюнь, сама сдохнет.

Он имел в виду Филю. Все остановились и стали смотреть, что будет дальше. Немцы тоже загергетали на своём языке. Стрелок вдруг говорит:

– Оттолкни свою собаку, а то тебе в ногу попаду.

А собака лежала и зализывала рану на лапе.

– Не стреляйте, дяденька, она такая умная, мне овец помогает пасти.

А в это время полицай сделал второй выстрел по неподвижной собаке и попал в голову. На мгновение собака взвизгнула и замолчала. Немцы опять загергетали.

– Гут шиссен (хорошо стреляешь). – Полицай с довольной улыбкой повернулся и направился к дружкам-бандитам. И вдруг они громко заржали. Собака ожила и подняла голову.

И тогда разъярённый полицай выстрелил ещё два раза. И побежал догонять свору нелюдей. Горю моему не было предела. Но, к счастью, собака подавала признаки жизни. Я взяла Филю на руки и понесла домой. Однако чуда не случилось. Через день собака померла. Мы с дедом её похоронили в конце огорода на узмежке.

– Дедуля. Ну почему они такие злые? Зачем они убили Филю?

– Лида, немцы пришли на нашу землю, чтоб сделать нас рабами. Филя не хотела им подчиняться. Ты её хозяйка и друг. И она тебя не предала, а защищала. Поэтому фашисты её убили. Подрастёшь и поймёшь, почему люди убивают не только животных, но и людей.

С тех пор прошло более восьмидесяти лет, но я так и не могу понять, кто придумал войну, чтобы убивать людей.

Роковой случай

Прежде чем рассказать о нашем сотрудничестве с партизанами и бесчинствах фашистов, следует описать событие, которое оказалось роковым для нашей семьи. Так, зимой 1942 года, перед Колядами (Рождеством) заболел мой тато. Он сильно простудился, у него был жар и сильный кашель. Но работа в селе не может ждать – лошадь, коровки, овцы должны быть накормлены. И тогда моя мама попросила своего брата Михаила помочь привезти сено из Гричинского покоса, который был расположен среди болот. Сено находилось там в стогах, и вывезти его можно было только зимой, когда болото замёрзнет. Брат Михаил сам был по уши занят своей работой и отправил своего сына Ладуся.

Дорога в Гричин была вся в яругах, с ухабами и замёрзшими лужами воды. Не доехали буквально несколько метров до седибы, как с большими санями сена случилась беда. На очередном ухабе сани перевернулись, и под санями оказалась мама, которая всю дорогу шла сбоку, подстраховывая сани от опрокидывания. С другой стороны плечом страховал сено Ладусь, который скоренько вытащил её из-под саней, однако мама пожаловалась на сильную боль в ноге. Оказался перелом. И вот эта травма сыграла роковую роль в нашей судьбе. Прежде всего нашей мамы и сестры Анны, а также меня, Павлика, нашего папы и всех наших родственников. Последующие события до сих пор перед моими глазами...

Тато обратился к партизанам за медицинской помощью, отряд которых располагался в Тимошевичах. К сожалению, у партизан доктора не оказалось, был только один человек из партизан, изучавший ветеринарию. Он осмотрел мамину ногу и заключил:

– Нужно срочно ехать в больницу. Ничем не помогу.

Отец повёз маму в Ленино. По дороге видит, как наперерез ему бежит знакомый житель.

– Стой! Если ты поедешь туда, то немцы тебя с женой расстреляют. Они начали карательную операцию против партизан и всех подозрительных убивают.

В Ленино находился небольшой немецкий гарнизон и местная полиция. Основные немецкие войска были в Микашевичах. И в это время партизаны начали активные действия, стали уничтожать линии связи и перекрывать пути передвижения врага. Вся дорога от Ленино до Тимошевич была завалена деревьями, которые спилили партизаны, преграждая путь немцам. Вот так война лишила маму срочной врачебной помощи. Она оказалась дома с поломанной ногой, была дикая боль, нога посинела и распухла. Всю работу по дому взяла на себя сестра Анна, ей было тогда 17 лет. При этом уже существовала договорённость с командиром отряда партизан, что Анна будет служить поваром в партизанском отряде. И опять пошёл отец в партизанский отряд просить уже за Анну:

– Прошу повременить с дочерью до весны, пока заживёт нога у жены. Да и хозяйство большое. Самому не справиться. А ещё на руках двое детей – одиннадцати и пяти лет.

Согласие было получено.

Помощь партизанам

Поздней осенью, когда земля подмёрзла и болота стали проходимыми, группа партизан вышла на боевое задание в Ленино. В результате были ликвидированы партизанами три немецких полицая – предатели из жителей окрестных деревень. Я помню фамилии этих нелюдей, но из-за давности лет фамилии могут быть неточными... Не дай бог оклеветать невинного человека. Среди предателей были полицай из Полостевич и из Тимошевич.

После этой операции немцы и особенно полицай перестали себя чувствовать полновластными хозяевами нашей земли и ходили оглядываясь. Партизанская деятельность усилилась. Так, в один из осенних дней к нам пришёл мужчина из села, доверенный партизан, который заявил, что им нужна помощь с продуктами.

У нас в то время в хозяйстве был полугодовалый бычок. Отец запряг бычка верёвкой, но тот, не привыкший ходить под примусом, всячески упирался. Тогда отец дал в руки мне большой дубец (хворостину):

– Погоняй.

И мы повели бычка на другой конец деревни огородами, чтобы видело меньше людей. Это было в сентябре 1942 года. Через некоторое время партизанам вновь понадобилась помощь провиантом. Но теперь отец сам заколол подвинка, погрузил на воз и отвёз в назначенное место. Вот такая была

наша помощь партизанам, помогали чем могли, и не только продуктами. Перед войной мама с отцом решили продать корову и купить швейную машинку «Зингер». Машинку швейную, которая до сих пор хранится в нашем отчем доме, купили у портного, который шил сапоги. Мама на этой машинкешила своим домочадцам из полотна рубашки, нижнее бельё, наволочки на подушки.

Однажды вечером постучали в окно. Папа:

– Кто там?

– Свои.

Зашли трое партизан, мама поставила на стол ужин и собрала с собой сало и хлеб. Попросили сшить комплект нижнего белья из льняного полотна для их командира. Мама:

– Через дня три, не раньше.

Договорились, что этот комплект нужно принести к конкретному дереву в определённое время. Через три дня мама меня отправила к этому дубу и дала с собой также хлеб для партизан. Там я положила всё под дерево, прикрыла ветками и пошла домой. Пройдя немного, оглянувшись, от дубка уходил мужчина в сторону болота.

Вспоминается и такой эпизод. Через некоторое время, уже зимой, зашли к нам два партизана. Один из них был портным.

– Нам нужно сшить для партизан из полотна белые маскировочные накидки для выполнения задания.

Дом у нас был маленький, и расположиться для кройки полотна было негде. Решили перенести швейную мастерскую на другой конец деревни, в большую хату в сторону Хворостово. Хозяина хаты звали Стражевич Иван (по-уличному «Крупник»), хозяйку – Анна. Было у них два сына, одного из них звали Адам. Покроили полотно, разместили швейную машинку и начали шить маскхалаты для партизан. Поскольку ниток для шитья не было, то мама срочно пряла лён на нитки, а я относила их на другой конец деревни. Каждый раз мама собирала узелок с едой партизану-портному. Через некоторое время портной сказал:

– Передай маме, что прибыли специальные швейные нитки. Будем шить своими, так как они покрепче. Но от вашего вкусного хлеба, приготовленного мамой, не откажусь.

Машинкой пользовались партизаны до прихода немцев в Тимошевичи.

Люди или звери

В один из зимних дней четыре человека из Залютич поехали в Гричин за сеном – кто на вола, кто на лошади. На Гричиновичском болоте все разъехались по своим сенокосам, где стояли стожки сена. Накидывает человек на воз сено и видит, что вдоль главной канавы (оросительного канала) со стороны Синкевич идёт обоз. Немецкие солдаты и полицаи были с винтовками, в маскировочных халатах, а на возах стояли пулемёты. Этот человек, почувствовав беду, бросил своего вола с возом и побежал в деревню Гричиновичи предупредить людей. Немцы подъехали к двум повозкам, которые располагались ближе к дороге, приказали распрягать волов, подожгли сено и заставили хозяев гнать волов за обозом. Двигаясь по дороге, полицаи стреляли в стожки сена, которые загорались как факелы.

А в это время человек, который убежал в деревню, успел предупредить о надвигении беды. Вдалеке был виден дым от горящих стогов сена, и все жители деревни, кто в чём был, стали убегать в лес. Добежав до деревни Тимошевичи, добрый человек увидел во дворе мужчину, который поил корову. Это был Харитон Котович.

– Убегайте, немцы жгут деревню Гричиновичи, скоро будут здесь.

Харитон с соседом начали собирать всё необходимое на воз. Запрягли два вола и с соседом выехали. Не проехали они метров триста в сторону Залютич, как их догнал дежурный партизан по деревне Тимошевичи.

– Не разводите панику. Пока я сам лично не удостоверюсь про немцев, никому никуда не ехать. Буду через двадцать минут.

Он ускакал верхом на лошади в сторону деревни Гричиновичи. Через некоторое время вернулся, выстрелил в воздух в начале деревни и закричал:

– Все убегайте, спасайтесь! Немцы жгут хаты. Убивают всех, кто попадает на их пути. – И поскакал в сторону Хворостово.

Куда бежать от смерти

Вот уже прошло много времени, как война началась. В местечке Ленин расположился немецкий гарнизон, а в Тимошевичих партизаны. Но уже не ночуют, а приходят по ночам, иногда днём. Партизаны приходят за разведанными, с диверсиями, а полицаи стараются их выследить, поймать и убить.

Как-то под вечер пошёл папа корову кормить, а потом скоренько бежит в хату:

– Собирайтесь! Это же немцы идут. Сёла жгут, чтобы партизанам не было пристанища и для устрашения людей, чтоб не помогали партизанам. Гричиновичи уже горят. Скоро и здесь будут. И все с села выезжают, запрягают в повозки кто коня, кто вола. Поскорее собирайтесь. Детей одевайте, грузите на воз, еду прихватите. Самое необходимое.

Все спешно начали собирать вещи и грузить на сани. Мама моя была со сломанной ногой и передвигалась только по дому с помощью самодельного костыля. Папа запряг двое саней по волу, посадил маму на сани, сестра вынесла из хаты большой узел постилок, кубел с салом и мешок муки. Посадили на сани брата Павла и меня. На других санях сидела мама с перевязанной ногой, а сестра вела вола за поводья. Проезжая по деревне, остановились около дома Крупника, где шил портной на нашей швейной машинке. Отец забежал в дом, но там никого уже не было. Он схватил головку (головную часть) от машинки, завернул в какую-то тряпку и бросил в снег под куст в конец огорода, присыпав снегом. Станок от машинки вытащил на двор, бросил под забор вверх ногами и также присыпал снегом. Всё заняло буквально несколько минут. Все сидели как на иголках и стремились поскорее спрятаться в лесу. Волнение взрослых передалось и нам, детям. Павел стал реветь в голос.

– Не бойся, Павлик. Мы от этих немцев спрячемся в лесу.

Наивно думали, что немцы придут в село, сожгут хаты, а нас оставят в покое и не будут искать. А снегу было много той зимой, дороги в лесу заметены. Ну, мы жили на краю села, возле самого леса, и видели, как вереница повозок потянулась в лес. Куда же ехать? И тут сработал инстинкт толпы. Раз след проложили в том направлении, значит, и нам туда надо ехать. И все поехали в одно место, вереницей друг за другом. Там, за деревней Березники, в лесу, кто-то сделал летний стан. Он поехал в свой стан, а за ним всё село ринулось. Переночевали в лесу – передрожали от холода, сидя на санях. Костры не жгли, чтобы немцы не обнаружили.

И только чуть на день стало, прошёл слух, что видели, как немцы по проторенному следу уже сюда приезжали с разведкой.

И все засобирались, стали быстренько коней и волов запрягать да тикать отсюда, пока каратели не нагрянули и всех не поубивали. Вот уже и выстрелы слышны, вот уже и немцы приближаются. Кто-то крикнул:

– Давайте врассыпную. Кто куда. Не езжайте табором.

И все рассеялись по лесу. Лес большой, попробуй найди. Поразъехались кто куда. День передневали в хвойне (густом хвойном лесу). А ночевать где? Все уже промёрзли основательно. Особенно дети. Мама предложила:

– Надо вернуться домой. Все попростуживаются и заболеют. Надо хоть кожухов набрать, тёплой одежды и продуктов побольше.

Папа говорит:

– Надо вначале вернуться в свой лес. Там каждая тропинка известна, а здесь куда ехать, где спрятаться? Вот выедем случаем в чистое поле, так немцы нас перебьют всех. Сидите тихо в этой хвойне, а я дорогу разведу пока не стемнело.

Через пару минут бежит назад:

– Ложитесь на этом возе и ни-ни!

Второй воз в гушар затащили и к нему привязали волов. Павел опять тихонечко заплакал от страха. Так тихонечко, как будто щенок маленький заскулил. Мама нас рогожкой укрыла с головой и сама туда забралась. Обняла Павлика, и он успокоился. Мне тоже было страшно, но я держалась изо всех сил. Папа говорит:

– Я побежал на дорогу. Там какая-то колонна движется. Надо узнать, кто.

Спасение или ловушка

Папа спрятался в лесу при дороге, а сам прислушивается, о чём говорят мужики. Не немцы. О, узнал знакомый голос мужика со своей деревни. Окликнул:

– Алексейчик.

Папа бегом к тому Алексейчику:

– Алексей, Алексей, а куда вы?

– А кто это?

– Ну, это я, Гришка. А вы, а куда вы едете?

– Едем в отряд к партизанам. На сховань (прятаться, укрываться).

Как потом мы узнали, они ехали в отряд Пономаренко в сторону Пузичей, но отнюдь не на сховань... Это невозможно понять... Они ехали убивать партизан. Как это возможно? Тем более в партизанском отряде была его дочь Варвара и сын Иван. В другом обозе была также семья Рамановского Юзика. В партизанском отряде находились его сыновья – Владимир и Адам. После войны нас не покидала мысль: ну как можно было поверить этому человеку? Повестись на это? Как можно было? Всё очень просто. Немцы были нашими врагами, а все белорусы – наши, свои, родные. И Алексейчик – «наш». Вот и спасёмся вместе. Тем более обоз был большой – больше двадцати подвод. Никто не спросил, а чьи сыны или отцы в том отряде были. Здесь немцы могут убить, а там – спасение. И невдомёк было нам, что ехали они с карательным заданием, чтобы уничтожить партизанский отряд. Алексейчик что-то переговорил и разрешил:

– Давай пристраивайся в конце колонны.

При помощи мирных жителей они маскировали своё звериное нутро и намерения убийц своих же односельчан-партизан и даже близких родственников!

Всю ночь мы ехали не останавливаясь в партизанский отряд, но, приехав на место, обнаружили, что в землянках никого не было. На одной из землянок стоял петух на одной ноге и бродила хромая лошадь. Только потом до меня дошло, что ноги им переломали, чтобы не убежали от жилья далеко. Партизаны узнали о предстоящей карательной операции и срочно поехали в другой отряд, чтобы соединиться и выступить против немцев. А где находился другой отряд, было секретом. Они решили ехать дальше – дорога заведёт. Ехали в сторону Пузич, Хворостово, через хутора. Мы ехали за всеми повозками в конце обоза. Поехали в другой отряд, а дорог в лесу видимо-невидимо, хорошо видны на снегу свежие следы. Ездили, ездили и приехали... Назад, в тот отряд, откуда выезжали. А там уже немцы и полицаи прибыли. И наконец стало до нас доходить, что что-то здесь не так. Пригляделись и поняли, что влипли. Мы попали в обоз, который составлен для карательной экспедиции. Сзади за нами ещё пару сельских повозок присоединилось. Надо как-то убежать отсюда. А мы в конце обоза находимся, метров за шестьдесят от головы колонны.

Смотрим, по дороге скачет к нам всадник с ружьём, а с ним на лошади сидит молодая женщина со свёртком. Мой папа узнал всадника. Спешились. Сомнений не было. Это был Тимох – сын Алексейчика, который, будучи полицаем, приехал убивать партизан. Тимох объяснил:

– Это моя супружница, родила ребёнка пару дней назад, и вот решили приехать в отряд с сыном.

– А где наши?

– Ушли в сторону Хоростово в другой отряд для воссоединения.

– А я был в селе километров пятнадцать отсюда. Жена рожать вздумала. Так я ездил за бабкой для неё. Родила сына.

Тогда никаких докторов не было, сами рожали. Никакой помощи кроме бабок-повитух не было.

– Ты партизан?

– Да.

– Туда не ходи. Там немцы и полицаи. Приехали убивать вас.

– А вы что тут делаете?

Осмотрел наши сани, на одних мама с детками. Возле другого папа спешившись.

– А мы посчитали, что это партизанский обоз и к ним присоединились. А теперь думаем, как убежать отсюда потиху. И вам нужно утекать в лес.

Тимох отдал папе поводья лошади, схватил за руку супружницу, и они скрылись в лесу. Я заметила, что пара разделилась, и они побежали в разные стороны.

Не успели партизаны скрыться в лесу, как подходит Алексейчик:

- А кто это с вами стоял с ружьём?
- То мой знакомый.
- А как его звать?
- Так я не помню.
- А куда он подевался?
- Так кто его знает. Вроде по дороге пошёл.

Алексейчик крикнул:

- Партизаны!

На крик прибежали несколько полицаев и два эсесовца. Они думали, что мы партизаны. Алексейчик пояснил ситуацию, и они побежали по дороге за партизаном.

А Тимох заметил, что бегут по дороге немцы, и решил спрятаться. Куда? На дерево. И моментально взобрался на сосну и притаился между веток. Но это его и выдало. Полицаи заметили, что с одной сосны с веток снег падает, и всё поняли. Эсесовцы скомандовали полицаям, и два из них по-пластунски поползли к сосне. Когда партизан увидел, что к нему ползут полицаи, то он по ним выстрелил. Стоявший на дороге старший полицаи Алексейчик вскинул автомат и сразил партизана, своего родного сына Тимоху!!! Потом он его опознал. Но меня до сих пор мучает вопрос, знал ли этот иуда, что убивает своего родного сына.

Мама

После автоматной очереди началась беспорядочная стрельба. Немцы подумали, наверное, что пришли партизаны, и начали стрелять по мирным людям. За это время к обозу присоединилось ещё несколько саней, и их количество увеличивалось. Немцы с полицаями подбежали к этим повозкам и стали расстреливать мирных людей всех без разбору – женщин, мужиков, стариков и детей. Часть людей послезали с саней и побежали спасаться в хвойню. А немцы бегают, ловят оставшихся в живых и тянут в кучу. Спаслось, убежало восемнадцать человек, которые здоровейшие, храбрейшие.

В этой суматохе мой папа схватил маму на руки и побежал в лес по глубокому снегу, а сестра Анна несла братика Павла на плечах, а меня держала за руку. Снега было так много, что мои ноги не доставали до земли, и я не заметила, как потеряла свои лапоточки. Мама умоляла отца оставить её и спасти детей. Отец посадил её около дерева, догнал нас, меня посадил на плечи, и мы побежали по лесу, только пули свистели вокруг нас. Ещё не добежали до густого хмызняка, как самолёт летит. Летит и стреляет по нам. Но не попал. Слышно было, как пули тивкали по снегу. Полетел самолёт в сторону партизанского отряда, там развернулся и летит назад. И опять стал стрелять. Папа крикнул:

- Ложись!

И все попадали в снег. Благо, что пришли к хмызняку и всё обошлось. Сидели в тех корчах, пока всё окончательно поухло.

Решили опять углубиться в лес, подальше от отрядов, разложить огонь да обогреться. А про еду никто и не вспомнил. И не было той еды ни у кого. Всё же осталось на возах. Скорее всего, немцы забрали с собой и еду, и повозки, и волов. Но главное, они забрали НАШУ МАМУ. Постягивали всех в одну кучу, поставили на колени и сказали молиться Богу. Они всех расстреляли с пулемёта. Мою маму ранили в бедро. Потом полицаи проверили, чтобы никто не остался живой. Если живого обнаруживали, то добивали. Мама была без сознания и лежала в луже крови, то её приняли за мёртвую. Но есть на свете Бог. Мама осталась жива.

А люди из обоза убежали в чашу, всё побросав. По ним фашисты и полицаи стреляли непрерывно, кого ранили, кого убили, восемнадцать человек убежало. Жена партизана тоже убежала. На второй день, когда всё стихло, среди убитых и живых её не было. И только по весне её нашли пастухи из хутора. Это было в полутора километрах от места расстрела. Нашли мёртвой, сидящей на пригорке с мёртвым ребёнком за пазухой.

Как я уже говорила, немцы и полицаи ходили по лесу, собирали всех в одно место и всех расстреляли из пулемёта. Из них выжило три человека. Женщина из Полостевич прикрыла собой ребёнка, он остался жив, а ей в ботинке оторвало пулей подошву. Также маме разрывная пуля попала в бедро во время расстрела. Изверги обездвижили маму на обе ноги – одна нога с переломом, а другая прострелена.

Мне казалось, что я умираю, когда я увидела маму. Я кричала истошным голосом, что есть силы. Я кидалась к маме, обнимала и целовала её, пока она лежала и истекала кровью. Я вдруг реально

ощутила сильную боль в ногах, что мои ноги мне отказывают, становятся такими, как у мамы. Я рухнула на снег без чувств. Рана была страшная. Разрывная пуля на выходе раздробила бедро на мелкие косточки, красно-белые дребезги валялись на снегу... Это были самые страшные минуты в моей жизни. Павлика Анна держала на руках и не показывала ему, что сделали немцы с мамой.

Неподалёку стояли сани с поломанной оглоблей, их немцы оставили, а все остальные повозки с пожитками увезли в сторону Ленино. Кто-то подсказал, что на хуторе в Верхах (Тимошевичи) стоят три хаты, которые не спалили немцы. Отец погрузил маму на сани, попросил добрых людей, чтобы присмотрели за детьми. Он повёз её за четыре с половиной километра в Верхи на хутор. Занёс маму в хату, а сани спрятал в хлеву и растопил грубку. Папа закипятил воду и напоил маму горячим. Мама согрелась, и у неё прекратилась лихорадка. Пока ехали, её трясло не переставая. Потеря крови, холод, голод и расстрел привели маму в полуобморочное состояние, из которого она начинала потихоньку выходить. Мама всё время просила:

– Иди к детям, оставь меня.

И тато пошёл к нам – двум дочкам и сыну, которых оставил в ельнике на добрых людей. Пришёл папа на заре и рассказал, что с мамой всё будет хорошо. Однако человек предполагает, а Бог располагает. Не думал никто, что больше мы маму не увидим никогда.

НИКОГДА больше не будет нашей мамы Акулины. НИКОГДА больше не будет моей сестры Анны. Маме был 41 год, а сестре – 18 лет. Их убили фашисты. За что, зачем? Я до сих пор не могу ответить на эти вопросы.

На утро сестра собралась идти проведать маму. Услышав об этом, я плакала и просила взять меня тоже, но отец мне не разрешил идти вместе с сестрой. Мама очень обрадовалась и сквозь слёзы стала говорить о смерти.

– Чует моё сердце, что скоро умру я, Аннушка. Павлика на ноги поставь, помогай отцу. Да и за Лидкой присматривай.

И вдруг они увидели зарево от соседней пылающей хаты и бегущих с огнемётом полицаев. Карательная операция продолжалась. Следующая хата – наша. Антя подбежала к матери:

– Мамочка. Ты встать можешь? Вставай. Ещё успеем убежать. За сарай, а там лес.

И она попыталась приподнять маму.

– Беги, Антя. Убегай поскорее.

В это время полицай направил огнемёт на крышу тёткиного дома. И соломенная крыша, хотя и была под слоем снега, стала медленно разгораться. И в эту секунду Анна мышкой юркнула во двор – и за сарай. Однако полицай заметил беглянку. Он выключил огнемёт и неторопливо зашёл за сарай. До спасительного леса оставалось несколько метров. Автоматная очередь и... Потом он поджёг третий дом и поехал на следующий хутор.

До вечера Анна не возвратилась. Когда уже темнело, пришёл из хутора Верхи один из жителей Яродский:

– Гришко, не жди дочь, немцы её убили, а Акулину заживо сожгли в хате.

Через две недели отец попросил у тётки Федоры вола с повозкой, и поехали мы с ним на пепелище искать останки мамы, нашли немного косточек и пуговицы, завернули в тряпицу. Анна лежала близ леса. Повязали ей платок, по христианскому обычаю, чтоб выглядела тёткой (взрослой женщиной), а лапти обернули белыми полотняными тряпками. На кладбище подошёл швагер Рыгор Стражевич. Помог копать могилу. Похоронили в одной могиле. Она находится в настоящее время на кладбище в Тимошевичих.

Выжить зимой в лесу

Так случилось, что мои лапоточки потерялись в снегу, когда мы убегали от фашистов. Сестра Анна носила на руках моего младшего пятилетнего братика Павлика. После убийства Анечки и мамы папа взял детей и решил схорониться в лесу. Он нёс Павла на плечах, а я шла практически с босыми ногами, на которых были обмотаны только онучи (тряпки).

В тот ужасный вечер немцы куда-то отъехали, а до этого они ходили по бору вместе с полицаями и звали людей назад в деревню и обещали, что никого не тронут, и слушали голоса, кто где отзовется. Люди молчали, но выдали коровы своим мычанием. Немцы пришли на голоса и убили семью, всех подчистую, человек пять или больше, уже не помню точно. Застрелили также корову, освежевали

и ушли с мясом в деревню. Односельчане там же, в лесу, всех невинно убиенных похоронили. А мы сидели в ломах, спрятались в буреломе, когда сильный ветер наломал хвойны (хвойных деревьев). А мои же ноги я перестала чувствовать, так они сильно замёрзли. К нам в схованку присоединились соседи и решили идти на ночлег к стану (летней ферме). Помню, как мужик (сосед) говорит на тато:

– Твоя девочка станет калекою, посмотри, что у неё с ногами. Как это ходить в онучах без лаптей?

И тогда тата наразгребал снег, да нарвал травы прошлогодней (дубровы), да обмотал мои ноги той дубровою, а наверх обмотал волоками (высокими волокнистыми растениями).

А потом другой мужик говорит:

– Там немцы забили корову, люди гнали с Челомца. Тех коров, которые послушно шли лесной дорогою, немцы погнали в деревню. Корову, которая пыталась убежать с дороги в лесную чащу, немцы застрелили и освежевали. Что осталось от коровы после немцев, люди поразобрали, кто что отрезали, отсекали, питаться надо же было... На месте шкуру слупили да кинули там. Ты иди туда, пока собаки ещё не порастянули. Возьми те шкуры, принеси, отрежь да пообкручивай ноги дочке шкурою говяжьей. Вот так будет тепло ножкам ребёнка.

И пошёл папа в ночь, нашёл то место, где была та корова, принёс этих шкур да той шкурой обтянул ноги, до косточек обтянул, и опять наверх волоками обмотал. А потом, на другой день, сделал такие как бы шнурки, позатыгивал кругом теми волоками. Затем от своей сорочки отдрал от рукава немного, чтобы лучше укрыть ноги, поскольку онучи стоптались. Вот так я и ходила, и спала в этих шкурах, покуля не развилась лоза. Затем тато сплёл мне лапти.

А спали мы как. На стан не пошли, така немец узнал про стан и устроил облаву. Молодых – на работы в Германию. Старых убили, остальных погнали в деревню, обслуживать немцев. Хаты сожгли дотла, люди жили или в сараях, или погребях, или вырыли землянки. Мы же зимовали в лесу. А тато разгрёб снег, бо снега уже было богато, туда наломал еловых лапок, потом сверху берёзовых дубцов (веток), а сверху укрывались хвойной (ельником). И вот так мы ложились спать с Павлом, одне к одному (спина к спине). А снег был выше нашего ложка (кровати). Что бы мы ни делали, всё время прислушивались, и днём и ночью, к каждому шороху. Вдруг дятел застучит по дереву, то все замирали и слушали, не идут ли немцы и стреляют. А папа разжигал такой маленький огонёчек. Да, огонёчек, то с одной стороны, то с другой, чтобы нам было хоть чуточку теплее. Ноги всё-таки я приморозила, ногти на всю жизнь остались скрюченные. А мужчины по очереди ходили в деревню на пепелище. Кто горшок найдёт, кто картошку обгоревшую. Так мы и пережили зиму в лесу.

По весне я, как царевна-лягушка, шкуру сбросила с ног да уже в лапти озулася. Когда совсем тепло стало, ходила уже в лаптях, а дальше уже босонож. А на ногах ногти где-то начало сгонять, бо подморозила. Где-то поросли новые, на мне и теперь те же ногти, некрасивые, корявые, какие есть.

Что мы ели в лесу? Картопли пекли. Осталась у нас ямка (картофелехранилище) с картошечкой на поле. Её понемногу брали в лес с бурта и пекли в лесу. По весне думали домой перевезти... Да вот немец пришёл – нелюдь и антихрист... Выручила родная земля, поле, где вырастили картошку. Вообще всех спасла картошка. И дед, и дядька, и тётя ходили по ночам на поле и носили домой спасительную еду. Картошки было богато, воза два, не меньше. Это помогло нам не помереть с голоду. Вот только варить было не в чем, запекали в костре. В лесу не было же ни горшка, ни миски, ни ведра, ничего. А ложки тато сделал сначала из берёзовой коры. Надрали бересты из берёзы да поделали такие кубочки и приделали к ним ручки из палочек. Вот такими ложками ели.

А потом тато сделал из дерева настоящие ложки. Выстругал заготовку ножом, раздобыл у людей резец. Где ножом пообрезывал, а потом резцом вырезал углубление, получилось не хуже, чем сегодня в Микашевичах на рынке продают. Причём у каждого была своя именная ложка. Особенно такая ложка нравилась Павлику, с которой он спал и не хотел расставаться ни при каких обстоятельствах.

Люди болели. К весне начали у всех появляться нарывы по всему телу. Воспаления были с куриное яйцо. Ходили взрослые к весне на болото, где росла клюква, это было спасение. Парили сосновые молодые паростки. От кашля – багульник. Но друг другу помогали, делились всем.

К весне отец и дядя Ваня пошли в Тимошевичи, кто-то там подсказал, что в соседней деревне осталась одна хатка с печкой, и туда ходят печь хлеб, у кого есть мука. Они пошли туда, и там как раз пекла хлеб одна семья. Их угостили булочкой. Придя в лес, тато разломил всем по кусочку. Хлеб был такой вкусный, что, наверное, ничего вкуснее не было на свете.

Как-то отец пошёл на пепелище своей хаты. Нашёл выщербленный горшок, но была с боку дырка, её он заткнул тряпочкой, а сверху замазал глиной, переплёл проволокой и ставили к огню одной стороной, которая была цела. Так варили в лесу суп с мёрзлой картошки.

Весной, перед Пасхой, отец заметил гнездо сойки. Она откладывала яйца. И на Пасху он взял оттуда три яйца и сварил в горшке. Это был настоящий праздник.

Так мы провели в лесу зиму, весну и лето там же. Наступила вторая зима, которую тоже провели в лесу. Сделал тато свой стан (будку) глубоко в лесу за болотом. Насёк хвойны и поставил высокие колки, на них жердки положили и к хвоем попривязывали, берёзовыми дубцами крест-накрест поприкручивали. Стены и крыша были хвоёвые, хвойной обставили. Спали в той же одежде, как ходили в день. Не разувались, не раздевались.

А потом освободили Белоруссию от проклятых извергов-немцев, и все вернулись домой. У нас дома не было, остались одни головешки на селище да русская печка с полуразрушенным комином (дымоходом). Папа с помощью деда, дяди и ещё нескольких мужиков дней за десять построили нам новую хату-будан, где мы и поселились с братиком. Тот стан, что папа сделал, остался в лесу. А по лету забрали папу на войну. Всех мужчин из села побрали на войну. Только три деда престарелых остались в деревне. Ну а также дети – подростки.

Нас с Павликом забрали бабка с дедом к себе в дом после одного случая, который я помню, как сегодня. Мы в доме-будане спали на горе (чердаке). Ну, на горе не было щита (защитка) ни с одной стороны, ни с другой. Не было и крыши. Бабушкин дом был рядом с нашей «новостройкой» на одном селище. Бабка готовила нам еду, а дед приходил, будил нас и звал на завтрак. И вот пришёл дед в очередной раз, пригляделся и бабу позвал. Вокруг дома волчьи следы. Дед рассуждал, ходил волк вокруг дома две ночи и слышал, как сопят дети. Не можно больше детям спать в доме-будане одним, тому что после войны развелось много волков-людоедов, которые ели не только мертвечину, но и живых людей. Волки тоже превратились в гитлеровцев, или наоборот, гитлеровцы превратились в волков-людоедов. Слава богу, что дети спали на горище, а волк не умеет взбираться по лестнице. Забрали нас дед с бабой к себе в хату.

А папа был на войне. И вот однажды пошёл он к командиру:

– Душа болит, несовершеннолетние дети остались одни. Может, отпустили бы на побывку проведать?

Командир – начальник:

– Нет, не отпустим. Давай адрес детей. Советское государство детей в беде не оставит. Определим мы их в детдом под Москвой. Не печалься, солдат, иди и воюй с лёгкой душой.

Пошёл Григорий в расположение взвода на передовую и рассказал друзьям о переговорах с командиром. А те такого страху нагнали, что, мол, нельзя детей в детдом, там чуж-чужина, холодно и голодно. Пиши поскорее письмо на родину, чтобы дед с бабкой не отдавали внуков. Насилу папа дождался весточки с деревни о том, что приходили с сельсовета, но дед написал расписку, что детей обязуется смотреть в тепле, добре и сытости.

Дед с бабкой были уже в годах. А я с Павликом всё делали по хозяйству: пололи огород, корову и гусей пастили... Ну, а Павлик ещё был помладше на пять лет и служил у меня подпаском. Я и тётке детей помогала глядеть. Во время военного лихолетья все горя хлебнули. В том числе дети, и даже несмышлёныш Павел, который переболел тифом. Лежал он пластом, все говорили тишком, как при покойнике. И случилось чудо, бабушка его подняла на ноги. Какие-то травы рвала, заваривала да поила. И никто не заразился от него и не заболел.

Папа на войне

А папа был на войне воевал с фашистами. Письма писал часто, все собирались в дедовом доме и читали вслух весточки с фронта от папы. Бывало, в деревню приходило очень много писем с фронта. Если треугольник, то всё в порядке, а если конверт с чёрной полосой, то все знали, что пришла похоронка, и вся деревня погружалась в траур. Были слышны рыдания и причитания молодых вдов, которые старели буквально на глазах от горя. Я очень боялась получить письмо в конверте. И однажды ночью мне приснилось, что нам пришло письмо с чёрной полосой. И я стала кричать и плакать, еле меня успокоили дед с бабой. Встала наша тётка Александра, раздули лучину – огонь зажгли. И я стала рассказывать свой сон.

– Это хорошо, что приснилось тебе письмо, что отца забили. Значит, отец останется живым.

И правда, писем долго не было. Может, недели две или три. А потом пришла весточка, что папа мой в госпитале. Во время боя, когда они лежали за укрытием, осколок перебил ему ногу и порвало сухожилие. И он долго лежал в госпитале. Хотели врачи ногу отрезать, потому что плохо срасталась, и боялись гангрены. А папа просил врача:

– Ради Христа, спасайте меня без ампутации. У меня же дома осталось двое несовершеннолетних детей. Как же я их на одной ноге прокормлю и в люди выведу.

И Бог услышал его и наши молитвы, и вернулся наш папа с войны здоровым, и лишь только прихрамывал. В нашу деревню Тимошевичи с войны вернулось меньше половины мужиков – мужей, сыновей, отцов, братьев. Будь проклята эта война, которая несёт неимоверное горе и страдания и мёртвым и живым, и старым и малым, и военным и гражданским, и правым и виноватым. Неужели нельзя жить людям без войны?!

5. ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Люди и волки

Пришёл папа с войны и стал искать работу, чтобы иметь хоть какую-то копейку. Деньги нужны были на керосин, соль, гвозди, в общем, на мануфактуру. Еду сельские выращивали, одежду и обувь изготавливали сами. Его сестры муж Ваня был лесником, а начальник дяди – лесничий – попросил дядю подобрать добросовестных, ответственных работников для уборки лесных делянок, на которых заготавливали лесоматериалы. Лесозаготовка включала в себя вырубку леса, уборку участков вырубки, а также восстановление леса в виде посадки молодых саженцев хвойных деревьев. Для этой работы набирали в основном женщин и молодых девчат, поскольку война выбила большую половину сельских мужиков. Мой папа попросил лесничего взять меня на эти работы. Прежде чем принять окончательное решение, лесничий поинтересовался моим возрастом. Мне было в ту пору шестнадцать лет.

– Ну, она же несовершеннолетняя. Мы не можем в штат её взять.

– Ну, пусть несколько дней походит убирать ту делянку, где идёт вырубка.

Назавтра я вышла на лесозаготовительные работы. Со мной были женщины – все постарше. Некоторые вернулись из германского рабства, в которое были вывезены немцами во время оккупации. Часть женщин были родственниками или жёнами лесников. В те времена оплачиваемой работы в деревне не было, в колхозе работали за трудодни, которые оплачивались в конце года в основном натуральными продуктами...

Я уже не помню хорошо, сколько дней мы там убирала делянки. Помню только, что мне дневку писали по двадцать копеечек. Совершеннолетним платили в два раза больше. Начальство не имело права меня принимать на работу. Пришлось согласиться с такой оплатой. Принесла в платочке я свою первую получку.

– Мало, доня, ты заработала, но ничего не поделаешь. Всё равно лучше, чем под призывом сидеть днями или гулять, как Фросина дочка. Тогда бы ничего не было, а так 20 копеек – тоже деньги. Это больше, чем булка хлеба.

А нас было трое – отец, я и брат меньший Павлик. Отец продолжил рассуждения:

– Нам булки хлеба одной хватит на неделю.

В основном питались картошкой, кислой капустой, огурцами, которые заготавливали с осени. Потом появилось сало, яйца, рыба. В общем, потихоньку становились на ноги, если была большая семья и было много рабочих рук. Хлеб пекли в основном сами. После войны хлеба выпекали большие, буханки были широкие и длинные, весом около двух килограммов.

Работали на уборке леса до осени, потом весной стали матыковать те делянки, готовили под высадку саженцев. А зимой уже я пошла резать лес. Лесничество доводило план и отмеряло делянки, сколько и где какой лес подлежит вырубке. По весне столбили (устанавливали граничные столбы с номерами делянок) тот лес, а уж как земля оттаяла, то матыковали вырубку и сажали хвойные саженцы. Сажали вдвоём. Одной надо было рыдлёвкой пробивать землю, копать луночку, а вторая

опускала саженец в лунку и аккуратно присыпала землёй. И работала я в том лесничестве, пока не вышла замуж, вернее, отец не отдал.

Ой, совсем забыла рассказать. Прежде чем пойти замуж, я опять встретилась с волком. С тем же, или это был другой волк. Теперь никто этого не узнает. Знаю только, что эта встреча плохо закончилась.

Охотники обнаружили, что в болоте, окружённом густой чащей, недалеко от деревни, волки вывелись. Начальство решило эту волчью семью известить, поскольку волки делали набеги на деревню и резали мелкий скот. Создали команду охотников из лесников во главе с лесничим и в роли загонщиков взяли пять женщин – рабочих с лесозаготовок. Расставили нас в лесу цепью, чтобы друг друга видели, и наказали идти в место предполагаемого обитания волчьей семьи. При этом задачу нам поставили простую – следовало громко кричать и стучать дрючками по деревьям. А лесники пошли вперёд к болоту и засаду заняли. Сразу мы задание восприняли весело, смеялись, подшучивали друг над другом, определили, «кто больше всех волков боится». К моему удовольствию, выбор пал не на меня.

– Что нам волки, когда у нас такие дрючки в руках. Размахнулась и волку между глаз.

Особенно веселились, когда толпой стояли. Однако смех пропал, когда сказали, в каком направлении надо идти и на каком расстоянии друг от друга держаться. Сказано – сделано. Я выбирала ориентир и шла, как мне казалось, в указанном направлении, кричала и барабанила по деревьям. И вдруг поняла, что я напарниц не вижу и чуть слышу. Как оказалось, они не пошли в направлении болота, а все сбились в кучу и шли, где грудок – местность повыше и посуше. Поэтому совсем отдалилась от девок. Я привыкла добросовестно выполнять любую работу, как сказали старшие, так и надо делать. Иду, ору, стучу, а самой страшно становится от одиночества, да и вдруг волчьих жёлтые глаза вспомнились... Иду и на пути встречаю две берёзы-выворотни, одна поменьше, а вторая – велизная-велизная. А вокруг осока растёт порыжевшая. И что-то мне стало неловко в ту гущу идти. Ноги сами остановились. Не пойду я туда. Кто здесь меня видит, обойду я это страшное место стороной, хотя по инструкции как раз мне туда надо было идти. Вот там менее густой и страшный лес и чуток повыше, менее заболочено.

И стала я те вывороты обегать, бегу, и кричу, и палкой стучу. А четыре волка из того выворота, да ко мне. Два, поменьше, не бежали быстро, а так прыгали. Два велизных быстро нагоняли. Рты раздувают, зубы выскалены, глаза чернющие, чёрной масти. Я обернулась лицом к ним, встала как вкопанная и стала бить дрючком по сосне и закричала.

– Тато, волки! Тато, волки!

Волки остановились. Самый большой, который подбежал совсем близко ко мне, уставился на меня... И мне показалось, что я его узнала... Во всяком случае глаза у него были не чёрные, а те же светло-жёлтые, смотрел он не мигая, как будто хотел гипнотизировать. Заметила я, что он стал по-больше, заматерел, на спине проблёскивали седые волосы. От испуга и близкого соседства со старым знакомым я перестала стучать по дереву. Мне вдруг показалось, что он меня тоже узнал и ничего плохого он не замышляет... Как только я это подумала, вышла из оцепенения и опять со всей силы бабахнула по дереву. Волк вздрогнул, как-то странно развернулся и побежал в сторону болота. За ним гуськом побежала вся его семья. Я ещё несколько минут простояла в раздумье. Меня обуревала одна мысль: это он, мой старый знакомый, или другой? Ведь все волки на одно лицо...

Не поверите, мне стало спокойно, страха как не бывало. И я пошла неторопливо на остров, находившийся метрах в пятидесяти, где должны были сидеть в засаде охотники. И вдруг вижу, бежит навстречу мне дядька с ружьём.

– Слава богу, живая. Мы слышали, как ты кричала, а потом стало тихо. Плохое подумали. А как ты от них отбилась?

– А я не отбивалась. Один волк знакомым оказался...

У этого охотника глаза полезли на лоб от услышанного. Потом всем рассказывал:

– Лида от страха умом тронулась. А когда увидела убитых волков, то сразу успокоилась и пришла в себя.

На самом деле всё было не так, а как я вам повествую.

– А где волки?

– Ой, побежали в сторону выворотней.

- А сколько их?
- Четыре.

Не успела я отдышаться, как охотники убежали наперерез волкам. А потом раздалось четыре выстрела – бах, бах, бах, бах. Убили три волка, один утёк. А я подумала про себя: дай бог, чтобы спасся мой знакомый. А то получится, что на его милость отплатила чёрной неблагодарностью. Дождалась я охотников. Идут и несут на жердинах трёх мёртвых волков со связанными ногами – двух сеголеток и одного покрупнее. От сердца отлегло, моего желтоглазого среди них не было.

За успешную охоту нам выписали премию. Затем было предложение идти на охоту диков загонять. Но я отказалась. Не хотела брать грех на душу. Мне и волков хватило, чтобы понять, что не каждый волк в душе волк, не каждый человек... Додумайте сами...

Портниха

В деревне Полостевичи, за три километра от нас, жила портниха. А у нас была швейная машинка, которой партизаны во время войны пользовались, а потом нам вернули. Она несколько лет лежала без дела и не работала. Папа отнёс эту машинку к мастеру в Микашевичи. Мастер забросил ту машинку в бочку то ли с бензином, то ли с керосином для того, чтоб ржавчина отстала. Потом взял деревянный молоток и всю обстучал, ещё почистил в завершение наждачной бумагой. В общем, запустил машинку в ход, смазал и сказал:

- Будете работать – разработается машинка.

Но я же шить не умела, ничего не знала, как с машинкой обращаться. Повёз меня папа к портнихе в Полостевичи:

– Покажи моей девочке, как нитку в шпульку намотать, как правильно шить. Главное объясни. А детали сама додумает. Она у нас смышлёная. Дома она будет на той машинке что-нибудь шить, ведь не напросишься по чужим портнихам.

- Ну, добре.

Портниха работает. Шьёт заказы для людей и мне всё объясняет:

– Ну, вот гляди, как нитки надо намотать на шпульку. Вот как челнок вставить, вот этим рожком упереть. А потом затянуть нитку в эту иголку и придержать нитку, а потом иголку опустить, и она заберёт нитку и вытянет наверх. Разрешила построчить под её руководством. Два дня продолжалось обучение. В этот период я у тётки Веры ночевала, а обедала и вечеряла у Надиной мамы. Вернулась домой, и за работу. Сшила себе сорочку, потом папе сорочку. И понеслось. Тётка приносила, то я ей шила. Все родственники и знакомые стали приносить заказы.

А потом и моя наставница-портниха стала давать задания, чтобы я оправдала обучение. Портниха шила бурки (зимние валенки из грубой шерстяной ткани). Хорошие бурки у неё получались. Заказов у неё было много. И она мне поручала те бурки, которые она шила, вручную сшивать на левой стороне в виде валенка (а была развёртка), а потом выворачивать на правую, и бурки готовы.

Посмотрела я эту премудрость и стала сама бурки шить. Для пошива использовала старые недоноски и лоскуты разные. Уже и Павлу пошила бурки. Только вот беда – не было галош резиновых. На рынке некие чуни покупали. Умельцы освоили ремесло из старых автомобильных камер клеить эти чуни. С чунями смешно выходило. Как их ни одевай, то они всё на одну ногу оказываются. То оба левые, то оба правые. И стали деньги в дом идти. Мне давали три рубля за пошив пары бурок. Когда подросла, стала уже себе и другим платья шить. На танцы ходила в тех платьях. Замуж вышла, детки пошли, то и своим детям шила одежды. И свекрови шила, и Ивановой сестре, и дочке. Нам та машинка швейная помогла выжить. У меня семья получилась большая. То одно порвётся, то одежда становится маленькой, то перешить надо с больших одежек на меньшее. Грошей же не было, не покупаешься. Иван получал сорок рублей в месяц, да и трудодней – тридцать. То надо ж было оплатить налоги, и за свет, за радио...

Расскажу ещё про претензии в моём портняцком деле. Соседка Хведора принесла старый дедов тулуп портнихе и попросила перешить для себя. Та распоролла старый, покроила по-новому и сшила. И отправила ко мне, чтобы я руками дошила, где машинкой не долезешь. Я добросовестно всё подшила, всё подогнала. Тулупчик готов. Пришла Хведора забрала тулупчик довольная. Тулупчик получился на славу. Принесла домой. Померяли. Там тисне, рукава короткие, что-то ещё не подходит.

Хведора за тот тулуп и понесла назад к портнихе. А портниха завалена шитьём. В каждом углу до потолка шмотья всякого.

– Тесный, говоришь. Неси к Лиде. Она поправит, перешьёт, где надо.

Смотрю я в окно, идёт Хведора с Полостевич обратно и тулупчик в руках несёт. Начала с порога с обидой:

– Сюда ходи, ко мне в хату.

– Лидочка, тесный, перешей тулуп. Мне портниха сказала, мол, занеси, то Лида его поправит.

– Тётка, что ты говоришь? То ж портниха мерку снимала, кроила да шила, а как же я его увеличу?

Не оставляйте тулуп. Пусть портниха клины вставляет да увеличивает.

Помантыляла та Хведора с тем кожухом назад в Полостевичи. А на меня обиду затаила. Правда, ненадолго. Через пару недель пришла с обновлённым тулупом. Сидел на тётке Хведоре тулуп хорошо.

Материнское сердце

У меня родилось пять девок и один сыночек – поскребыш. Не успела я оглянуться, как девчата замуж повыскакивали, и остался с нами в селе мой Колька. Пришло время, и пошёл мой сынок в солдаты. Прослужил он в армии где-то полгода. И ночью мне снится сон, что с сыночком моим беда стряслася. С мужем Иваном поделилася своими тревогами.

– Забудь свой дурной сон. Всё у него хорошо. Если бы что плохое случилось, то начальство бы уведомило.

А мне на душе млосно, так мне захотелось его проведать в той армии и убедиться, что с ним всё в порядке. Места себе не нахожу, неделю промаялась и решила ехать к сыну в армию.

– Треба побачить дитя. Что-то с Коликом неладное, мне хочется увидеть его. Поехали, Иван, Колика проведедем.

– Вот придумала так придумала. А куда внука деть?

Этим летом внук жил у нас на летних каникулах.

– Внука временно отправим родителям назад в город. Или лучше, завезём в соседнюю деревню до кумы, хай поглядить недельку.

– А на хозяйстве кто останется? Коровка да свинки что, газеты читать будут?

Однако я не унималась. И Иван предложил лучшее решение.

– Если так приспичило, бери Нинку (младшую дочку) в поводыри. Она в Вологде и Питере училась. Всю Рассею объездила. С ней не пропадёшь.

– Ну, тогда я поеду в Микашевичи, до Нинки?

Поскольку я нигде не была, кроме Микашевич, а Иван был шофёром и объездил весь свет, то он решил подначить меня:

– Надеюсь, до Микашевич сама доберёшься, не заблудишься?

Я не стала ему отвечать задиристо.

– Хорошо, с Ниною поеду, поедем, побачим, что там есть. Что мою душу рвёт так?

Села я на автобус, заезжаю в Микашевичи, а Нина говорит, что не может поехать со мной, не получается по работе. Да и Саша, муж, против.

– Нечего зря ездить и деньги тратить. Мне тоже иногда дурные сны снятся.

В общем, мужик не пустил. Нина решила спасти ситуацию:

– Давай, мам, другой раз поедем. На праздники октябрьские.

– Нет, мне нужно сейчас. Если вы никто со мной не поедете, то я поеду сама. Ты только мне всё Расскажи. Я утямлю. А как же, куда ехать? Я никогда не ехала на том поезде. Не знаю, куда ехать, а где он служит?

– В Пскове.

– В Пскове? Давай пиши, как туда ехать?

Нина мне говорит:

– Садись на автобус, заедешь в Лунинец.

– Может, в Пинск?

– Нет, в Лунинец. А там будет идти поезд.

– До Пскова?

– Да, до Пскова.

Написала мне Нина маршрут, а также номер войсковой части, где служил мой Колька. Пошла с тяжёлым сердцем на вокзал меня провожать. Ещё раз завела разговор о том, что опасно ехать человеку одному в белый свет, который на своём веку посетил лишь один город (тогда это был городской посёлок) Микашевичи. Посадила на автобус до Лунинца, и я тронулась в путь. Вышла в Лунинце вместе со всеми пассажирами, а те, как мыши, кто куда, и автобус опустел. Водитель спрашивает:

– А вам, женщина, куда?

– В Псков.

– В Псков? Так туда автобус не ходит. Вам надо на поезд. Садись на тот поезд и заедешь куда надо.

– А где сесть на этот поезд?

Свет не без добрых людей. Водитель автобуса подвёл меня к железнодорожному вокзалу и заторопился назад, выполнять расписание. Захожу я в тот вокзал, народу кишит, а где брать билет? Спрашиваю у молодых людей:

– Брать билет до Пскова где?

– В кассе.

– А кассы где?

– Бабка, с какого леса ты вышла? Разувай глаза. Вон написано. Междугородные кассы.

– Кассы, где продают билеты в стены замурованы?

Люди сердобольные нашлись, перестали ёрничать и помогли купить билет до Пскова. Правда, случилась небольшая заминка с деньгами. Пока расстегнула потайной карман, который пришла в лифчике... Однако кассирша попалась спокойная и особой нервнойности не высказала.

Я спросила:

– Как сесть в тот поезд и когда он будет?

– Через два часа на перроне.

Час просидела на вокзале и пошла искать перрон, поезд и вагон. Задача для меня неразрешимая и порождала опять кучу вопросов. Однако и здесь всё выгорело. Спасибо, дежурный милиционер всё показал – и перрон, и поезд, и вагон. Наказал проводнице в вагоне, чтобы всячески мне помогала, так как я еду первый раз на поезде к сыну, который служит в армии. Ехали подвечорок, и целую ночь ехали. А потом уже тот поезд, что-то изменилось, назад поехал. Проводница успокоила, что так надо – меняет пути и скоро прямо поедет. Наконец, заехала я в Псков. Слава богу, доехала без приключений и волнений – как барыня. По дороге узнала, как добраться до военной части, где мой сынок служит. Нашлись добрые люди, привели и посадили в автобус. Ещё и водителя предупредили, чтобы женщину высадил возле части. Едет с Белоруссии проведать сына. Улезла в тот автобус и расспросила водителя:

– А куда это мне надо идти, в эту военную часть? Там у меня сынок.

– Вот, бабушка, иди туда, и вот туда, там тропинка. Вот в то здание, там военная часть.

Пошла я по тропинке, захожу в некое подобие сторожки или что-то такое. Гляжу, а там солдат молодой дежурит. Никого чужого не пропускает.

– А вам кого, мамаша?

Я рассказываю:

– Мне Прокоповича Николая Ивановича. Скажите, что мама к нему приехала.

– Минутку. Я сейчас.

И побёг докладать начальству, что приехала мать.

Я сижу, жду, приходит начальник:

– Ну, мамаша, к кому вы приехали?

– Прокоповичу Николаю Ивановичу.

– А его нету в части.

– А, боже мой, а где же он?

– В госпитале.

– Ой, гвалт. А, божухно милый, а что вы с ним сделали? Да я вам здоровое дитя отдала, а вы уже что-то сделали с ним, отчего он в больнице? А что с ним?

Наработала крику, стала плакать и причитать. Слышало моё сердце, что с моим сыночком беда. Начальник не стал ничего слушать, сказал и ушёл.

- А где ж та больница? – спрашиваю у солдата.
- В городе. Треба ехать в город.
- А кудаю ехать, а как ехать? Ой-ой-ой.

Я вконец разумзалась, расплакалась на всю эту беду. Делать нечего. Собралась и пошла назад на остановку, чтобы ехать в город. Иду туда, к той остановке, и догоняет меня легковая машинка. Посигналил, остановился, открыл дверку.

- Садись, мамаша.

Я села, он меня завёз на ту автобусную остановку. Подошёл к автобуснику, рассказал, что у него мать солдата, едет к сыну в госпиталь. Завези её, пожалуйста, в город. Покажи ей, где тот госпиталь найти, чтобы она побачилась с сыном. Завёз меня тот автобус прямо к госпиталю. Я вышла около больницы, а двери закрыты. Спрашиваю у прохожего:

- А как же мне в эту больницу попасть? У меня там сынок лечится.
- Иди мамаша вдоль забора. Там ещё одна калитка маленькая есть. Она без замка.

Пошла, смотрю, и эта калитка заперта изнутри. А как же мне попасть к сыночку, что же они столько замков навешали? Прямо слёзы навернулись на глаза. Столько ехала, добиралась и не могу попасть. Замок. Ой, кровно мне. Постояла, подумала, прошла обида, и начала я действовать. Распоясала плащ, сняла пояс и привязываю свою сумку с гостинцами на тот пояс. Подтягнулася на руках, сумку через плот переставила, а сама через тот забор перескочила. Завязала пояс назад на пальто да и пошла к зданию ближайшему. Захожу в ту больницу и слышу какой-то стук каблуков. Я только двери приоткрыла и вижу, бегут один за одним два солдата, как дети малые, то ли игрались, то ли дрались.

- А божухно милый, а что тута делается?

А хлопцы стали, как вкопанные:

- А к кому, мамаша?

Я рассказываю.

– А кто он по званию? Здесь ведь все по званию.

– Да какие чины? Его недавно в армию забрали. А что они с ним сделали, что в больницу положили?

- А сейчас мы узнаем.

Побежали солдатики. Потом возвращаются.

- Сейчас, мамаша, идёт ваш сын. Он в столовой.
- Мамо, это вы? А как вы? А откуда вы? А что вы?
- Ох, сыночек, а что это с тобою? Чего ты в больнице оказался?
- А ничего страшного. Немного палец прибил, сюда отправили.

А я, вижу, что все пальцы на месте... Он и теперь мне не сказал, что произошло. Или его там побили, или что случилось другое. Пословица «Меньше знаешь, крепче спишь» не всегда справедливая. Но я о другом. Материнское сердце не подводит, и никакие препятствия, преграды и замки не могут быть сильнее материнской любви.

6. МУДРОСТЬ

Мотоцикл

Немного денег насобирали и решили купить мотоцикл. Какой выбрать? Мотоцикл надо покупать новый, а не с рук. Покупать нужно подороже, а не дешёвку, чтобы можно было поехать за мёдом, грибами и ягодами. Чтобы было место на двоих, а ещё и коробки под грибы разместить.

Как-то прибегает мой Иван:

- Лидия, давай деньги.
- Что, мотоцикл пришёл?
- Да, привезли из Синькевич люди.
- Эй, постой, муженёк. Мы же говорили, что берём мотоцикл только из магазина. Мы же заказали, а нам пообещали, что привезут.

– Так он новый мотоцикл, хороший. Себе покупали, да передумали. Привезли сюда продавать. Четверо мужчин.

– Нет, этот мотоцикл брать не будем.

– Почему? Они же Михася знакомые.

– Не будем брать, потому что он с дефектом. Если б был без проблем, то почему решили продать.

Где эти Синькевичи? Зачем они его привезли на машине, а тут чуть подъехать до дома. Не дам денег.

Уехал. Приезжает снова:

– Дай, Лида, денег. Хороший мотоцикл.

– Нет.

Пошёл и говорит мужикам:

– Не дала Лида денег.

Мужики подначивают:

– Что там у тебя за Лида, что денег не даёт? Ты мужик, а она тебе денег не даёт. А что, это её деньги?

– Да нет, я зарабатываю, но...

Уехал. Приезжает со швагром. Зовут Ян.

– Лида, ну дай денег, хороший мотоцикл.

– Если хороший, то бери его себе.

– Так у нас нет денег.

– У тебя там куча родственников – деды, дядя. Займи у них, а потом будешь зарабатывать и отдавать.

Поехали. Ну, купил Ян себе этот мотоцикл. А мой Иван приехал и надулся:

– Ну то что, взял Ян мотоцикл?

Не говорит. Ну, не говорит. Ладно. На завтрашний день тоже ходит обиженным мой муж. Не разговаривает. Так ему этот мотоцикл хотелось купить. Наступил вечер.

– Ой, Лидусь моя золотая.

– И что произошло? Под забором медведь сдох?

– Янов мотоцикл не заводится.

– Ну а ты два дня дуешься, не хочешь разговаривать, что не взяли тот мотоцикл.

– О, ты молодец у меня. О, ты молодец. Ян вчера и позавчера не пошёл на работу. Расстелили клеёнки, раскрутили мотоцикл по шурупам, но неисправность не нашли. Со всего села собрались специалисты, и жуки, и раки ремонтировать мотоцикл. И не настроили.

Сестра и сваха про меня:

– Вот ты посмотри на Лиду, какая мудрая. Откуда она знала, что мотоцикл бракованный? Пошла на конфликт, а мотоцикл не дала купить. Тот мотоцикл теперь под забором стоит, как старая поломанная телега, а деньги за него отдали. Но не мы.

Денежная реформа

После войны первый раз объявили денежную реформу и замену денег. Чтобы выиграть на этой реформе, надо было от старых денег избавляться и покупать разные товары. Но вот вопрос. А что набирать вместо денег? Понакупили муки, круп, макарон, всякой всячины. Чуть ли не машинами продукты домой возили.

Полежали эти продукты немного и завелись в них жучки, червячки. Особенно в муке. И в первом сорте, и во втором... Ну да што теперь делать. Эту муку высыпали на протвени, да в печь. Прожарили и скармливали свиньям. Вот так деньги и пропали.

Прошло немного времени и опять объявляют реформу. И снова будет замена денег. А што б вы провалились с той реформой! На прошлой немало денег пропало. Но мы извлекаем уроки... Утром мой Иван завтракает.

– Иван, ты не слышал, што там люди говорят про реформу?

– Ну што? што? Опять будешь говорить, покупай пшено, муку, макароны? Опять червей кормить?

– Э-э, не. Надо то брать, что черви не едят.

– А что черви не едят?

– Водку надо брать. Иван, надо набрать водки, чтобы деньги не пропали.

- О, хорошая мысль. Но зачем нам столько водки? За жизнь не выпьем.
- Так у нас же дети растут, да будем свадьбы делать. Немного нагнал самогонки, а немного водки, того-сего...

Собралась я да пошла в спальню, там шкаф стоит, возвращаюсь с сумкой. А в сумке деньги.

- Бери, Иван, сумку и на все эти деньги накупи водки.

Купил Иван 15 ящичков водки, привёз домой, сгрузили в сених, и я постилкой накрыла от чужих глаз. Нельзя два раза на одни и те же грабли наступать. Когда родственники узнали про водку, стали говорить: «Лидка Иванчина ясновидящая. Всё видит наперёд».

Прорицательница

Приходит к нам односельчанин Василий Прокопович (Харитон).

- Ну как, Василий, дела?
- Ай, знаешь, Лидка, не очень хорошо. Вот когда телят досматривал, то было лучше, а теперь опять мне стало хуже со здоровьем.

А я разговариваю и делаю работу по хозяйству. Готовлю свинкам корм и спрашиваю:

- Василь, у тебя есть ружьё?
- А на черта мне это ружьё?
- А ты знаешь, как интересно походить по лесу, звериные следы рассматривать. То ли белка, то ли куница пробежала, а вот лиса петляет, следы запутывает. А ружьё зачем? Для смелости. От зверя любого. Тебе нужно для здоровья по свежему воздуху ходить, по хвойному лесу. В момент поправишься. И забудешь про свою хворь, словно её и не было. Тебе, Вася, надо пойти на работу сторожем в урочище Рассошки. Там буртов наделали – и картофель, и морковь, и свекла. Тебе дадут лошадь под седлом и ружьё, тулуп и валенки. Будешь кум королю, при деньгах и на свежем воздухе.

Послушал Вася мой совет и пошёл к директору проситься на работу в Рассошки. Директор его принял на работу и дал всё ему, что я предсказывала. Каждое утро Василий делал объезд и осмотр буртов на предмет целостности и сохранности и докладывал лично директору совхоза. Ездил он, ездил, выздоровел и нашёл любовницу.

Были мы приглашены на свадьбу с Иваном. Свадьбу гуляем. А на той свадьбе сидят Василий с любовницей как гости, вино пьют, жизни радуются. А законная жена плачет, слёзы проливает. Шестеро детей – три девки и три хлопца, а хозяин сбежал из семьи. Мой муж Иван рассказывает, что сосед Василий бросил жену и пошёл в примы в Полостевичи, до Мурличихи. Мурличиха – это деревенская кличка, произошедшая от клички бывшего мужа Мурлик, или Мурло. Уж больно круглое у него было лицо. Проще – Мурличиха, жена Мурлика. Ну а брошенка – жена Василия – пришла к нам домой и жалуется:

- Так вот, Василий денег даже на хлеб детям не даёт и дома не живёт. Там они балы строят с музыкой, а детям не за что ботинки купить. Да что ботинки, сахар не за что купить к чаю. Положение безвыходное, – плачет жена.

– А ты с этим вопросом к кому обращалась?

– Ни к кому. Вася сказал: «Если пойдёшь жаловаться, то мало тебе не покажется, а если уйду от Мурличихи, то опять заболею на туберкулёз и помру». Так что выхода у меня нет.

– Слушай сюда. Завтра мой Иван раненько едет к директору. Езжай с Иваном к директору и всё ему расскажи про мужа и про любовницу. Директор вмешается и всё исправит.

Назавтра утром Иван мне говорит:

– Лидка. Смотри, собаки нашу соседку напугали, что она со страху ко мне в кузов залезла.

– Иван, подвези её до директора. Она хочет на Василя пожаловаться.

– О, небось ты её научила. Смотри, Васька узнает.

Рассказала жена Васина директору про свои неурядицы. А он ей и говорит:

– Иди домой и не бойся. Вернётся он домой как миленький и пальцем не тронет. Завтра приеду, проверю.

Директор звонит:

– Василий пусть садится на коня и ко мне немедленно приезжает.

Василь думал, может, премию даст ему директор. А Василя в контору позвали. И участковый милиционер там присутствует.

– Ну, рассказывай, Василь, как дела? Говорят, что ты пошёл в примы до Мурличихи. А детей кто твоих будет годовать, сукин ты сын? Моя это забота или, может, участкового? Ты нарожал этих детей, а кто поднимать их будет, кто на ноги ставить будет? Может, государство при живом отце будет обеспечивать твоих детей?

Да там его, как срезали. Как срезали:

– Если ты тронешь пальцем жёнку и не пойдёшь домой, да не будешь жить с детьми и не глядеть этих детей, то я тебя посажу в тюрьму. Срок получишь немалый – годов двенадцать. И ты будешь там горевать в тюрьме, а деньги будет жёнка с детьми получать и поднимет детей. А ты в тюрьме сгниёшь. Сейчас же собирайся и иди домой. А я приеду завтра рано да посмотрю. Бил ли ты жену, издевался, глумил ли?

Василь пришёл домой да под хлевом упал в снег и давай голосить:

– Ой, Олечка, я без тебя не могу, я без тебя помру. (Мурличиху звали Оля.)

А жена Василия убежала в соседнюю хату, от греха подальше. Видит Василий, что его концерт не действует, поднялся и пошёл к себе в дом. На завтрашний день приезжает директор. Василь дома находится.

– А жёнка где?

– Да она и не приходила домой.

– А почему-то она не приходила домой? Это ж ты над ней издеваешься, да бьешь, да глумишь. А ну иди позови. Под ручки приведи. Да не то, что с боем. Да по-людски приведи.

Пошёл Василь, перепросил жену. Привёл домой. Постепенно жизнь наладилась. А Василь ко мне всё ходит и ноет, что жизнь у него короткая. Что сломалась жизнь. А я ему в ответ:

– Василь, погодуешь ты сынов, поженишь, дождёшься внуков. Да родится правнука, вот тогда ты и умрёшь.

И надо же. Всё так и произошло. А по деревне молва пошла, мол, Лидия Иванчина – прорицательница. Будущее предсказывает.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Когда немцы шли с карательными операциями по городам и деревням, то не все люди верили, что их могут убить. За что? Таким человеком был и мой двоюродный дед Иван. Он был от рождения слепой и всю жизнь прожил с братом Андреем в одной хатке. Дедушке Андрею давали дополнительный надел земли для брата Ивана. Когда дед Андрей и бабушка Пелагея собрались ехать в лес прятаться от немцев, дед Иван заявил: «Никуда не поеду, я в жизни никого не обидел, за что меня будут карать, убивать?»

В соседней хатке жила бедная семья Маркулевичей, Илья и Ульяна. Было у них много детей, жили они очень бедно. Когда повозки ехали по улице, то Илья стоял и смотрел на всё это движение. Односельчане кричали ему: «Спасайся, ехать в лес нужно». А он отвечал: «Детей не во что одеть, зима ведь. А вообще мне снился сон, что моя семья погибнет, так что нигде не спрячешься». Сон Ильи сбылся. Немцы всех собрали из хат, кто остался в деревне, согнали в каплицу, что стояла на местном кладбище, и подожгли. Так сгорел в той каплице мой двоюродный дед Иван, вся семья Маркулевичей – семь человек, семья Гаврилковичей – пять человек, Стражевич Ольга с двумя детками и многие другие. Каплицу так и не восстановили, а я думала, что нужно было бы это сделать, ради памяти о погибших и ради живых.

Проза

Михаил Поленок

Михаил Демьянович Поленок – капитан 1 ранга запаса, ветеран военной службы, член Союза ветеранов военной разведки. Более 32 лет проходил службу в разведке ВМФ СССР и РФ. Награждён двумя орденами, многими медалями.

Член РСП и МСП «Новый Современник», заместитель руководителя КРО МСП «НС». Прозаик. Номинант национальной литературной премии «Писатель года – 2022», лауреат конкурса МСП «НС» имени В. Пикуля за 2022 год. Автор 10 документально-исторических и художественных книг. Публиковался в литературно-публицистических сборниках Балтийского флота «На флаг и гюйс», альманахах литературных объединений «Остров вдохновения» (Балтийск) и «Прибрежные волны» (Прибрежный). Написал более 20 историко-документальных военно-патриотических статей, опубликованных в газете «Красногорская жизнь» Брянской области.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗАДАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

Проходят десятилетия, память тускнеет и стирает отдельные эпизоды прошедших событий, казавшиеся ранее яркими, оставляя порой страницы, не важные и не значимые в прежнем понимании, но заново осветлённые реальной практикой времени.

В настоящий момент в средствах массовой информации (СМИ) немало написано и уделено внимания важному для истории многих стран мира саммиту глав государств СССР – США в декабре 1989 года на Мальте. Встреча генерального секретаря ЦК КПСС, председателя Верховного Совета СССР М. С. Горбачёва и президента США Джорджа Буша (старшего) была неофициальной, но её высокая значимость заставляет периодически возвращаться обратно, заново анализируя и обсуждая её результаты. При этом часто даются различные оценки и итоги. Диаметрально противоположные толкования во многом зависят от самих оценивающих, их жизненной платформы, политических взглядов и последовавшего в дальнейшем влияния принятых решений на целые государства и ближний срез окружения самих авторов. Запад особо акцентировал внимание на важности данной встречи как завершившей длительный этап «холодной войны». Это же подчёркивал по ходу ведения диалога на Мальте и Горбачёв: «...мир порывает с “холодной войной” и вступает в длительный период мирного развития». Бравурные слова, способствовавшие в дальнейшем реальному развалу СССР и целой системы стран без учёта интересов их народов, приобретают сегодня совсем иной смысл...

Спустя значительный период времени стала понятна простая, но проверенная практикой и надёжная система обмана своего народа, применявшаяся Горбачёвым. Не без подсказки Раисы Максимовны он использовал при этом методы показной демократии – наигранную открытость, мнимую простоту, «хождение» в народ.

Однако, уважаемый читатель, оставим политику специалистам и посмотрим на некоторые особенности охраны главы СССР за пределами своей страны, при нахождении на Мальте. Главной из них было привлечение спецназа Военно-морского флота (ВМФ) для обеспечения подводной безопасности встречи. Впервые подразделение специальной разведки Балтийского флота (БРФ) было успешно использовано для выполнения данной задачи в октябре 1986 года в ходе личной встречи генерального секретаря ЦК КПСС, председателя Совета Министров СССР М. С. Горбачёва с президентом США Р. Рейганом в порту Рейкьявик – столице Исландии. Тогда о миссии, выполняемой

водолазами-разведчиками, ничего не сообщалось в прессе. В декабре 1989 года программа «Время» впервые приоткрыла завесу секретности, сняв видеосюжет с места работы спецназовцев на турбоходе (тх) «Максим Горький» в ходе их подготовки и спуска под воду. Однако роль балтийского морского спецназа, во многом способного «дать фору» американским «морским котикам», до сей поры остаётся загадочной и неопределённой. Различные источники толкуют её неоднозначно, а часто и запутанно, не разделяя задач, выполнявшихся балтийцами, от задач, которые решались специальным подразделением водолазов Черноморского флота (ЧФ) по борьбе с подводными диверсионными силами и средствами, находившимся на ракетном крейсере (ркр) «Слава».

Наиболее полно и предметно деятельность части специального назначения БФ с момента её зарождения раскрыта в книге бывшего старшего матроса этой части водолаза-разведчика Александра Ржавина «Морские дьяволы. Из жизни водолазов-разведчиков БФ». Проведённая им исследовательская и аналитическая работа заслуживает глубокого уважения, однако охват автором значительного периода времени, даже при большом объёме изложения, не позволили конкретно раскрыть детали и внесли определённые неточности в мальтийский эпизод. При этом сыграл свою роль и недостаток информации с места событий.

Как участник и руководитель мероприятий хотел бы, вернувшись в тот исторический период, пусть субъективно, но восстановить реально проходившую подготовку с последующим выполнением задач в бухте Марсашлокк острова Мальта особым подразделением – спецназом БФ. Его костяк составляли специалисты, прошедшие боевую работу в Рейкьявике.

РЕЙКЪЯВИК

Пионерами отработки тактики использования советского морского спецназа в реальных условиях выполнения правительственного задания стали водолазы-разведчики БФ. Им пришлось обеспечивать подводную безопасность парома «Георг Отс» и океанского лайнера «Балтика» в ходе Исландского саммита 11–12 октября 1986 года.

Сформированная команда состояла из 37 человек: 5 офицеров, 4 мичмана, 28 – срочная служба. Старшим был назначен капитан 2 ранга В. С. Олейник. Партийно-политическое обеспечение осуществлял замполит капитан 2 ранга С. Н. Химченко. Для выполнения задач одновременно на двух объектах команда была разделена на две группы. Старший группы № 1 («Георг Отс») – В. С. Олейник, группы № 2 («Балтика») – капитан 3 ранга С. В. Павленко. Посадка групп, переодетых в гражданскую форму одежды, производилась в портах: Ленинграда – на лайнер «Балтика», Таллина – на паром «Георг Отс». На них же находились представители СМИ, МИДа, охрана из 9-го Управления КГБ, обслуживающий персонал.

Суда прибыли в Рейкьявик за сутки до появления первых руководителей СССР и США. Ошвартовались рядом, к противоположным сторонам одного и того же причала. М. С. Горбачёв с супругой Раисой были доставлены воздушным транспортом, а затем разместились на «Георге Отсе», где находились трое суток. Р. У. Рейган с супругой Нэнси расположились на американской базе патрульной авиации Кефлавик.

Для контроля подводной обстановки водолазные спуски осуществлялись с момента прибытия судов в порт Рейкьявика и до их ухода. Водолазы уходили под воду для обследования корпусов и прилегающей акватории связками в паре, продолжительностью два часа, имея при себе подводные фонари и ножи водолаза. Руководство водолазными работами осуществляли: на пароме – В. С. Олейник, на лайнере – С. В. Павленко. Водолазные посты были оборудованы на платформе, спущенной с грузового порта «Георга Отса», и на борту «Балтики». Спуск (подъём) водолазов осуществлялся по трапу («Георг Отс») и с использованием беседки («Балтика»). Обязанности командиров спуска выполняли: на «Георге Отсе» – капитан-лейтенант В. Н. Ковалёв и мичман М. Н. Пиванов, на «Балтике» – капитан-лейтенант А. И. Колесник и мичман А. Ф. Васильев.

В первый же день, сразу после прибытия, для первичного контрольного обследования под воду спустился В. Н. Ковалёв. После его подъёма поступило приказание о немедленном докладе результатов лично начальнику Генерального штаба Вооружённых сил СССР – первому заместителю министра обороны СССР Маршалу Советского Союза С. Ф. Ахромееву. Владимир Николаевич службой безопасности был сопровождён к высокому начальнику.

Особую специфику водолазным спускам, кроме жёстких предваряющих инструктажей и высокой ответственности, придавали специфичные приливы-отливы. Наибольшая высота прилива в Рейкьявике (район маяка Гротта) составляла 3,7 метра. В результате этого природного явления мощные течения вносили и выносили огромные массы воды незамерзающего залива Факсафлоуи. Корпуса судов «на глазах» падали вниз, прижимая водолазов к грунту. Это была настоящая психологическая проверка устойчивости разведчиков. При максимальном отливе рабочий диапазон между корпусами судов и заиленным грунтом сужался и составлял менее 1 метра, что создавало реальную опасность для жизни водолазов. Первым с этим столкнулся, делаясь затем опытом с товарищами, наиболее подготовленный водолаз В. Н. Ковалёв («Георг Отс»).

Спуск и подъём водолазов осуществлялся спускоподъёмным устройством с упрощённым вариантом водолазной беседки в виде рамной конструкции («корзины»).

Не обошлось и без неприятностей. В ходе работы под водой матрос Василий Рак сбил дыхание, а в результате получил кислородное голодание и отравление углекислым газом. Водолазу, потерявшему сознание уже при выходе из воды, мгновенно пришли на помощь его товарищи. Потерявшему сознание водолазу в дальнейшем была оказана профессиональная помощь врачами. Через сутки В. В. Рак опять мужественно ушёл под воду выполнять задачу.

Были и настоящие проверки бдительности и мастерства спецназовцев, пройденные ими с честью.

– Офицеры – под воду! – резкая команда с мостика привычно «бросила» лучших специалистов на водолазный пост.

Неопознанный круглый объект, обнаруженный гидроакустиком, приливным течением сносило к борту судна. Объект, похожий на мину, имел прикрепленный к нему тросик, таинственно уходивший в глубину. Нервы у всех были напряжены, но водолазы работали уверенно и профессионально. Умелыми действиями все «мины», а их за период работы оказалось четыре, были своевременно нейтрализованы на безопасном удалении от корпусов охраняемых объектов.

– Обнаружены две малоразмерные цели, неопознаны, приближаются, – лаконичный доклад старшины гидроакустической станции (ГАС), работающей в активном режиме, не застал водолазов врасплох.

По ходу подводных работ доверие водолазам со стороны руководства возрастало. Использование ГАС в режиме излучения для освещения подводной обстановки было прекращено, акцент был сделан на работу водолазов. Интенсивность спусков в расчёте на одного человека резко увеличилась. Надёжно и высокопрофессионально работали разведчики И. А. Авдонин, И. В. Борисов, В. Н. Ковалёв, В. Н. Максимцев, А. М. Михалёв, М. Н. Пиванов и другие.

Встреча М. С. Горбачёва с Р. Рейганом проходила в доме Хёвди (северная часть Рейкьявика). Возведён он был в 1909 году. Из его окон открывается прекрасная морская панорама. Изначально в нём проживал консул Франции, затем местный поэт Эйнар Бенедиктссон. В дальнейшем дом Хёвди, где сохранена обстановка саммита, был открыт для посещения туристов.

После убытия М. С. Горбачёва для водолазов была организована экскурсия в город. По мнению участников (В. Н. Ковалёва, И. В. Борисова), встречали их тепло и радушно, принимая как друзей. Рейкьявик имел вид дружелюбного и спокойного города. Неудивительно, что в дальнейшем, используя горячую воду из геотермальных источников на северо-западе города, он станет самой чистой столицей Европы.

Возвращение групп на Родину после выполнения задачи состоялось тем же маршрутом и морскими судами, что и в Рейкьявик. Непосредственная доставка из Ленинграда и Таллина была произведена воздушным транспортом. Общее время специальной командировки составило 17 суток (1–18.10.1986).

По итогам выполнения правительственного задания специальная команда БФ получила отличную оценку. Наибольшее количество часов работы под водой в сложных условиях набрали водолазы-разведчики В. Н. Ковалёв, И. А. Авдонин, И. В. Борисов. Многие из участников были награждены командованием БФ и ВМФ с вручением знаков «За дальний поход».

ПОДГОТОВКА К МАЛЬТЕ

Уже 10 ноября 1989 года, с получением распоряжения на выполнение правительственного задания, была начата комплексная работа всех уровней по отбору кандидатов для заграничной ко-

мандировки. В ней приняли участие представители Главного штаба (ГШ) ВМФ (капитаны 1 ранга В. И. Важов и В. С. Ценин), БФ (вице-адмирал А. И. Корниенко – член Военного совета, капитаны 1 ранга В. П. Касьянов и В. И. Шорин), разведки БФ (капитаны 1 ранга В. С. Висовень, Л. В. Ковалёв, Е. В. Пузырный) и органов государственной безопасности.

Параллельно с проведением собеседований прошли собрания с разъяснением целей командировки и постановкой задач участникам: 10 ноября – офицерское, 15 ноября – партийное и комсомольское.

Основанием для выполнения специального задания явилась директива ГШ ВМФ от 13.11.1989 года № 7-СПБ.

16 ноября командующим БФ адмиралом В. П. Ивановым был утверждён согласованный со всеми ведомствами список участников для выполнения специального задания. В него вошло 30 человек, в том числе врач-физиолог флота подполковник В. В. Дружинин, представитель контрольных органов А. И. Титенко. Из них: офицеров – 6, мичманов – 4, срочной службы – 20 (8 старшин); мастеров и 1-го класса – по 7, 2-го класса – 11, 3-го класса – 5; коммунистов – 13, ВЛКСМ – 14, беспартийных – 3 (2 мичмана и 1 матрос).

После формирования группы началась её подготовка по утверждённому плану. Личный состав части заново сдавал соответствующие зачёты и выполнял практические контрольные упражнения по использованию оружия и спецсредств. 16 ноября проводились стрельбы из специального подводного пистолета «СПП-1» в тире части, а затем подводные – в озере. Около него находилась группа офицеров-руководителей. Пуля – 115-миллиметровой длины стальной игловидный стержень – внезапно упала у ног проверяющего, бодро стоявшего на открытом участке побережья озера с тыльной стороны водолазов-разведчиков, стрелявших в мишень под водой.

– Кто бросает? Что за шутки? – строго произнёс, в негодовании взъерошив брови, капитан 1 ранга Л. В. Ковалёв.

– Это «СПП» шутит из-под воды – рикошет, – спокойно заметил руководитель стрельб капитан 2 ранга В. С. Олейник. – Лучше отойти за здание, – предусмотрительно добавил он.

– Видно, ствол кривой? – шутливо и с иронией произнёс замполит, суетливо и нервно подёргивая плечом.

– Плотность водораздела резко изменяется – отсюда такой неожиданный эффект, – пояснил сдержанно Олейник.

– Немедленно всем уйти в укрытие! – приказал Ковалёв, уважительно рассматривая поднятый с земли внушительной длины стальной стержень и поспешно уходя за угол здания.

16 ноября автомобильным транспортом тыл флота доставил в часть широкий ассортимент одежды. Началась экипировка участников в гражданскую форму. Все элементы были высокого качества и европейского производства. Выбор и примерка костюмов, рубашек, галстуков и обуви по заранее заказанным параметрам вызвали особое оживление.

– Ваня, теперь тебя никто не признает – выглядишь, как пижон заграничный, – заметил Олег.

– Жаль, что нельзя показаться в таком виде родным, вот бы обрадовались, – отреагировал Иван.

– Почему нельзя? Командир костюм домой брал, – намекнул Александр.

– Брал для примерки, а жене объяснил, что хочет его приобрести, – пояснил старшина роты.

– Пацаны, в таком прикиде, наверное, нам теперь и пиво можно будет пить, – весело заметил балагур Домогацкий.

– Жди! «Раскатай губы шире». Займись лучше подготовкой снаряжения, – оборвал старшина.

Парные спуски под воду и тренировки в поточно-декомпрессионной камере «ПДК-2» были привычными. Под руководством инструктора по физподготовке были отработаны и специальные физические упражнения борьбы под водой.

19 ноября все мероприятия по слаживанию и подготовке специальной группы – команды были выполнены. В этот же день прибыл представитель ГШ ВМФ капитан 2 ранга Ю. А. Шмелёв, исполнявший в дальнейшем обязанности заместителя руководителя группы. Руководитель группы – представитель ГШ ВМФ капитан 1 ранга В. Н. Ковалёв встретит спецгруппу в Одессе на борту тх «Максим Горький». Старшим команды был назначен капитан 2 ранга М. Д. Поленок, водолазным специалистом – В. С. Олейник.

В ходе подготовки были исполнены списки личного состава и имущества, планы подготовки и партийно-политической работы на весь период, включая выполнение задач в Средиземном море.

20 ноября представителями ГШ ВМФ, БФ, разведки флота водолазы-разведчики, их имущество, вооружение и военная техника были подвергнуты всестороннему контролю готовности к выполнению поставленных задач. Личному составу выписаны командировочные предписания и продовольственные аттестаты. Для доставки группы воздушным путём исполнены список военнослужащих и опись груза, перевозимых на самолёте.

21 ноября в 05.40 спецгруппа убыла из пункта постоянной дислокации.

Военно-транспортный самолёт Ан-12, привычно опустив аппаратель, сиротливо стоял в сторонке на аэродроме Храброво готовый принять водолазов-разведчиков и их груз. Рядом, осматривая самолёт, возился его борттехник. Таинственно зиял вместительный грузовой отсек, откуда уже были демонтированы два средних ряда сидений, освободив значительную площадь под размещаемый груз. Работяга Ан-12 многим из нас нравился своей мощностью, спокойным нравом, да и привыкли к нему, так как частенько осуществляли прыжки с парашютом или переброску групп в районы учений. Имея четыре турбовинтовых двигателя, он чем-то напоминал былинного русского богатыря Илью Муромца. Привычные к физическим нагрузкам разведчики быстро произвели разгрузку КАМАЗа. Наличие у транспортника большого грузового люка и погрузочной кран-балки значительно облегчило его загрузку. Всё было подчинено выполнению главной задачи, поэтому говорить о соблюдении обязательных повседневных требований безопасности не приходилось. Весь комплект разнородного и взрывоопасного груза находился в одном месте – грузовом отсеке, закреплённый сеткой и растяжками: баллоны с кислородом, бензин, масло, спирт, химическое вещество («О-3», «ХПИ», «ВПВ»), оружие и техника. Разведчиков провожали представители флота капитаны 1 ранга В. С. Висовень, Л. В. Ковалёв, В. П. Касьянов. Перед вылетом каждому участнику были выданы паспорта моряков с соответствующей судовой ролью. Партийные, комсомольские и военные билеты были собраны и сданы на хранение.

Вылет с аэродрома Храброво Ан-12 произвёл в 09.10, а в 12.00 уже осуществил посадку в аэропорту Одессы.

ТУРБОХОД «МАКСИМ ГОРЬКИЙ»

В 14.00 прибыли в Одесский порт. Доставленный груз, выставив охрану, разместили около тх «Максим Горький», пришвартованного к стенке. Перед нами был величественный лайнер, огромной глыбой нависающий над остальными судами. В то же время стройные обводы его белоснежного корпуса, ажурность надстроек в сочетании с гигантскими размерами одновременно создавали впечатление большой, но лёгкой птицы, воспарившей ввысь. Внушительными формами судно сразу напомнило известный «Титаник». В дальнейшем оказалось, что и в судьбах они чем-то схожи, трагично получив пробоины в северных широтах.

«Максим Горький», экстренно снятый приказом сверху с планового круиза, уже закончил передачку советских туристов на турбоходы «Леонид Собинов» и «Фёдор Шалапин». Шла спешная подготовка к походу, включая техническую готовность, материально-техническое обеспечение. Вопросы безопасности контролировало 9-е управление КГБ СССР.

Во второй половине дня занимались размещением по каютам 4-й палубы судна (офицеры – по 2 человека, личный состав – по 4) и обустройством быта. Хотя обустраивать особо было нечего. Такой шикарной обстановки даже не ожидали увидеть. Все каюты имели ковровое покрытие, диван, ванную с туалетом, телефон и цветной телевизор. Некоторые разведчики, привыкшие к упрощённым условиям, даже не сразу смогли разобраться с новой технологией быта, в том числе назначением трёх полотенец для каждого, электрофена в ванной и возможностями многоканального телевизора. Смена постельного белья осуществлялась ежедневно. После обеднённой среды обитания с существовавшими уже проблемами по питанию, недостаткам вещевого обеспечения и просмотром низкокачественного чёрно-белого телевидения это были райские условия.

На следующий день произвели загрузку имущества со стенки на судно. Налаженная система жёсткого контроля соответствия безопасности лайнера предъявляемым требованиям и здесь, как на самолёте, не коснулась сложного спецназовского груза, объединявшего в единое целое несовместимые слагаемые.

В первой половине дня в целях изучения устройства судна и особенностей его подводной части механиком турбохода О. Т. Семеренко было проведено занятие. Водолазы, переодетые в униформу экипажа, ничем не отличались от основного контингента. Они с интересом слушали докладчика, задавая вопросы и уточняя по схемам и макету нахождение тех или иных подводных устройств, горловин и шпигатов.

– Судно, как человек, имеет славные и даже мужественные страницы в своей истории, – начал механик, чтобы заинтересовать слушателей.

– Какой истории? Обычный пассажирский круизный лайнер. Это же не военный корабль, – не выдержали разведчики.

– Да, не военный, – задумчиво проговорил докладчик. – О «Титанике» слышали?

– Конечно! Кто же не знает трагическую судьбу этого гиганта? – раздался голоса слушателей.

– Вот и наш турбоход полгода назад попал точно в такую же ситуацию. Во многом благодаря профессионализму экипажа, спасателей и главного механика Пономарёва Бориса Фёдоровича пассажиры и судно были спасены.

– Расскажите, что произошло? – с интересом попросили водолазы.

– 20 июня 1989 года «Максим Горький» следовал курсом Исландия – Шпицберген. На борту находилось 575 туристов и 378 членов экипажа. – Семеренко сделал паузу, как бы интригуя, затем продолжил: – В Гренландском море, когда до Шпицбергена оставалось 130 километров, оказались в ледовой обстановке. Судно получило три пробоины, были затоплены 2-й, 3-й и 4-й отсеки, в том числе два ресторана из трёх («Крым» и «Море»). Было принято более 6000 тонн воды.

– Как же удалось спастись? – удивлённо прозвучал очередной вопрос слушателей.

– Оказали помощь спасатели Норвегии, а затем наши – советские спасательные суда «Заря», «Агат» и теплоход «Печенга». Имеется документальный фильм, раскрывающий борьбу со стихией за спасение пассажиров и лайнера. Рекомендую ознакомиться с ним, – посоветовал механик.

В дальнейшем (25 ноября) все действительно с интересом посмотрели познавательный и уникальный фильм «Авария турбохода “Максим Горький”».

– Удалось ли качественно восстановить турбоход? – прозвучал очередной вопрос.

– Да. Он прошёл полный цикл ремонтных работ в Бременхафене, где находился с 4 июля по 18 августа текущего года. Техническая готовность проверена комиссией специалистов.

Во второй половине дня, по указанию капитана 1 ранга В. Н. Ковалёва, с целью практического ознакомления с подводной частью судна, произвели тренировочные спуски водолазов «тройками» – по три человека одновременно.

В конце дня подвели итоги. В результате сразу же обнаружилось и самое слабое звено – дыхательная смесь у матроса В. В. Домогацкого закончилась уже через 40 минут, что подтверждало его недостаточный уровень практической водолазной подготовки.

К вечеру погода испортилась, но шторм, видимо, никого не волновал – выход состоялся по утверждённому графику в 23.00. Лайнер впервые, с учётом сложных погодных условий, с долей риска выходил не через парадные Воронцовские ворота порта, а как обычный сухогруз – через Западные. Буксиры, сопровождавшие его, работали «на укол» без концов, не крепились.

Переход по Чёрному морю проходил штатно. Лайнер водоизмещением 25 тысяч тонн, длиной 195 метров, имевший к тому же два стабилизатора (успокоители качки), хорошо держал волну.

Согласно утверждённому распорядку, каждый день начинался с зарядки на спортивной палубе. Затем продолжался изучением материальной части, исполненных инструкций, тренировками по выполнению водолазных работ, занятиями по организации звукоподводной связи (ЗПС) и другим темам.

Занимаясь дополнительной подготовкой к выполнению предстоящих задач, личный состав команды наслаждался предоставленной возможностью вкусить экзотику двенадцатипалубного лайнера. Основные пассажирские палубы имели ковровое покрытие, каждая своей расцветки. Три ресторана, три бара, два бассейна (открытый и закрытый), кинотеатр, спортзал и спортивная площадка... – всё было необычным. Открывшаяся роскошь с пальмами в прогулочных коридорах палуб, экзотикой киосков удивляла. Невольно возникал вопрос: «А нужны ли эти излишества на корабле?» На судне оказалась и прекрасная библиотека, а также большой каталог видеопродукции, в том числе фильмов, которые можно было смотреть по кабельному телевидению, предварительно заказав по телефону необходимые из них.

Организация и качество питания превзошли все наши самые оптимистичные ожидания. Даже в ресторанах СССР с таким изобилием и ассортиментом встречаться не приходилось. Разнообразие подаваемых стюардессами блюд, закусок, напитков, десерта, мороженого приводило всех в восторг. И это – в условиях растущего дефицита продовольствия и очередей в стране. Закреплённые за конкретными столами стюардессы мгновенно подавали очередное заказанное блюдо. Сначала количество сервируемой в ресторане столовой посуды и приборов приводило в растерянность – что и к какому блюду брать? При высоком качестве был и широкий выбор блюд. Ограничений по желаемому ассортименту и его количеству не существовало. Кроме богатого меню здесь же в ресторане накрывался, тогда ещё не известный для многих, шведский стол, в том числе с большим количеством красочно упакованных европейских продуктов, фруктов и овощей. Здесь были и таинственные в тот момент джемы, мармелад, мёд, йогурты, разнообразнейшая выпечка, отсутствовавшие в советских магазинах. Каждый день меню включало новые блюда.

23 ноября в 20.00 прошли пролив Босфор. Потеплело, температура воздуха 10 градусов, воды – 15 градусов. В сравнении с Чёрным Средиземное море встретило более приветливо – спокойнее, с плавной и удлинённой волной, ощутимым простором.

На следующий день по просьбе руководства турбохода водолазы приняли участие в судовых работах. По ходу неспешного движения, со скоростью 10 узлов, на лайнере продолжали лихорадочно наводить порядок, готовя его к посещению первым лицом Советского Союза.

– Товарищ командир, жалко выбрасывать за борт добротные кожаные кресла, – внезапно обратился подошедший мичман В. Н. Максимцев – участник работ. Его лицо, да и вся фигура, выражали недоумение. Рядом с ним стояли матросы, тащившие кресла.

– Зачем выбрасывать? Действительно хорошие, – осмотрев кресла, по-хозяйски рассудил и одновременно спросил, обращаясь неизвестно к кому, командир.

На палубе показались ещё двое водолазов с огромным рулоном коврового покрытия на плечах.

– А вы куда несёте груз? – обратился он к ним.

– Топить в море, товарищ командир, – прозвучал бодрый ответ.

Следом за ними их товарищи несли телевизор.

– А мы средиземноморскому Нептуну несём подарок, – весело доложили они, не дожидаясь вопроса, довольные явным недоумением на лице командира.

– Подождите, не топить! Сейчас я уточню у руководства. Возможно, вы ошиблись и неправильно поняли команду?

Ркр «Слава» ЧФ (б. Марсаилокк, 3.12.1989 г.)

Руководство судна подтвердило, что водолазы действуют правильно – аврально завершались работы по приведению апартаментов лайнера к единому стилю и фасону. Никто не мелочился – всё списывалось сразу и оптом, а уничтожение шло самым оперативным способом – утоплением. Рулоны ковровых покрытий, мебель, телевизоры быстро исчезали в глубинах Средиземного моря. Кое-что, в том числе пара кресел, ковровое покрытие, тихо «ушло» в помещение водолазного имущества команды, а в дальнейшем было доставлено в часть, напоминая о былых временах.

В отдалении проплывали в лёгкой дымке острова Греческого архипелага, выглядевшие как таинственные облака, спустившиеся с небес и окунувшиеся в чистые воды.

25 ноября с 08.00 до 20.00, учитывая имеемый резерв времени и прекрасную погоду, стояли на якорю в бухте Ватика. Солнечно, ветер 6–7 баллов, температура воздуха 20 градусов, воды – 18 градусов. Все в спешке были заняты доводкой лайнера до идеального состояния готовности.

27 ноября при нахождении в центре Ионического моря начало штормить, усилился ветер, пошёл дождь. Воспользовавшись непогодой, провели комсомольское собрание по задачам, которые предстояло решать.

28 ноября в 07.30 были у острова Мальта. Подошёл и ркр «Слава» ЧФ. В 11.30 зашли в бухту Марсашлокк, находящуюся на юго-восточной оконечности острова. Открытая каменистая и бедная растительностью местность, окружавшая её, не впечатляла. Погода свежая, небо чистое – солнечно, температура воздуха 18 градусов, воды – 21 градус. «Максим Горький» ошвартовался левым бортом к стенке. По корме, примерно в 2 кабельтовых, ошвартован на кормовую бочку и носовой якорь ркр «Слава». Рядом с ним, ближе к траверзу правого борта турбохода, ошвартовался на бочку крейсер управляемого ракетного оружия (кр УРО) «Белкнап» США. Ркр «Слава» советской классикой обводов корпуса, предупреждающе приподнятыми над палубой 16 пусковыми установками противокорабельного ракетного комплекса «Базальт», в сравнении с кр УРО «Белкнап» смотрелся величественно и грозно.

ВЫПОЛНЕНИЕ ЗАДАЧ

В бухте Марсашлокк сразу же было сформировано три зоны безопасности, прикрывающие объекты, прибывшие для обеспечения встречи. Выполнение задач в них осуществлялось водолазами БФ – тх «Максим Горький», ЧФ – ркр «Слава», США – кр УРО «Белкнап».

Выполнение задач по обеспечению подводной безопасности лайнера начали в 12.30, через час после захода в бухту. Водолазный пост был оборудован в открытой технологической нише – грузовом порту (лацпорту) правого борта судна. Спуск (подъём) водолазов осуществлялся с причальной платформы по опущенному в воду жёсткому трапу. Кроме командира спуска – водолазного специалиста на посту находились страхующий и обеспечивающий водолазы, врач-физиолог. Командир спуска имел УКВ-связь с руководителем работ, находившимся на мостике судна, и ЗПС – с водолазами. Командирами спуска были назначены В. С. Олейник и М. Н. Пиванов.

Разведчики работали парами, осуществляя галсовый осмотр подводной части судна, заодно страхуя друг друга. Первыми ушли под воду мичман В. Н. Максимцев и старший матрос Л. В. Могилев. Через полтора часа их сменили старшина 2 статьи И. В. Бондарев и старший матрос О. В. Захаров. Постоянное нахождение пары водолазов в воде с осмотром турбохода «Максим Горький» продолжалось до 03.30 второго декабря.

С 12.30, с целью повышения качества контроля за подводно-надводной обстановкой около судна и проводимыми специальными водолазными работами, дополнительно был введён визуальный осмотр. Его осуществлял руководящий состав команды патрулированием на надувной лодке (НЛ) «Стриж» вдоль корпуса, по 10 минут каждый час, с началом работы по закону случайных чисел. Командирами патрульной НЛ были назначены заместитель и старший команды.

Во второй половине дня на очередной обход лайнера вышли старший команды и В. Н. Максимцев, исполнявший обязанности моториста. Расстелив покрывало на дно резиновой лодки, Максимцев, привычно дёргая шнур ручного стартера, стал запускать мотор. Тот сопротивлялся, пыхтел и чихал от каждого рывка, но затем снова замирал.

- Товарищ командир, опять «Вихрь» барахлит, – вытирая пот, произнёс моторист.
- Надо свечи почистить, а лучше заменить, – дал совет старший команды.

– Да я их уже чистил, – заметил Максимцев, выкручивая в очередной раз свечу. – Вот, опять за-маслена.

– Лучше бы совсем мотор другой марки поставить, но где его возьмёшь? – задумчиво проговорил старший, понимая, что нежный в обращении «Вихрь-30» никогда не выдерживал жёстких морских условий. – Обслуживать надо лучше, – строго, по-командирски добавил он, тревожно поглядывая в сторону противника.

Находились они «как на ладони» перед экипажем американского крейсера «Белкнап» – можно было опростоволоситься, будучи сфотографированными в неприглядной ситуации.

Перепаханный моторист, понимая это, настойчиво колдовал с таким же в подтёках топлива «Вихрем», то очищая свечу, то вдавливая топливный поплавок; в промежутках проверял наличие зажигания. Вдруг двигатель пыхнул дымком, тревожно захлебнулся, а затем с перепадами радостно затрещал, как живой, вибрируя на транцевой доске.

Радость была преждевременной, старший даже не успел поблагодарить моториста, как от искры провода зажигания вспыхнул залитый топливом двигатель. Теперь это была яркая и обличительная картина к удовольствию противника.

– Горим!!! Перекрыть кислород!

Максимцев – опытный и даже матёрый профессионал, уже рвал из-под ног покрывало и тут же набросил его на «Вихрь», прекратив доступ кислорода и не дав представителям американских спецслужб сфотографировать пожар под бортом «Максима Горького».

Командир с опаской оглянулся на лайнер. «Видели ли наши контрольные органы такую неприятную предпосылку к происшествию? – подумал он и понял: – К счастью, не видели», – лодка была надёжно прикрыта высоким бортом судна.

Работа в новых, отличных от Балтики, условиях водной среды Средиземного моря с выполнением специальных задач на самом высоком уровне вызвала закономерную притирку водолазов. Психологически сказалась и откровенная ориентировка представителями службы безопасности на реально возможное проведение террористами подводных диверсионных акций, направленных на срыв важной встречи. Огромная и сложная конструкция подводной части лайнера с многочисленными отверстиями, торчащими патрубками, винторулевыми устройствами и различными агрегатами, как исполинское чудовище, мрачно нависала над водолазами. Имевшая осадку 8 метров, она была прижата к заиленному и захлапленному грунту бухты. В этом обжатом пространстве между корпусом и грунтом и следовало выполнять задачи. Качественное обследование требовало от водолазов высокого профессионализма и выдержки. Бухта Марсошлокк, открытая со стороны Средиземного моря, была доступна и для посещения её акулами. В целях обеспечения безопасности водолазов были спущены по носу и корме турбохода противоакульи клетки. Реально это была чисто символическая защита, больше психологического характера.

Особенно тяжёлым осмотр был в ночных условиях. Фонарь водолаза высвечивал в подводном мраке мутное расплывающееся пятно вблизи. Чтобы облегчить условия работы, были установлены прожектора, освещавшие поверхность воды у борта турбохода.

Сдавливающая тело глубина и необычная тишина подводного мира, нарушаемая незнакомыми искажёнными гидрологией моря звуками, окружали водолазов.

В результате не обошлось и без неприятностей. Уже в первые сутки, кроме возгорания мотора «Вихрь», два человека получили отравление углекислым газом (Е. А. Бондарев, В. В. Домогацкий), трое вышли из-под воды через 30–40 минут по причине травления смеси в дыхательный мешок из-за некачественной регулировки лёгочного автомата (В. В. Тымошук, С. В. Глумов, В. Н. Максимцев).

Связь с водолазами обеспечивал опытный техник-гидроакустик старший мичман А. И. Ненашев по станции гидроакустической связи «МГВ-6» («Угорь»). Водолазы имели «МГВ-6В» («Угорь-В»), входившую в состав комплекта «МГВ-6». Ильич выжимал из аппаратуры всё, что она могла дать, но ведь не Бог же он... Подводный мир таинственно, как живое существо, дышал. В динамиках станции были слышны трески и шорохи, сполохи повторяющихся и растянутых звуков, неоднократно отражённых от дна бухты и её объектов.

– Первый, первый, я – Водяной, повторите.

Пришедший искажённый до неузнаваемости ответ подтвердил ухудшение звукоподводной связи.

– Запросите самочувствие водолаза условным сигналом, – приказал Ненашев гидроакустику.

– Самочувствие водолаза плохое, – произвёл тот доклад. Затем уточнил: – Принята серия частых коротких сигналов...

29 ноября в 20.45 под воду в связке ушли капитан-лейтенант В. Н. Ковалёв – опытный водолазный специалист, и В. В. Домогацкий – самое слабое звено. В 22.00 в свете прожектора в верхнем слое воды недалеко от водолазного поста показался Ковалёв. За ним всплывал Домогацкий, подтянутый в связке и не реагирующий на сигналы напарника. Потерявший сознание, тяжёлый и неподъёмный водолаз усилиями товарищей с трудом был вытаскен из воды. Мгновенно разрезанный водолазным ножом гидрокombineзон (ГК), сорванная с его лица маска обеспечили доступ живительному воздуху. Домогацкий находился без сознания, в тяжёлом состоянии отравления углекислым газом – изо рта гнало пену, всё тело изгибалось в неконтролируемых конвульсиях.

Пара водолазов, одетых в ГК и готовившихся к погружению, с лёгким шоком наблюдали за мероприятиями по спасению их товарища, весело ушедшего под воду всего лишь немногим более часа назад, а сейчас безвольно вручившего свою жизнь в руки спасателей.

– Уберите не нужный для текущей работы личный состав! – строго приказал старший, увидев тревожные лица подошедших водолазов свободной смены.

Пострадавшего под контролем врача-физиолога В. В. Дружинина срочно доставили в госпиталь лайнера, где в результате активной терапии специалистами в течение суток он был приведён в адекватное состояние. В дальнейшем В. В. Домогацкий был отстранён от водолазных спусков и, как ненужный балласт, тенью бродил среди своих товарищей.

Последующий анализ показал, что основными причинами тяжёлой степени отравления углекислым газом явились малая наработка под водой, недостаточный уровень психологической устойчивости, курение перед спуском, приём «успокоительных» таблеток, а также неплотная зарядка коробки с веществом «ХПИ» (химический поглотитель известковый) изолирующего дыхательного аппарата «ИДА-71П». В значительной степени на неокрепший физически и психологически молодой организм водолаза повлиял неучёт руководством, в сложившихся напряжённых условиях работы, факта его рождения в этот злополучный день и тем более юбилея – 20 лет. На примере пострадавшего в очередной раз подтвердились признаки, наличие которых указывало на необходимость особого внимания за их владельцем, а именно – призван из большого федерального города, не член ВЛКСМ, единственный ребёнок в семье.

30 ноября в 02.00 внезапно и тревожно прозвучал доклад пары водолазов (О. И. Трифонов, К. Б. Шокин) об обнаружении на винтах носового подруливающего устройства правого борта двух неизвестных предметов цилиндрической формы. Для контрольного осмотра и точного определения местонахождения неопознанных предметов под воду оперативно ушли В. Н. Ковалёв и К. Б. Шокин. Экстренно поднятый по тревоге штаб, состоящий из представителей спецслужб и механика лайнера, развернул ворох чертежей корпуса судна. Потянулись томительные минуты ожидания результатов осмотра. Каждый понимал серьёзность момента, ожидая всплытия водолазов, и невольно прикидывал: «Ошибка?» – лучший вариант, тогда всё обойдётся местной тренировкой. Или придётся докладывать в объединённый штаб с вытекающими последствиями, о которых даже думать не хотелось.

После подъёма водолазов и их детального доклада механик судна облегчённо вздохнул и произнёс: «Протекторное покрытие защиты», – и показал на чертеже.

1 декабря с нуля часов под лайнером работали И. В. Кузьменко и В. Н. Сакевич. Погода испортилась, усилился ветер, пасмурно, мелкий дождь, температура воздуха и воды – 19 градусов. В ходе осмотра участка в районе винтов произошло запутывание сигнального конца. Освободиться самостоятельно водолазы не смогли. Для оказания помощи был спущен страхующий водолаз.

В 15.00, с разрешения спецслужб, фоторепортёрами 1-го канала телевидения впервые были произведены съёмки выполнения водолазных работ флотским спецназом – подготовка и спуск пары водолазов (В. Н. Ковалёв, И. А. Авдонин). Их инструктаж осуществлял В. С. Олейник. 3 декабря 1989 года данный эпизод был показан по программе «Время», и только тогда родные и семьи участников наконец узнали, где находятся и чем занимаются их мужчины.

С 20.00 была начата выдача «СПП-1» и впервые выполнение задач с возможностью его боевого использования разведчиками. Принятие данного решения не сразу было однозначным. Вначале объединённый штаб рассматривал его применение после получения доклада, анализа информации от водолаза о подводной обстановке и принятия решения на применение оружия. Такой вариант в ре-

альных условиях при существующей организации ЗПС был губительным для водолазов и самого судна, так как требовал значительного времени от обнаружения опасности до применения оружия.

Канал связи «командование – водолаз» обеспечивал мастер военного дела А. И. Ненашев. Однако изменить или повлиять на объективно сложные условия распространения сигнала в водной среде даже он не мог. Расчёты необходимого времени для полного цикла прохождения информации убедили начальников дать разрешение водолазам-разведчикам на самостоятельное применение «СПП-1», сообразуясь с обстановкой, с последующей их ответственностью.

– Осмотр, зарядание (разрядание) пистолета «СПП-1» производить командирам спуска на водолазном посту, – строго предупредил старший спецгруппы. – Кроме пистолета каждый водолаз должен иметь водолазный нож и ручной фонарь. При обнаружении подводных диверсантов оружие применять немедленно, – добавил он.

Все разведчики, почувствовав после инструктажа особые условия работы, невольно подтянулись и стали серьезнее.

Кроме профессиональных проблем по ходу выполнения задач имелись и чисто бытовые, так называемые «русские», исходящие к нашим древним традициям и слабостям. Для дезинфекции водолазного снаряжения и оборудования с собой был взят бидон со спиртом – известным на флоте как «шило». Ответственным за его хранение и использование по прямому назначению был назначен капитан-лейтенант В. Н. Ковалёв – опытный специалист, но скромный и отзывчивый человек, сочувствовавший любителям «шила».

– Владимир Николаевич, спирт буду проверять ежедневно, – предупредил старший команды, заметив у его каюты жаждущих москвичей.

– Товарищ командир, так «шило» же имеет свойство испаряться, – лукаво, с простецкой улыбкой отреагировал тот.

– Что, уже успело испариться? – с лёгкой угрозой констатировал командир. – Будете отвечать сполна.

– Ещё нет, – поспешно, но уже серьёзно и даже озабоченно доложил ответственный.

– Предупредите всех желающих – проверяю вас лично. Сначала целостность печати, а затем объём жидкости.

– Вас понял! А если бирка с печатью случайно сорвётся? – уже ловчил Ковалёв.

– Случайностей у нас быть не должно, но на всякий случай опечатаю ещё и второй печатью, при этом ваша ответственность за последствия только возрастёт.

Ковалёв задумчиво и грустно поскрёб затылок и больше ничего не сказал.

«Значит, понял и осознал», – успокоившись, подумал командир, не зная истинную остроту ума и изворотливость любителей «шила», направленную на его добывание.

– Если будут сильно досажать – отправляйте ко мне, – закончив воспитательную беседу, дал он совет, понимая, что к нему в такой обстановке вряд ли кто придёт.

К ноялям часов 2 декабря на борт судна прибыл М. С. Горбачёв с супругой.

С учётом этого спецназ БФ в очередной раз прошёл инструктаж. Его начальники, в том числе старший команды, допущенные в зону нахождения глав государств, получили предметный указатель, подтверждавший это для службы безопасности, в виде закреплённого на лацкане пиджака небольшого значка. Он имел окраску, установленную для конкретного периода времени, а затем менялся на аналогичный, но другого цвета.

В 02.00 был отстранён от спуска под воду и выполнения задач М. П. Першин – почувствовал себя плохо. Причину выяснили быстро. Нарушив установленное требование – перед спуском не передать, загрузился в этот раз копчёной деликатесной колбасой до полной мерки своих возможностей. Это было тем более удивительным, что, с прибытием в бухту Марсашлокк, питание для водолазов было обеспечено круглосуточно, в любое время суток и без ограничения. Товарищи сочувствовали пострадавшему, но в то же время безобидно, но и не без удовольствия подшучивали над ним:

– Не проснулся, видимо, вот и перепутал – испугался, что ресторан больше работать не будет.

– Один, как голодный волк, здоровую палку колбасы съел.

– С таким аппетитом и вторую мог бы съесть. Может, и лучше стало бы?

– Да не наелся парень. Вот и плохо стало, мутит.

– Доктор быстро вылечит, у него надёжный способ – вернуть обратно вредный продукт.

К 03.30 погода резко ухудшилась: дождь, ветер 18 м/сек, волнение в бухте 4 балла. Спуски водолазов и патрулирование на НЛ приостановлены. К утру разыгрался шторм.

По согласованному заранее плану переговоры должны были проходить на военных кораблях сторон – участниц встречи, сначала на ркр «Слава», а затем на кр УРО «Белкнап». Пассажирское судно должно было использоваться как гостиница для делегации и сопровождающих лиц. Шторм внёс внезапную корректировку. Планы были резко изменены, и встреча полностью проходила на гражданском лайнере «Максим Горький».

В 09.40 на турбоход прибыл президент США Джордж Буш. Все встречи и диалоги двух сторон проходили в помещениях, расположенных на прогулочной палубе. В 15.00 он убыл на кр УРО «Белкнап». Из-за непогоды второй раунд переговоров в этот день уже не состоялся.

С 14.00 было организовано дежурство на водолазном боевом посту, развёрнутом в клубе команды. В оперативной готовности к немедленному спуску под воду находилась пара водолазов в полном облачении и экипировке. Условия дежурства оказались крайне сложными – не каждый мог выдержать. Температура тела водолазов мгновенно ползла вверх, пульс нарастал и зашкаливал, давление поднималось. Рядом постоянно находился врач, контролируя эти параметры, чтобы не допустить сбоя организма и вовремя произвести смену пар. Даже установленный для охлаждения водолазов мощный вентилятор слабо помогал. В итоге время нахождения в снаряжении, в сравнении с выполнением задач под водой, сократилось в два раза.

Шторм не утихал. Бухта, открытая с моря, практически не гасила накат штормовых волн. Крейсера сильным ветром и волнением стало смещать с якорных стоянок – не держали кормовые швартовы, отданные на бочки. Командиры боевых кораблей вынуждены были прибегнуть к помощи мальтийских буксиров.

В 20.00 стихия продолжала буйствовать, шёл дождь. На НЛ «Стриж», который штормом било о водолазный пирс, сорвало крышку мотора «Вихрь-30». Пришлось экстренно поднимать лодку на стенку, а затем на борт судна.

На следующий день погода улучшилась, сквозь просветы в свинцовом небе пробилось солнце, волнение на море поутихло. Президент США на катере обошёл ркр «Слава», взмахом руки поприветствовал экипаж, стоявший на его палубе, выразив восхищение понравившимся ему советским кораблём, затем к 10.00 пришвартовался к лайнеру «Максим Горький». После завершения переговоров в музыкальном салоне прошла пресс-конференция М. С. Горбачёва и Дж. Буша. В 15.45 катером президент США убыл на «Белкнап».

В 15.50 в ресторане «Одесса» состоялась пятиминутная встреча М. С. Горбачёва с экипажем «М. Горького». Запомнилось его улыбочатое, простое и открытое лицо, которое притягивало к нему людей. Казалось, что оно не способно было обмануть, во что хотелось верить и надеяться. Смутно мелькнувшая в глубине его души лёгкая, как искра, неуверенность в чём-то заставила М. С. Горбачёва знаком вопроса потянуться к Раисе Максимовне, а она была тут как тут. После встречи последовал его отъезд в аэропорт.

В 17.00 был закрыт водолазный пост и снята готовность к спускам, что позволило немного расслабиться и сфотографироваться на память.

Необходимо отметить, что президент США во время пребывания на Мальте, несмотря на штормовые условия, лихо выписывал виражи на вертолёте, садясь на кр «Белкнап», а затем взлетая; бодро стоял на верхней палубе разъездного катера, дерзко резавшего беспокойные воды бухты, покрытой крутой волной с завихрениями пены. Ежедневно начинал и заканчивал рабочий день со своими подчинёнными – моряками крейсера. Мы смотрели на него сначала подозрительно, как на главного представителя враждебной капиталистической системы, но затем с восхищением и завистью. Перед нами открылся настоящий руководитель своей страны – мужественный и уважающий нелёгкий труд других. Скромно одетый, с приятной манерой общения с окружающими, он покорила сердца многих.

– Принять швартовы! – прозвучала команда водолазам.

Катер Буша подходил в очередной раз к их месту работы, где постоянно осуществлялась его швартовка. Матрос – высокий и крепкого сложения негр, с бросательным концом в руках, в готовности стоял на носу катера. Президент США находился на палубе под брезентовым тентом, наблюдая за обстановкой. Катер ударами волн то наваливало на пирс, то бросало обратно. Негр ловко схватил багор-крюк отпорный.

– Удерживай! Крепить швартовы!

Очередная волна подхватила и жёстко бросила катер – раздался треск, отколота щепа планширя (деревянная планка, окаймляющая верхнюю часть борта) упала в воду. Дж. Буш спокойно, не сделав даже замечания подчинённым, ловко, по-спортивному соскочил на пирс и поприветствовал встречавших и принимавших швартовы.

Вначале, даже не сомневаясь, мы ожидали и от нашего первого руководителя страны аналогичных действий по отношению к своим подчинённым – прибывшим на Мальту военным морякам, достойно выполнявшим поставленные задачи. Реально всё оказалось по-другому.

Красавец, со стройными, даже классическими обводами корпуса, строго замершими пусковыми установками ракетного комплекса крейсер «Слава» выглядел прекрасно и грозно, достойно представляя ВМФ СССР. Глядя на него с борта «Максима Горького», мы чувствовали гордость за принадлежность к великой державе. Его экипаж готовился, ждал и не сомневался, что М. С. Горбачёв посетит их. Даже президент Мальты Ченсу Табоне вместе с супругой 4 декабря побывал на крейсере, ознакомился с организацией службы и быта советских моряков, выразив глубокое восхищение.

Насколько величественна была мощь ркр «Слава», настолько же унижительным было его игнорирование Горбачёвым. Экипаж славного крейсера напрасно до последнего момента ждал и надеялся – крейсер с экипажем оказались не нужными и не важными для Горбачёва. Ему, видимо, было некогда, он уже почувствовал себя небожителем, отмеченным особым знаком. Личные амбиции и интересы оказались выше, он метался по Мальте и его тайным обществам.

Экипажу крейсера на память осталась только сделанная заранее распечатка меню завтрака от планировавшейся на его борту встречи двух больших руководителей.

3 декабря погода стала улучшаться, а на следующий день ветер стих. В 07.00 снялся с якорей и ушёл кр УРО «Белкнап». В 08.00 «Максим Горький» отдал швартовы и взял курс на Одессу.

ПЕРЕХОД В ОДЕССУ

Все были довольны успешным завершением саммита. Обратный переход осуществляли 20-узловым ходом. Стая дельфинов, как бы радуясь вместе с экипажем, игриво выскакивая из водной синевы и виртуозно кувыркаясь в воздухе, долго сопровождала судно. Острова Греческого архипелага проследовали при отличных погодных условиях: море – штиль, небо – солнечное, чистой голубизны.

6 декабря в 07.00 прибыли в Стамбул, ошвартовались у стенки. Всем выдали валюту в турецких лирах, и под руководством старших группами по 4–5 человек была организована экскурсия в город с посещением восточного базара. Город, особенно рынок, поразили ярким контрастом элементов современной культуры и глухой темноты средних веков. Она сквозила и в трущобах тесных улочек старого азиатского рынка с прижатыми друг к другу обшарпанными торговыми палатками. Отбросив ковёр, прикрывавший вход, из них выглядывали бородатые и мрачного вида хозяева, приклеив на время улыбку, они настойчиво зазывали зайти внутрь.

Довольные осмотром города и приобретёнными покупками, все своевременно прибыли на судно. Не было только В. В. Домогацкого, отставшего от группы на многолюдном рынке. Наконец и он, доставив в очередной раз тревогу и беспокойство, довольный и весёлый появился с плотно набитым баулом на плече.

– Товарищ командир, посмотрите, что удалось приобрести.

– Вы откуда это взяли? – увидев принесённые свитер, джинсы, футболки и массу сувениров, удивлённо спросил командир. – «На валюту матроса столько не купить», – подумал он.

– Наторговал, – спокойно, сверкая белозубой улыбкой, прозвучал ответ. – Товарищ командир, а вы что приобрели?

– Жене – халат, дочери – косметический набор, остальным – сувениры.

– А вы торговались?

– Что значит торговаться? Я выбирал нужный товар и покупал.

– Да они вас обманули, товарищ командир. Им нравится, кто торгуется, не соглашаясь с выставленной вначале ценой, специально для этого завышенной в несколько раз.

Командир, как школьник, слушая наставления подчинённого, всё прозрачнее понимал свою неопытность в торговых вопросах...

Руководством, с учётом отличного выполнения задач экипажем на Мальте, в том числе внезапно возникших по причине штормовых условий, было принято решение, воспользовавшись стоянкой в Стамбуле, провести расширенный вечер отдыха. По просьбе помощника капитана, после согласования со спецслужбами, было выделено шесть человек водолазов-разведчиков (Д. П. Берегов, И. В. Бондарев, О. В. Захаров, Л. В. Могилев, И. Н. Моргунов, М. П. Першин) для показательного выступления по рукопашному бою, предварявшего праздничный вечер. Вышедшие на приподнятый помост музыкального салона разведчики выглядели таинственно и необычно. Их форма одежды явно не соответствовала внутренней подготовке и фактическому предназначению. Выход группы был встречен овацией зрителей, многие из которых уже были наслышаны о таинственном флотском спецназе, но мало что знали о нём, а тем более не видели элементы их подготовки. Динамичные, плавные, но мгновенные и целеустремлённые движения тел привлекали внимание, притягивая взгляд. От вида резких бросков, захватов с применением болевых приёмов, происходивших воочию и на глазах публики, замирало сердце, перехватывало дыхание. Показ мало чем напоминал мирную тренировку, он был больше похож на реальную борьбу за выживание. В лучах ламп освещения салона зловеще отливала воронёная сталь ножей разведчиков, стремительно мелькающих в каком-то завораживающем смертельном танце.

«Опять проявили инициативу, работают без страховки – боевые ножи не зачехлены, могут быть травмы», – мелькнула тревожная мысль у их командира.

Зрители невольно замерли, сопереживая. Глаза юных и привлекательных стюардесс лайнера блестяли и выдавали их внутренние чувства – они были покорены молодым задором, энергией и мужеством скромных и засекреченных морских спецназовцев.

«Мог бы догадаться, что будут работать жёстко», – глядя на стюардесс, подумал командир о своих подчинённых, теперь уже переживая, чтобы отлетевший нож не поранил случайно находящихся вблизи зрителей.

После выступления он взял коктейль и стал наблюдать, как развлекалась молодёжь по ходу различных танцев, заметив при этом, что его подчинённые пользовались особым успехом у женской половины.

Было уже 23.30, вечер подходил к завершению.

– Здравствуйте! Извините, вы главный начальник над водолазами? – обратилась к нему стройная девушка, пышущая жаром юности, с пятнами горевшего на щеках румянца.

– Да, вы угадали, – немного удивившись, но по правильно произнесённому его отчеству понял, что кто-то из подчинённых её проинформировал.

– Меня звать Надежда. Разрешите мне взять вашего водолаза (назвала фамилию), показать ему лайнер? – скромно и негромко добавила она.

– Но через час заканчивается вечер и все должны быть в своих каютах, – прозвучал задумчивый и нерешительный ответ размякшего в уютном салоне командира. – «В этом городе на плаву матроса потом “днём с огнём” не найдёшь», – мелькнула тревожная мысль.

– Поэтому и прошу дополнительно для него один час. Я обещаю, что сама приведу его к вашей каюте № 476, чтобы он доложил о прибытии.

В её голосе и взгляде было столько мольбы, ожидания и надежды, что командир сдался, поверив и неплохому матросу, и прекрасной девушке, а в итоге – не ошибся.

На следующий день в 12.00 «Максим Горький» покинул Стамбул. Через сутки к 10.00 прибыли в порт, а к 16.00 – доставлены в аэропорт Одессы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После мягкой и тёплой средиземноморской погоды Одесса встретила небольшим морозом. Ключий ветер пробирал сквозь летнюю экипировку. Гора имущества и снаряжения, доставленная КАМАЗом с турбохода, ворохом лежала на аэродромном поле.

У всех было приподнятое настроение – осталась погрузка на заранее спланированный транспортный самолёт и перелёт домой.

– Самолёта для вас нет, – спокойный ответ диспетчера аэропорта показался шуткой.

– А где же он?

– Значит, не спланирован.

Была пятница, рабочий день и планирование вылетов уже закончились.

«Поставленную задачу выполнили. Неужели теперь и забыли о нас?» – мелькнула опасная мысль у старшего группы.

На поле аэродрома сиротливо лежало имущество, вооружение и техника группы. Водолазы-разведчики даже не подозревали о подвохе.

Переговоры по каналу связи с оперативным дежурным БФ вначале мало чем порадовали, но затем выяснилось, что самолёт Ан-12 с группой старших офицеров морской пехоты БФ вылетает на аэродром Кача ЧФ, дозаправку произведёт в Одессе.

Он и стал спасительным средством. В результате длительных переговоров и непростого решения транспортник был дозаправлен в Одессе и развёрнут на Калининград. Тёплые и весёлые морпехи, высаженные с его борта, не обрадовались новым открывшимся перспективам преодолеть оставшийся участок пути до Севастополя железнодорожным транспортом.

В аэропорту Храброво группу встречал представитель разведки флота Ю. В. Невдачин. К исходу 8 декабря прибыли к месту постоянной дислокации, успешно завершив командировку.

ЭПИЛОГ

По итогам выполнения специального задания участники были представлены к награждению. В день 45-летия Победы в Великой Отечественной войне состоялось торжественное вручение правительственных наград. Орденами «За службу Родине в ВС СССР 3-й ст.» награждены три человека: В. Н. Ковалёв, В. С. Олейник, М. Д. Поленок; медалями Ушакова – четыре человека: И. А. Авдонин, И. В. Бондарев, О. В. Захаров, В. Н. Максимцев; медалями Нахимова – два человека: О. И. Трифонов, К. Б. Шокин. Остальные участники были поощрены командованием ВМФ и БФ.

Приказом командующего БФ от 22.01.1990 года все участники награждены знаками «За дальний поход». Как память, у каждого из них остались вручённые на Мальте значки, открытки, конверты и марки, посвящённые саммиту 2–3.12.1989 года, а также диплом участника, выполнявшего правительственное задание в водах бухты Марсашлокк (о. Мальта), подписанный капитаном тх «Максим Горький» В. С. Гришиным.

Проза

Юрий Угроватый

Юрий Угроватый – родился в 1957 году в городе Харькове в семье военнослужащего. В 1980 году окончил Военный университет в Москве. Референт-переводчик португальского и английского языков. Военный наблюдатель ООН. Шестнадцать лет находился в заграничных командировках в Анголе, Мозамбике, Западной Сахаре, Югославии, Сьерра-Леоне в качестве военного переводчика, военного наблюдателя ООН и представителя ООН. После увольнения в запас пять лет работал директором частной авиакомпании в Сьерра-Леоне, руководил частными охранными предприятиями в России. Живёт в Санкт-Петербурге. Выпускник петербургского отделения литературной мастерской Creative Writing School, курс Е. Чижовой. С 2018 года постоянный участник литературной мастерской Д. Каралиса.

В 2017 году выпустил сборник стихов «Встречный ветер», в 2018, 2019, 2020, 2022 годах публиковался в сборнике «Прозаик и поэт» (СПб.), в 2020 году – в журналах «Аврора», «Берега», «Литературный микс»; участвовал в сборнике стихов «Зори над Великой». В 2021 году выпустил сборник рассказов «Точка невозврата», в 2023 году – сборник рассказов и очерков «Бандиагара».

ПРЯЖКА

Рассказ

Из трубы скромного одноэтажного домика, уютно притулившегося у подножья скалистой горы, струился дымок.

«Наконец-то живую душу нашёл», – обрадовался я, утомлённый полуторачасовой поездкой по разорённой войной Сербской Краине.

Югославия распалась. Распалась кроваво на несколько частей. Краина осталась маленьким осколком Сербии на неожиданно ставшей враждебной хорватской земле.

Сначала потянулись бесконечные колонны хорватской техники, которые невидимая воля двигала к границам сербского анклава. Мы, военные наблюдатели ООН, с тревогой докладывали об этом в штаб. Потом в Краине появились автобусы. По добытой мной информации, их было четыреста. Машины заволокли окрестности провинциального центра – города Книна. На них поспешно уехали власти с родственниками. Оставшиеся места достались счастливицам. Затем начался исход.

Он продолжался неделю, а может, и больше. Сейчас уже точно не вспомнить. Исход сербских крестьян с земель, где их предки жили столетиями. Бесконечные вереницы жалких маленьких мотоблоков с тележками, наполненными нехитрым домашним скарбом: узлами с бельём и одеждой, кастрюлями и керосиновыми горелками, допотопными телевизорами и радиоприёмниками. Мужчины, в основном старики, управляли своим тихоходным транспортом. Их старухи сидели на узлах или шли рядом. Другие ехали на телегах, запряжённых лошадьми. Совсем редко попадались небольшие тракторы с огромными горами барахла на тележках и облепившими их, как муравьи, усталыми людьми.

Позже мне рассказали, как в Лондоне президенты Сербии и Хорватии за ужином договорились и разделили страну, начертив план прямо на белоснежной ресторанной салфетке. Этому были свидетели...

Сотни лет жизни и борьбы за эти земли, битвы с турками, немцами и мадярами, героизм и жертвы народа против двух чиновников и салфетки...

План на салфетке оказался важнее!

Несчастливые люди бежали куда-то в Сербию, где многие из них никогда не были. Полмиллиона за неделю. Им честно сказали: «Остаться нельзя! Мы не сможем вас защитить».

Что означало это предупреждение в том военном тысяча девятьсот девяносто пятом году, никому объяснять не требовалось.

* * *

А они остались...

Остались в своём маленьком, по сравнению с другими, домике под горой.

Мне сразу бросилась в глаза странность этого жилища. Его фасад смотрел прямо на асфальтированную дорогу. Она, эта дорога, делала изгиб в метре от входной двери и воспринималась мной частью домашнего интерьера. Задний дворик с садом был крохотным, словно игрушечным. Странными в тот первый день знакомства показались мне и обитатели этого домика. Точнее, сильно удивило то, как очень по-русски их звали.

«Владимир Мишин, – назвал седой старик в линялой чёрной безрукавке поверх клетчатой рубашки навывпуск. – Наталия Мишина», – кивнул он на старушку в домотканом платке на плечах.

Так официально и объявил, видимо, приняв меня за представителя власти.

Я слушал его и почему-то не мог отвести взгляда от ног хозяйки, обутой в растоптанные туфли на низком каблучке с трогательными тонкими ремешками на широких щиколотках и кокетливыми пряжками, потускневшими от времени.

– Владо, зови гостя в дом. Не дело – на пороге держать, – укоризненно проговорила она и пошире открыла дверь.

Мы устроились в небольшой горнице за круглым столом со скошенными внутрь ножками. В печке уютно потрескивали дрова. В закопчённом чугушке булькала вода. Вкусно пахло свежеспечённым хлебом. Старые ходики на стенке громко тикали, подчёркивая напряжённую тишину. Белоснежные салфетки на полках с незатейливыми вазочками, казалось, были из какой-то другой, мирной жизни.

Я представился, объяснил, что приехал из России. Рассказал, чем занимаются военные наблюдатели. Затем принёс из машины большую коробку с гуманитарной помощью.

Показалось, что настороженность Владо немного ослабла.

– Спасибо, у нас всё есть. Много ли надо двум старикам? – сдержанно сказал он, но подарок принял.

– Почему вы так и не уехали? – наконец, решил я задать главный вопрос.

Старик ответил сразу. Чувствовалось, что эта тема часто обсуждалась дома в последнее время.

– Куда нам ехать? Мы здесь родились и выросли, как наши отцы и деды.

– Но ведь все уехали! Вы же остались совсем одни! Разве у вас нет в Сербии родственников?

– Каждый решает сам! – резко ответил он.

– Дочка, Михайла, – робко сказала Наталия и с опаской посмотрела на мужа.

Владо повысил голос:

– Михайла! У неё своя жизнь! Двое детей, муж, и все в тесной квартирке! А тут мы!

– То-то и оно, – старушка обречённо закивала, видимо, в который раз повторяя эту неоспоримую истину.

– Не бойтесь, что вас убьют? – решил я спросить напрямую.

Хозяйка порывисто повернулась к мужу, ожидая ответа.

– Кому мы нужны? Мне – восемьдесят, а ей – семьдесят шесть. Какой от нас вред?

– Могут убить просто за то, что вы сербы, – продолжил я, не скрывая своих мыслей.

– Значит, так тому и быть! – упрямо сказал он и посмотрел на жену, как будто отвечал ей, а не мне. – Здесь родились, здесь и умрём!

– Боимся, – почти прошептала Наталия и прижала руки к груди.

Владо мгновенно набросился на неё с упрёками. Она неуверенно оправдывалась, явно стесняясь меня. Я тогда не очень хорошо понимал по-сербски, но вполне достаточно, чтобы разобраться в их эмоциях. Не желая больше смущать хозяев, поспешил проститься:

– Подумайте ещё раз: война есть война! Приеду через неделю, если решитесь – помогу с отъездом.

Уходя, заметил, что маленький рыжий котёнок, всё время отиравшийся у ног старухи, исчез, словно, как и я, не желая быть свидетелем семейной ссоры.

* * *

За неделю в зоне моей ответственности много чего случилось. Хорваты вошли в Книн. Город горел. Издалека доносилась тяжёлая артиллерийская канонада. По Краине сновали мародеры на машинах с прицепами. В один из дней в патруле встретил армейский грузовик с бочкой в кузове и двумя солдатами с факелами. Они выезжали из пылающей деревни. От лишних свидетелей в те дни избавлялись быстро. К счастью, мне удалось уйти: они не успели поменять факелы на автоматы. Каждый следующий день приносил тревожные новости. Я невольно возвращался мыслями к своим недавним знакомым, переживая за их судьбу.

Не дождавшись конца недели, прихватил коробку с гуманитаркой и отправился к ним. Облегчённо вздохнул, увидев, что из трубы их маленького дома по-прежнему вьётся дымок.

Старики встретили меня теплее, чем в первый раз. Единственным источником связи с миром у них был маленький приёмник «Грундиг». Владо, теперь уже не скрывая тревоги, сразу стал меня расспрашивать. Я, взвешивая каждое слово, не желая их излишне пугать, рассказал об обстановке. Про машину с поджигателями решил не упоминать. Напрасно! Оказалось, что они здесь уже побывали.

- Зачем они к вам приезжали? – спросил я.
- Сказать, чтобы мы валили в свою вонючую Сербию.
- А вы?
- Ответил, что мы здесь родились, здесь и умрём.
- А они? – невольно вырвалось у меня.

Владо замолчал, видимо, заново переживая страшную встречу. Из угла комнаты, где висели иконы, донёсся голос Наталии, прерываемый рыданиями:

- Сказали: «Умрёте, если вам так хочется...»
- Владо подошёл к ней, обнял и стал гладить по голове, как ребёнка:
- Не плачь, они уехали! Хотели бы убить – убили! Да и за что нас?..

Она доверчиво прижалась к нему, вытирая слёзы и согласно кивая; такая трогательная в своих растоптанных туфельках с тоненькими ремешками и нелепыми, потускневшими от времени пряжками.

- Старик, желая успокоить жену, неожиданно произнёс:
- Пойдёмте во двор – я вам хозяйство покажу.

* * *

Сразу было видно, что крохотный дворик у самого подножья скалы был обустроен с большой любовью. Ближе к дороге рос могучий орех. Напротив – инжир, или, как говорят сербы, «смоква». Метров в двух от земли по всему периметру натянута металлическая проволока, с которой соблазнительно свисали увесистые гроздья винограда. Они светились янтарными бусинками, впитывая последние ласковые лучи осеннего солнца.

- «Лоза», – с гордостью назвал он по-сербски виноградный куст толщиной в руку.
- Немного у вас всего, – сорвалось у меня.
- Пойдём! – хозяин настойчиво повёл меня к маленькому сараю. – Смотри! – открыл дверь и показал на огромный мешок с грецкими орехами. – Куда нам больше? Раньше дочке отдавали, так два года уже не приезжает. Занята! А это – смоква, – старик кивнул на рыболовную леску под потолком, где, словно ёлочные гирлянды, вялились плоды инжира.

Казалось, Владо забыл обо всём, что так тревожило его последнее время. Он продолжал экскурсию, погружая меня в своё нехитрое хозяйство. Я и сам успокоился, с наслаждением вдыхая осенний горный воздух, настоящий на фруктовых ароматах его сада.

- Ещё в подполе есть бочонок с белым вином, – заговорщицки сказал Владо и подмигнул. – Корова на выпасе. Куда нам со старухой больше!?

Я молчал, а он, не требуя от меня никакого ответа, всё продолжал убеждать:

- А ты говоришь – уезжай! – с укоризной обратился он то ли ко мне, то ли к старухе, оставшейся в доме.

Потом пили чай. Владо расспрашивал меня о политике, Наталия, немного успокоившись, хлопотала по дому. Пришло время возвращаться. Я попросил старика ещё раз подумать об отъезде и протянул на прощание руку. Он обхватил её своими шершавыми ладонями и, улыбнувшись, тихо сказал:

- Не волнуйся, Юре, всё будет хорошо!
- На пороге Наталия, лукаво улыбнувшись, вдруг спросила:
- Юре, а почему ты всё время смотришь на мои туфли?
- Я смутился, но всё же объяснил:
- Не поверите, в молодости я встречался с девушкой. На выпускной вечер она надела точно такие же туфли. До сих пор почему-то помню, как блестели на них пряжки.
- Владо засмеялся и не удержался от подколки:
- Наталия, и ты, и туфли из прошлого века!
- А мне удобно – вот и хожу, – не обиделась хозяйка и рассмеялась.

* * *

Обстановка в Краине накалялась. Тяжёлое предчувствие и тревога за этих простых людей не покидали меня. Я спросил индуса, вернувшегося из патруля, о знакомых стариках. Он пожал плечами, но сказал как-то неуверенно: «Не видел ни одной живой души. Наверное, все уехали».

От сердца отлегло. Появилась надежда, что мои уговоры подействовали. Проезжая деревню на следующий день, не удержался и решил подъехать к их дому.

Дверь приоткрыта, но никто не вышел навстречу. Не желая верить в худшее, медленно шагнул вовнутрь. Вещи в горнице разбросаны по полу, занавески с окон сорваны. Гнетущую тишину нарушал размеренный стук старых ходиков, казавшийся нелепым в разорённом доме. Ничто больше не напоминало о прежней уютной жизни. На полу валялись черепки разбитых вазочек и затоптанные белые салфетки. Я вдруг подумал, что план политиков на той салфетке в ресторане обернулся большой бедой в этом простеньком деревенском доме.

В груде набросанных у печки бумаг заметил два картонных прямоугольника документов с отпечатками ребристых следов армейских ботинок. Поднял один. Буквы плясали перед глазами: Владимир Мишин, дата рождения, национальность, место рождения. Открывая вторую красную книжицу, уже знал, что там написано. Так и есть: Наталия Мишина...

Я держал в руках документы людей, которые невзначай стали мне дороги.

Показалось, что в спальне кто-то есть. Я осторожно приоткрыл дверь и от неожиданности отпрянул: поперёк хозяйской кровати лежала огромная корова и смотрела на меня своими грустными карими глазами. Почувствовал, что не хватает воздуха. Под утробное мычание я бросился к выходу, не глядя под ноги. На пороге поскользнулся и едва не упал. Под ногой что-то хрустнуло. Это была пряжка, та самая, из прошлого века.

*Санкт-Петербург,
январь 2021 г.*

Проза

Иван Комлев

Иван Комлев – родился в 1940 году в Омске. Окончил Омский сельхозинститут имени С. М. Кирова в 1963 году по специальности «инженерная геодезия». Служил в Советской армии (1963–1965). Работал в экспедициях: на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке и на Крайнем Севере. В должности ведущего инженера института Солнечно-земной физики (ИСЗФ – в то время СибИЗМИиРР) строил Сибирский солнечный радиотелескоп (1977–1984). Тренер шахматной школы в Иркутске (1984–1986). Главный инженер инспекции Государственного геодезического надзора (1992–1996). Почётный геодезист Рос-

сии (2000). Заведующий Бюро пропаганды художественной литературы Иркутской организации СП России (1992). Член Союза писателей СССР (1991).

Книги выходили в Иркутске, Омске, Москве: «Ковыль», «У порога», «Хлеб малой родины», «Когда падает вертолёт», «Недолёт, перелёт...», «На рубеже», «Рассказы», «Рядовой Иван Яценко», «Оранжевый медведь». Лауреат пяти литературных премий.

С 1967 года живёт в Иркутске.

ДОЖДЬ

Рассказ

Что-то заставило Бугрова оторваться от экрана компьютера и глянуть в окно. Олия, которая как раз повернула с тротуара в сторону подъезда, тоже в этот момент посмотрела в его сторону и кивнула на входную дверь – открывай, мол. Словно бы они договорились о такой встрече.

Зонтика у неё не было, голова не была покрыта; чёрные её волосы, остриженные до плеч, завитые на висках в кольца, дождю не удалось распрямить, и они блестели, несмотря на сумрак пасмурного дня, не хуже, чем у красоток в рекламных роликах. Серая, широкая и длинная трикотажная кофта, свободные чёрные шёлковые шаровары, кроссовки, на плече большая полупустая сумка – обычная экипировка «челнока».

«Вот это сюрприз! – подумал Бугров, поднимаясь из-за стола. – Женщина...»

Вчера он, как обычно делал по субботам, ездил на оптовый рынок закупать продукты на неделю и там, перед воротами рынка, среди других торговцев, в основном с Кавказа и из бывших среднеазиатских республик, увидел и Олию, узбечку. Он приостановился, поздоровался, справился о том, давно ли она приехала в их город и как у неё идут дела.

Их разделял товар: маечки, рубашки, женские плавочки и бюстгалтеры, тапочки и полотенца, разложенные в ногах её на большом куске клеёнки.

– Драствуйте, Владимир Карпович, – ответила она, улыбаясь. – Нормально. Я другой место торговал, там, – махнула рукой по направлению к центру города. – А ви как? Син есь? С кем живёте? Один? Кватирант есь?

Вопрос о сыне и квартирантах был с подтекстом. Полтора года назад соседка Бугрова по подъезду попросила его взять на квартиру её знакомых из города Навои, мужа с женой, которые привезли товар на продажу. Бугров сначала отказался наотрез иметь дело с узбеками – он и русских-то на квартиру в то время не брал, но она заверила его, что им ненадолго, а люди они хорошие, порядочные.

– Он учитель. Они тебе не будут мешать: они на весь день будут уходить.

– Как – учитель? Ведь зима, почему он торгует сейчас, а не в школе?

– Он русский язык преподавал, а им зарплату не платят, вот и подрабатывает.

Потом соседка добавила, что у неё в Узбекистане остались родственники, мама и сестра с мужем, они там бедствуют, русских там выжимают из страны, а эти узбеки увезут посылку в Ташкент (или в Бухару? – Бугров уже забыл, где жили её родственники), потому что платы он с узбеков не взял, видя как они переживают за каждый рубль, довольствовался комплектом постельного белья из хлопка, а, когда они вновь приехали в их город и позвонили ему, надеясь опять поселиться в просторной квартире практически бесплатно, он их не пустил. Сказал, что занято. И вот теперь, в очередной раз, Олия привезла товар в Сибирь. Почтой посылать бесполезно – украдут. В общем, уболтала его соседка, и он, несмотря на свою давнюю неприязнь к торгашам, пустил Салима и Олию на квартиру – на неделю.

– Нет квартирантов, – ответил Бугров, глядя на улыбающуюся Олию, – зимой жили студентки, а сейчас на каникулы домой уехали. Как торговля? Салим где торгует?

– Салим нет. Он не приехала. Я торгует хорошо.

Владимир усмехнулся: Олия обладала уже огромным запасом русских слов, и языком владела неплохо, но, видимо, волновалась и потому мужской и женский род путала безбожно. «Вешалка: манекенщицей бы ей работать с таким ростом. Однако она выглядит сейчас моложе, свежее, чем полтора года назад, – отметил он про себя, внимательно вглядываясь в её вытянутое, лишённое женского изящества лицо, угольно-чёрное от загара, и быстро, краем глаза, охватив высокую плоскую фигуру – потому что лето или потому что мужа рядом нет?»

– Ну, пока. Я спешу, – он действительно торопился, да к тому же не хотел, чтобы она попросилась на квартиру. Вся страна уже превратилась в барахолку, так пусть хоть его квартира будет свободна от торгашей. К тому же у него были серьёзные виды на другую женщину.

Он намеревался поехать на дачу, где надо было собирать малину, смородину, да и огурчики уже должны подойти... Но за ночь погода резко переменялась, хмурое небо с утра закапало хилым дождиком, который постепенно разыгрался и поливал с азартом, делая лишь недолгие перерывы. В такую короткую передышку и появилась Олия.

Владимир открыл входную дверь и пустил неожиданную гостью. Она вошла, посмотрела на него сверху, настороженно-вопросительно, как бы спрашивая: «Что будет?»

– Проходи.

Бугров ещё сам не знал, что сотворится из этого визита, но слегка коснулся её рукой, на уровне талии, показывая, что дома он один и не сердится на неё за неожиданное вторжение. Холостяцкая жизнь осточертела Владимиру, и он теперь искал себе новую жену, проверяя женщин, с которыми его сводил случай, всесторонне, иногда и на ощупь. Он смотрел на Олию так, как разглядывал бы диковинного зверька в зоопарке.

Она склонилась, развязывая шнурки на кроссовках, не сгибая колен, словно на тренировке в спортивном зале, влажная кофта облегла её тело, и у Бугрова появилась возможность в новом ракурсе разглядеть её фигуру. Он прислушался к внутренним своим ощущениям, но в душе ничего не шевельнулось, хотя он должен был признать, что прежде зря считал её слишком худой и жилистой.

– Сильно вымокла?

– Не. – Она выпрямилась, шагнула к полке с обувью, выбрала из кучи поношенных тапочек розовые с красным цветочком, надела и посмотрела на него: – Я быстро, когда дождик перестает, в троллебус шла.

– Ну иди, чаем напою.

Они прошли на кухню и сели за столик друг против друга.

«Как же быть, – ломал голову Владимир, – выдумать вескую причину и отказать? А если та, по объявлению, не придёт, ещё одно писать, что ли?»

Он давал объявление в «сводницу», как он называл газету, публиковавшую самые вольные, даже пошлые, похотливые желания сексуально озабоченных людей. Объявление дал скромное, о том, что мужчина предпенсионного возраста желает создать семью... Женщин, желающих погрузиться в семейные заботы, оказалось немного. Откликнулись всего четверо. Одна поговорила с ним по телефону, но встретиться не пожелала, посчитала, видимо, слишком старым; с другой, своей ровесницей, он встретился в назначенном ею месте, побеседовал вежливо минут пять и удалился: ей нужен был работник на дачном участке. Третья, сорокалетняя, пригласила его к себе на работу, он пришёл к подь-

езду производственного здания с букетиком незабудок, она вышла точно – минута в минуту – была польщена неказистыми цветами, они шли к её голубым глазам, но сказала, что в гости его не может пригласить и, разумеется, к нему пойти не может, так как подрабатывает ещё в одном месте, дежурит там ночами, а иногда и сутками. Но скоро вторую работу заканчивает, так как санаторный сезон идёт к концу. Обещала позвонить.

Четвёртый звонок был от девушки двадцати двух лет.

– Меня зовут Лена.

Бугров уже был сердит от предыдущих неудач и рубанул ей напрямик:

– Приходи ко мне, Лена, здесь и поговорим.

– Когда? – не смутилась она.

– А хоть сейчас.

Девушка была без комплексов. Она явилась тем же вечером, переночевала в его постели, а утром, довольная тем, как хорошо, по её мнению, складывалось начало её будущей семейной жизни, стала показывать фотографии, свои и своих прежних мужчин, порою весьма откровенные, и рассказывать, где и как она знакомилась и общалась. Это его покорило, но он не подал виду.

– Что же ты замуж за молодого не выходишь?

– За кого? Одни пьяницы и наркоманы, а работать не хотят.

Бугров удивился: сама-то любит работать? Показал на фотографию:

– Хотя бы за этого бурята. Ишь, какой сытый и уверенный в себе. Тоже наркоман?

– Нет. Он бизнесмен. Я с ним неделю в гостинице жила. Но он меня не звал. Да я бы и не пошла: я его боюсь.

– Почему?

– Он стрелял в гостинице.

– В тебя?!

– Нет. Меня в это время не было.

– Что ему было за это? Никого не убил?

– Нет. Он заплатил за всё. Ну, зеркало там разбил, ещё что-то, диван продырявил. Потом уехал и даже мне ничего не сказал. Я хочу, чтобы дом был, семья. Я детей люблю. Я готовить умею.

Она хотела того же, к чему стремился и он.

«Но зачем же, глупая, ты рассказываешь о всей грязи, в которую втапывали тебя!? – с горечью подумал Бугров. И укорил себя: – И я – туда же. Стремимся сделать женщин легкодоступными, но хотим иметь порядочных жён...» Она, вероятно, стала бы ему хорошей хозяйкой, и родила бы, и возможно, полюбила бы его, но разве он сможет когда-нибудь забыть эти фотографии и комментарии к ним? Ему стало жалко её так, что слёзы комком застряли в горле. Или, может быть, ещё сильнее стало жалко себя...

Он дал ей пятьдесят рублей «на проезд» и в гости больше не пригласил.

Поразмыслив, дня через четыре с тяжёлым сердцем пошёл в венерический диспансер. Провериться, на всякий случай. Но когда увидел там, что не только молодые в очереди сидят, но даже седовласые старик со старухой – похоже супруги – тихо ждут приговора у двери врача, повеселел, и уже процедура сдачи анализов не стала казаться ему постыдной и унижительной. Обошлось.

Однако третья, звали голубоглазую женщину Таей, вчера вдруг позвонила рано утром, перед тем как выйти на работу, и сказала, что намерена прийти к нему в гости, посмотреть, как он живёт, только о времени они договорятся позже. Тая, Таисия... Невысокая, пухленькая – в отличие от Олии. Когда, если не сегодня?

Он поймал себя на мысли, что думает и о той женщине не как о будущей жене и возможной матери его детей, а скорее как о любовнице. «Кажется, я совсем распустился».

Может, чего другого налить? – спросил Владимир.

Преодолевая глубоко спрятанную неприязнь к несимпатичной ему визитёрше, решил, что «синица в руке лучше, чем журавль в небе». Сегодня, по крайней мере, пока Таисия надумает позвонить, можно скрасить одиночество и с этой чумазой узбечкой. Когда она жила тут с мужем, он с ней не общался. Чумазой он мысленно назвал Олию за сильно обгоревшие на солнце лицо её и кисти рук – словно вымазанные углём. Об интимах не думал, просто душа просила, чтобы где-то рядом была женщина.

- Ты какие напитки предпочитаешь: вино, пиво?
- Не, я это не пью.
- Что, совсем не пьёшь? – внимательно посмотрел ей в глаза.
- Водку.

«Шутит? Когда были с мужем, ни грамма спиртного... Денег, наверное, жалко было».

– Ладно, – сказал Владимир, поднимаясь из-за стола и проходя к холодильнику, – вот тебе капуста, огурцы и помидоры – сделай салат, а я пока закончу писать и выключу компьютер.

- Руки мить можно?
- Да. Полотенце в ванной свежее.

Он вернулся к прерванной работе, но нужная мысль, вспугнутая неожиданной гостьей, не возвращалась, необходимый настрой пропал, и Владимир выключил компьютер. «Завтра день у меня ещё есть». Обещал в журнал дать статью о полезных ископаемых на Курильских островах, срок истекал в предстоящий понедельник, но понедельник – понятие растяжимое, можно статью отнести утром, а можно и вечером.

Владимир вернулся на кухню.

– Масло е-есть? – спросила она, чуть растягивая слова, отчего её хриловатый голос становился приятнее на слух – певучим.

Овощи уже были мелко изрезаны и лежали в большой тарелке.

– В столе возьми. – Он открыл холодильник, вынул из него остатки колбасы и сыра. – И это порежь.

Она достала бутылку с растительным маслом, полила на салат и вопросительно посмотрела на него. Во взгляде её было что-то нездешнее, какая-то покорность, готовность повиноваться мужчине. Не потому, что перед нею был хозяин дома, к которому она собиралась обратиться с просьбой взять её на квартиру, а потому, что женщина должна служить мужчине. Так он прочитал её взгляд. «Ишь, как их там муштруют...» Владимир открыл в шкафу дверку бара, вынул из него початую бутылку водки.

– Тут всего ничего, – сказал, посмотрев на свет и ставя бутылку на стол, и достал две небольшие прозрачные рюмки, – как раз по одной нальётся.

- Не надо, – слабо запротестовала она.
- Ладно, – отмахнулся Владимир, – за встречу по чуть-чуть.

Выпили. Потом ели – она скромно, Владимир же подметал салат с удовольствием. «Всё-таки женщина есть женщина, у меня так вкусно не бывает». Не обед и не ужин: было около четырёх часов дня. Изредка взгляды их встречались, но молчание не нарушалось: Бугров слушал, не донесётся ли из комнаты телефонный звонок, она же не осмеливалась задать свой вопрос.

– Может, всё-таки налить вина? – покрутив в руке пустую рюмку, спросил он, когда салатница почти опустела и надо было переходить к сыру и колбасе либо предлагать чай или кофе.

- Нет, – сказала Олия, – я нет вино пить, тогда лицо красный.
- Аллергия? – По её взгляду понял, что это слово ей незнакомо. – Кофе?
- Чай. Крепкий.
- С вареньем?
- Какой варений?

– Всякое есть: из смородины, из клубники, черничное...

– Не знаю, – призналась Олия, – у нас такой нету.

– Вот как? Что – и клубники нет? – Он выставил на стол вазочку из холодильника, в ней было варенье из смородины.

– Клубники ешь, – не очень уверенно сказала она, возможно, сомневалась в правильности своих знаний названия ягод, – варений нет.

Она взяла ложкой всего одну каплю. И чай она пила маленькими глотками, так, будто опасалась расстройства желудка.

Когда три года назад жена Бугрова, выйдя на пенсию, уехала к дочери возиться с внучкой, Владимир вначале вздохнул с облегчением: после тридцати лет супружеской жизни у них что-то разладилось, наступило охлаждение, начались какие-то глупые словесные стычки, и он думал, что расставание на два-три месяца пойдёт им на пользу. Она прожила там полгода, приехала, сообщила, что

остаётся у дочери насовсем, забрала кое-какие вещи и отбыла, сказав напоследок, что он может, если хочет, завести себе новую хозяйку, развод она даст. Ошарашенный таким поворотом дела, он даже не догадался предложить ей остаться.

Владимир ещё некоторое время жил так, будто жена должна вернуться, но причина разлада в семье была, видимо, не только в них самих, но и в чём-то ещё, в каких-то внешних воздействиях, которые отторгают людей друг от друга, а потому ожидание оказалось напрасным. Разладился с распадом страны и весь строй личной жизни.

Он стал присматриваться к женщинам, с которыми его сводила судьба, с определённым интересом. Некоторых, которые казались ему подходящими для совместной жизни, он приглашал к себе в гости, они приходили; те, которые, оставаясь ночевать, охотно отзывались на ласки. Но после двух-трёх недель общения выяснялось, что семейная жизнь их всё-таки не прельщает либо обстоятельства у них были таковы, что совместное проживание невозможно. Наступало разочарование. Лёгкие отношения, вся эта суета с телефонными звонками, с вечным ожиданием – придёт не придёт? – скоро ему надоедала, и он обращал внимание на другой, казавшийся достойным, объект.

Женщин это, конечно, не радовало. Он им нравился, потому что оказался прекрасным любовником, о чём в супружестве не задумывался, да и характером он был вполне пригоден, не придирался по мелочам и без серьёзной причины не спорил.

Так вот и прошли эти три года холостяцкой жизни. Наконец он решил, что найти жену можно, если расширить круг знакомств через газету. И вот вдруг Олия свалилась на его голову. От прошлого раза, когда она жила тут с мужем, у Владимира остался осадок: видя, как узбеки, придя с мороза, едва отогревшись, садятся в отведённой им комнате на пол, на ковёр, и начинают, озираясь, пересчитывать выручку и что-то записывать в блокнотик, он с невольным презрением и жалостью думал о том, что жадные они и несчастные. Потому и платы с них не взял, но и смотреть на их торгашеские страдания больше был не намерен. «В следующий раз не пущу», – твёрдо решил он тогда. Но теперь ситуация переменялась. Олия была одна и пришла к нему, зная, что он тоже один. Не девочка, догадывается ведь, что из этого может выйти. Сам он недавно только набрался опыта, а то полагал раньше, что все женщины похожи на его жену. Жена же была почти монашкой. Она и уехала-то от него отчасти потому, что выполнение интимных супружеских обязанностей её тяготило. «Сколько Оле? Лет тридцать пять, или больше? Детей у неё, помнится, двое или трое...»

– Я буду заплатить, – тихо сказала Олия, догадываясь, какого рода мысли бродят в голове мужчины, сидящего напротив.

Бугров чуть не взбеленился. Она ему обещает деньги!

Хозяевами почти всех киосков в их микрорайоне – да и во всём городе – были «чёрные», как их называли здесь. Торговать брали русских девушек и женщин, часто предлагая им устраиваться на работу «через дом», обещая им в этом случае лучшую зарплату. Это надо было понимать, «через постель». Обещания выполнялись редко, а непокладистых сперва принимали, а потом опутывали долгами, устроив им недостачу товара. Среди ребятни, галдящей на площадке перед домом, можно увидеть черноглазых и черноголовых отпрысков, отцы которых неизвестны порой и самим мамашам.

– Вот что, Оля, – перекрестив её на русский лад, сказал Владимир, – мы с тобой взрослые люди. Я ещё здоровый мужчина, и мне нужна женщина. Но какая же придёт сюда, когда тут такая квартирантка?

Он выдержал паузу, глядя ей в глаза, она молчала. Уходить, похоже, не собиралась: по подоконнику хлестал дождь.

– Налить ещё чая? – спросил он.

– Нет.

– Не куришь?

– Нет, ви что!

– Это хорошо. Тогда уберём со стола, чтобы тараканов не разводить.

– Я буду вимить, – сказала Олия, забирая у него из рук пустую чашку.

Пальцы её, коснувшись его руки, вызвали приятное ощущение мягкой гладкой кожей. «Не изработалась». Но, глянув на её руки вблизи, обнаружил с удивлением, что кисти у неё большие и крепкие. «При таком росте и с такими лапами пловчихой ей надо бы быть».

– Это пожалуйста, – сказал Владимир, уходя к себе в комнату, – если и в квартире когда уберёшь, возражать не стану.

Дал, неожиданно для себя самого, согласие на постой.

Он включил компьютер и стал быстро набирать текст, в голове были удивительная ясность и порядок.

Услышав, что посуда перестала греметь, Владимир вернулся на кухню и увидел, что она не только посуду перемыла, но выдраила раковину и аккуратно сложила разбросанные по столу и на шкафах полотенца и тряпочки.

– Гм, – сказал он, – иди со мной.

В комнате, где был телевизор, открыл шкаф с бельём:

– Возьми здесь простыни и наволочки. Подушки и одеяло вон там в тумбочке. Захочешь телевизор смотреть – пожалста, у меня кабельное, пятнадцать каналов настроено.

Дождаясь, когда она выбрала всё необходимое, прошёл в комнату напротив:

– Хочешь, на диване спи, а нет – на кровати. Она, правда, жестковата.

И ушёл, не оглядываясь и не объяснив, будет ли она за это «заплатить деньги».

К десяти часам вечера Владимир почти дописал статью, выключил компьютер и пошёл смотреть последние известия по телевизору. Олия сидела там же, на диване. На экране шла реклама: вместе с порошками, мылом, колготками, автомобилями мелькали части женского обнажённого тела. Он сел рядом, скользнул рукой по её спине. Она будто не заметила.

– Что смотрела?

– Какой-то кино.

– Посмотрим новости?

Она поднялась.

– Пошла спать?

– Пить хочу.

С кухни она вернулась, но не села на диван, а стала в дверях.

– Владимир Карпович, вы завтра утром дома будете?

Он посмотрел на неё. Теперь, когда на ней были только шаровары, свободные внизу и в обтяжку на бёдрах, и тоненькая трикотажная майка, плотно облегающая тело, что-то легонько кольнуло его в грудь: «Ишь ты! Как студентка...»

– Да, до обеда буду дома. Потом уйду часов до пяти, – в институте у них зарплату почти не платили, и все, кто ещё не уволился, ходили туда по свободному графику.

– Я устала, буду отдохнуть.

Он согласен покачал головой, и она ушла.

Досмотрев новости, Владимир прошёл в кабинет, где он обычно спал на диване («как Пушкин», среди книг), расстелил постель, сходил в ванную, принял тёплый душ, а потом окатил себя струёй холодной воды. Считается, что холодная вода перед сном вредна, так как прогоняет сон. Но у Бугрова своя теория и свой метод: после короткого всплеска бодрости от контрастного душа наступает крепкий сон. Растёрся махровым полотенцем и лёг в постель. Протянув руку за газетой, подумал: «Интересно: спит гостья? Или нет? Посмотреть?» Газету читать не стал, выключил свет и только теперь вспомнил: «Тая ведь не позвонила! Что это – знак свыше?» Сел на кровати, несколько мгновений раздумывал, потом на ощупь нашёл ногами тапочки, набросил на плечи халат и пошёл в темноте проверить мысль: «Если не закрылась на задвижку, то – ждёт...»

Он чуть слышно стукнул в дверь её комнаты, ответа не услышал, надавил на дверь, дверь бесшумно отворилась.

Олия устроилась на широком диване, свет от уличного фонаря проникал через тюлевую занавеску, и Владимир смог увидеть, что она спит у стенки, лицом к ковру. Остановился. «Спит ли?» Он наклонился, пытаясь это понять, потом прилёг на свободное место, приподнял край одеяла и, уронив халат на пол, скользнул под него. Укрылся, слегка потеснив её. Олия не шевелилась. Владимир положил руку ей на плечо, приблизил лицо к её волосам. Волосы источали аромат неизвестного ему шампуня. «Ага! Ходила в душ, а шампунь принесла с собой...» Когда он обнял её, легонько

прижался, а потом нашёл ладонью под маечкой нежное полушарие с твердеющим бугорком на нём, она чуть слышно застонала, повернулась к нему и, обхватив шею рукой, нашла губами его губы...

Он уже задремал, как вдруг она едва слышно охнула, схватилась рукой за горло, потом за сердце. Её тело выгнулось дугой, как бывает у припадочных перед приступом. Владимир испугался:

- Что с тобой?!
- Плохо мне!.. Пить...

Он включил свет, быстро прошёл на кухню, налил из остывшего чайника воды в стакан, принёс, помог ей приподняться. Олия отпила глоток, отстранила стакан рукой.

- Вызвать врача?
- Нет. Пройдёт.

– С сердцем, что ли, плохо? – У Бугрова никогда ничего не болело, даже голова наутро после основательной встречи с друзьями, поэтому он панически боялся людей со слабым здоровьем.

– Ничего. – Она обессиленно откинулась на подушку, плечи её вздрагивали, как от озноба, и Владимир помог ей укрыться одеялом, – устала...

- Отдохни, – положил ладонь ей на сердце: – Знаешь, иногда моя рука помогает...

Она успокоилась. Черты лица её утратили угловатость, которая делала их жёсткими, щёки порозовели – лицо стало женственным и одухотворённым.

- Да ты красавица! – вырвалось у Владимира с удивлением.

Она не ответила, только накрыла ладонью его руку. Спустя несколько минут Олия задышала ровно, он тихо поднялся и вышел.

Среди ночи Владимир заходил дважды к ней в комнату, Олия спала, и он не тревожил её.

Утром они поднялись почти одновременно. Пока Олия плескалась в ванне, Владимир приготовил бутерброды и заварил кофе.

- Ты как себя чувствуешь? – спросил, когда она села к столу.

– Хорошо. – Она выглядела так, будто вечером ничего абсолютно не произошло. – Ви когда приходишь домой?

- К пяти часам буду. Ты во сколько заканчиваешь сегодня?
- В шесть.

В шесть Олия уже позвонила у двери. Она быстро приняла душ, вышла из ванной в халате, который перед тем Владимир предложил ей – из тех, что не взяла с собой бывшая жена. Они вместе поужинали – у Бугрова были ещё деньги, и днём он купил продуктов. Сели на диван смотреть телевизор. Сегодня она казалась Владимиру более привлекательной, но он не прикасался к ней, боясь, что вчерашний приступ повторится. Когда ходил в магазин, ему пришла в голову необыкновенная мысль, что, возможно, у неё это была первая измена мужу, поэтому её так корёжило и крутило.

- Оля, – начал он проверять свою догадку, – у вас сколько детей?

– Зачем вам?

– Так просто. Вы тогда говорили, но я забыл сколько.

– Детей три, – она подумала немного и повторила: – У нас три дети.

– Большие? Уже можно уезжать? С кем они остаются?

– Остаются – да. С мамой Салим.

– С мамой Салима? С бабушкой, значит?

– Да. Большой уже.

– Кто большой, старший? Сколько ему лет?

– Пятнадцать. Надо квартира покупать.

– Кому, сыну?

– Син жениться будет, надо квартира.

– Что, и парни у вас рано женятся?

– Зачем рано? Когда хочет.

– Понятно. Значит, ты зарабатываешь на квартиру. Я думал, это должен делать мужчина.

– У Салим маленький деньги.

– Маленькая зарплата?

– Да.

- Вот ты едешь не только в наш город, да?
- Да, я везде была: Красноярск, Новосибирск, другой город. В Беларусь ездила, там люди хорошие.
- С Салимом ездила в Белоруссию или одна?
- Да, с ним. И одна тоже.
- А почему, если там хорошо, опять сюда приехала?
- Там деньги банк на доллары не меняет. Люди меняет. Люди хорошие – деньги берет, доллары принесёт. Не обманет.

Значит, в Узбекистане рубли не в ходу. Доллары. Доллары по всему миру. Зелёные бумажки, которые печатают Штаты в обмен на свои триллионные долги всем странам...

- Понятно. А как же мужчины, когда едешь без мужа? Трудно ведь...
- Что?! – Олия обиделась. – Ви думает, что я такая, да? Если я с вами, то и всех принимает, да?!
- Извини, – Владимир коснулся рукой её руки, – я не хотел тебя обидеть. Просто спросил, ведь подолгу без мужа трудно, наверное? А тебя как выдавали замуж? Калым платил жених?

Она засмушалась:

- Зачем, какой калым?
- Да ладно, – засмеялся Владимир. – Я знаю, что такое калым. Это когда жених платит столько, чтобы жена была ему во всём покорна. Но тогда муж и должен содержать жену, не так ли? Кстати, сколько же тебе лет было, когда тебя отдали замуж?

– Семнадцать.

– А сейчас сколько?

Теперь засмеялась она:

- Я молодой ещё.
- Не сомневаюсь. Но всё-таки, сколько? Ах, да! Если сыну пятнадцать, значит тебе тридцать три?
- Тридцать два.
- Ага, значит в семнадцать ты уже родила.
- Он будет пятнадцать только.

Бугров покачал головой, обнял её и привлёк к себе:

– Сына женишь и станешь бабушкой.

Она не отстранилась, повернула голову к нему:

- Я вам нравлюсь?
- Да. – Ещё минуту назад это было бы ложью, но её бесхитрый вопрос и доверчивость, с которой она прислонилась к нему, вдруг вызвали в нём чувство жалости и нежности, и он повторил: – Да, нравишься.

И запустил пальцы в её роскошные волосы, поцеловал в шею ниже уха, потом распахнул ворот халата и припал губами к маленькой нежной груди...

Всё повторилось почти по вчерашнему сценарию: после близости ей было плохо, только чуть-чуть быстрее успокоилась она, да и для Бугрова уже приступ не был неожиданностью, и он остался с ней рядом.

– Если мне будет ребёнок? – спросила Олия, удобно устраиваясь головой на его плече. У неё это замечательно получалось – становилось удивительно уютно и покойно.

– Значит, он будет с голубыми глазами, – отшутился Владимир.

Он не знал, что можно ответить. Однако это почему-то её успокоило, и больше тему беременности Олия не затрагивала. Да и вряд ли она опасалась родить от него ребёнка: опытная женщина; она просто сделала ему какую-то, только ей понятную, проверку, и он нечаянно её выдержал.

Следующим вечером вдруг позвонила Тая:

– Я приду завтра, – сказала она, – если ты не возражаешь.

– Это я уже слышал, – съязвил Бугров. – Приходи. Во сколько ты будешь? Лучше днём.

Олия была неподалёку и догадалась, что он говорил с женщиной, и, главное, почувствовала, с какой женщиной, но вопросов не задавала.

Заботу о приготовлении ужина Владимир свалил на Олию. После ужина сел за компьютер и просидел допоздна, полагая, что надо дать женщине отдых. Перед сном, уже на диване, читал газету.

Но она тоже не спала, сидела у телевизора, а потом появилась в дверях его комнаты и молча при-слонилась к косяку.

– Заходи, Оля, что стоишь? – пригласил он, указывая место возле себя на диване.

Олия прошла и села рядом. Владимир не понимал, что ей надо. Возможно, хочет узнать, с кем он разговаривал?

– Ты здорова? – спросил, слегка приобняв её.

– Да, – она будто ждала чего-то.

«Молчишь? Ну, молчи». Он стал осторожно ласкать её, ожидая сопротивления, но она вдруг сама проявила инициативу, была необыкновенно нежна и в этот раз не умирала и не задыхалась. Они блаженствовали в эту ночь так, как будто у них начался «медовый месяц».

Утром Бугров, неожиданно для самого себя, спросил:

– Ты Салима любишь?

Она отвернулась, не ответив. «Вот кретин!» – мысленно обругал себя Владимир.

А вечером, вернувшись с рынка, Олия спросила:

– Я красивая?

– Да.

– Вам хорошо со мной?

– Да, – ответил он.

– А другой женщины лучше?

– Другие тоже были хорошие, – бездумно сказал Владимир, – зачем общаться с женщиной, если она тебе не нравится?

– Тая лучше? – Она, оказывается, услышала и запомнила имя!

– Пока не знаю. Да ты что, Оля, ревнуешь?

Олия вдруг крепко ухватила его за указательный палец и стала выворачивать, со всей силой, на какую была способна. На губах улыбка, а в глазах мелькали тёмные искры злости:

– Другой лучше? Лучше?!

– Сдурела?! – спросил он, с трудом освободив палец, и тут же, смеясь, облапил её, сдавил так, что, кажется, кости женщины должны были затрещать.

Но она не охнула, её тренированное гибкое тело могло выдержать и больший напор, злость в глазах её исчезла, а улыбка стала почти счастливой. Он подхватил её на руки и унёс в свой кабинет.

– Другой лучше, да? – вдруг вновь вспыхнула Олия, толкнула его, хохочущего, на диван и стала срывать с него одежды.

– Нет, – захлёбываясь счастливым смехом, стонал Владимир, – ты – самая лучшая... джигитка!

«Так кто же из нас двоих покупает, а кто платит?!»

– Вам било хорошо? – потребовала Олия ответа, когда силы их иссякли.

– Било, било. Лучше не бывает, – признал Владимир.

– Правда?

– Честное слово! Лучшей женщины у меня не было.

– Обманываете, Владимир Карпович, – она долго, молча, глядела в потолок, потом сказала: – Салим платить, – помолчала ещё минуту. – Калим. Брат сказал за Салим ходить замуж. Мама сказал. Я спортом заниматься, первый места. Ташкент ездила, Бухара ездила. Мне нравилось, – она вздохнула.

– Каким спортом?

– Валибол. Пригала, бегала.

– Тебе бы плаванием надо было заниматься, – сказал Владимир, – у тебя бы хорошо получилось.

– Ваш вода грязный, бутылка бросает, банка, нога порезать можно, – не ответила она на его мысль. – Наш старики ругают, если маленький ребятишка бросит, наш вода сохраняет.

– Да уж, – согласился Бугров, – купаться в реке у нас опасно: полное безобразие. Ты занималась плаванием?

– Да. Волейбол играть, бегать... Первый места.

Она надолго замолчала, потом, вздохнула:

– Я другой люблю. Он мне любит.

Бугров уже почти спал, но услышал её.

– Другого мужчину любишь? Вы с ним встречаетесь?

– Нет. У нас ничего не бил. Он наш деревня живёт. Жена есь, два дети. Когда я еду моя мама, он мне видит.

– Что говорит?

– Не-ет, не говорит. Я проходить мимо.

В чём же тогда проявляется их любовь, и почему она уверена, что тот мужчина её всё ещё любит, Владимир так и не уяснил. Хотя что ж непонятного? Первая любовь чаще всего такой и бывает – тайной и потому безответной.

О том, была ли здесь Таисия, Олия не спросила. «Ишь ты! Характер!»

Вновь засыпая, Владимир вдруг вспомнил, что не получил ответа на свой вопрос, теперь он не казался ему идиотским, и задал его снова:

– А муж тебя любит?

Олия повернулась к нему лицом и ответила с нескрываемой гордостью:

– Да!

Ну, конечно: зачем было платить калым и жениться, если не любил. Но почему тогда отпускает её на месяцы в далёкие края? Или завёл другую любовь, помоложе?

Утром, перед тем как они сели завтракать, Олия спросила:

– У вас музыка есь?

– Что, какая музыка? – не понял Владимир.

– Ну, этот...

– А! Магнитофон? Есть. И кое-какие кассеты: «Золотое кольцо», Хворостовский...

– У мне свой есь.

Он принёс на кухню магнитофон, несколько кассет, поставил наугад одну – голос Киркорова зазвучал громко: «Мне мама тихо говорила...» Владимир убавил громкость.

А вечером, сидя за столом в своём кабинете, Бугров услышал ритмичные удары барабана, заунывную мелодию неизвестного ему струнного инструмента и пронзительный печальный голос женщины. Он прислушался: Олия поставила свою кассету и наслаждалась тоской своей родины. Иногда она в унисон певице вплетала своё высокое: «А-а-а...» – и тогда казалось Бугрову, в той комнате раздвигались стены и открывался вид на горы с цветущими садами по их склонам, палило солнце, дул горячий ветер, а навстречу ветру шла и пела высокая тоненькая девушка, протягивала руку вдаль, где, надо полагать, скрылся её любимый.

Владимир слушал эту музыку с полчаса, потом стал уставать от неё. Он поднялся и прошёл к двери комнаты, за которой шёл импровизированный концерт, постоял, прислушиваясь, с минуту, потом открыл дверь. Олия, высоко подняв руки над головой, мелкими шажками двигалась в ритме музыки. Сверху вниз, от кистей рук, по всему её гибкому телу прокатывались томные волны... В тот момент, когда Владимир увидел Олию, она была спиной к нему и потому не сразу остановилась, а только после того, как в очередном па повернулась на пол-оборота и встретила его восхищённый взгляд. Она смущённо улыбнулась, не зная, продолжать ли?

– Красиво, – сказал Владимир, – танцуй ещё – мне нравится...

Вечером следующего дня Олия пришла мрачная, сняла кроссовки, надела тапочки и прошла в свою комнату, легла на постель не раздеваясь. Бугров, рассчитывавший на то, что Олия приготовит ужин, прождал за компьютером напрасно с полчаса, потом явился к ней. Олия лежала лицом к стене, закинув одну руку за голову.

– Что случилось, Оля?

Молчание.

– Я тебя обидел чем-нибудь? – Не дождался ответа, пошутил: – Значит, ужина сегодня не будет?

– Не обидел, – отозвалась, наконец, Олия. Оставить без ответа вопрос мужчины об ужине она не могла. – Деньги не отдаёт.

– Кто?

– Наш. С Бухара.

– Не понял. Родственник? Он в Бухаре или приехал сюда?

– Знакомый. Он здесь. Просил: «Олия, помоги мне». Я дал деньги, он не отдаёт. Мне как домой без деньги ехать?

– Ты собралась ехать домой?

– Не собралась. Наш приехал, говорит: «Салим ждёт». Как я поеду без деньги?

– Кто приехал? Из Навои, да?

– Да, наш люди.

– Поэтому ты выпила? – Владимир почувствовал запах спиртного.

– Я не пила! – Олия возмутилась. – Наш угощал пивом. Маленько, один бутылка.

– Угу-м. Придётся мне самому готовить ужин. А чай со мной пить будешь?

– Я когда хочу – готовлю, – независимо сказала Олия, – сейчас не хочу.

Всё же чай они пили вместе. Потом разошлись: Бугров за компьютер сел, Олия ушла к себе в комнату. Однако вскоре после восьми Олия куда-то засобиралась. Владимир вышел в прихожую.

– Ты далёко ли?

– Надо мне.

– Подожди пять минут, я провожу тебя.

– Нет. Не ходи.

– Дело к вечеру, когда вернёшься? Или уходишь с ночевой? Боишься, что твои земляки скажут Салиму, где ты живёшь?

– Наш не знает, где я живу. Я приду после десять часов, – она первый раз за вечер улыбнулась ему. – Пока!

– За пока бьют бока, – пробурчал Владимир, закрывая за Олией дверь. Он с удивлением обнаружил, что тревожится за неё и что это её радует.

Когда раздался звонок у входной двери, Бугров недоумённо посмотрел на часы: девять с четвертью. Олия обещала быть после десяти, а вернулась раньше? Открыл дверь, не спрашивая, кто там. За порогом стояла, улыбаясь, Таисия. Взгляд чуточку встревоженный, видимо, боялась, что дома не застанет или застанет не одного. Светлая удлинённая юбка с разрезом на боку чуть не до пояса, красная прозрачная кофточка и коричневая сумочка на плече.

– Здравствуй, – сказала она, – не ждал?

– Сюрприз-из, – вместо приветствия сказал Владимир, – было дело – ждал, но перестал. Проходи.

Он легонько обнял её, коснулся губами виска – женщине должно быть приятно, а его ни к чему не обязывает, провёл на кухню, не дав переобуться, хотя она порывалась снять туфли.

– Я тебе звонила вчера, чтобы предупредить, что не приду, но тебя не было дома или ты не хотел разговаривать.

– Значит, меня не было дома. Зато сейчас я – вот он. Как насчёт чего-нибудь повесомее чая? В смысле – поесть. Рыбу сам солил... С картошкой, а? Что будем пить? Есть бутылка шампанского, стоит с первого нашего телефонного разговора, как ты думаешь, не прокисло?

– Шампанское с рыбой и картошкой? – засмеялась Тая. – Оригинально.

– Гм, да... Но есть и конфеты к вину, не думай. На-ка, протри фужеры.

Она пила вино неторопливо, маленькими глотками, не притрагиваясь к конфетам, лишние граммы её фигуре не нужны.

– Значит, хозяйку ищешь?

– Значит. Расскажи-ка о себе, а то кроме того, что ты запряглась на двух работах, я ничего не знаю.

– Что рассказывать-то? После того, как наш комбинат «сдох», в нашем городе совершенно не стало работы, вот мы с дочкой и перебрались сюда. Живём в общежитии, потому что свою квартиру там ни обменять, ни продать даже за небольшую цену невозможно. Катя учится в институте и подрабатывает, и я на двух работах, потому что за обучение платить надо, а зарплата маленькая. Такая вот обыкновенная теперь история.

– Сколько Кате лет?

– На днях исполнится двадцать.

– Ну, замуж скоро выйдет, муж будет доучивать.

– Нет уж, пусть доучится, а потом замуж. Хорошего сегодня не вдруг найдёт, попадётся какой-нибудь обормот, да ещё ребёнок родится – тогда уж нам точно не вытянуть.

– Да-а, – вздохнул Бугров, – мрачновато. Ну и что, прежде были у тебя попытки найти себе мужа? Кстати, Катин папа куда девался?

– Куда они теперь деваются? Как с работы уволили, пошёл по кривой дорожке...

Звонок у двери не дал ей договорить. Бугров вышел в прихожую, открыл – за порогом с огромной сумкой стояла Олия. Владимир помог ей втащить багаж в квартиру.

– Как ты это доволокла сюда? С вокзала, что ли?

– Да. Наш приехал, я брала товар. Мне надо продать, чтоб бил деньги, я как домой поеду?

Увидев, что на кухне сидит незнакомая женщина, Олия немедленно ушла в отведённую ей комнату.

– Кто это у тебя? – спросила Таисия, когда Бугров вернулся к ней.

– Квартирантка.

– Нерусская?

– Узбечка. Они раньше с мужем у меня жили, а в этот раз он не приехал.

– И долго она ещё тут будет?

– Нет, наверное, муж требует, чтобы ехала домой, а она застряла, потому что деньги дала в долг, а назад – фиг! Может, неделю проторчит, а может – две. Притащила – вон – ещё товару, как продаст.

– Ладно, – поднялась Таисия, – спасибо за шампанское, давно не пила. Проводишь меня?

– А ты не хочешь остаться? Надо же знакомиться... – спросил, ничуть не сомневаясь, что она откажется.

– Останусь в следующий раз, когда квартирантка уедет.

Проводив Таисию на автобус, Владимир вернулся домой. Олия под свою узбекскую музыку на кухне пила чай.

– Это кто будет? Невеста? – спросила она, ревниво глядя в лицо.

– Да, – не стал отпираться Бугров, – надо кого-то брать в жёны, ты ведь скоро уедешь.

– Я приеду в октябре, – после паузы сказала Олия.

– Ну и что? Ты же не бросишь детей, да и мужа тоже. Он тебя любит.

Олия поднялась и ушла к себе. Владимир сходил в ванную, принял душ, набросил на плечи халат и, как ни в чём не бывало, явился к ней.

– Идите-идите, – выставила Олия руку, – надо бил оставлять она. Она сладкий.

– Оставлял, не осталась, – дразня Олию, сказал, посмеиваясь, Владимир. – Но слаще тебя никого нет.

– Обманиваете.

– Зачем? Нет...

Она вдруг ухватила всей пятернёй его указательный палец, как в прошлый раз, и крутанула остервенело:

– Невеста хотите, да?! Невеста!?

– Инвалидом сделаешь! – Он едва справился, сжав пальцы в кулак.

– Жилезний твой рука, что ли? – удивилась Олия, когда не удалось выломить палец, и без всякого перехода впилась зубами в плечо, а потом, застонав, губами приникла к его губам. Ярость и нежность во время ласк как-то удивительно совмещались в ней и делали в этот момент лицо её прекрасным.

На следующий день Олия пришла домой сама не своя: лицо серое, будто присыпанное пеплом, глаза отсутствующие, сбросила на ходу туфли и босиком прошла к себе в комнату, ничком упала на диван.

– Опять что-то случилось? – Бугров положил руку ей на голову, погладил.

Она с трудом перевалилась на спину, облизнув пересохшие губы, попросила пить, от неё слегка пахло спиртным. Владимир принёс воды, помог напиться. Олия хваталась за сердце.

– Э, голуба душа, да тебе пить-то, оказывается, нельзя! Вот от чего тебя корчит!

– Маленько, одна рюмка.

– Зачем?!

Олия молчала, сжав своей ладонью его ладонь, закрыла глаза. Владимир присел на корточки, прикоснулся губами к её щеке.

– Что произошло?

Судорожный вздох был вместо ответа.

– Что?
– Завтра я уехать.
– Как?! – молчание. – Вернули деньги? Купила билеты? А товар куда?
– Он сказал, чтобы я завтра уезжать. Билет нет.
– Кто «он»?
– Наш.
– Тот, который деньги занял, да?
– Нет, другой. Его друг.
– Понятно: деньги не отдали, а решили тебя припугнуть. Давай я с ними поговорю. Ты мне их покажешь...

– Нет!
– Не бойся, всё будет спокойно.
– Нет.
Зазвонил телефон, Владимир осторожно освободил руку.
– Кто сейчас может звонить? Это не тебя?
Олия открыла глаза.
– Нет, наш не знает телефон.
Владимир поднял трубку:
– Алло, Кремль на проводе.
В ответ засмеялись:
– Это не гараж? Тогда помощника президента пригласите, пожалуйста.
– Тая? – удивился Владимир. – Откуда звонишь?
– От верблюда, – смеялась Таисия, – из автомата, у нас же переговорный рядом. Ну, как там твоя узбечка, сготовила тебе плов?

– Плов не хочу, вот манты бы поел с удовольствием.
– Так за чем же дело стало?
– За малым, мяса бы кто нам купил.
– Так отправь её, пусть побалуёт мужчину. Ей сколько лет?
– Меньше, чем тебе.
– Да? А по виду не скажешь.
– Это смотря по тому, как смотреть.
– А-а... Ну-ну. Я, между прочим, и манты умею готовить, и позы, и чебуреки, не говоря уж о пельменях.

– Хорошо, у нас будет, я думаю, возможность проверить ваши кулинарные таланты. Я ещё вареники люблю. Ты что-то хотела мне сказать?
– Ничего особенного, просто хотела услышать тебя.
– Приходить надо, я по телефону не занимаюсь.
– Приду, всему своё время.
– Смотри, не опоздай. Уведут.
– Значит, не судьба.

Они ещё поболтали минуты две и распрощались. Тая обещала звонить каждый вечер.
Олия сидела на диване, лицо было спокойным.
– Ну, что надумала? – спросил Владимир.
– Кушать будем? – вместо ответа спросила Олия.
– Пошли! – бодро сказал Владимир. – Война войной, а есть подавай вовремя.

Утром Олия ушла раньше, чем обычно, а вечером пришла весёлая.
– Так, – сказал Бугров, – похоже, что у тебя всё в порядке? Рассказывай.
– Я ходила на Свердловский рынок, – сказала Олия.
– И что?
– Там есь Борис Иванович, я его находила. Он сказал, ехать не надо. Я буду торговать.

Владимир подождал продолжения, но Олия пошла на кухню, открыла холодильник, стала вынимать из него продукты.

– Я ничего не понял, – сказал Владимир. – Кто такой Борис Иванович, и почему он сказал, что тебе не надо бояться? Ты ведь не на Свердловском торгуешь.

– Ми с Салим первый раз торговал на Свердловском.

– Ага. А кто этот мужик?

– Он сказал, надо платить двести тысяч, ми платил.

– Слушай, – начал сердиться Бугров, – рассказывай толком, я ведь вашей торговли не знаю. Тогда заплатили двести тысяч, да? По нынешним деньгам это будет... меньше двухсот. Ну, это по-божески. И потом вас не трогали на рынке. Так?

– Да. Я в этот раз торговала на Свердловском рынке. Он сказал: «Оля, ты не будешь платить». Я не платила, потом ходила на это место.

– Понял. Борис Иванович держит Свердловский рынок. И теперь денег с тебя не взял. Он молодой?

– Не молодой. Пятьдесят или пятьдесят пять.

– Но где он найдёт того мужика, что тебя пугал? И тот его послушает?

– Его находил на вокзале.

– Что, уже нашли? На вокзале? Он там торгует или что делает?

– Да, – не без гордости сказала Олия, – я ждала полчаса. Его привозил на машина люди. Он боялся. Он сказал, что не говорил мне. Сказал, что Олия торговать.

– Круто, – только и мог сказать Владимир, – за полчаса вопрос уладили!

– Да! – Олия не скрывала своего торжества. – Я его говорила, что он сам поедет Бухара, а я буду тут. Вот.

Она вдруг повернулась к Владимиру и чмокнула его в лоб.

В постели, положив голову ему на плечо, Олия впервые стала рассказывать о своих торговых делах. Бугров слушал, не перебивая, о том, что знакомый из Бухары занял у неё двадцать тысяч («двадцать тысяч иная русская женщина не заработает и за год, а здесь она их наторговала за месяц-полтора, пусть “навар” составит половину или третью часть – всё равно неплохо»), а отдавать и не собирается. Рассказала о том, что уже прошло полтора месяца, как она отдала документы на временную прописку, заплатила тысячу пятьсот рублей, но прописки так и нет; о том, что сегодня подошёл к ней днём пьяный милиционер, спросил прописку, но она ему денег не дала, так как уже заплатила один раз утром.

– Как заплатила? – не удержался тут Владимир. – Вы что, платите за то, что у вас нет прописки? Сколько?

– Пятьдесят.

– Каждый день?! – Владимир оторопел, представив длинный ряд торговцев из Китая, Монголии, Узбекистана и других стран ближнего зарубежья – все, как правило, живут без прописки и, значит, все платят рядовому милиционеру дань по пятьдесят рублей?! Сколько же он имеет?! Конечно, он не всё себе забирает, делится с начальством... – А если два раза спросят прописку? А если пять?

– Ну, я не платила другой раз. Я ему сказала: «Сколько раз можно платить?» А он сказал: «Ты платил? У тебе бумага есь?» Я ему сказала: «Я тебе буду сейчас заплатить, ты мне дашь бумага? Нет? Ну, иди тогда своя машина, а то я буду писать бумага твой начальник. Ти пьяний».

– А он что?

– Он сказал: «У, какая!» Уходил своя машина и ехал. Больше не пришёл. Мне Майя говорит: «Какая ты, Олия, стала!» Мне один раз брали в машина, везли милиция, там писали бумага. Я им сказала: «Вам надо вещи? Берите, что вам хотите». Он не брал, отпускали меня.

– А в других местах, где ты была, такие же порядки?

– Я везде била: Новосибирск, Красноярск, Смоленск, другой города. В Белоруссия хороший друзья. Деньги брал, менял на долари, все отдал. Мне говорят: «Какая ты, Олия, стала!» Мне волосы стригла, они говорят, что я стала не такая, городская. Зачем, говорят, ти едешь? Салим тоже не хочет, чтобы я ехала. Я не могу там долго бить. Деньги тоже надо.

Рассказала она и о том, что в городе здесь есть у неё и родственники, но она у них жить не хочет. Салим звонит им домой, спрашивает, где живёт его жена, но они не говорят, потому что сами не знают.

«Бедная женщина! И я должен верить, что пахан с рынка не берёт с неё денег только за красивые глаза или за высокий рост?!»

Утром, когда Олия только что ушла, раздался звонок. Владимир подумал, что она что-то забыла и вернулась, открыл дверь. Увидел соседку.

– Заходи, Валя, – сказал он.

Они прошли на кухню, сели к столу.

Валентина помолчала, отыскивая предлог для своего визита, но потом решила говорить без дипломатии.

– У тебя Оля живёт, – сказала не спрашивая, а утверждая, – долго она ещё тут будет?

Владимир пожал плечами:

– Не знаю. Вроде собирается съездить домой. А что?

– Пусть найдёт себе другую квартиру.

– Вот те раз! Ты же сама когда-то просила за них, – удивился Владимир. – Что стряслось?

– Мама её видеть не может.

Мама Валентины, маленькая сухонькая женщина с суровым взглядом серых глаз, приехала из Узбекистана несколько месяцев назад, Владимир видел её несколько раз возле дома. У соседей о ней он ничего не спрашивал, помнил, что Валентина когда-то говорила, что там русским живётся трудно, значит, мать решила перебраться к дочери в Россию. Их дело. И вдруг старая незнакомая женщина вмешивается в его жизнь, не хочет видеть Олию, которая, возможно, отвозила именно ей посылки от Валентины. Может, не отдали посылку?

– Олия с Салимом чем-то обидели мать, посылку украли? На них это не похоже.

– Нет, просто она узбеков видеть не может.

– Да ну? – не поверил Владимир.

Он вспомнил, что недавно видел Валентину с матерью на улице, где у стенки дома, прямо на тротуаре, подложив картонку под себя, сидела женщина с грудным ребёнком на руках и с двумя маленькими девочками рядом. С некоторых пор это стало обычной картиной на улицах города. Пришельцы из вновь образовавшихся после распада СССР стран молчаливо просили подаяние почти на каждом оживлённом перекрёстке, пока сильные морозы не заставили их перебраться в тёплые места – на крытые рынки, в магазины, где ещё не стоят охранники. По внешнему виду это была узбечка или, может быть, таджичка. День был сырым и холодным, дул ветер, дети мёрзли, и все проходящие смотрели на них с жалостью, некоторые приостанавливались и бросали мелочь в небольшую картонную коробку, лежавшую у ног женщины, или отдавали мелочь в грязные детские ручонки. И мать Валентины тоже остановилась возле бедствующей матери, смотрела некоторое время на неё, не размыкая плотно сомкнутых губ, потом нагнулась и положила в коробку смятую десятку.

– Как же не может, когда она подаёт им милостыню? – спросил Владимир.

– Ну, это... – Валентина нахмурилась, – это давняя история. Во время войны маму вывезли из-под Харькова в Узбекистан. Узбекские женщины хорошо к детям относились, жалели, подкармливали. Она платит им тем же.

– Так в чём же дело?

– А в том, – Валентина вдруг всхлипнула, но справилась с собой, – в том, что они теперь, не они, мужчины, конечно, и вообще – власть... Они там русских женщин, девочек насилуют и убивают.

– Не может быть! Откуда такая информация?

Губы у Валентины задрожали, но и в этот раз она овладела с собой.

– М-мама п-почему уехала? Внучку, мою племянницу... Двенадцать лет ей было...

– Что-о?!

– ...избили потом, или она сильно сопротивлялась, бросили без сознания. У-у-мерла Машенька... – рыдания наконец вырвались наружу.

Ошарашенный Бугров не нашёлся, что сказать, и даже не догадался подать Валентине воды. Лишь спустя несколько дней он узнал от неё, что мать Валентины выехала с когда-то приютившей её второй родины немедленно после похорон внучки, не в силах видеть свою квартиру, в которой девочка проводила большую часть выходных дней. А дочь с зятем, наоборот, остались там, чтобы иметь возможность приходить на могилку всякий раз, когда этого запросит душа.

Таисия позвонила на следующий день, сообщила, что пока на второй работе у неё двухнедельный перерыв, сказала, что придёт, чтобы познакомиться поближе.

– Приходи, – не стал возражать Бугров, – но фирма не гарантирует...

– Устал? Ничего, переживу. – Тая была само терпение.

Олия приход соперницы восприняла спокойно, но с ними ужинать не стала, посмотрела кинофильм по телевизору, попила чаю и ушла спать.

Тая долго готовилась ко сну, мылась под душем, пришла к Владимиру в постель в розовом халатике, который принесла с собой. Она устроилась под одеялом тихо, почти не нарушив дремоты Владимира, приложив голову к его плечу, лежала смиренно. Бугров уснул и спал крепко, как когда-то в детстве под тёплым боком матери. Утром Таисия поднялась рано, быстро и жизнерадостно собралась на работу, чмокнула Владимира в губы, который поднялся тоже и приготовил ей кофе.

– Спасибо, кофе замечательный!

Уходя, уже за порогом, упрекнула полушутя:

– А ты не только по телефону не занимаешься... Ладно, я позвоню.

– Хорошо, – Владимир не улыбнулся, закрыл за ней дверь, вернулся в постель, но сон не шёл.

Олия, приготовив завтрак, позвала его. Спросила, когда он наелся и поблагодарил:

– Мне должна уходить?

– Нет. Зачем? И куда ты пойдёшь?

– Есь куда ити.

Владимир подумал, потом серьёзно сказал:

– Оставайся, пожалуйста, мне плохо будет без тебя, – и добавил шутливо: – И манты твои я ещё не пробовал.

– Тая будет сделать манты. Тебе Тая будет любить. – И, чуть помедлив, спросила: – Она сладкий?

Владимир пожал плечами:

– У нас ничего не было.

Олия усмехнулась:

– Я знаю.

– Откуда?

Она не ответила.

Олия жила у Бугрова ещё девять дней, и их отношениям не мешало то, что Таисия трижды за эти дни приходила в гости к Владимиру. Ночевать не оставалась, каждый раз у неё была серьёзная причина уйти. Владимир не уговаривал её остаться, провожал к автобусу, приглашая придти ещё.

– Приду, – пострадала однажды Таисия, – и наведу порядок.

– Когда?

– Скоро. Вот уедет твоя узбечка, и я займусь твоим воспитанием.

Владимир невесело посмеялся:

– Давай, может, что и получится.

Владимир постоянно помнил о том, что ему рассказала Валентина, но в голове у него никак не укладывалось, что Олия или кто-то из её близких или знакомых мог так поступить с девушкой только потому, что она русская. Но и не верить Валентине он не мог.

В день отъезда Олии Бугров предложил-спросил:

– Я провожу тебя?

– Нет, – решительно отказалась Олия, – там будет наш люди.

Несмотря на то что он, как и прежде, был ласков с ней, даже нежен, Олия внутренне готовилась к тому, что они расстанутся навсегда.

– Ты в октябре приедешь с мужем? – спросил Владимир, хотя у него было предчувствие, что Олию больше не увидит.

– Нет, он школа работать будет. Я приеду пятнадцатый октября.

Поезда в Узбекистан теперь ходили редко, и она уже определила себе точную дату своего возвращения.

Уходя на поезд из его квартиры, она остановилась у двери:

– Какой у тебя синий глаза! У нас такой нету.

Он знал уже, что некоторым женщинам нравятся голубые глаза у мужчин. Пошутил:

– Надо вашим женщинам почаще приезжать в Россию, тогда и у ваших детей могут быть такие глаза.

Но шутка прозвучала грустно.

– Я любила тебя с тот раз, когда была здесь с Салимом, – сказала она тихо, глядя в сторону, – никого другой не любила.

И, резко повернувшись, стремительно вышла.

Начальная осень прошла бабьим летом по полям и садам, птичьи стаи неторопливо проутюжили небесную синь, белые лёгкие облака потемнели, отяжелели и нависли над землёй. Наступил октябрь.

За неделю до ожидаемого приезда Олии, после короткого дождика, выпал пробный снежок, но земля ещё сохранила остатки накопленного летом тепла, и снег вскоре испарился, не оставив следа.

Пятнадцатого октября Бугров не выходил из дома, работал и, вопреки былому предчувствию, ждал Олию или телефонного звонка. Но не дождался. Не было звонков и на следующий день, и в последующие дни. Кажется, его предчувствие оправдывалось.

В субботу с утра, как обычно, он отправился на оптовый рынок за продуктами. Было пасмурно, но тепло. В ряду торговек возле ворот рынка, на её обычном месте, он увидел Олию. Она о чём-то говорила с чернявым мужчиной, примерно её возраста, улыбалась ему. Однако в глазах её, кажется, не было радости. Владимир поспешил уйти, пока она не почувствовала на себе его взгляда. Когда он возвращался, черноволосого мужчины возле Олии не было, но она Бугрова опять не заметила, стояла за разложенным на клеёнке товаром и смотрела за тем, как её соседка, тоже узбечка, уговаривала пожилую русскую женщину купить мужу тёплые носки. И у этой торговки, наверное, есть в далёком жарком Узбекистане дети, ради которых она зябнет под серым осенним ветром, зарабатывая деньги, экономя их, возможно так, как делала это Олия.

Он отошёл в сторону и долго смотрел на неё, укрывшись за развешенными товарами других торговек. «Так кто же у нас продавал, а кто платил?»

Он не знал, что Олия заметила его первая, но сделала вид, что занята с другим мужчиной, а потом увлеклась тем, как шла торговля у соседки. Не мог он знать и того, как решила устроить жизнь своей семьи Олия. Она же настояла, чтобы и муж её, и дети перебрались жить в Иркутск: «Наш президент плохой», – был её главный довод. Салим ничего на это возразить не мог: обещанные уроки русского языка в его школе не возобновились. Торговать на своё старое место она вышла в первый и последний раз – в надежде увидеть того единственного, кого любила, хоть и недолго, но по-настоящему. И он действительно пришёл. Она видела, что Владимир укрылся за товарами и наблюдает за ней. «Тебе своя жена надо иметь. Тая или какой другой женщина». Салим подошёл вечером, чтобы помочь собрать товары:

– Ты почему плачешь?

– Не плачу. Я замёрзла немножко.

Дома Владимир включил компьютер: надо было срочно сделать две курсовые работы ленивым студентам состоятельных родителей. Раздался телефонный звонок, он поднял трубку.

– Привет! – Это была Таисия.

Она сообщила, что не сможет, как обещала, провести с ним два выходных дня, потому что ей надо съездить в Саянск. «Уже не первый раз отменяется визит», – равнодушно подумал Владимир.

– За любовь ничем нельзя заплатить, только любовью, – сказал Бугров, отвечая самому себе. И за его словами скрывалась мысль не только об отношениях мужчины и женщины, но и об отношениях целых народов.

«А была любовь? Или что было?»

– Не поняла...

– Поезжай, если надо. У меня тоже куча неотложных дел, – помолчал, добавил: – и позвони сразу, как вернёшься.

Прощавшись, положил трубку, подумал снова: «За любовь – любовью, всё остальное – разврат и проституция». Подошёл к окну: «Нет! И любовью за любовь заплатить нельзя. Любовь можно только дарить и получать за неё ответный дар».

Работать не хотелось. Бугров долго смотрел в окно. На тёмно-сером небе не было ни малейшего просвета. А на стекле от насыщенного влагой воздуха сперва образовалась мутная плёнка, потом на ней от первых капель, упавших с неба, появились потёки, будто кто-то неведомый плакал на стекло. Плакал о том, что люди утратили способность дарить любовь.

Начинался бесконечный осенний дождь...

Проза

Олег Рябов

Олег Рябов – родился в 1948 году в Горьком. Окончил политехнический институт по специальности «радиоинженер». Работал в НИИ научным сотрудником, в проектно-институте начальником снабжения, Облкниготорге – товароведом, Оперном театре – дежурным электриком, на мясокомбинате – зам. директора, в типографии – тоже каким-то начальником. Впервые стихи были опубликованы в газете «Ухта» Коми АССР в 1968 году. Первая книга, повесть о войне, «Письма отца» вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1988 году. С тех пор вышли пятнадцать книг стихов и прозы. Печатался в журналах «Наши современники», «Дружба народов», «Знамя», «Нева», «Север», «Молодая гвардия», «Сельская молодёжь», «Невский альманах», коллективных сборниках, альманахах, антологиях. Лауреат конкурсов «Ясная поляна», им. Шукшина «Светлые души» (Вологда), лауреат премии Б. Корнилова, «Болдинской премии», трижды лауреат премии Нижнего Новгорода в области литературы. С 2002 года член Союза писателей России. С 2011-го член ПЕН-клуба. Главный редактор журнала «Нижний Новгород». Указом президента РФ награждён медалью Пушкина.

СИВКА, БУРКА

Рассказ

Это только кажется, что все умные русские люди в глухих деревнях родились, а потом в город переехали, – среди городских тоже встречаются. Вон Сергей Сергеевич Кругликов из двадцатого дома всё наоборот сделал: здесь в городе родился, всю жизнь настоящим большим спортом занимался, а после, пока его не выгнали отовсюду, он ещё и в школе успел простым учителем физкультуры из любопытства простого недолго поработать. Потом уже купил он себе домик в деревне и уехал туда жить, а что – ему при его особой олимпийской пенсии на всё хватает. Он всё же настоящим олимпийским чемпионом по лыжным гонкам был, специалисты помнили про то.

К тому же город почти всегда причует человека к рациональной и законопослушной жизни при объективном течении времени, а в деревне и чудеса, и неожиданные превращения куда чаще случаются. А события всяческие неприятные тихо, незаметно и начисто забываются.

Как-то раз к Сергею Сергеевичу в деревню чересчур расторопный журналист Коля Боровков приехал, пообщался недолго с чемпионом, а потом в газете про него написал. А написал он про то, как у учителя физкультуры Кругликова после лыжного контрольного забега школьников-десятиклассников на пять километров результаты у половины участников были такие замечательные, что им всем лежал прямой путь в олимпийскую сборную; Сергей Сергеевич просто пожалел тогда своих подопечных учеников и отмерил на глазок дистанцию почти в два раза меньше положенного, чтобы не мёрзли ребятишки на тридцатиградусном морозе. Стоял он честно на финише с секундометром в руке и честно всем время отщёлкивал, а потом результаты в департамент образования и сдал. Только в городском департаменте образования, куда результаты попали, тоже в спорте немного разбирались и разглядели чиновники в результатах зачётных соревнований прямое жульничество.

Так Коля Боровков как бы облил помоями олимпийского ветерана, опубликовав всю эту неприличную правду в солидной областной газете. Только Сергея Сергеевича мало опечалила эта опубликованная правда. Он в своей богоспасаемой деревне Благовещенье гнал самогонку на своём самогонном аппарате из красной меди, присланном ему друзьями из Испании, на весь район, настаивая его на еловых почках, и готовил наливки для женского пола из клюквы, брусники и морошки. А по вечерам резал из липы фигурки олимпийских Мишек и ушастых Чебурашек, которых деревенские

хозяйки удачно возили на рынок; липу и осину сушить, а когда надо, и в родниковой воде замачивать, его местные умельцы научили. Не денег ради резал он эти игрушки, а для собственной радости.

Жизненный опыт у Сергея Сергеевича был такой богатый, что очень скоро стал он как бы здешним деревенским «гуру», то есть учителем: а что, если он не только с разными умными людьми всю жизнь общался, но ещё и во многих странах за границей побывал. Приходили местные к нему советоваться по любому поводу – посоветуются-посоветуются и уходят довольные с бутылочкой собственноручно Сергеем Сергеевичем изготовленного продукта.

А потом странные вещи и чудеса вокруг него стали твориться, которые Сергей Сергеевич долгое время не очень-то понимал и даже сам стал побаиваться своего открывшегося качества – правда, виду не подавал, хабрился. Хотя все неожиданности легко объяснялись – по крайней мере, сам он для себя всё в конце концов решил. Жила когда-то, ещё задолго до того, как он этот дом купил, в нём местная травница, старуха, которая всяческие народные снадобья готовила, а, как известно, они, эти травницы, заговорами искусными владеют и заговорить могут не только траву, но и место какое-нибудь, например дом. Вот в дому-то у Сергея Сергеевича чудеса всякие изредка и случались.

В основном чудеса эти заключались в том, что у потребителей его продуктов (имеется в виду самогонка) получались отключения памяти – у кого на пару часов, у кого на день, а у кого и на всю жизнь. Такая беда приключилась и с тем журналистом Боровковым, который гадость про него в газете написал: нет, там никакого вранья не было, но не надо смаковать такие вещи попусту. Так вот, в памяти у Боровкова стали после того визита провалы образовываться, а иногда и откровения непонятные в сознании возникать, причём в состоянии совершенно трезвом, что его пугало, естественно.

Вольно или невольно, но тесные профессиональные и товарищеские связи для обоюдной пользы возникают почти во всех видах человеческой деятельности, а уж журналистика, которая держится на фактах и слухах, не может без такого взаимного человеческого общения вообще обойтись. Понятное дело, что Илья Криворотов, спортивный комментатор и спортивный репортёр номер один в городе, который помнил, а когда-то и тесно общался с Сергеем Сергеевичем, быстро разыскал Колю Боровкова и дотошно расспросил его о жите-бытье бывшего олимпийского чемпиона. Выяснил он тогда, что главное, ради чего Боровков ездил к олимпийскому чемпиону, в его репортаже не отразилось и теперь уже никогда и не отразится; а этим главным была волшебная самогонка, которую изготавливал Сергей Сергеевич и которую сам Боровков и видел, и пробовал.

– Илья, – окликнул Боровков Криворотова, когда тот уже выходил из редакции, – называются у него эти напитки «сивка», «бурка» и «каурка». Запомни!

– Хорошо, что сказал, – откликнулся Илья.

Этот любопытный факт ещё больше озаботил и мотивировал Криворотова; он спешно разыскал своего товарища по перу и топору (так они с молодости называли стакан) Мишу Жмуркина, тоже известного и практикующего журналиста, репортёра с областного радио. Миша быстро откликнулся, выторговав у друга полчаса, чтобы переодеть рубашку и повязать другой весёлый галстук. В тот же день, не откладывая мероприятие в долгий ящик, они отправились в деревню к Сергею Сергеевичу Кругликову.

Все знают, как спонтанно происходят такие загадочные, совсем не профессиональные журналистские вояжи, похожие на соревнования по спортивному ориентированию: иди туда – не знаю куда, получи то – не знаю что.

Приехали друзья в деревню Благовещенье, зашли в единственное в посёлке присутственное место, продовольственный ларёк «Добро», купили бутылку водки и пакет детских пряников, показали продавщице Зое свои журналистские удостоверения и выяснили всё, что им хотелось узнать. А узнали они, что Сергей Сергеевич – очень уважаемый человек в округе, водку он не пьёт, а очень любит всех угощать, но лучше, без привычки особой и даже уверенности в необходимости этого акта его напитки новичкам пробовать не стоит, а лучше свою водку пить.

Сергей Сергеевич на задах большого участка, около полуразвалившейся чёрной баньки, которой по назначению сто лет уже никто не пользовался, сидел, скрючившись на скамеечке, и резал из белоснежных чурбачков липы какие-то заготовки для будущих своих поделок. Друзья между лопухов и крапивы, пригибаясь под раскидистыми ветвями старых цветущих яблонь, прошли по тропинке к сидящему хозяину, а тот издали за приметив их, уже встал и широко улыбаясь, приветствовал.

– Илья, что же ты забыл меня? Я тебя жду-пожду, а тебя всё нет. Приезжал вместо тебя какой-то мелкий пакостник. Пойдём в избу.

– Сергеич, ты не прав – удалился ты сюда почти секретным образом и никому не доложил, а обязан был, как олимпийский чемпион. А во-вторых, только благодаря этому твоему пакостнику мы и узнали, где ты обретаешься, и сразу к тебе. И вот ещё, познакомься – мой друг Михаил Жмуркин, тоже журналист, только с радио, и тоже, как и все мы, пакостник, только, наверное, уже крупный.

В избе пахло деревом старого деревенского дома, печкой и сухими луговыми травами – незнакомый и специфический тёплый набор. Сидели за столом большим, кондовым, из плотной доски-шестидесятки – такой стол с места легко не сдвинешь.

– Чего будете пить, гости дорогие – чай или кофе? А может, моей домашней попробуете?

– Сергеич, мы про твою домашнюю слышали, а потому с собой и захватили простенькую магазинную.

– Ну, это вы напрасно. Я ведь умею различать гостей и знаю, кому что можно и кому что нужно. Знаю я, знаю! Простенькую, магазинную у Зои брали? Вижу по пряникам. Она вам подсказала, что я её не пользую? Сказала. А что же вы тогда не пробуете сами её? Ради приличия принесли?

– Ради приличия, ради приличия. Ну, так давай чаю своего, местного – ты ведь, наверное, и в этих напитках толк знаешь, травяной какой-нибудь.

– Знаю, знаю я толк.

– А мне кофе, если можно, – заметил Жмуркин.

– Вечно ты, Миша, влезешь со своими капризами, – процедил Криворотов.

– Ну почему же с капризами – человек честно признаётся в своих пожеланиях, а не идёт на поводу присутствующих. Так ведь, Михаил?

– Конечно, так.

– Хотя лукавишь ты, Михаил. Хочется тебе моей попробовать. Ну да ладно – сначала чай и кофе.

На столе быстро образовались большие бокалы, банка растворимого кофе, круглый цветастый заварной чайник, мёд и вчерашние, чуть зачерствелые лепёшки. Разговор вели в основном Сергей Сергеевич и Криворотов, вспоминали старые годы, местных спортивных героев прошлых лет: Татьяну Аверину, Галину Быстрову, Гарика Напалкова. Было тепло и уютно. И вдруг Жмуркин неожиданно встрепенулся и спросил:

– А может, я всё же попробую вашей, Сергей Сергеевич?

– Да, конечно, а то я всё жду-пожду, когда же вы к главному вопросу перейдёте. Вам, Михаил, чего на закусочку – мясца вяленого или прошлогодних рыжиков солёных?

– Если можно – рыжиков хотелось бы попробовать, а то я вообще не помню, когда ими угощался.

– Сейчас всё будет.

На столе появилась бутылка с розовой жидкостью, три объёмистых рюмки и тарелка с солёными грибами, политыми ароматным подсолнечным маслом и посыпанными красным репчатый луком.

– Сергеич, – обратился тут к хозяину Криворотов, – а скажи на милость, раз уж мы и к этой стадии нашей встречи постепенным и естественным образом перешли, – вот этот напиток, который ты на стол выставил, это «сивка» или «бурка»?

– Нет – это у меня для дорогих гостей, «розовая» называется. А откуда ты про «сивку» и «бурку» слышал?

– Так это мне твой мелкий пакостник рассказал.

– Ах, он негодяй. Так вот почему он решил мне отомстить – напечатал эту гадость. Ну да бог с ним. Этот твой приятель журналист, который у меня тут в гостях был, он как снег на голову свалился и сразу стал наседать, даже на меня. И что я олимпийский чемпион по самогонварению, и что я на продажу гоню, и как я умудряюсь с местными властями это улаживать, и что у меня с ментами – «вась-вась». В общем, неприятный разговор, а про школьные соревнования те он просто между делом спросил, а я и рассказал, что ничего особенного там не было – обычная школьная практика. А про самогонку я ему сказал, что налью сейчас такой, что он весь наш разговор сразу и позабудет.

– В смысле?

– А в том смысле, что существуют разные способы очистки и настойки на разных травах этого напитка: можно изготовить его таким образом, что выпивохи (назову их так) после приёма определённой дозы могут позабыть всё! А может кое-кто позабыть дорогу к дому. Вот слышал про Агасфера,

старого-престарого еврея, который не может найти дорогу к своему дому уже тысячу лет? Так вот, он, по-моему представлению, выпил изрядную долю «сивки». А «бурка» отбирает память: у кого-то насовсем, а у кого-то избирательно. То есть если я правильно буду угощать гостя, то он может позабыть не всё, а только то, что нужно, – например то, что случилось вчера или, наоборот – в прошлом месяце. Сумею я так сделать. Вон видишь – на стеллаже рядом с книгами две глиняные бутылки, серая и коричневая: это «сивка» и «бурка». Я здесь за последние пять лет столько экспериментов провёл, что ни один академический институт не сумеет столько провести. Знаешь, сколько у меня пациентов желающих? – в очередь стоят, и отбоя нет. Вот я и нашёл такие ингредиенты, если по-научному всё это называть.

– А как же ты их искал?

– Экспериментально. Вот ты слышал, что старухи своё добро самогонное на дубовой коре настаивают? Так у человека после приёма такого напитка сразу ноги отнимаются, и он идти не может. А вот если ту же дубовую кору в болотной воде, где много метана (его ещё веселящим газом зовут), выдержать, там образуются какие-то специальные алкалоиды; если эту кору потом для настоя использовать, то эффект получается совсем другой. Только что я рассказываю – это мои секреты, и они тебе не нужны.

– А при чём же тут сказка русская про «Сивку-Бурку, вещую Каурку»?

– Не знаю, при чём тут сказка. Сивый – это цвет такой, бурый – тоже.

– А каурый?

– Каурый – это тоже масть такая лошадиная, рыжая.

– А я думал, что люди, которые твоей самогонки выпьют, улетают, как на том сказочном коне далеко-далеко. Ну, так я про твои эксперименты: у тебя есть этот третий напиток «каурка»?

– Нет ещё. То есть есть, но я ещё не прошёл все стадии эксперимента.

– В смысле?

– А в том смысле, что это божественный будет напиток. В смысле – он уже есть, но только я боюсь им пользоваться.

– Что это?

– А то, что после «каурки» у меня тут два человека самоубийством покончили. После «каурки» это получилось или на роду у них было так написано – не знаю. От «каурки» возникают в голове пациента (его пока что можно так называть) галлюцинации, видения и какие-то ассоциации, которые явственно прогнозируют и предсказывают будущее человека, и он узнает то, что с ним будет завтра, или через месяц, или через год, в общем, то, чего не следует знать.

– Так, значит, вещая она, твоя «каурка», если про будущее можно узнать? А почему же нельзя ей пользоваться-то?

– Вещая-вещая! А потому и нельзя; потому что человек, который знает, что с ним произойдёт, теряет смысл жизни, он перестаёт бороться, стремиться, мечтать. А человек, не имеющий мечты, – жалок. Это – смерть, старик. Ну, так что – по рюмочке «розовой» давай? И я с вами за компанию. Не бойтесь – сами оцените, каким должен быть этот божественный напиток – тепло будет. Я вам, как тому пакостнику, не дам «сивки» или «бурки» – на это надо настрой определённый иметь.

– Сергейч, я бы ещё чайку твоего на травах выпил. А потом мы с Михаилом магазинной вашей, что у Зои взяли, там во дворе у тебя попользуем и травкой закусим. А ты, Миш, как?

– Я тоже думаю, что так разумнее будет, – ответил чуть-чуть очумевший Жмуркин.

Но, конечно, ничего из запланированного у друзей-журналистов не получилось, потому что после Зоинной магазинной хорошо прошла и бутылочка «розовой», а потом и «сивки» они знаменитой пригубили. Не знаю уж, сколько они пригубили, но то, что они никогда уже больше ни при каких обстоятельствах не вспоминали о том, что бывали в гостях у Сергея Сергеевича, это точно. А откуда я всю эту историю знаю? Так я задолго до визита друзей навещал олимпийского чемпиона, бывал у него и «каурку» его знаменитую пробовал. Потому я знаю про многие такие вещи, о которых так просто и не расскажешь.

10.6.2023

Проза

Елена Канеева

Елена Канеева – лауреат фестиваля «Всемирный день поэзии» 2017 года, 1-го Всероссийского фестиваля-конкурса «Литературная карусель» 2023 года. Публиковалась в журналах: «Берега», «Эхо», «Мурр+», «Дуновение дюн» и др. Автор двух книг стихов и прозы. Живёт в Калининграде.

РАЗМЫШЛЕНИЯ

О развитии

1. Чем дольше живёшь, тем яснее понимаешь, что государства – структуры временные. (Ударение на первый или последний слог в слове «временные» верно в обоих случаях.)

Теряющие силы руководящие странами лидеры пытаются задержать время, строя ограничения, к которым привыкли смолоду, охраняя свои жизненные стереотипы.

А подросшая молодёжь (тоже недолговечная в своей силе) хочет новизны (ещё не понимая, что всё новое – хорошо забытое старое).

Они конфликтуют – старые люди – с новыми. Сил больше у молодых.

Правильное государство могут устроить лишь изначально мудрые (родившиеся мудрыми) дети, выросшие во взрослых и получившие разностороннее образование.

Может быть, молодые в союзе со старыми будут неплохо руководить государствами.

Плавильная печь жизни переваривает и выплёвывает всех без исключения.

Будущее принадлежит детству – фазе незавершённости и надежды, неограниченной возможности. Попробую пояснить эту формулировку.

«Развитие» туго скрученной в спираль пружины (суть семени растения, существа) подразумевает разомкнутость. Спираль не законченная, не замкнутая форма. (Можно представить элемент спирали как круг, который разорван, а край его приподнят.) «Развитие» – это когда происходит движение: изнутри – вовне.

Извне – вовнутрь? Возможно ли развиваться так?

Если изначально иметь в виду, что государство – часть человека, например, то воображением можно двигаться – развиваться в отдельную сущность. Не иначе.

(Слова в русском языке ведут – они ведают свой смысл, трактовка слова «развитие» здесь геометрична.)

Понятия «развитие» и «будущее» взаимозависимы. Без развития нет будущего, неизбежно вырождение людей.

Лишь отдавая свои внутренние возможности внешнему, отдавая себя миру – не противоречишь естеству.

Если захватывать внешнее и поглощать его, вместо того чтобы отдавать себя в мир, то получишь «святие», выворачивание наизнанку, движение к «чёрной дыре» возможностей.

В динамике, наверное, так и происходит. Смерть индивидуума наступает, когда достигается предел накопления (информации). Когда накопление превышает возможности (усвоения материала) и отдачи нет – всё идёт вовнутрь. Воронка схлопывается, материал перетекает к источнику – туда, откуда всё взялось.

Из точники – капли, точки «из»...

Чем интенсивнее развитие, тем эффективнее реализуется замысел...

Получается, что потребительский тип общества, такой, как формируется ныне, – опасен для людей.

Государства – временные образования на площадке, где разворачивается не осознаваемый нами процесс переработки всего и всех.

2. Люди Земли живут сейчас, как голодная Россия во время войны.

Голодные, мы кушали хлеб с колочками – с отрубями из различных трав, где настоящая мука была лишь чуть-чуть добавлена, варили суп из хвоща, употребляли в пищу гнилую мороженую картошку; семена, листья деревьев толкли в муку.

А нынешние люди едят суррогаты еды с химическими добавками и ядами. Внешне она выглядит красиво. Но не на вкус. Постепенно в людях появляется отвращение к красоте. Еда с химическими добавками и технологиями пришла к нам из Европы.

Мультфильмы для детей рисуются не по образу и подобию, а схематично, из уродцев, лениво. Вместо эмоционального постижения жизни внедряются многосерийные схемы реагирования на типичные ситуации.

Население мутирует, толстеет, скушает, ленится. Люди – как коровы в современном стационарном стойле с электропоилками, электродоилками. Лишённые природных условий в каменных городских катакомбах.

Происходит чудовищный обман и подмена понятий. Непонимание своих возможностей и ограничения реальности с детства создают иллюзию безнадежности.

Ну почему я на краю? Стою и вою.

А меня вилами подпирают с разных сторон: Стой, пугало огородное, вой!

Остаётся – перепрыгнуть пропасть или падать – лететь в ней до другой случайности – возможности познания...

Иллюзию – потому что безнадежности на самом деле нет. Искажённое специальным воспитанием восприятие нарисовало ограничения. Их следует перепрыгнуть.

3. Как мы радовались, когда возникали новые вещи! Поезд, телевизор, самолёт.

А сейчас мы боимся, что эти вещи нас поглотят. Уже не умеем радоваться вкусной еде, красивой одежде, друг другу. Потому что жадность расползлась по планете. Экономические монстры не брезгают ничем: платные туалеты, лабиринты – таможенные переходы, гадкая еда с добавлением химии, войны – всё для наживы. Естественный отбор становится смыслом жизни. Потребление – главной идеей счастья. В человеке оживает зверь. Протестующие постепенно вымирают. Все остальные тоже, оскопленные ложью.

4. И всё-таки она вертится!

Я взяла свои белые крылья
И летала, летала повсюду.
Этот космос и эту планету
Прикрывая от бед, как посуду.

Чтоб в траве расцветали фиалки
И ромашки без страха всходили,
Непонятные пели букашки
И цвели разноцветные были.

Познавая, как стать Человеком,
В чём отличие его и привычки.
А меня, как всегда, тормозили
Преимущества серы и спички.

О религии

Настоящая религия – это поэзия. Верно ли обратное?

Настоящая поэзия религиозна. В ней звучит несказуемое.

Поэтическим, образным языком, языком сердца написаны дошедшие до нас книги. И религиозные, как мы их называем, трактаты.

Лучшие произведения переполнены образностью. Даже научные труды.

Тело человека – что сосуд. Когда в сосуде загораются огни и он наполняется светом, тогда тело человеческое становится храмом, склоняющим свои колени к малейшей букашке. Тогда внешнее соединяется с внутренним и звучит песня.

Танец жизни происходит под эту песню.

И это называется религией.

Пеструша

Куриная сказка

У одной пёстрой курицы родился цыплёнок. Вылупившись из яйца, он был голеньким и страшным. Вытягивал шею и крутил головой что есть сил. Иначе как бы он пробил толстую скорлупу яйца? Мама курица и папа петух не могли им нарадоваться.

– Какой хорошенький! – восклицала мама.

– Какой шустрый! – хвастался папа.

Цыплёнок оказался девочкой.

– Хорошенькая вырастет курочка! – стала кудахтать мама.

– Она продолжит наш род, плодовитая будет курица! – ликовал папа.

В сиянии надежд, окружённый заботами родных цыплёнок рос.

Курятник будущей курочке казался вселенной, а звёзды, которыми она любовалась, когда все ложились спать, – просыпавшимся на землю просом, которое вымел со двора ветер. Оно взмыло ввысь, там и застряло. В чём? – Об этом она не задумывалась.

К вечеру, когда смеркалось, вся живность птичьего двора начинала сонно моргать глазами и засыпать. Но юркий цыплёнок, преодолевая сонливость, выскакивал из курятника и крутил головой, рассматривая блестящие звёзды, удивляясь наступающей темноте.

Бегать ночью за ребёнком по двору никто не смел. Да никто и не видел цыплячьих приключений. Все крепко спали.

Родители, увлечённые своими важными житейскими заботами, странности дочери объясняли проблемами роста и живостью характера.

Время шло, у цыплёнка вместо пуха отрасли пёрышки, начали формироваться крылышки и хвостик. Пёрышки были пёстренькие, изящные.

«Что это во мне звучит? – думала Пеструша, прислушиваясь к своему сперва писку, а потом к квохтанью. – Это Я или не Я, а кто-то во мне? Что такое – Я?» Этот вопрос её сильно занимал, но спросить было не у кого.

У неё выросло очень много перьев. Образовались большие пушистые крылья. Она тщательно вычищала каждое пёрышко, предполагая, что однажды взлетит клевать просо, рассыпанное в небе. Укрепляла крылья тренировками. Летала по двору ночью, понимая, что днём не стоит этого делать. Днём куры то и дело судачили о куриной политике, а ночью спали. Необычность была не ко двору.

Невозможно было не влюбиться в красоту юной курицы. Молодые петушки бегали за ней, любовались. Но побаивались. Увлечённая мечтами, она не понимала их намерений.

Однажды появился на птичьем дворе петух Пётр. Он сразу обратил внимание на красавицу Пеструшу и стал оказывать ей знаки внимания, увлекать разговором. Пётр расспрашивал, о чём думает Пеструша, помогал ей чистить пёрышки. Слушал, не шевелясь.

«Он меня любит?! – удивлялась курочка. – Меня или мои пёрышки? Наверное, всё же меня! Вон как слушает, говорит, что будет со мной путешествовать... Какой он добрый, необыкновенный, много знает, видел. Не то что мои родители...» И когда Пётр сделал курочке предложение, Пеструша не раздумывала. Они сыграли свадьбу.

Жить стали в общем курятнике. Пётр сперва ухаживал за Пеструшей, но вскоре стал засматриваться на подрастающих куриц. Он убедил Пеструшу в том, что её пёрышки – волшебные, помогают ему от болезни лап и суставов. Пётр стал забирать у неё каждый день по пёрышку, устраивать из них тёплую постельку. Курочка радовалась, что может помочь любимому, ей было больно, но пёрышки отдавала. У неё ещё немного их оставалось, когда она снесла два яйца и стала высидывать птенцов.

Тут Петя и сбежал с соседкой Клушей, прихватив Пеструшины перья. Новая подруга сделала из них тёплое покрывало.

Пеструша погоревала, однако надо было растить вылупившихся птенцов, мальчика и девочку. Всю свою нежность она отдавала им. Учила клевать зерно, любоваться травинками, убегать от лис. Пыталась показывать звёзды, но дети сонно дёргали клювами и засыпали с наступлением сумерек.

– Мама, ты же ничего не понимаешь, – говорили подросшие птенцы, – зачем тебе небо? Смотри вниз, корм лежит на земле. И вкусные червяки! Так интересно играть с соседскими петушками и курочками в догонялки!

Тогда Пеструша стала отдавать им свои пёрышки. Ничего лучшего придумать она не смогла. Пробовала приклеивать пёрышки к детям, склеивать перья между собой, сшивать их в костюмчики и одевать на малышей, надеясь на волшебную силу перьев. Ничего не помогало. Пёрышки не работали на Пеструшиных детей. Птенцы росли точь-в-точь такими же, как соседские дети. Учиться им не нравилось. Глядели под ноги и заботились о себе. Они хотели носить свою собственную, выращенную самостоятельно одежду. Подкрашивались бриллиантовой зеленью, любовались отражениями во всех лужах.

Пеструша стала самой некрасивой курицей во дворе. У неё осталось только одно перо. Пушистое, разноцветное.

Как-то к их двору приблудился цыплёнок. Куры тут же раскритиковали его появление и то, как он выглядит. Пеструша пожалела цыплёнка, отмыла, накормила, взяла в свою семью. Её родные дети шипели на него, клевались. Но Пеструша стала заниматься с юным петушком. Показала ночное небо, рассказала о куриных нравах, посоветовала начать учиться, развиваться. Она оторвала от себя и подарила малышу последнее пёрышко, чтобы птенчик записывал свои мысли в блокнот, показав ему, как пишется куриные буквы.

Петушок стал обмакивать волшебное Пеструшино пёрышко в чернила, которые она изготовила из чернильных ягод, и записывать всё, что приходило в юную петушиную голову. Всё, что видел и понимал. Пеструша научила его считать. Постепенно в подростковом возрасте возникла огромная нежность к красивому непостижимому миру предметов, сфер и сияний, в котором куры занимались только своими разборками, добыванием пищи и сплетнями. Огромная жалость к куриному роду, способному к полётам и постижению неведомого, двигала его поступками.

– Ну что ты не дерёшься?! – вопили и хорохорились соседские петушки.

Петушок не участвовал в спортивных драках. Его обижали, но он не обижался.

Смотрел, считал и думал. Он перенял от Пеструши больше навыков и знаний, чем её родные дети.

Пеструше было нелегко. Над ней потешались все. Она уже не казалась загадочной, пышной юной красоткой, а облезлой тощей курицей. Странной и глупой. Неправильной, не ушлой, упустившей модного мужа.

А курочка старалась ни на кого не обижаться, ни на детей, ни на куриц. Она много работала и постоянно училась.

Но однажды... просияла молния и прогремел гром среди ясного неба. Все петухи и куры убежали со двора прятаться от дождя, только Пеструша с любопытством взглядывала в небо. Облаков нет, значит, дождя не будет. Зачем прятаться? Её приёмный сын тоже не убежал. Они смотрели вверх.

И тут...! Посыпались перья. Радужные, сияющие неземной красотой, они закружились вокруг Пеструши, приставая к ней. К её плечикам, телу и хвосту. И небо застыло.

Курочка с удивлением взмахнула новыми пёстрыми крыльями, взлетев над курятником. Поглядела на дома и деревья с высоты: «Вон он какой, мир!» – подумала она, опустившись на родной двор.

Её обступили выбежавшие из-под укрытий птицы. Заквохтали, стали щипать, пытаясь оторвать от Пеструши блестящие пёрышки. Но перья не отрывались. Тогда разочарованные соседи разошлись. Заниматься своими делами и обсуждать случившееся.

Юный петушок поспешил записать обо всём этом в блокнот.

А курочка сделалась невидимой и, окружённая фиолетовым сиянием наступившего вечера, полетела клевать небесное просо.

Маня

– Какие вопросы меня сейчас волнуют? И волнуют ли? – задумчиво произнесла козочка, потёршись рожками о дерево. – Всегда интересно знать, почему одно так быстро сменяется другим. Меняется, меняется и... остаётся.

Трава – это трава. Котёнок – это котёнок. Козёл – он и есть козёл. Ест траву. Трава растёт снова, но уже другая. Но трава.

То хочется кушать, то играть, то вдруг слёзы набегают, всех жаль. Бывает, никого не жалко. Даже себя. И почему я раньше об этом не думала?

Козлиная тётя похлопала её по мягкому боку и сказала:

- Растёшь!
- И что дальше я должна делать?
- Расти.
- А потом?
- Тебя подстригут, из твоей шерсти спрядут нитки и свяжут тёплые варежки и носки.
- А из твоей?
- У меня нет шерсти. Я не коза.
- А кто ты?
- Я Линда. Мои длинные волосы уложены в косы. Ими любят.
- А почему моей шерстью не любят?
- Любят. Только варежки, и носки, и шапочки с кофточками важней.
- Почему же мне не вяжут кофточки?
- Тебе и так тепло. Если бы у нас длинные волосы росли по всему телу, мы бы тоже не вязали и не шили одежду. Жили бы себе на лугу, паслись тихонько, и всё.
- Бедные вы бедные, – сказала козочка. – Холодные.
- Да, наверное. Может статься, нас тоже используют, наши длинные мысли нанизывают на верёвочки и крючками сплетают из них кружева снов...
- Мне тоже снятся сны иногда.
- Что же тебе снится?
- Чистое поле, прозрачный ручей и какая-то «воля». Много солнца и винограда. И... такой молодой, красивый, сильный... козёл! Он обнимает меня, говорит, что я лучше всех!
- Обманывает, – произнесла Линда. – У ваших козлов много невест. Но каждую уговаривают, кто как может. Некоторым поют: «Ме-ме-ме, ме-ме-ме!» Стучат копытами, искры высекают. Иногда дерутся из-за невест. Инстинкт это. А потом рождаются новые козочки. Много новых варежек и носочков образуется...
- И разных снов?
- Да, Маня. И цветных снов тоже.
- Это хорошо?
- Хорошо. Возьми конфетку.

КАК БУДЕТ И ПОЧЕМУ

1. Небольшое отступление

Я всегда была за минимализм и скупость слов и фраз при объёмности образа и значительной мысли. За рационализм в стихах и прозе. Но в противовес этому хочу превознести и пышность, и многословие, присущие литературе веков прошедших.

К чему это говорю?

Сейчас я буду изобретать в некоей словесной форме некое содержание. И хотя у меня нету учёного кота, как у господина Гофмана, и даже маленькой золотой рыбки в стеклянной банке, тем более морской свинки, и меня ничто не отвлечёт от моего занятия, вязание шерстяного носка также – спицы предусмотрительно спрятаны, – я всё же попробую добавить руке лёгкости, чтобы фразы были менее скученными, перемежались рисунками – линиями или контрастными пятнами.

При этом гении Василия Кандинского, Велимира Хлебникова не дают мне покоя, требуя одухотворять слова, но выражать мысль чуть ли не формулами. Павел Александрович Флоренский, Владимир Иванович Вернадский, Константин Эдуардович Циолковский, Иммануил Кант вдохновляют смелостью и независимостью исследований.

Когда оригинальная мысль вязнет в насыщенной светской пошлостью атмосфере внешней среды, суетность нищенского существования вынуждает посвящать себя добыче денег, дабы не умереть прежде, чем отдашь людям лучшее, для чего родился, тем не менее в условиях, порой почти что несопоставимых с жизнью, вышеперечисленные личности и многие другие (ныне безымянные також), превозмогая опасности, ложь, непонимание соотечественников, вели свои записи, исследования,

создавали предпосылки развития компьютерных технологий, числовой лингвистики, космической взаимосвязи с иными вселенными, распространению человечества в космосе, философии Разума.

Основательно напугавшись собственной смелости, приступаю-таки к изложению.

2. Не столько как будет, но почему?

– Что – будет?

– А жизнь. Жизнь на Земле. Как люди будут общаться, какие будут государства, деньги, погода?

– Государств не будет. Фантастики много на эту тему. Погода – кому какая понравится, по заказу.

В основе – стабильное лето. Общаться будут. Денег не будет.

– Да ну?

– Ну да. Лучше всего – прочитать даже не фантастику – Карла Маркса – «Капитал». Он долго об этом думал (не о погоде, конечно), штудировал историю.

– А как по-твоему, что сейчас в мире происходит? Столько странного...

– В Интернете масса гипотез и уверений разного толка, куда мир катится. Порой возникает ощущение, что фантастика реализуется всё быстрее и быстрее. И события с негативными последствиями только подчёркивают необыкновенность ситуации.

Может, люди всегда считали обстоятельства своей жизни самыми необычными? Внешние условия, в которых проживают, – самыми сложными?

Но нет, то, что происходит с людьми сейчас, – пик, излом современной цивилизации. Не только в нашей стране, которая долгое время, будучи за «железным занавесом», не ведала многих бед, с которыми сталкивались другие страны, происходят всевозможные казусы.

С другой стороны, Россия уже прошла тот путь, на который только стали другие страны, образовавшие Евросоюз. Мы оказались «впереди планеты всей», будучи Советским Союзом. Который, не имея должной производственно-технологической базы, попробовал «правильной жизни». Идея коммунистов – жить не только для себя – дала свои плоды. Произошли индустриализация промышленности, коллективизация сельского хозяйства. Здравоохранение, образование, социальная сфера стали бесплатными, доступными. Был решён – в основном – жилищный вопрос. Государственная собственность стала преобладающей. Выросло целое поколение романтиков.

Но из-за изначальной экономической неподготовленности страны, недодуманности идеологической было много перекосов, внутренних проблем, преследований инакомыслящих и просто самостоятельно мыслящих людей, особенно в начале и середине 20-го века.

Наступила перестройка. Главное, что ошарашило после всех произошедших в нашей стране перестроечных глупостей и кошмаров, – это заграница.

Не только её преимущества в потребительском смысле. Но и её гей-парады, секс-воспитание в школах, предательство пропагандируемых ею принципов, даже в спорте. Что особенно наглядно проявилось в двухтысячные годы.

Многих наших спортсменов международное сообщество отстранило от Олимпийских игр в 2016 году. Российских инвалидов – вовсе отстранили от Параолимпийской олимпиады.

Раздор с Украиной, конфликты и войны на Ближнем Востоке, всё это – не в пользу высказанного мною тезиса об объединении государств Земли в единое содружество. Слишком уж люди недоразвиты и подвержены психологической обработке.

Однако при всём разнообразии народов, проживающих на Земле, при огромном количестве богатых психов с большими деньгами – мы, люди как таковые, – ещё существуем! И это оптимистично.

В современном мире развиваются энергетические, информационные, биологические технологии столь быстро, что заставят соответственно взрастить идейную, гуманную составляющую жизни и преобразовать разрозненных индивидуумов в организованный, свободный, мыслящий социум.

«Разделяй и властвуй»: невозможно властвовать, не разделив. Чтобы познать хоть кое-что, людям понадобилось целое разделить на части, исследовать эти части как науки, превратить их в навыки и вновь объединить.

Чтобы несколько людей властвовали над другими людьми, надо было сделать то же самое. Индивидуализировать большую массу людей, основательно задуриив им головы.

Но с возможностями технико-технологического прогресса смысл превращения части людей в рабов отпадает. Зачем? Когда есть роботы.

Постепенно интерес конструктивного взаимодействия друг с другом превысит привычки естественного отбора. Люди станут жалеть друг друга, помогать друг другу, любить лучшее в человеке и стараться радовать других. Это так интересно, когда ты нужен! Не устаёшь. Занимаешься, чем душа радуется. Деньги сперва превратятся в виртуальные бонусы. Этот процесс начался.

Мы используем карточки, на которых числятся денежные средства, вместо наличных при расчётах. Используя неодоушевлённые банкоматы. Ведём расчёты по Интернету с помощью электронных кошельков. Впоследствии вместо денег будут умозрительные единицы.

Как-то людям взаимодействовать надо. Необходимость защищаться от холода, добывать еду – существует. (Пока.)

Качество человека всё более будет сдвигаться в сторону отдачи своих талантов, способностей и сил. Кто сможет больше отдать, у тех будет больше средств, ввиду накопленной ими энергии любви. Она возрастает тем сильнее, чем духовнее человек.

Энергия существует не только в солнце, нефти, воде, – а во всём, что нас окружает. И в нас самих. Она тем качественнее, чем бескорытней. Это будет открыто, обозначено, учтено, сочтено и использовано. Ни чипов, ни банковских карт не понадобится. Это всё настанет скорее, чем нам кажется.

– Любовь...

Зачем тогда государство? В том смысле, какое оно сейчас?

3. Ещё раз – почему?

Почему будет так, как будет? Потому что большое подобно малому, что вверху, то и внизу, и, сделавши шаг в одном направлении, особенно – несколько шагов, в другом направлении уже не пойти. Дорога выбрана. Её проходишь до конца. Веер дорог – веер возможностей. Одновременно двигаться по каждой дороге одному здоровому человеку – не получится. Разве что нескольким людям возможно освоить несколько дорог. Один идёт по одной дороге, другой – по другой.

Но этих людей объединяет природа. И они идут – в одном направлении!

Не подозревая об этом. Образуется волшебная общая спираль. Кажущееся искажение правильности выбранного пути образует закругление её витка. С течением времени искажение увеличивается, человек исследует больше и больше, ему кажется порой, что он всё дальше от истины, а на самом деле происходит процесс развития.

Происходит «развивание» сжатой пружины. Совершенствование возможностей, которые были у человека изначально.

Тратятся силы, которые с рождения присущи человеку, с захватом попутно возникающего... всего – в свою орбиту. Всего, что возникает и исследуется шупальцами чувств и мыслей. Получается не просто спираль, а движущаяся структура. Внутри её объёма содержание, собственно, и находится.

Спираль – единая модель или принцип существования системы. Система: камень, дерево, капуста, цветок, животное, человек, – всё, что угодно.

4. Будет хорошо

Неизбежность благоприятного исхода событий объяснена «Монизмом вселенной» К. Э. Циолковского. Мельчайшие частички, составляющие нас, путешествуют бесконечно долго в неизменном виде, бывают в разных ипостасях, составляя разные тела и вещества.

Если мы чего-нибудь не понимаем, то это не значит, что происходящее – плохо. Это «плохо» может быть для нас. Наши чувства реагируют на событие так. Но «плохо» не для целого, частью которого мы являемся, хотим этого или нет, понимаем или нет. Бывает «плохо» – потому что не понимаем, не можем понять сути происходящего.

Будет – хорошо, потому что мир, в котором мы живём, – удобен и комфортен. Существует еда, вода, пространство, воздух, множество историй, артефактов, неизведанного и ситуаций. А также возможностей и невозможностей, перетекающих одно в другое. Саморегулирующихся и неведомых, часто невозможных к мгновенно-доскональному познанию, а лишь к постепенному.

Пока происходит происходящее – нарастают или всплывают иные условия и события.

Поэзия

Татьяна Грибанова

Татьяна Грибанова – родилась и живёт на Орловщине. Автор 13 книг поэзии и прозы. Член Союза писателей России с 2009 года. Председатель Творческого совета по защите родной природы при Правлении СПР. Руководитель поэтической студии «Слово» и Областного клуба творческой интеллигенции «Светлица». Публиковалась в журналах: «Наш современник», «Берега», «Родная Ладога», «Роман-журнал XXI век», «Молодая гвардия», «Московский вестник», «Огни Кузбасса», «Подъём», «Простор», «Немига» и мн. др. Лауреат ряда Международных и Всероссийских литературных премий.

СВЕТ НЕГАСИМЫЙ

* * *

И вроде бы, всего-то ничего:
околица, как испоконь, в полыни,
июньских туч наполненное вымя,
над речкой – кладь с тонкою слугой
на хуторок, своё забывший имя,

голбец у перекрестья двух дорог,
хранимый образком с пресветлым ликом,
что под завяз увит степною викой,
а чуть левее – опочивший стог
в расхристанности прошлогодней дикой.

Пусть скажут: мол, святая простота!
Но почему тогда захолонуло сердце?
И никуда от этого не деться.
Всего-то – вдоль да поперёк – верста,
но это – деда и отца наследство.

СВЕТ НЕГАСИМЫЙ

Дремлет солнце в разливе.
День до блеска умыт.
Спит базар гомонливый
вдоль грачиных раки.

Нет снегов и в помине.
Вешний постный уют.
И пронзительной синью
вдрызг пролески цветут.

Под линияю крышей
в три оконушка дом...
В этом вербном затишье
Русь списали на слом.

Даже сердце запнулось –
тихий вздох половиц...
На житейскую скудность
хоть реви, хоть молись.

Знаю: бед нынче – ливень,
да и помощи нет,
но в душе, как в разливе, –
ярким полымем свет.

ПРОЛЕТЬЕМ

Сныть порхает вдоль тропинок сада,
пескарится на реке вода.
И в черёмушнике так-то складно
ворожит кукушка на года.

Пряны травы на исходе мая –
задышал покосом ближний дол.
Вдоль зари бреду, куда – не знаю,
обросив до ниточки подол.

В воздухах, туда-сюда шныряя,
по жучиным торопясь делам,
шуркает хрущей бессонных стая,
тишину ввергая в свой бедлам.

Розовеют на берёзах ситцы,
высветляет небо косогор,
Сирин-девой, золотой Жар-птицей,
солнышко взмывает на простор.

И зовёт, и вдаль бежит дорога,
и манит собою горизонт!
Хлопотной, сторукий, синеокий
вновь над Русью Божий день встаёт.

* * *

Исход весны. И соловьи
изголосили вдрызг рябинник.
Закат изранен до крови –
ну, вот и справили поминки...

Ему не пофартило жить,
соседу, внуку бабки Шурки:
сынов на дело окрылить,
увидеть под венцом дочурку...

По воле Божьей мужиком
мне не случилось народиться.
Удел наш, бабий, знамо, – дом,
детишки, ждатель-любить-молиться.

А он войны хлебнул в свой срок.
Он чудом выжил на Кавказе
от гибели на волосок,
не ранен даже был ни разу.

Но вот под Северским Донцом
обочь мостка, у краснотала,
смерть взвизгнула ему в лицо:
«Ну, наконец-то отыскала!»

И – навзничь, хоть душа-кремень,
но нету мочи шелохнуться.
Сойдя с ума, сквозь стенки вен
кровь хлынула, чтоб захлебнуться...

И стонет над селом гроза...
Промокший холм... Гора букетов...
И Витьки Спирина глаза
глядят на Этот свет с портрета.

* * *

Задохнётся душа от простора и воли,
захолынет печалью былинной, степной...
И затянут ветра, как бывает в застолье,
наш исконный мотив, каждым звуком родной.

Этот русский напев, что с горчинкой бурьянной,
Он и мне, и тебе с колыбели знаком.
Не его ли наш пращур спевал при Баяне?
И не с ним ли вставал вновь и вновь на врагов?

Нашим песням истоки – в тоске и печали.
Сколь легло мужиков за отеческий кров?
С Ярославны по ныне в причёты кричали
на Руси у сыновьих и мужних гробов.

* * *

Март в разгаре, рассвет медуничный,
водополье плывёт в небеса.
Птиц ли, душ ли с утра переключка?
Влагодой всклень затопило глаза.
И нет мочи ступить на просёлок,
и дожди исхлестали окно –
то хохочет, то скалится Молох.
И в душе, как в колодце, темно.
И такая на сердце тревога!
Ведь не спрячет ни близь и ни даль!..
Видно, застит и совесть, и Бога
Золотого Тельца сусаль...

* * *

Вновь апрель шепутной,
живородный,
заливисто-солнечный
расплескал от души,
словно лужи,
по рощам пролески.
Снова груди берёз
переполнились млечными соками,
не стерпела река
и айда
по лугам куролесить.
Штапель неба прошит
журавлиными тонкими строчками,
хоть и резок, и крут
в эту пору в краях наших ветер.
Да и что-то творится
волшебное
с вербными почками –
видно, снов насмотрелись
за долгую зиму о лете.
Может, следом за снежицей
кануло в речку всё лучшее?..
Может, вовсе не сбьётся, Весна,
и мечтам сокровенным?..
А она мне в ответ:
«К птичьим радостным песням
прислушайся –
и в тебя хлынет счастье
рекой
по застуженным венам».

* * *

Встречи краткие, бескрайние разлуки –
наша химия и физика любви.
Обжигаюсь, но протягиваю руки
снова счастье на семи ветрах ловить.

Ну, а ты?.. Как бедолажится с другою?..
Как по мне... тот штамп не стоит и гроша,
коль до хрипоты, пылающей, нагою,
о любви взахлёб кричит в смартфон душа.

Все Евангелия, и Коран, и Тора
знают, что она давно сквозь тьму миров,
сквозь Галактики, сквозь ночь и зимний морок
мчит к моей на крыльях трепетных ветров.

* * *

На все лады июнь сверчит в ночи –
без устали цикады куролесят.
Как в абажур, в раззолочённый месяц
до свету бьются глупые хрущи.

Расперит утро над землёй крыла –
объять захочет всё на белом свете,
на солнце, будто на велосипеде,
покатит по бесчисленным делам.

Вдоль поймы встанут свежие стога,
стрижи взметнут над крутояром небо,
хмельно задышит воздух из сурепок,
из лип и донника, что забродил в лугах.

* * *

Вернутся из странствий, – а как же?! – на родину
птицы,
не стерпит, по венам дерев хлынет паводком сок.
Затеплишь лампадку в углу пред старинной
божницей
и Пост одолеешь – рядком за седмицей седмицу, –
Звездой Вифлеемской в свой срок озарится восток.

А там и, глядишь, океаном заплещется зелень,
и май переполнится негою – только дивись!
И солнце завьёт Божий мир золотой повителью.
Почуешь: пора воскресать самому во спасенье –
так манит, и верит в тебя нескончаемо жизнь!

Приникнешь опять к ней, бурлящей, и зреньем,
и слухом.
И примешь со всей неминуею данностью гроз.
Так прадед, бывало, скрепляясь и сердцем, и духом,
сквозь малую радость, а чаще – напасти, прорухи,
с великим терпеньем судьбу свою брENNую нёс.

* * *

Расстелить полушалок на свежий покос, –
врассыпную оравой цикады, –
и смотреть, как плывет над сапфирами рос
беспредельная вечность заката.

Ночь падёт, и, собою пронзив тыщи лет,
поглощая попутные звёзды,
вдруг прольётся вселенский безудержный свет
на луга, на погост, на берёзы.

И накроет округу тишайшая тишь,
растечётся по мне внутривенно.
И сусаль запылит на покатоности крыш,
проникая в жилища сквозь стены.

И уже к петухам, как бы вдруг ни с чего,
когда вовсе не станет терпенья,
с колокольни вскрылит перезвон над селом,
благовествуя о Вознесенье.

МАРТОВСКИЕ СТРАДАНИЯ

И позабыть тебя бы,
и не маяться,
на веки вечные
мосточки развести,
но сердце вешее,
ему всё кажется:
не отыскать одной
обратного пути.

Ах, нету сил нести
мученья крестные!
Перемолоть бы их
на блинную муку!
В бумажной лодочке
ручьями вешними
спровадить за море
печаль свою – тоску.

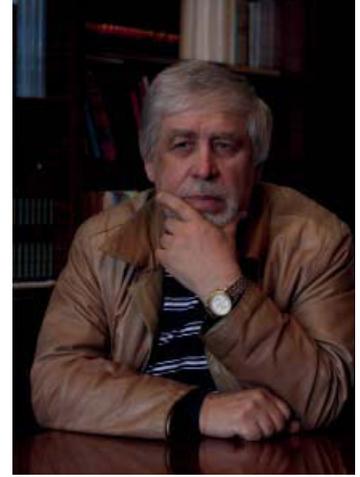
Ведь птицы гнёзда выют –
пора любовная!
Коты орут взахлёб
страдания у трубы.
Схожу-ка я в сельпо
за шляпкой модною –
не улизнуть тебе,
мой милый,
от судьбы!

Поэзия

Владимир Скиф

Владимир Петрович Скиф – автор 30 книг и собрания сочинений в семи томах. Член Союза писателей России. Секретарь Правления Союза писателей России. Член Приёмной коллегии Союза писателей России. Член редколлегии журнала «Подъём» (Воронеж), зав. отделом поэзии журнала «Сибирь». Член редколлегии ежемесячника «Литературный Крым». Советник губернатора Иркутской области по культуре. Академик Российской академии поэзии. Награждён орденом «За службу России», православным орденом Нестора Летописца, орденом «Звезда Достоевского», золотой Есенинской медали «За верность традициям русской культуры и литературы», М. В. Ломоносова, М. Ю. Лермонтова, В. М. Шукшина, Адмирала Кузнецова, Георгия Жукова, Акинфия Демидова и другими медалями. Лауреат многих международных и всероссийских литературных премий, в том числе Большой литературной премии России (2018).

Четырежды лауреат Губернаторской премии Иркутской области (2010, 2011, 2015, 2019). Стихи переведены на сербский, венгерский, болгарский, немецкий языки. Живёт в Иркутске.

* * *

Не рассуждай, не хлопочи.
Безумство ищет, глупость судит..

Ф. И. Тютчев

...Он постоял и помолчал
И в небо улетел сквозь тучи...
И я подумал: «Может, Тютчев
Кого-то третьего встречал...»

Я видел Тютчева во сне,
Он проносил себя по жизни.
Служил и слову, и Отчизне
И частью жил уже во мне.

* * *

А. И. Фенину

Я встретил Тютчева в окне:
Он постучал в окно не строго
И показал – его дорога –
Невольно привела ко мне.

Часовня, церковь – всё одно,
Всё близкое – одно к другому...
Оно под Господом, оно
И неизвестно и знакомо.

Я прошептал: – Не может быть!
Наверно, это всё условно.
И он исчезнет – безусловно,
Его не надо торопить!

Здесь с нами мощи всех святых,
Иконы Божьи и молитвы,
И в небеса уходят битвы,
Себя, как звук пустой, избыв.

И он сказал: – Не хлопочи,
Не рассуждай в пределах света.
И если ты узнал поэта,
У окон встань и помолчи.

Стоим у церкви. И монах,
Из камня вставший, освящённый,
Затмит внутри и боль, и страх,
Каким ты был отягощённый...

Себя безумству не учи,
Не добавляй для сердца смуты
И в эти редкие минуты
Стихов поспешных не строчи.

И ты молчишь, а в небесах
Стоят прозренья и поклоны.
И мироточат на глазах
Мироточивые иконы.

* * *

Неизбывно время длится,
Неизбывно снятся мне
Чьи-то крылья, чьи-то лица
В непроглядной тишине.

Почему-то мне не спится,
Потянулся в небо взгляд.
Это души или птицы
Над погибшими летят...

И для смерти нет границы,
И для жизни нет конца.
И хлопочут души-птицы
У Господнего крыльца...

* * *

Бессонница сознание мучит,
Ночь вяжет тёмные узлы.
Дождь, нескончаемый, тягучий,
Скользит от неба до земли.

Молчит сибирское нагорье,
В густых лесах скрывает тень.
И умывается подворье
Глухим дождём не первый день.

За что-то нам идёт расплата...
С небес срывается вода,
И поле мягкое, как вата,
Ведёт дорогу в никуда...

ДВОЙНОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

1

Сестре Вале

А на Байкале я летаю,
Байкал распластанный лежит.
Я здесь Антипина читаю,
Делюсь с сестрой и точно знаю:
Она – им тоже дорожит.

Привет, моя сестрёнка Валя,
Вот я опять тебе звоню.
Мы, как и прежде, на Байкале,
И я опять листаю дали,
И тучи со двора гоню,

Чтоб дождь устал и откатился
Куда-нибудь в Улан-Удэ,
А я бы рифмой засветился
И в великана превратился,
Допустим, где-то в Усть-Куте.

2

Андрею Антипину

Меня, наверно бы, Антипин
В свои Казарки пригласил.
Я с ним бы посидел и выпил
И слов-щедрот ему насыпал,
Чтобы ему хватало сил
Для русской прозы, тяжких буден,
Для верной цели и мечты,
Где путь России нашей труден
И где Вампилов и Распутин
Живут в пределах высоты,
Для многих нас недостижимой,
И каждый знает это сам...
Любой из них, Всевышним чтимый,
И на земле своей родимой,
Всё так же будет нужен нам.
И с ними близок, неусыпен
В Казарках зреющий Антипин...
Его способность такова,
Да и сестра моя – права!

* * *

Стихает боль, когда в лучах рассвета
Ты начинаешь тихо оживать,
И у крыльца твоё топчет лето
И в жизнь, как в бой, неодолимо звать.
Родись скорей! Ну, что тебе мешает
Творить и звать мелодии души.
Тебя Господь на небе вопрошает:
Забыл свой путь?! Восстань и поспеши!
Ещё есть время жить, и удивляться,
И принимать, как данность, красоту,
И от безумной жизни не стреляться,
А поклоняться Господу Христу!

ГРАД В НИЖНЕУДИНСКЕ

Пришёл июль, мальчишки рыбу удят,
Томат в теплице первый покраснел.
Но грохнул град! Оглохший Нижнеудинск,
Из окон глядя, весь оцепенел...

В июле град! Столбом стоит природа,
Сошедшая – и с неба, и с ума...
Июль, как будто перевёртыш года,
Упал на огороды и дома!

Затихли птицы от такой напасти,
Молчат собаки, лают петухи.
У нас погода отбирает счастье
За наши несусветные грехи.

Вон женщина, ладони погружая
В бессмертье града, тихо говорит:
– Ну вот и всё! Лишилась урожая!
А может, завтра и земля сгорит?!

ВОРОНА

Сижу с Распутиным на даче:
Он на портрете – близкий, свой...
Мы говорим, а это значит,
И он живой, и я живой.
 На лиственнице, где ворона
 Обыкновенная жила,
 Вверху была не просто крона,
 А разветвлённых три ствола.
И в сердцевине этой кроны
Среди стволов, среди тепла
Небезызвестная ворона
Гнездо высокое свила.
 Живое лето пахло тмином,
 Цвела саранками гора,
 И у Маруси с Валентином
 Была придумана игра.
Жила ворона, как на троне,
Маруся думала своё...
– Что передать твоей вороне? –
Распутин спрашивал её.
 Была ворона быстрокрыла,
 Летала в ад, летала в рай,
 Маруся тихо говорила:
 – Привет вороне передай!
...Прошли года, ворона где-то,
Её искать никто не стал...
И ей последнего привета
Уже никто не передал.

* * *

 Цивилизация устала
 Быть безрассудной неспроста.
 Ей места и свободы мало
 У Православного креста.
Она умом своим блеснула
И, совершив небесный взлёт,
В себя из космоса взглянула,
Отвергнув притяженья гнёт.
 Не ощущая краха, страха,
 Вдруг осознала, что она
 Среди вселенского размаха
 В бескрайнем космосе – одна!
И ей привидится, приснится,
Что наступил её черёд:
Глубокий космос загорится,
Цивилизацию сотрёт.

И старый Ангел скажет хрипло
У догоревшего окна:
– Цивилизация погибла,
Она светила не нужна!

САРАНКИ

Байкал дымился спозаранку,
И я увидел сквозь туман:
Из леса к нам пришли саранки,
И это правда – не обман.
Они спустились друг за другом
В той, непроглядной нам, поре
И, встав заметным полукругом,
Расположились во дворе.
 А солнце огненным рубином
 По-над Байкалом поднялось,
 И у Распутинской рябины
 У них волнение улеглось.
Сказать по правде, было лестно
Им тёмный лес преодолеть!
С рябиной рядом жить полезно
И за потомство не болеть.
 ...Они ютились на полянке,
 Где зазвенели топоры,
 И побежали вниз саранки,
 Во двор с Распутинской горы!

ОТЦОВСКИЙ ДОМ

Смирнову Петру Алексеевичу

Родная дорога мерцает знакомо,
Теряется в травах на склоне пустом.
Тропа зарастает к отцовскому дому,
Оглохший, ослепший, осунулся дом.
И вот я приехал к бездомному дому,
Он еле узнал меня, глухо сказал:
«Ты был самым близким, а стал незнакомым,
Хотя бы однажды письмо написал...
Ведь я не исчез, да и адрес остался,
Поэтому – было бы кстати письмо,
Я почерк твой знал, но тебя не дождался,
Твой облик остался, как в сердце клеймо».
Двор слушал, томился, в нём не было знаков,
А только крапива. Я встал на крыльцо,
Дом вздрогнул, и замер, и тихо заплакал,
В туманный рассвет окуная лицо.

*Написано в Петров день,
в День рождения моего отца,
12 июля 2023 года*

Поэзия

Андрей Фролов

Андрей Владимирович Фролов – родился в 1965 году в Орле. Окончил Орловский строительный техникум и Орловский государственный университет. Работал плотником, инженером, в настоящее время – руководитель орловского Дома литераторов. Автор семи поэтических книг, сборника рассказов и книги стихотворений для детей. Произведения публиковались в альманахах «Поэзия», «Невский альманах», журналах «Наши современники», «Роман-журнал XXI век», «Простор», «Родная Ладога», «Молодая гвардия», «Огни Кузбасса», «Подъём», «Берега», «Бийский вестник» и др. Лауреат всероссийских литературных премий «Вешние воды», «Белуха» имени Г. Гребеницкого, имени Н. Гумилёва, «Ладога» имени А. Прокофьева, Южно-Уральской литературной премии. Член Союза писателей России.

ПЕНЬЕВСКАЯ СЛОБОДА

* * *

Я живу в небольшой, захолустной слободке,
тороплюсь, как и все, на работу чуть свет –
я иду вдоль дворов, и во всём околотке
не родных мне людей, если вдуматься, нет.

Здесь уныние – грех, здесь с тоской не знакомы,
здесь приправлена жизнь стоязыкой молвой.
Долго смотрит мне вслед древний
дедушка Рома –
как всегда, не узнал, но почувствовал: свой!

Из калитки шагнёт уличкомша Людмила,
улыбнётся, кивнёт:
– Как здоровье, поэт?
Вроде – так, ерунда, а как будто спросила
у судьбы для меня ещё парочку лет.

Тётка Зоя, Борис, братья Мосины, Колька,
голубятник Витёк, адыгеец Рустам...
Всех в строку не вмещу, потому что их столько,
сколько вёрст прошагал я по здешним местам.

Да, слободка моя – неказисто простая,
да, живут земляки без особых затей,
а на них посмотрю и душою отгаю:
нет, не может быть здесь не родных мне людей!

ВЕСНА ВО ДВОРЕ

Весна шарахнула во вторник,
её уже заждался двор;
и дед Савелий, бывший дворник,
слезу нежданную утёр.

Вразбег по пенящимся лужам
снуют весёлые лучи,
ворона скачет неуклюже
через проворные ручьи.

Играют в салки две девчонки,
и, словно принятый в игру,
наш новый дворник,
Саня Пчёлкин,
гоняет мусор по двору.

Скворец пальнул
картечью трелей,
ему откликнулся другой!..
А на припёке дед Савелий
сердито топает ногой.

БАБУШКА В ОКОШКЕ

В законном мире людно:
управдом играет в шашки,
беззастенчивая Люда
возвращается от Сашки;

дружно палками дубасит
по ковру семья Петровых,
записной отличник Вася
кошек мучает дворовых;
Маргарита Казакова
вновь выгуливает тройню...
В общем, мало ли такого,
что внимания достойно.

Хватит, с миром законным
пошушукалась о многом.
А в углу висит икона –
каждый день беседа с Богом.

ДЕДУШКА РОМА

Улыбнётся – лучики-морщины
в солнце собираются у глаз.
Вынимает ножик перочинный,
чурочку щепая на лучины,
затекает медленный рассказ.

Говорит про первую ракету,
про тайгу, про реку Енисей...
Говорит, как будто по секрету
доверяет опыт жизни всей.

Раскрывают рты не только внуки –
со всего посёлка ребятня.
А большие дедушкины руки
превращают чурочку в коня.

ТЁТКА ЗОЯ

Не уйти от раздумий печальных –
тётка Зоя сегодня грустна.
У неё симпатичный начальник,
и она в него чуть влюблена.

И поэтому смотрит тревожно
в предзакатную тусклую даль.
И понять её, в сущности, можно,
и её даже искренне жаль.

Тунеядствует сын-переросток,
есть и муж – тот, который на час...
К жизни много у Зои вопросов,
но она их задаст и без нас.

А пока тихо плачет ночами,
не умея прилюдно вздыхать.
Завтра ей улыбнётся начальник,
и весь день будет Зоя порхать.

РАБОТЯГА

Сам себе не зная цену,
слободскою стороной,
отработав честно смену,
он идёт слегка хмельной.

Смысл – и в жизни, и в работе –
видит он издали,
зависает на отлёте
тяжеленная рука.

Дома ждут кормильца дети,
мать, отец, жена с борщом,
и за пьянку на две трети
ими он уже прощён.

БОБЫЛЬ

Под сочащимся ржавчиной краном
торопливо стирает бельё,
объявляет войну тараканам
и проигрывает её.

Вечерами вздыхает устало,
как в период страды тракторист,
и заглядывает сериалы,
поминутно влюбляясь в актрис.

Поливает щетинистый кактус,
не надеясь, что тот зацветёт.
Если спросишь участливо: «Как ты?»,
угловато плечами пожмёт.

ОДИНОКОЕ СЧАСТЬЕ

Темно в квартирке Надиной,
лишь тени на стене.
Сынок, в капусте найденный,
агукает во сне.

Игрушки поразбросаны
по пёстрому ковру.
На кухне сохнут простыни
и высохнут к утру.

Над крышей снова аисты.
Эх, дочери-сынки!..
И Надя с тихой радостью
стирает ползунки.

Жаль, нету обручального
колечка на руке.
А тишина над спальнею
висит на волоске.

ПРИЯТЕЛЬ

В былом амбициозен
(за что частенько бит),
на жизнь Валерка Мосин
со стороны глядит.

Вперёд не забегаёт,
не ворошит быльё,
лишь скупко подтверждает:
– Что было, то – моё.

Плывёт в толпе неспешно,
а кажется – над ней,
и профиль его грешный
чем дальше, тем видней.

ЛУНАТИК

Отчётливо видимый снизу
на фоне пятнистой луны,
лунатик идёт по карнизу
и смотрит чудесные сны.

Луна его светом ласкает,
любой поощряя каприз.
Счастливым лунатик не знает,
что кончился узкий карниз.

Проснётся и вспомнит едва ли
ночной дерзновенный полёт –
с рождения в полуподвале
тихонько лунатик живёт.

ЛОТО

Старушка играет в лото,
забросив на время шитьё.
Одна – ей не нужен никто.
И нет никого у неё.

В кармашек лорнет помещён –
не так уж ещё и стара,
и голос не дрогнет ещё,
«выкрикивая» номера.

Поправив дарёную шаль,
достала число «двадцать пять»
и затосковала: «Как жаль,
что некому проиграть...»

ЮРОДИВЫЙ

Тих, одинок, печален.
Нечего взять с него.
Смотрит из-под развалин
разума своего:

взглядом пронзит тяжёлым,
и не удержишь слёз.
Паперть метёт подолом,
что-то бубнит под нос.
Скорбный, как шорох листьев,
голос его дрожит.
И от колючих истин
в страхе народ бежит.

РАССВЕТНОЕ

Над туманом сад плывёт:
вишни, облепиха...
Новый день больших забот
народился тихо.

Он покуда ничего
никому не должен.
Не омыл пока его
беспризорный дождик.

Не нагруженный виной,
еле-еле зримый,
день растёт очередной
и неповторимый.

ТАКАЯ СТРАНА

Мы жили – может, скромно,
но не кривя душой, –
в стране такой огромной
одной семьёй большой.
Добрей были соседи,
и слаще леденцы,
и клич «Вперёд, к Победе!..»
летел во все концы
страны душевных песен
и честного труда.
Отец там жив и весел,
и мама – молода,
приветливы там лица,
сердца отворены...
И я привык гордиться
величием страны...

Потом её не стало.
И я виновен в том.
Жизнь на излом пытала –
потом... потом... потом...
Но связь времён не рвётся –
доныне мнится мне,
что внукам доведётся
пожить в такой стране.

Поэзия

Ираида Кельмелене

Ираида Кельмелене – родилась в Риге (Латвия). Образование среднее техническое. Автор двух поэтических сборников. С 2004 года печаталась в газете «Latvijas dzelzceļnieks» и в сборнике «Творчество железнодорожников»; в альбоме «Жизнь и творчество Валентина Пикуля», в книге «В. С. Пикуль. Сотвори добро, и оно отзовётся»; в журналах «Берега» (Россия, № 4(28)-2018, 6(36)-2019, 1(43)-2021, 4(50)-2022, 4(56)-2023), «Настоящее время» и «Корни» (Латвия); в международном альманахе «Ступени» и «Laisves aleja» (Литва). Лауреат журнала «Берега» за 2021 год (Россия). Лауреат международного литературного фестиваля «Балтийский Гамаюн» (Литва) за 2022 год. Член МАПП, член общества Кришьяниса Барона (Латвия), координатор Творческого объединения любителей поэзии, музыки и живописи «Созвездие» (Рига).

ДОЛЯ ПОЭТА

Сердце горело, сердце болело.
Доля поэта – пой и греши!
Чувства и страсти против напасти.
Сопротивленье суги души.

В горе прозренье, как откровенье.
Стойкость и вера, чтобы не лгать.
Доля поэта рифмой воспета,
Только от Слова шла благодать.

Сердцем прощая, не забывая,
Зная, что Вечность ждёт и зовёт,
Доля поэта лучиком света
Предвосхитила мысли полёт.

* * *

Слова... слова рождаются мгновенно
И тут же на мгновение замрут.
А дальше следствие... и откровенно
Очередной словесный взят редут.

На поле брани иль в любовной неге
Слова сыграют роковую роль.
По бездорожью, на простой телеге,
Не отрекаясь, плача исподволь...

Слова вернут мгновенья, остановят,
И будет Божий Промысел сиять.
И золото молчания святое,
И Слово-мысль всё возродит опять!

* * *

«Я сам обманываться рад», – сказал поэт.
Как он был прав в своём порыве страстном.
Уже прошло немало бурных лет,
А мы в плену и поиске напрасном.

Где идеал, что сердцу будет мил?
О ком забота, нежность как награда.
И кто хоть раз у Бога не просил
О судьбоносной встрече, той, что надо.

И я ждала, открытая ветрам,
Обманывать себя совсем не трудно.
Захочешь счастья – вверишься словам.
Сомнения в душе лежат подспудно.

Не всем даётся крест любви земной,
Умом, с годами понимаешь, право
О том, что, сохранив души покой,
Живёшь как все и поступаешь здраво.

Но с возрастом, когда луна в окно,
Душа заплачет, сердце отзовётся
О той любви, не встреченной давно,
Что увлеченьем юности зовётся.

ТВОЙ ПУТЬ

Не теряйся во времени,
Помни день и число.
И какого ты племени,
И своё ремесло.

Помни имя и отчество,
Кто отец твой и мать.
И какое пророчество
Суждено испытать.

И в земной круговерти,
В суете бытовой,
Распоясавшись, черти
Побегут за тобой.

Им до жженья охота
Сбить с пути, дать свернуть.
Только ты не сдавайся
И продолжи свой путь.

Одолеешь препоны,
Все печали пройдёшь
И в сетях у мамы
Соловьём не споёшь.

Стань связующей нитью,
Путеводной звездой.
По душе и наитию
Все пойдут за тобой.

И всегда на востоке
Будет солнце всходить.
И в лучистом потоке
Жизнь земную творить.

ГОРОЖАНКА

Улыбаясь, иду по городу.
Летний вечер распахнут и светел.
Одиночество стоит дорого,
Оплачу, чтоб никто не заметил.

За улыбкой запрячу слезинку,
Пусть на донце души покатится.
Пронесу своё счастье-пушинку
Одуванчиком в белом платъице.

И в уютном кафе за столиком
Полистаю странички прошлого.
Погрущу – но самую толику,
Всё давно уже запорошено.

Память сердца – дверца надёжная,
Без замочка и сожаления.
Говорят, что жизнь – штука сложная,
Соглашусь без тени сомнения.

Нынче праздник, и пахнет липою,
Жасмином дорожка усыпана.
Я с улыбкой счастье накликаю,
Горожанка – жизнью испытана.

* * *

*Посвящение
Вице-Елизавете Артмане*

Женщина смотрит со сцены в зал,
Где стоит тишина.
Заворожённость в нём стала
Властной хозяйкой ума.

Женщина в роли забылась,
Жизнью чужою полна.
Боже, яви свою милость,
Душу очисти до дна

И вдохновеньем наполни,
Святой водой окропи,
Тайные мысли исполни
И от беды охраняй.

Слово, как луч озаренья.
В зале единый порыв
Жажды и причащенья,
И поклоненья надрыв.

Мера таланта весома,
Женщине счастье дано –
Духом своим невесомым
Сеять любовь и добро.

* * *

*Посвящение
Марине Цветаевой*

Жизнь, красота, ощущение времени...
Я высота без рода и племени!
Или песчинка в пространстве Земли?
Солнце – моё, океаны – мои.

Вихрем закружит память души,
Звёздная пыль разлетится в тиши
И упадёт на асфальт городов,
В чащи лесные и в зелень садов.

Мир озарится небесным огнём
И уместится во взгляде моём.
Станет бессмертным полученный дар,
Сдержит он страшного Ада удар.

Я через «МНОГАЯ ЛЕТА» пройду.
Млечным Путём в бесконечность уйду.
Только невидимый след в небесах,
Только сединки в моих волосах...

* * *

Посвящение Ариадне Эфрон

Солнце жжёт, ветер бьёт, валит с ног метель.
Через тысячи дорог: где ты, оттепель?
Что подвластно одному, то другим не в счёт.
Я свою суму-тюрьму приняла в расчёт.

По судьбе, как по воде, круг за кругом вслед.
Поклонюсь своей беде за науку лет.
Тяжек крест, но я его не отдам врагу.
Всё своё на судном дне предъявить смогу.

В небе вороны кружат, прочат недород.
Лишь рябины ворожат: будет новый год.
Год, в котором зазвучит весело капель.
Спит котёночком в душе моя оттепель.

* * *

Посвящение Анне Ахматовой

Слыла королевой.
Была королевой.
Заведомо смелой.
Заведомо с верой.

Казалась простою,
Но только вначале.
А после божественной
Все величали.

Дано было столько,
Что мера отдачи
Крестом обернулась.
А как же иначе.

Дано было. Вверено.
Слово и дело!
Сама так хотела.
Молилась и пела.

Чтоб стал путь светлее,
Чтоб стали мудрее.
Ведь ей, королеве,
Всё было яснее.

С душою открытой
Стихиям и людям,
Такою запомним,
Пока живы будем.

Вот так в жизни рядом
Слагаются судьбы.
Меж нами поэты,
Их любим и судим.

* * *

Посвящение Владимиру Маяковскому

Франт. Изысканно одет.
От манишки до штиблет.
Крутит посох, щурит глаз,
Выставляясь напоказ.

Только ты ему не верь,
Он не может без потерь.
Каждый день частички сердца
И души выходят в дверь.

Мысли строятся рядами
С песнями наперевес.
Ведь копилось всё годами
Не для ветреных повес.

Сигаретный дым улёгся
По-домашнему крутятся.
Значит, это он увлёкся,
Слушают не матерясь.

Раздувает голос горна,
И слова, как сталь, крепки.
Мы запомним, Маяковский,
На платочках узелки.

Вдруг записочка из зала:
«Уважаемый поэт,
Воевать братва устала,
Про любовь ты пишешь, нет?»

Посмотрел он с укоризной
На подателя письма.
– Вы по мне не правьте тризну,
За любовь я пью до дна.

За любовь к родной Отчизне
И за синие глаза.
За любовь не жалко жизни,
Хоть она всего одна.

И стихами зазвучала
Исповедь его души.
Жадно публика внимала,
И стонала, и хлебала
Истину его, как щи.

Поэзия

Нина Волченкова

Нина Волченкова – автор восьми сборников стихов и четырёх – критики и публицистики. Награждена почётной грамотой Союза писателей России. Лауреат премии им. Н. Поснова «За Русь любимую», премии РОО «Брянское землячество» им. Н. А. Мельникова. Обладатель спецдиплома I Всероссийского фестиваля-конкурса «Поэзии прекрасный свет», диплома Московской городской организации Союза писателей России «Современные писатели России. Золотое перо!», диплома «За верность слову и Отечеству», литературной премии им. первого главного редактора «Литературной газеты» Антона Дельвига, дипломов финалиста XIX и XXI открытого поэтического конкурса им. ветерана Великой Отечественной войны П. И. Шестакова.

* * *

Спелым колосом дышит земля –
Сколько счастья в душе человека!
И встречаются люди в полях,
Золотые стекаются реки.
 Кораблями комбайны плывут,
 Зерноток наполняется хлебом,
 И селяне надеждой живут
 Под высоким сияющим небом.
Солнце – днём, ночью – почерк звезды,
И мечта о возможности мира.
Жизнь в любви без войны и беды
Средь роскошного хлебного пира.

ПРИЗНАНИЕ ЖУРНАЛУ «БЕРЕГА»

«Берега», «Берега», нет конца вам и края,
За собою в дорогу зовёте людей.
Каждый что-то в пути для себя обретает,
Сохраняя великую нужность идей.
В Крестном ходе своём на любом расстоянье
Свежесть тем «Берегов» не уходит в зенит.
В слове русском – глубокий призыв к покаянью,
И спасение нас не набатом звенит.
Благодатная почва для мыслей, решений,
Для соборности духа планеты Земля,
От истока до устья – громады свершений
Рвутся в небо, как башни родного Кремля.
Всех живущих сейчас, постигающих Слово,
Исучающих боль и страданья страны,
«Берега» в один полк собирают, и снова
Битва духа идёт на пространстве войны.

Кучки воинов тьмы с сатаной верховодят,
Силы зла над землёй не устали кружить.
Люди Мира, как солнце в зенит, не уходят
И с Небесных высот продолжают служить.

12 ИЮЛЯ

Вот и День Петра и Павла,
Православных двух святых!
Память детства не пропала –
В мыслях солнечных благих.

Никогда не повторится
Всё, что было в годы те.
Наяву, а может, снится
Солнце в яркой красоте.

Как тургеневские дети
Из рассказа «Бежин луг»,
Не бросали в воду сети –
Замыкали ночью круг.

У костра гурьбой сидели,
Размывая словом тьму,
Песни русские мы пели,
Позабыв про кутерьму.

Солнце радостно встречали
И, дыханье затаив,
От восторга не кричали,
Слыша утренний мотив.

Как оно играло светом:
Радуг всех не сосчитать!
И хотелось быть поэтом,
Говорить, а не молчать.

Говорили с восхищением,
 Не сбивался светом тон.
 Новый день, его рождение –
 Всё в природе в унисон.

ИЮЛЬСКОЕ УТРО

Четвёртый час утра. Светает понемногу.
 Петух как правда прост, но не мешает спать.
 Не он всему виной – мне в дальнюю дорогу.
 Стряхну остатки сна, пора уже вставать.
 На небе акварель разлита из стакана –
 Как будто кто-то вверх подбросил не спеша.
 Какое счастье жить на свете без обмана,
 От подлости людской не мечется душа.
 Ах, Божий день! Луч солнца на земле,
 Брильянтами зари сверкают росы.
 Земля – царица: на её челе –
 Прядь золотая, за плечами – косы.
 Так каждый год справляет пир июль
 На пике зорь. Но августа дорогу
 Уж покрывает паутины тюль,
 Земля в себя приходит понемногу.

АВГУСТА ПРИХОД

Душе отраднo,
 Хоть немного грустнo.
 Но этой грусти
 Светлый околём
 Нас обнимает
 Нежно и искусно,
 Любви у грани
 Все с надеждой ждём.
 Мы в предвкушенье –
 Это ли не радость!
 Когда три Спаса
 В гости к нам придут?
 И спелых груш, и яблoк,
 Мёда сладость
 Прозрачно
 В наши души потекут.

ПЕРВОЕ АВГУСТА

Вот и август как голубь почтовый,
 Но нерадостен песни мотив,
 И не хвалится небо обновой,
 Потому что циклон запретил.
 Тучи серые клочьями виснут,
 Холод лето покоя лишил.
 По-разбойничьи хочется свистнуть,
 Попросить разноцветных чернил.

Перекрасить бы всё, что уныло,
 В первозданные лета цвета,
 Чтоб плохое из сердца уплыло,
 Согрeвала бы мир красота.

НАКАНУНЕ СЕНТЯБРЯ

Не босиком, но по росе
 Иду в последнем утре лета.
 В любимой русской полосе
 Природа осенью задета.
 Коснулось золото берёз,
 Зарделись клёны у дороги,
 Умолкло эхо тёплых гроз,
 Сентябрь как гость мой у порога.
 Ах, бабье лето, яркость дня,
 Души моей успокоенье,
 Согрей, пожалуйста, меня
 Для новых чувств и дум рожденья.

ОСЕННЕЕ

Золото. Туман голубоватый
 Дымкою прозрачною прилёт
 Во дворе давно забытой хаты
 И в траве нехоженных дорог.
 А когда-то здесь листва летала,
 Брошенная детскою рукой,
 Девочка курносая мечтала,
 Солнышко садилось за рекой.
 Как мне мир, наполненный обетом
 Не оставить, в гости приезжать?
 В нежной грусти, памятью одетой,
 От которой некуда бежать.

РАЗГОВОР О ЧАЕ

Я верю, что когда-нибудь под вечер
 Вы позвоните: – Можно мне войти?
 Без Вас устал, и крыть, увы, мне нечем,
 Соединить бы наших два пути.
 Без Вас мне неуютно, одиноко...
 Вы помните о чае разговор?
 – Конечно, да, но почему жестоко
 К нам было время с тех далёких пор?
 – Не время, а моё непониманье:
 Вы мудрая, красивая, и мне
 Не уделить Вам должного вниманья,
 Но я готов предстать на судном дне...
 – Мне Вас судить? Я права не имею,
 Судимой быть другими не хочу.
 Входите в дом, я чаем Вас согрею
 И душу добрым словом полечу.

Поэзия

Александр Дивеев

Александр Алексеевич Дивеев – родился в 1951 году в деревне Ундольцино Ртищевского района Саратовской области. Окончил Саратовский экономический институт. Составитель и редактор сборников стихов ртищевских авторов «Цветы и пепел» и «Эхо Души» (Саратов). Публиковался в журналах: «Волга-XXI век», «Странник» (Саранск), «Новая Немига литературная» (Беларусь), «ДОН новый» (Ростов-на-Дону), «Наши современник» (Москва), «Приокские зори» (Тула), «Северо-Муйские огни» (Бурятия), «Сибирь» (Иркутск), «Подъём» (Воронеж), «Александръ» (Тамбов); в альманахах: «Стрежень» (Тольятти), «Литературный Саратов», «Песни Серебряного моря» (Симферополь), «Земляки» (Нижний Новгород); на сайте «Российский писатель». Автор поэтических книг «Звезда Антарес», «Плащаница Души», «На кресте любви», «Журавлиный романс». Лауреат национальной литературной премии «Золотое

перо Руси – 2014», дипломант Германского международного литературного конкурса «Лучшая книга года» (2022) за книгу «Журавлиный романс». Член Союза писателей России. Живёт в городе Ртищево.

СТАРЫЙ ДОМ

Всё тебе непривычно кругом.
Осмотришься. Улыбнешься. Не спеши.
Ты вошла осторожно в мой дом,
Старый дом одинокой души.
Ставни окон, как веки, открой.
Здесь не смерть – летаргический сон.
Здесь давно не живёт домовой,
Как и я – всё скитается он.
Серых дум облака разгони.
Ты поплачешь потом, а пока
Паутину повсюду смахни
Бедным венником из полынка.
Окна тёплой водою умой.
Приберись. Отдохни. И как знать,
Может быть, не случайно в трюмо
Голубую увидишь тетрадь.
И на росной забытой заре,
После светлых бессонных часов,
Как в Дивеевском монастыре,
Окупись в мой источник стихов.
Ранним утром, халатик надев,
Ты сойди потихоньку с крыльца
И послушай шемящий напев
Развесёлого раньше скворца.
Этой грустью прошита вся Русь.
Не пугай ты его, не тревожь, –
Я сюда никогда не вернусь,
Да и ты – погостишь и уйдёшь...

ПАЛОМНИК

Ветром столетий минувших повеяло.
Ёкнуло сердце. Душой встрепенулся.
То ли я просто приехал в Дивеево,
То ли на родину предков вернулся?
Сколько дорог и тропинок мной пройдено!
Всё же привёл в край заветный Спаситель...
Здравствуй, Четвёртый Удел Богородицы, –
Дум моих светлых святая обитель!
Очарованьем величья неброского
Всей своей сущностью я наслаждался:
К раке с мощами святого Саровского
С благоговением я приложился.
Там, где ступала Царица Небесная, –
Лица паломников светлы и кротки.
Тихо прошёл вдоль Канавки чудесной я,
Перебирая с молитвою чётки.
Думы тяжёлые, мысли порочные
С сердца смахнуло спокойной волною
Там, где с целебной водою в источнике
Утром купался я с лёгкой душою.
Храмы... Соборы... Наклонная звонница...
Сколько Небесного, дивного сколько!
Чудо закончилось. А за околицей
Старый автобус сломался надолго.

Ты уходишь всё дальше по дороге, где ходят и боги.
Я в сомненьях терзаюсь: «В жизни вечной тебя догоню ли?»
... На невзгоды не сетуй. Бренной жизни поток быстротечен.
Всё же счастлив ты, если осознал в сонме грусти и гама,
Что живёшь-то всего-то ради светлой единственной встречи,
Ради слов несказанных: «Вот и я! Не ждала?»

Здравствуй, мама!»

ЗВЁЗДНЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ

Если думы и грусть снова бранный покой мой нарушат,
Стану слушать в ночи, позабыв про усталость и сон,
Как в небесной тиши колокольчики звёздные – души –
Разливают окрест свой хрустальный таинственный звон.
Он струится с небес, звон нисходит от звёзд синеоких.
А его волшебства... ну, не много ли мне одному?!
И в колени свои я в раздумьях уткнувшись, одинокий:
«Что случилось со мной? Почему ж я один? Почему?»
А в ответ огоньки тихо гаснут в полночных окошках
И сизифова грусть снова мается с камнем в груди...
Неужель заросли муравой к Вечной Жизни дорожки,
Поезд жизни земной всё стоит на запасном пути?
Я невольно очнусь. Тишина – как на старом погосте.
Вот и время пришло закрывать Храм в предутренний час...

Может быть, звон пришёл к нам в печали из Вечности
в гости,

А возможно, звонят колокольчики просто по нас.
Станут звёзды вокруг потихонечку блёкнуть и падать.
Колокольчиков звон... Он Божественной лире сродни...
Переполнит к утру души звёздные светлая радость:
Как же! – вспомнили их, если в окнах проснулись огни...

ХРУСТАЛЬНЫЙ АВГУСТ

Не ругай меня, что снова я пою о звёздах синих, –
Без меня им, может, грустно в бесконечных небесах.
Время катится беспечно, но зачем-то я и ныне
Имена их повторяю наяву и в лучших снах:
«Вега, жёлтая Капелла, белый Сириус, Антарес,
Как рябина – Бетельгейзе и Полярная звезда...»
За плечами годы шепчут: «Отлюбились, отмечталось...»
Звёзды ясные мигают: «Утечёт всё, как вода...»
Ты прости меня, что реже о тебе я вспоминаю –
Прежних чувств не растревожат ни жалейка, ни свирель...
А вокруг хрустальный август, и, в безмолвии стгорая,
Рыжей осени в угоду льётся звёздная капель.
Если чёрной лунной ночью затрепещется сердечко,
Сон увидишь ты прекрасный – не смотри его, проснись,
Выйди из дома тихонько, прислонись к берёзе-свечке
И на звёзды голубые, улыбнувшись, помолись.
В срок печальный кану в вечность,

в бренной жизни намытарюсь,

Веря в то, что надо мною будут ластиться всегда
Вега, жёлтая Капелла, белый Сириус, Антарес,
Как рябина – Бетельгейзе и Полярная звезда...

ХРАМ ОСЕНИ

В светлый Храм – таинственную
Осень –
Я вхожу в берёзовом бреду.
Падают, качаясь, листья оземь,
В изумленье я по ним иду.
На щеках дождинки или слёзы,
И душа смятением полна.
Робко обнажаются берёзы,
Оглушает сердце тишина.
Золотятся солнышком немножко
Призрачного Храма купола...
Как нежна берёзка у окошка!
На погосте – как она светла!
Дальних голосов беспечный лепет,
Паутинок в просини полёт.
Бугорок с берёзкой, словно лебедь,
В вечность синеокою плывёт...

ЧЁРНОЕ И БЕЛОЕ

Людям в белых халатах

Солнце – чёрным вороном.
Дичь нужна ему.
Прилетела скорая
К дому моему.
Сёстры, словно ангелы.
Внешность скрыта за
Белыми скафандрами.
Но глаза... глаза!..

МОЯ ДЕРЕВНЯ

Памяти бабушки Поли

Преклонюсь перед избою.
Холодок из всех щелей.
На погосте жизнь порою
Веселее и живей.
Тут раздумьям нет поблажки:
Тонут в грусти с головой,
И гадают на ромашках
Только ветер полевой...

КОНВЕРТ

Марки созвездий. Полуночный свет.
Кажется: небо ночное –
Это чудесный, безмерный конверт,
В коем письмо... непростое.
Строки теплом иль прохладой полны?
В них назидания нотки?..
На сургуче золотистой луны
Оттиск печати – нечёткий...

Поэзия

Владимир Корнилов

Владимир Корнилов – православный русский поэт. Родился в 1947 году в селе Октябрьское Челябинской области. В Братске живёт с 1972 года. В 1987 году окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза писателей России, Европейского Конгресса литераторов, Союза журналистов России. Лауреат международного фестиваля «Звезда полей» им. Николая Рубцова (2010); международных фестивалей культуры и литературы «Славянские традиции» с вручением к ним литературных премий им. Владимира Даля и Юрия Каплана и именных медалей; лауреат международного конкурса «Лучшая книга года – 2014» (Берлин); лауреат международных премий им. Алексея Кольцова и Николая Некрасова фестивалей «Зов Нимфея»; обладатель «Золотого диплома» и медали за лучшую книгу стихотворений «Исповедь» среди европейских издательств (Лейпциг, 2015); лауреат Всероссийской литературной премии «Левша-2018» им. Н. С. Лескова с вручением именной медали. За многолетнюю плодотворную работу в современной русской поэзии трижды награждён почётными грамотами Союза писателей России. Стихи публиковались в журналах: «Юность», «Москва», «Наши современник», «Берега», «Всерусский соборъ», «Невский альманах», «Подъём», «Крым», «Сибирь», «Дальний Восток» и мн. др.; в альманах: «Камчатка», «День Поэзии – XXI век», «Истоки», «Поэзия»; в международных журналах: «Наше поколение» (Молдова), «Простор» (Казахстан), «Звезда Рождества» (Украина), «Метаморфозы» (Белоруссия), «Созвучье муз», «Новый Ренессанс» (Германия), «Содружество» (Болгария), «Литературная Канада» (Торонто).

«СВЯТО ЧТУ Я ПАМЯТЬ О ДЕРЕВНЕ...»

БЛАГОВЕСТ

Хорошо на травушке
Заглядеться в синь.
Облака-журавушки
Нам несут теплынь...
Солнечные зайчики
Скачут по воде.
Вербы-одуванчики
Расцвели везде...
Золотится солнышко
В платьях щеголих.
Звонкий жаворонушка
Песней славит их.
Вновь душа по-вешнему
Трепетно чиста,
До чего же здешние
Хороши места!..
Красотой особенной
Дышит всё окрест.
...Над весенней Родиной
Льётся благовест.

СЕНОСТАВ

Здравствуй, лето моё Падунское! –
Смех и песни под щебет птах –
Здесь раздолье лугов июньское!
Шаг упруг и широк размах.
Косы тонко над лугом тенькают.
Дали вызвонил сенокос.
Косари, как ватага Стенькина, –
В этом буйном разгуле трав...
Небо светится синим доньшком,
Распогодилось – знай коси!
Сверху огненной птицей солнышко
Сторожит сенокос Руси.

ДЕРЕВЕНСКИЙ РАССВЕТ

Еще звёзды не все погасли.
Зори тихо за лесом спят.
Дремлет сумрак над старым пряслем
И над играми жеребят.

...Спят натруженные дороги.
Спит деревня, устав от забот.
Полуночица-выпь в тревоге
Громко всхлипнет и обомрёт.
...Пахнет клевером, спелой вишней.
Тишь рассветная хороша.
В час такой на озёрах слышно –
Карпы плещутся в камышах.
...А петух и сквозь дрёму слышит –
Подступает зари огонь.
Встрепенётся, взлетит на крышу
И – растянёт свою гармонию.

В СТРАДУ

*Землякам – труженикам
села Октябрьское*

Вновь на селе забыли люди роздых:
С июльским зноем подошла страда.
На диких травах настоялся воздух,
И сеном пахнет в родниках вода...
И лишь в окошках свет зари забрезжит,
Шумнёт пастух – и только был таков.
А кто заспит, собаки тем набрешут,
Что мужики ушли до петухов...
А в полдень бабы, позахлопнув ставни,
Несут обед да пиво для косцов
И ловят взглядом в буйном разнотравье
С отцами увязавшихся мальцов.
...А мужики поглощены работой,
Но жён своих узрев издалека,
Неторопливо, вроде с неохотой,
К ним подаются в тень березняка.
...И, отобедав там с домашним пивом,
Глядят на жён уже повеселей.
Иной косец щипнёт свою шутиливо,
А та ему: «Да ну вас, кобелей!»
И мужики, стряхнув с себя усталость,
Уйдут вершить зароды дотемна.
В деревне только немощная старость
От жарких дел в страду отстранена...
Погаснет день. Осядут в травах тени.
Доehnёт прохладой сумрак от реки.
Речные ивы, замочив колени,
Уронят в воду пыльные платки.
...И мужики, уж затемно шагая
Тропинкою меж зреющих овсов,
Несут устало дрёму Иван-чая
Да на руках уснувших сорванцов.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Сыну Серёженьке

Выйду на крылечко, а вокруг – тайга.
Вдаль струится речка – звонки берега.
А за нею горы, житные поля,
Милые просторы – Русская земля.
...Русская до боли – даже в сердце дрожь.
В эту пору в поле вызревает рожь.
Налилась пшеница, колосист ячмень.
Синекрылой птицей распластался день...
Сердцем обмираю я среди полей:
Нет конца и края Родины моей!..
Звякаю уздечкой, тороплю коня:
Казачьи за речкой, в поле, ждут меня.
Скинули папахи и сошлись на круг.
Белые рубахи вспенились вокруг.
...То собрались вместе внуки Ермака
Славить в новых песнях удаль казака.
Их подхватят горы, реки и поля,
Отчие просторы – Русская земля...

НЕ ЖИВУТ ЗДЕСЬ БЕЗ ВЕРЫ В ПРАВОСЛАВНУЮ РУСЬ...

1.

В СИБИРИ

Словно сказка живая
В расписных теремах, –
Так Сибирь вековая
Нынче вся в кружевах.
...Зимний утренний морок
Всюду мглист и тягуч.
За окном минус сорок –
Даже воздух колюч.
А мороз – аж дымится...
В белых шубах дома...
Но в сибирской столице
Мне по нраву зима.
Коль метель, – то до неба,
В рост медвежий снега.
Здесь не меряно хлеба
И богата тайга...
Здесь вином и закуской
В праздник вас угостят.
Коли пир, – так по-русски,
А обиду простят...
Если горе без меры –
Боль разделят и грусть.
...Не живут здесь без веры
В Православную Русь.

2.

ПРАЗДНИК ЗИМНИЙ НИКОЛА

Тонкие снежные блёстки
 Ангелы сеют с небес.
 В инее белом берёзки
 Сгрудились кучкой невест...
 Всюду узоры в оконцах.
 Весел и праздничен день.
 Зимний Никола под солнцем
 Льёт колокольную звень.
 ...Господи! Господи! Господи!
 Как это сердцу сродни!
 В звоне малиновом, Господи,
 Благодатью полнятся дни...
 Музыка горной влекомы,
 Люди к молебну спешат,
 Чтобы у Божьей иконы
 Вновь освятилась душа.
 ...Возле церковной ограды
 Много нарядных старух, –
 Крестятся, – празднику рады,
 Глянешь – заходится дух.
 ...Значит, ещё не померкли
 Радость людская и грусть,
 Если толпится у церкви
 Наша исконная Русь.

В ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

*Памяти**Надежды Степановны Тендитник*

Зачернели повсюду проталины.
 Солнце благодно дарит лучи.
 Очищаясь душой от окалины,
 Всё отринув, внимай – и молчи!..
 И услышишь ты песнь лебединую,
 Грустный вздох уходящей зимы.
 Так, сливаясь с Природой единою, –
 Обретаем гармонию мы.
 ...С Божьим промыслом в нас не останутся
 Нерадивость и русский «авось».
 К свету горнему люди потянутся,
 Отряхнув с себя зависть и злость.
 ...Вновь душою в святое поверится –
 Станут трудности все по плечу...
 За добро – пусть добром нам отмерится.
 А коль грешен – затепли свечу!..
 С каждым часом – огромней прогалины.
 Возле верб гомонят пацаны.
 Очищенье идёт от окалины
 Нашей совести в Храме Весны.

МЕДОВЫЙ СПАС

Валерию Жукину

Вновь на пасеке, в беседке,
 Нынче празднуют у нас.
 На столе в цветной розетке
 Свежий мёд... Медовый Спас.
 Тут же – всякие закуски:
 Грузди, лещ, мясной отвар.
 И над всем царит по-русски –
 Правит Тульский самовар.
 Он попыхивает жаром –
 Вьётся струйка над столом.
 Русский дух у нас недаром
 Крепок русским самоваром,
 Банькой русской с жарким паром
 Да медовым ремеслом.
 ...У гостей зарделись лица –
 В них прибавилось страстей.
 Пожурили всласть столицу,
 Депутатов всех мастей...
 И зашвыркали из блюдец¹,
 Осенив себя перстом.
 ...В Спас Медовый да сольются
 Души праведных с Христом.

* * *

Свято что я память о деревне –
 Там с весёлой пристанью река,
 Храм на взгорке – каменный и древний, –
 Устремлённый куполом в века...
 Крест над ним связует души с Богом,
 С горним светом, с верой в благодать...
 Память – это связь с родным порогом,
 С отчим домом, где отец и мать.
 ...Память наша – солнечное детство,
 Будний труд и праздники семьи.
 Это Русь, мне давшая в наследство
 Родовые ценности свои.

ОДА РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Екатерине Некрасовой

Дивны и образны строки у вас –
 Таинств я их не нарушу.
 Мысль глубока – без манерных прикрас –
 Трогает русскую душу.
 Радость и боль в них до самых краёв
 Сердцем с лихвой пережиты.
 Было не лёгким у вас бытие –
 Вот вы и с ним уже квиты.
 ...Если вы русский, – то русский во всём –
 И по-другому не пляшем.
 Совесть и честь мы, как клятву, несём
 В славном Отечестве нашем.

¹ Из блюдец – просторечное выражение, употребляемое в народной поэзии.

Татьяна Зиборова

Татьяна Зиборова – родилась в Риге (Латвия). Образование среднее техническое. Автор поэтического сборника «Пионов нежный аромат» (2024). Публиковалась в журнале «Корни» и альманахах «Русло» (Латвия), «Литера» (Литва). Член творческой мастерской «Русло» и русского социально-культурного общества Латвии.

* * *

Смотрю на линии ладони,
Пытаюсь разглядеть судьбу,
За счастьем призрачным в погоне
Веду неравную борьбу
С собой, со страхами своими,
И с тем, что вижу я во сне...
Среди кривых и чётких линий
Мерещится бывшее мне.
Я ощущаю связь событий
И тонких линий на руке
И вижу судьбоносной нитью
Грядущее, что вдалеке.
Гадаю, что должно случиться?
И верю – далеко закат.
И жизнь лихою колесницей
Летит сквозь множество преград.
Судьбе покорно подчиняюсь,
С ней всё же спорю иногда,
И искренне в грехах я каюсь,
Молюсь и верую в Христа.

* * *

Трону клавиши рояля,
Лейся, музыка, звучи!
Видно, в этом виноваты
Солнца первые лучи.
Виноваты наши встречи
Под волшебною луной

И любовь, что каждый вечер
Пью до дна с одним тобой.
В этой музыке я слышу
Двух сердец биенья стук,
Даже звёзды стали ближе,
Разомкнулся неба круг.
Пальцы радостно играют,
Сердце рвётся из груди, –
У влюблённых так бывает –
Все тревоги позади.
Трону клавиши рояля,
Лейся, музыка, звучи!
Мы с тобою отыскали
К счастью нашему ключи.

* * *

Поле безбрежное в травах душистых,
Манит к себе необъятный простор.
Словно искусной рукой пейзажиста
Травы украсил цветочный узор.

Клевер, ромашка, чабрец и душица, –
Скромен, небросок их летний наряд.
Пчёлкам привычно над ними кружиться,
Мёдом вернут нам полей аромат.

Сладким нектаром спешат насладиться
Божьи коровки, жучки и шмели...
Вновь приоткрыта нам лета страница
Этой короткой, но дивной поры.

Ветер-проказник над полем гуляет,
Нравится травы ему ворошить,
Будто порука у них круговая,
Тянется к солнцу незримая нить...

Я с наслажденьем по полю гуляю,
С ветром лихим над землёю парю,
Нежный букет из цветов собираю,
Маме любимой его подарю.

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

Созрели яблоки на Спас,
Их аромат по всей округе.
И вот уже закат погас,
А мы воркуем – две подруги.

В саду под яблоней сидим,
Пьём терпкий чай из трав душистых
И душу прошлым бередим,
И где-то звуки гармониста...

И вечер переходит в ночь,
Рассыпав звёзды жемчугами,
И невозможно превозмочь
Желанья говорить стихами.

И запах яблок, как дурман,
Пьянит расслабленное тело,
И явь похожа на обман,
И упоенью нет предела!

ПРИМЕТЫ ОСЕНИ

Август на исходе... загрузило лето,
Ведь уже заметны осени приметы:
На дубах и клёнах золотые пряди,
А берёзки вовсе поменяли платья.

Зелень изумрудов охра заменила,
В сарафанах жёлтых так берёзки милы.
Радостно рябинкам в бусах из кораллов,
Ягод нынче много – урожай немалый.

По утрам туманы молоком над полем,
И проказник ветер вырвался на волю.
Дождик морозящий за окном всё чаще,
Караваны птички – на юга, всё дальше...

Лес богат грибами, клюквой и брусникой,
К нам приходит осень постепенно, тихо.

* * *

Я люблю возвращаться домой,
В своё милое сердцу пространство,
Где так долго живём мы с тобой,
Где уют и простое убранство.
Не найдёшь здесь персидских ковров,
Здесь хрустальные люстры не светят,
Но зато есть так много цветов
И здесь выросли внуки и дети.
Мы сегодня остались вдвоём,
Разлетелось, как птицы, потомство.

Наша «трёшка» нам стала дворцом,
Мы взгрустнули с тобою немножко.
Будем век мы здесь свой доживать.
Кто уйдёт из нас первым? Не знаю...
Буду точно одна горевать,
Если первой тебя потеряю.

РАЗГОВОР С ОТЦОМ

Как жаль, отец, что ты ушёл
Туда, откуда нет возврата.
Достоин путь земной прошёл
Ты с малых лет и до заката.
Трудился много на земле,
В боях под Ригою сражался.
Доволен жизнью был вполне,
Всего достичь ты сам старался.
Поговорить бы мне с тобой.
Присев, как в детстве, на колени,
Ведь стала жизнь в стране иной,
Возникли всякие проблемы.
Хочу спросить, как дальше жить,
Как в это время не сломаться?
Я помню: ты учил не ныть
И трудностям не поддаваться.
Покой давно уже пропал.
Со злобой брат идёт на брата,
И сатанисты правят бал,
Но будет жизнь другой когда-то!
Ты не дожил до этих дней.
Мне не спросить уже совета.
Жить с каждым годом всё трудней,
А на вопросы нет ответа.

* * *

Берег моря в час заката
Пуст, покорно молчалив.
Волны плещут в такт легато,
Напевая свой мотив
Нежной грусти и покоя.
Тишь стоит на сотни миль.
Запах йода, запах хвои
И на сердце полный штиль.
Солнце, в море погружаясь,
Вмиг ушло за горизонт.
Вечер, с ноченькой венчаясь,
Распахнул небесный зонт,
А на нём горят сапфиры
С путеводною звездой...
И поэт, влекомый лирой,
Строки пишет под луной.

* * *

Вечер. Комната. Камин.
Тёплый плед и томик Блока.
Рядом пёс по кличке Бим,
Мой любимец-лежебока.
Абажура мягкий свет,
Всё к стихам располагает.
Блок – любимый мой поэт,
С юных лет его читаю.

Наслаждаюсь в тишине
Блока дивными стихами,
Вижу тени на стене...
Вот возник пред глазами
Незнакомки силуэт –
Символ тайны и печали,
А за ним волшебный свет
И заоблачные дали...

Полночь. Вечер миновал.
Я закрыла томик Блока.
Жил поэт, творил и знал,
Что уйдёт он раньше срока.

* * *

Старинные напольные часы
Отсчитывают время отрешённо.
И каждый час без спешки, суеты
Куранты бьют степенно и резонно.

И с этими часами я живу
Так долго, а точнее сказать – полвека,
По ним сверяю жизнь свою и жду,
Когда устанет тело от разбега.

Тогда остановить бы их рукой.
Но точно знаю, это мне негоже.
У времени обычно есть бег свой,
Его остановить никто не сможет.

С надеждою смотрю я на часы,
Они идут по-прежнему без фальши.
Мне рано за собой сжигать мосты,
Под бой моих часов живу я дальше.

* * *

Коль спит душа, и сердце отлюбило,
И твоя память делает пробел,
Дрожит рука, исчерпаны все силы,
Не смей сдаваться – это не предел!

Средь облаков и синего тумана,
Смотри: горит, горит твоя звезда;
Как много раз она тебя спасала,
Как много раз творила чудеса.

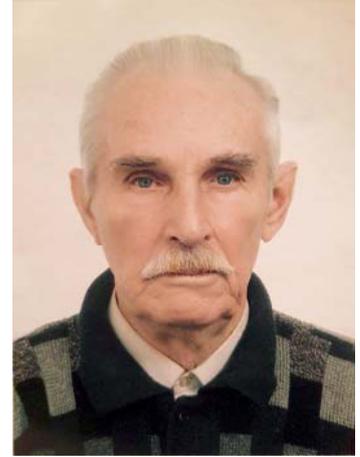
Благословил твою звезду Всевышний.
Ты, к ней стремясь и сердцем и душой,
Забудешь боль, вновь обретёшь вкус к жизни.
Смелее, друг, ты справишься с бедой!

Поэзия

Михаил Турбин

Михаил Леонидович Турбин – родился в 1941 году в городе Ливны Орловской области. Служил в армии. В 1968 году окончил исторический факультет Орловского пединститута, потом учительствовал, работал в правоохранительных органах и в системе пассажирского автомобильного транспорта. Член Союза писателей России с 1996 года. Публиковался в журналах: «Поэзия. Двадцать первый век от Рождества Христова», «Проза», «Наши современники», «Молодая гвардия», «Роман-журнал XXI век», «Роман-газета XXI век», «Форум», «Невский альманах» (С.-Петербург), «Новый Енисейский литератор», «Воин России», «Славянин» (Харьков), «Ротонда» (Киров) и других изданиях, в альманахах «Русское поле» и «Орёл литературный». Автор семи сборников стихов и двух книг прозы. Лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды», кавалер Золотой Есенинской юбилейной медали, награждён медалью генерала Брусилова за верность литературным традициям Московской областной писательской организации. Лауреат газеты «Российский писатель» за 2023 год в номинации «Проза». Живёт в Орле.

* * *

Бездонна глубь небесной чаши,
Воображенье ищет дно.
Звездю смотрит миг вчерашний
В моё вечернее окно.

О, сколько было в прошлом света!
Не истечёт никак до дна.
Но у тебя ж звезда не эта
Стоит в квадратике окна.

В твоём саду застыли тени,
Чья жизнь короткая скупа.
Дрожит и лезет куст сирени
Под жало лунного серпа.

И всё вокруг глядится строже
При свете мёртвого огня.
Я знаю, утром ты не сможешь
И шага сделать без меня.

Я сам приду к твоей террасе,
Ты только взглядом позови.
Ведь ни одна звезда не гаснет
В глуби бездонной у любви.

ПОЮЩАЯ СИНЕВА

Синь неба радостно поёт,
Она, что жаворонка песня:
За горизонтом – горизонт,
За облаками – поднебесье.

И эту синь нельзя объять,
Где нам с тобой звезда сияла.
Слова не надо повторять,
Я помню всё, что отзвучало.

Не говори упорно мне,
Что наше время – листопада.
Пусть будет небо в синеве,
Я не хочу, чтоб кто-то падал.

Душа хранит забытый сад,
Не возражай, нахмутив брови.
Да рухнет тот в кипящий ад,
Кто сам его и приготовил!

Давай с тобою помолчим,
Ты сердцем к этому готова,
И отойдёт словесный дым,
И породнит нас небо снова.

Пусть синь ликует и поёт,
Она, что жаворонка песня:
За горизонтом – горизонт,
За облаками – поднебесье.

УГАДАЙ

Чуть забрезжили лучи – на подходе утро,
Обозначен горизонт цветом перламутра.

Передача эстафеты – не темно и не светло,
Бьётся бабочка ночная об оконное стекло.

В предрассветной тишине месяц серебрится,
И легонько за окном тинькает синица.

Вот уже кукушкин стон раздаётся глухо,
Что-то ищет, не найдёт, птица-вековуха.

Этот стон услышал я с нарастанье гула,
В приоткрытое окно свежестью пахнуло.

И увидел, что лучи взяли верх над ночью,
Свои тени бьют грачи и вгоняют в почву.

Смотрит весело в окно солнечное око.
Жаль, кукушка, что тебе в мире одиноко.

Широко окно открою, в дом впущу зарю.
Угадай, кому тюльпаны утром подарю?

ОГОНЬ

Моей жене

Солнце в туче, как медведь в берлоге,
Залегло, готовится ко сну.
Сядь со мною рядом на пороге,
Вместе будем слушать тишину.

Успокойся и не будь в обиде,
Мы себя от бури сберегли,
Видишь, вечер появился в виде
Полного безмолвия земли:

Лист не дрогнет, не качнётся ветка,
Опустели лавочки двора.
Это ж правда – наблюдаем редко
Тишину с утра и до утра.

У тебя в глазах была зарница –
Пламенная ярость среди дня.
Я сегодня мог бы превратиться
В столб солёный, глядя на тебя.

Есть в тебе огонь, а это значит,
Мне не жить без выбросов огня.
Это ж – правда, ну а будь иначе,
Ты б не растревожила меня.

РАССВЕТНЫЙ ЧАС

Шагаю рано на свидание
С вопросом: быть или не быть?
Никто судьбы предначертание
Не может взглядом охватить.

Что заслужил, то и случится,
Играть нельзя ничьей судьбой,
И я не верю ясновидцам,
Не испытывшим ад земной.

Но можно чуют час разлуки,
Как и последний взмах рукой.
Любовь в страданиях и муках
Предел имеет роковой.

И всё ж светла моя дорога,
Кричат с рассвета петухи,
И за меня никто без Бога
Не в силах искупить грехи.

АРОМАТ

Любовь есть вечность или миг?
Уже неважно для насущной темы...
От запаха цветущей хризантемы
В полёте у шмеля мотор затих.

Басистый звук пошёл на сброс,
Потом исчез, не перейдя на тонкий,
Как будто лёт закончил бомбовоз
И давит тишина ушные перепонки.

Шмель изнемог во время листопада,
Упал в траву от тяжести поноски.
О, как гудеть умел красавец-шмель!

И я пьянел когда-то до упада,
Вдыхая аромат твоей причёски.
И до сих пор не выветрился хмель!

* * *

Любовь крепка, как русская броня.
Она смирней, чем римская волчица.
Стоит душа на линии огня
И от него ей некуда укрыться.

Она – мишень ещё с осады Трои.
С тех пор сложнее стало бытие.
И те, кто чувства этого не стоит,
Из всех орудий целятся в неё.

* * *

У тебя по-детски чистый взгляд,
 Мне его ловить всегда приятно.
 Ничего, что шепчет листопад
 О годах, ушедших безвозвратно.
 Нам любая осень – благодать,
 И зимы любовь не заботится.
 Что нам книгу памяти листать? –
 Мы напишем новые страницы.
 Осень будет грустная и впредь,
 В этом нет ни доброты, ни злобы.
 Нашим чувствам суждено гореть
 Золотом одной высокой пробы.

ЛЮБОВЬ И ЛОГИКА

В любви у женщин переменчивый язык,
 Похож он часто на морские волны.
 От логики его становишься в тупик:
 «Мужчины все на свете вероломны!»

И Божия Премудрость им не впрок.
 Летит на пол от ярости горшок –
 Разбита вдребезги душистая герань,
 И смотрит на тебя – «сама София»...
 Уже никак не установишь грань,
 Где страстная любовь, а где шизофрения.

Ну что поделаешь, когда влюблён?
 Вот и молчит порой глава семейства.
 Всё правильно, ведь понимает он –
 Любовь и логика, что гений и злодейство.

* * *

Старею не душой, а внешним видом,
 И каждый день подстерегает стресс:
 То радость душу рвёт, то обожжёт обида.
 Внутри по-прежнему во мне и бог и бес.

Внутри по-прежнему живёт стремленье
 к цели,
 Не стаял воск от пламени свечи,
 Но я ленив, – я брат того Емели,
 Что целый день проводит на печи.

Но вижу всё и слышу голос Лиры
 И даже речи пламенных вождей...
 Но где они? – ушли ориентиры,
 Исчезли смыслы, нет живых идей.

Куда идти? Вперёд, как будто рано,
 Назад – нельзя, и я лежу, пока
 Вокруг меня во мраке спорят рьяно,
 Кому в стране пора намять бока?

А вьюга воеет, ходит по задворкам,
 И за дверями слышу нежный вздох...
 Стучишься ты, и я гляжу неловко:
 И радуется бес, и опечален бог.

Олег Яковенко

Олег Александрович Яковенко – родился в 1977 году в городе Советске Калининградской области. В 2000 году окончил Санкт-Петербургскую академию театрального искусства по специальности «актёр драматического театра и кино». Служил в Московском театре им. Р. Симонова до 2013 года. С 2013 года – артист Калининградского областного драматического театра...

СОЗВЕЗДИЕ КОШКИ

На Зеркальном Пруду,
Рядом с Лунной дорожкой,
Где колдует бессонный камыш,
Притаилось однажды Созвездие Кошки,
Караулить Созвездие Мышь...

Притаилось, ни звука!
Что ей за охота?
Значит, надо –
Не то проглядишь...
Не смолкает и в небе у кошек работа,
Бесконечная вахта и там – выше крыш...

Чтобы ярче светило Созвездие Кошки,
Даже если ты в воду глядишь,
На Зеркальном пруду
Рядом с лунной дорожкой
Я придумал Созвездие Мышь!

Может, эта затея нелепа немножко,
Только поздно, не угомонишь
Неразлучных соседей, что через дорожку
Друг за дружкой охотятся –
Кошку и Мышь!

И в ночи умудряются ставить подножку,
В кругу Звёзд!
Им плевать на престиж.
Пусть другие заботятся!
Небо для кошки всё равно,
Что для мышки – Париж!

Вот такие делишки...
За самоуправство
Я разгневал Созвездье Весов!
Я-то думал, без Кошки на небе
Одиноко Созвездию Псов.

Что ж, видать, поспешил,
Рано принял решение
На открытии ставить печать.
В Департаменте Звёзд
Не дают разрешенья
Кошку с Мышкой
Созвездьем считать...

Так и так, мол, нельзя!
Подвело поведение.
Впрочем, поздно о том рассуждать.
И в финале у вас
Я прошу позволения –
Всё ж меня в астрономы принять!

* * *

Я листаю «себя» в полустёртом блокноте,
Эхом голос доносится издалека.
Даже музыку слышу в том давнем полёте,
Только дальше и дальше его берега...

Только – глубже и глубже в другое столетье,
Ни на миг не задержится жизни река.
Но живу я со всеми на этой планете,
Правда, прячусь от всех иногда в облака...

В облака, где дышу я легко и свободно
И проносится мимо крутая река.
Там нет зависти, лжи, тем навязчиво-модных,
Тех, к каким не успел я привыкнуть пока.

И уже не привыкну, я в этом уверен –
 Поплотнее укройте меня, облака!
 Лишь мелодии детства останусь я верен,
 Что и вам полюбилась бы наверняка...

Но её не сыграть никаким инструментом,
 Она неуловима – тонка.
 И не выслать кому-то почтовым конвертом,
 Для конверта она велика...

Что ж, пока я листаю записки в блокноте,
 Временами грущу, по ночам вижу сны.
 И летаю на белом своём самолёте
 В город детства «за полчаса до весны»...

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

Как странно, мне даже не верится –
 Такое бывает во сне!
 По небу Большая Медведица
 Гуляет сама по себе...

Такое лишь с кошкой случается,
 Коль умолчать о весне.
 Но чтобы Большая Медведица
 Гуляла сама по себе...

А если она потеряется,
 Заблудится там в темноте?
 Со взрослыми это случается
 Медведицами – в темноте.

Задача хитра – не безделица,
 Пожалуй, не справлюсь я сам.
 Ну кто ж ей втолкует, Медведице,
 Что звёзды сидят по местам!

Мерцают себе потихонечку...
 Искрятся и радуют глаз...
 А ты – Большая Бесстыдница,
 Хотя б отпросилась у нас!

Что ж, всякое в жизни случается –
 И дождь из конфет в декабре,
 Но чтобы Большие Медведицы
 Гуляли вот так – по себе...

ПРЯТКИ

Расскажу, мои ребятки,
 Вам историю одну.
 Поиграть друг с дружкой в прятки
 Очень любят кенгуру.

Вместо утренней зарядки,
 Пыль дорожную клубя,
 То и дело раздаётся:
 Туки-туки за себя!

За себя и за сестрёнку –
 Туки-туки-туки-тук!
 Прятались мы за сосёнкой,
 Может подтвердить барсук.

Выше всех сидел на крыше –
 Он залез её чинить.
 Потому всё видел, слышал,
 Так что вновь тебе водить.

Бедный братец кенгурёнок
 Двадцать пятый раз подряд
 Ищет по двору сестрёнок.
 Те сдаваться не хотят!

Каждый раз, едва услышат –
 Раз-два-три-четыре-пять...
 То за сливой, то за вишней
 Сёстры прячутся опять.

И сидят, не шелохнутся,
 Чуть дыханье затая,
 А потом вдруг подкрадутся –
 Туки-туки – это я!

Но однажды наш братишка
 Всё же выследил подруг
 И скорей назад вприпрыжку –
 Туки-туки-туки-тук!

Делать нечего сестрёнкам,
 Очередь пришла водить.
 Ну а братцу кенгурёнку –
 Что же делать, как же быть?

Ведь давно уже известны
 Все укромные места –
 И за грушей, под навесом,
 За калиткой, у мостка...

Тут, друзья, нужна придумка!
 Братец наш без лишних слов
 Отыскал у мамы сумку,
 Шасть туда – и был таков...

Да, девчонки и мальчишки,
 Прятки – дивная игра!
 Но отныне шалунишку
 Не найти и до утра...

ЛОШАДЬ В ГАЛОШАХ

Шёл ливень,
Я продрог до нитки –
Он неожиданно
В жару
Так хлынул –
Спрятались улитки
И разбежались
Кенгуру...
С одной-единственной
Попытки
С разбегу крот
Залег в нору.
И даже хомка наш
Пожитки
Свои припрятал
Поутру –
Как будто знал,
Как будто ведал –
Всё, всё заранее
Прибрал...
И вплоть до
Самого обеда
Он в домике своём
Проспал...
А позже
Выглянуло солнце –
И чудо-радуга – дуга –
Украсило моё
Оконце,
И парк,
И речку,
И луга...
И ребяг
На нашу площадь
Гурьбою высыпала
Вдруг!
Все замерли –
В галошах
Лошадь,
Почётный сделав
Полукруг...
Остановилась,
Посмотрела,
Серьёзно так
На всех на нас...
Губами фыркнула
И смело
Под музыку
Пустилась в пляс...
Откуда-то
Два акробата
И рыжий клоун
На авто...

Всех угостили
Сладкой ватой!
И пригласили
В ШАПИТО...
Лошадка
Сбросила галоши,
Поправил клоун
Свой парик...
Всем стало ясно –
К нам на площадь
Приехал
Настоящий
ЦИРК!

ПЕРЕД СНОМ

Когда в твоём окошке
Уснёт последний лучик,
Ты в сказочном лукошке
Найди волшебный ключик!
И дверца потайная,
Скрипя,
Вдруг откроется,
И в гости
Чудо-Сказка
К тебе вновь
Постучится!
Коль, заглянет на порог,
Чаю предложи глоток –
Эх, с малиновым вареньем
Слушать Сказки –
Наслажденье!
Да вприкуску
С крендельком.
С ароматным
Лепестком
Липы, розы и душицы...
Закрывай
Скорей ресницы...
Поскорее на бочок,
В одеяло – и молчок.
Тихонько лежи и слушай –
Над тобою
Звёзды кружат
Свой небесный
Хоровод,
Укрывая
От невзгод,
От волнений
И напастей...
В мир неся
Добро и Счастье!
Одним словом,
Детвора,
Доброй ночи!
Спать пора!

Берега Республики Беларусь

Алесь Карлюкевич

Алесь Карлюкевич (Александр Николаевич) – главный редактор ежедневной правительственной и парламентской газеты «Звезда». Одновременно с 2022 года – председатель Союза писателей Беларуси. Родился в 1964 году в деревне Затитова Слобода Минской области (Республика Беларусь). Окончил отделение журналистики Львовского высшего военно-политического училища СА и ВМФ СССР (1985). Затем служил в Вооружённых силах СССР и Республики Беларусь. С 1995 года – в редакциях различных республиканских газет.

Первая книга – «Возвращение к... Беларуси» – вышла в 1998 году. Автор книг публицистики, литературной критики, повестей, рассказов и сказок, адресованных детскому читателю. Отдельные книги посвящены международным связям белорусской литературы, белорусско-российским, белорусско-китайским литературным отношениям.

КНИЖНАЯ ТРАДИЦИЯ

Александр Твардовский: Таким его помнят современники

Почти (или, может быть, если что-то издаётся, то совсем незаметно, малыми тиражами, в издательствах, которым, возможно, и самим не очень интересно, что они всё-таки издают для заказчика, плательщика того или иного книжно проекта) не выходят в свет сборники воспоминаний о писателях. Не будем углубляться в анализ, почему так произошло. Многие вещи, очевидные и нашему-то, журнальному, читателю, самому писательскому сообществу понятны. Напомним разве что, что такая традиция была, существовала многие десятилетия. Как свидетельство – издания середины минувшего века, издания 1970-х и даже ещё изредка 1990-х... Будучи человеком другого поколения, формируя, нащупывая свои книгособирательские пристрастия по-серьёзному уже к середине 1990-х годов, я только в букинистических отделах и букинистических магазинах нахожу такие книги – сборники воспоминаний. И выстроилось их на одной из полок моей библиотеки всего-то чуть больше десятка. Воспоминания коллег, друзей, близких людей, родственников о Корнее Чуковском, Константине Паустовском, Самуиле Маршаке... И как самая дорогая, как настоящая библиофильская реликвия – книга «Воспоминания об А. Твардовском».

Конечно же, в книжном магазине рука за ней потянулась ещё и потому, что собирал и собираю всё, что на глаза попадается об авторе «Василия Тёркина», все издания его немеркнувшей и сегодня великой поэмы о Солдате. Твардовский в Великую Отечественную войну служил в газете 3-го Белорусского фронта «Красноармейская правда», в которой печатались и отдельные главы поэмы. Правопреемник этого издания – нынешняя «Белорусская военная газета» – печатный орган Министерства обороны Республики Беларусь. Кстати, как идея – почему бы к 80-летию Великой Победы и соответственно к 115-летию Александра Твардовского, военного корреспондента, солдата слова, освобождавшего Беларусь от фашистов, не издать в Минске его поэму «Василий Тёркин». Можно издать даже на двух языках – в оригинале и в переводе на белорусский язык. Или вообще лучше осуществить этот проект к 80-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, которое наша страна будет отмечать уже в 2024 году...

Книга «Воспоминания об А. Твардовском» была выпущена в «Советском писателе» в 1978 году. Умер Александр Трифонович 18 декабря 1971 года. Многолетний главный редактор «Нового мира», руководивший редакцией журнала в 1950–1954 и потом в 1958–1970 годах, был отстранён от главного дела своей жизни, как пишут историки, за попытку печатания поэмы «Тёркин на том свете»,

публикацию в «Новом мире» публицистических статей Владимира Померанцева, Фёдора Абрамова, Михаила Лифшица, Марка Щеглова... Конечно же, был отстранён в результате «видовой» политической борьбы в целом, борьбы, в которой в советское время, особенно в 1950–1980-е годы, художественная литература значила достаточно много, наверное, не меньше, чем нынешние ТГ-каналы и прочие проекты социальных сетей, цифровизации. Издательские данные на последней странице подарили нам, читателям книги, которая вышла в 1978 году тиражом 50 000 экземпляров (много? Да, для нынешнего времени – много. Но остались в истории книгоиздания и другие примеры: «Воспоминания о М. Исаковском» вышли в 1986-м тиражом 100 000 экземпляров, «Воспоминания о Сергее Есенине» – второе издание, 1975 год – тиражом 100 000 экземпляров), была запланирована к выпуску на два года раньше. Цитата: «План выпуска 1976 г. № 10». Уточнение достаточно интересное...

47 авторов представлены в книге отдельными статьями, очерками, заметками. И ещё – подборка «Из писем и откликов», в которую по желанию, вероятно, составителя (а это М. И. Твардовская, супруга поэта) вошли те тексты, которые отдельно было нецелесообразно выставлять. Наверное, при их публикации были и какие-то сокращения... Кстати, в этой подборке помещено и короткое воспоминание Якова Герцовича, написание которого датировано 1972 годом. Герцович – фигура в белорусском литературоведении известная... Читаем во втором томе биобиблиографического энциклопедического словаря: «...Формирование его литературного вкуса выпало на 30-е гг., что повлияло в дальнейшем на его критическую деятельность. В своих оценках Я. Герцович часто исходил из упрощённых вульгаризаторских схем, рассматривал художественное произведение как иллюстрацию к той или иной социальной проблеме...» Вот только названия его статей и рецензий, касающихся творчества Владимира Короткевича и Василя Быкова: «Поиски, находки, потери» (1962; о романе «Нельга забыть»), «Двух правд не бывает...» (о повести Василя Быкова «Мёртвым не болит» и книге народного писателя «Адна ноч»)... Можно приводить и другие примеры... Во время Великой Отечественной войны Я. Герцович был корреспондентом газет Западного фронта, а затем 3-го Белорусского... Был награждён орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени. В сборнике воспоминаний о Твардовском помещён фрагмент очерка или статьи Якова Герцовича о встречах с автором «Василия Тёркина». В белорусской библиографии я этой публикации не нашёл. Возможно, литературовед и не публиковал отдельно воспоминаний о Твардовском в Беларуси, а написал специально для московского сборника, каким-то образом узнав о его формировании. Да и практика тогда была такая – создавались в СП СССР мемориальные комиссии, одной из главных задач которых вставал вопрос о сборе, издании книги воспоминаний. Читаем у Герцовича: «Александр Трифонович Твардовский пришёл в редакцию фронтовой газеты “Красноармейская правда” несколько позднее других московских писателей. Меня с ним познакомил тогда ещё молодой прозаик Евгений Воробьёв. Он представил меня как бродягу-пешехода, которого не берут никакие пули и осколки. Александр Трифонович пошутил:

– В каком смысле не берут – отскакивают или не долетают?

Уточнять мы не стали. Заговорили о редакционных делах, о положении на фронте.

Чувствовалось, что поэт за короткое время хорошо познакомился с комплектом газеты и знал, чего можно ожидать от каждого из корреспондентов. Ему не нравилось, что мы слишком увлекаемся внешними описаниями героизма, чисто батальной стороной дела: первым поднялся в атаку, умело действовал штыком и гранатой, выручал товарищей. А настрой человека, его душевные порывы, сложнейшие переживания, предшествовавшие минутам боевого вдохновения? Ведь не роботы же нажимают на спусковой крючок, лезут в самое пекло боя, а живые люди, стриженные ребята, и каждый из них – это целый мир, познание которого является нашей главной обязанностью. Из моих очерков и корреспонденций он выделил лирическую миниатюру “Солдат остаётся солдатом”, напечатанную до прихода Твардовского в нашу редакцию.

На одном из редакционных совещаний Александр Трифонович с присущим ему тактом, но достаточно веско и убедительно критиковал редакцию за то, что она редко адресуется к сердцу солдата...»

И ещё – из воспоминаний Я. Герцовича: «У нас, корреспондентов, спрашивали, где, в каком полку, на каком участке необъятного фронта, сошлись пути волшебника слова Александра Твардовского и бывшего, подлинно русского бойца Василя Тёркина? Не так легко было объяснить людям, что Тёркин – собирательный образ, имеющий своих прототипов везде, где ни на минуту не стихает

смертный бой “ради жизни на земле”. Александра Трифоновича эти наивные вопросы фронтовиков не удивляли – он достаточно глубоко знал солдатскую душу. Но однажды разволновался и он: вольнонаёмный сотрудник газеты, московский журналист Володя Аринич видел в одном медсанбате тяжело раненного бойца... Василия Тёркина, тёзку вымышленного героя, человека такой же неповторимой судьбы. Ехать в медсанбат не имело смысла, раненых там не задерживали и при первой возможности отправляли в госпитали. Но душа поэта, по его признанию, рвалась к этому всамделишному Василию Тёркину...»

В «общей» подборке – и текст народного писателя Василя Быкова, в чьей творческой судьбе «Новый мир» и лично Александр Трифонович Твардовский сыграл особую роль, помог его художественному становлению, помог утвердиться как великому писателю, невзирая на множество самых разных помех... Адрес и дата написания: «Минск, 1972». Воспоминания эти достаточно известные, публиковались и на белорусском и на русском языках, о своих отношениях с великим русским поэтом белорусский прозаик, который, как и Александр Трифонович, был также удостоен за своё творчество Ленинской премии – пожалуй, самой высокой в советское время награды за литературный труд, Василий Владимирович рассказал и в книге воспоминаний... Но всё-таки процитируем то, что вошло в книгу «Воспоминания об А. Твардовском» издания 1978 года: «...случается, что даже самые многоопытные и мужественные из людей готовы спасовать... растеряться, надолго впасть в уныние. А что уж говорить об авторе двух-трёх жиденьких книжонок, только что обретшем своё литературное имя...»

И вот в такие минуты горестных уныний, как раз в канун Майских праздников, пришёл из Москвы небольшой конверт с редакционным грифом и поздравительной открыткой внутри – обычное редакционное послание автору перед годовым праздником, несколько напечатанных на машинке строчек с выражением привета, ниже которых характерным угловатым почерком было дописано:

“Все минется, а правда останется.

А. Твардовский”.

Не знаю, может, во всё этом и впрямь не содержалось ничего необычного, возможно, всё это – обычный жест вежливости, но для меня в тот момент эта строчка огненными буквами засияла на небосклоне, сверкнула призывным лучом маяка, возвещавшим заблудшему путнику о его спасении. Действительно, как это просто!

Пока жив хоть один человек на свете, не исчезнет в мире жгучая необходимость в правде, неизменно освещающей человеку запутанный лабиринт его бытия, указующей ему путь к свободе и лучшему будущему. С правдой возможно всё, без неё невозможно ничего. Без правды нет движения, без неё застои, гибель, плен...

Всё минется, правда останется! Какая великая мудрость заключена в этих четырёх словах древнего народного утверждения...»

Отдельные страницы так полюбившейся мне книги «Воспоминаний...» – это материалы, авторами которых являются белорусские писатели Максим Лужанин («Побратимы»), Петрусь Бровка («Он и наш, белорусский»), Аркадий Кулешов («Варшавский шлях»; это – поэма, переведённая на русский язык Яковом Хелемским; поэма, которую народный поэт Беларуси посвятил своему настоящему другу – великому русскому поэту Александру Твардовскому).

Покуда в теле теплится душа,
Не верю в благодать божьего чертога,
В иную жизнь, что райски хороша.
Варшавский шлях, Варшавская дорога,
Тебя зову на помощь, а не бога,
Строкой, что просится с карандаша.

Ты к западу спешишь в согласье полном
С дорогами другими. Ты преград
Не знаешь, даже океана волны
Твой сухопутный бег не прекратят:
Отыщешь трап, оставишь след широкий,
Винтами грунт солёный разгребёшь.

Когда же ты планету обогнёшь
И сызнава возникнешь на востоке,
Как вестник дружбы, как её связной,
Раскинь привал в лесу под скромным Довском
И разложи костёр.
Мы в час ночной
Поговорим о жизни, о Твардовском.

Был земляком твоим он и моим.
Начнём под сосен неумолчный гомон,
Под шум огня, что переходит в дым,
Наш разговор – он так необходим.
Начнём...
Да будет он запеленгован
И лесом, и подлеском молодым.

Известный публицист, литературный краевед Сергей Головкин, который, к сожалению, так рано ушёл из жизни, писал в журнале «Беларуская думка»: «...именно А. Твардовский первым оценил настоящую значимость поэмы “Знамя бригады”, дал ей объективную оценку и тем самым определил дальнейший литературный путь А. Кулешова. “Первоначальное знакомство с этой вещью – одно из самых ярких и дорогих для меня литературных впечатлений военного времени”, – писал А. Твардовский в статье «Поэма “Знамя бригады”». Снова же с лёгкой руки Александра Трифоновича произошёл и перевод этого произведения на русский язык – он предложил это сделать своему другу М. Исаковскому, который талантливо её перевоплотил.

Аркадий Кулешов переживал за друга, после того как А. Твардовский вынужден был оставить журнал “Новый мир”, как мог поддерживал больного на рак поэта и особенно тяжело воспринял его смерть. На волне всех переживаний и эмоций написал поэму “Варшавский шлях”, которую и посвятил своему лучшему другу...» Аркадий Кулешов умер 4 февраля 1978 года. Книгу «Воспоминания об А. Твардовском» с перепечатанным в сборнике переводом поэмы он, вероятно, увидел: сборник был подписан к печати 6 мая 1978 года. Возможно, и отпечатан был достаточно быстро.

Воспоминания Петруся Бровки и Максима Лужанина – хорошие, добротой выписанные страницы белорусско-российской литературной дружбы. Страницы, которые рассказывают о той атмосфере, что вдохновляла на новые творческие открытия, порождала немало мыслей, что перевоплощались в дела, соединявшие настоящее, укреплявшие грунт, почву для дружбы и литератур, и народов. А говоря более простым языком – не позволяло даже думать о каком-то разделении. При этом не терялось и своё, родное, национальное...

Из очерка Петруся Бровки, который многие годы был одним из главных организаторов литературного процесса в Беларуси, а значит – и свидетелем многих встреч, многих судьбоносных встреч... «Впервые я встретился с Александром Твардовским в Минске в начале 30-х годов. Мне было тогда лет двадцать пять – двадцать шесть, ну, а Саше Твардовскому, как мы его звали, лет двадцать с небольшим. Появился он в Минске как молодой поэт вместе с группой смоленских литераторов, в которую входили Михаил Исаковский, Ефим Марьенков, Николай Рыленков, Николай Грибачев и другие. Наиболее известным из смолян был в то время Михаил Васильевич Исаковский, о нём даже писал Максим Горький. Да и прозаик Марьенков, постарше годами, как-то выделялся. Александр Твардовский держался скромно, на нём будто лежала ещё печать какой-то сельской замкнутости. Он не стремился выступать в обсуждениях, но по его пронизательным голубым глазам было видно, что он пытается как можно лучше понять окружающее. Ведь, как потом рассказывал нам Твардовский, его глубоко интересовала Советская Белоруссия как соседка Смоленщины, с которой он был связан кровными узами, и как республика, – с её развивающейся культурой. Да и творчество некоторых наших поэтов уже в то время привлекало его.

Помню, что мы вместе со смоленскими гостями выступали на предприятиях и в клубах, обменивались обещаниями дружить и переводить друг друга. Да вот не скажу, что много обещаний давал молодой Твардовский, он и тогда на лёгкие обещания не был падок. В нём было заметно большое уважение к старшему – Михаилу Исаковскому, скромности которого, мне казалось, он старался тог-

да даже подражать. С большой почтительностью он относился и к нашим классикам – Янке Купале и Якубу Коласу. И творчество их было ему известно...»

Привязанность к Беларуси у Твардовского осталась на всю жизнь. Об этом свидетельствуют и воспоминания Максима Лужанина. И встречи были, разумеется, разные. Особенно в непростые послевоенные годы. Максим Амвросьевич подробно, в ярких деталях пересказывает и то, что могло стать основой прохлады большого таланта... Это сегодня смешной выглядит история, когда один из белорусских партийных редакторов, поначалу согласившийся опубликовать отрывки, разделы из поэмы Александра Твардовского, попросил у поэта удостоверение... «Шагая по кабинету, он добрые полчаса читал почти всё написанное. Редактор сидел в позе каменного идола, наконец милостиво улыбнулся.

– Напечатаем.

– Тогда, чтобы не терять времени, я не буду диктовать. Кулешов передаст вам рукопись.

Не оценив этого особого доброжелательства – права первой публикации, да ещё и автограф, – редактор насторожился: не промахнулся ли он в чём-то? Поднялся с кресла и процедил:

– А всё же, товарищ Твардовский, позвольте ваши документы.

Александр Трифонович изменился в лице и обвёл нас взглядом.

– Ваше право!

Не выпуская из рук, он показал редактору военное удостоверение, положил на стол аванс и быстро вышел. Тут уже не выдержали мы, наговорили редактору не скупясь... Он не обиделся, только лениво отмахнулся рукою:

– Откуда я знаю?.. Надо всех проверять.

Не своими ногами выходили мы на улицу, думая, что Твардовского уже и след простыл. Ничего подобного! Он стоял у “газика” и весело рассказывал о приключившемся своему шофёру:

– Везёт мне у вас! Встречи – на всю жизнь. А расскажи кто-нибудь, божись и клянись – не поверил бы.

В голосе Твардовского не слышно огорчения, даже самой малости: подхватил колоритный случай и тешится им как художник.

Нам становится немного легче. Просим дать отрывок – переведём и напечатаем в другом издании. Тут всеми овладевает смех. Безудержный, когда хохочет всё существо, словно вытряхивая из себя неловкость или тревогу...»

Твардовского много переводили и печатали на белорусском языке в Минске. И Аркадий Кулешов (кстати, первая белорусская книга Александра Трифоновича «Избранные произведения» вышла в Минске ещё в 1953 году), и Петрусь Бровка (он первым перевёл А. Твардовского на белорусский язык – 12 февраля 1934 года газета опубликовала стихотворение «Гость»), и Юрась Свирка, и многие другие белорусские мастера стихосложения...

О работе в «прародительнице» «Белорусской военной газеты» рассказывают в книге воспоминаний страницы сослуживцев Александра Твардовского. Н. Баканов («По Минскому, на Запад») вспоминает и детали, связанные с появлением фронтового очерка поэта «В освобождённом Минске», историю стихотворения «Минское шоссе». Евгений Воробьёв («В тяжкий час земли родной») пишет о затишье под Витебском. Мы встречаемся с поэтом на берегах Лучесы в районе Осиновской ГЭС, окружённой безбрежными торфяниками. С интересом читаются страницы, написанные фронтовым художником Орестом Верейским, который с «Красноармейской правды» навсегда сдружился с Твардовским, не единожды оформлял книжные издания «Василия Тёркина».

...«Воспоминания об А. Твардовском» – из книг, которые проливают свет не только на великую личность, великого поэта, но и напоминают, что общий литературный процесс – это и обращение к его истории, осмысление того, как родились те или иные стихотворения и поэмы, рассказы, повести и рассказы... Такие книги восстанавливают атмосферу служения слову, учат, как прожить свою жизнь в литературе, как вообще прожить свою жизнь...

Александр Сидоров

Александр Сидоров – президент Международной академии русской словесности в Австралии, председатель Австралийского отделения Союза писателей России, доктор филологических наук. Публиковался в «Литературной газете», в журналах: «Юность», «Австралиада» (Австралия), «Жемчужина» (Австралия). Член ЛИТО города Фрязино (Московская область), «Жемчужное Слово» (Австралия). Автор пяти книг на русском языке: «Библейские мотивы», «Колокол моей жизни» (сборник стихов), «Литературные портреты», «В. Г. Белинский», «Встречался ли Достоевский с Гоголем?..»; автор более 140 статей по истории русской литературы XIX века. Почётный писатель Москвы. Награды: орден Красной Звезды, медаль «За отвагу», медаль имени И. А. Бунина (за литературные заслуги), орден «В. В. Маяковский» (за литературные заслуги), орден «Святой Анны» (за литературные заслуги). Финалист Московской литературной премии – 2019 в номинации «Публицистика». Номинант литературной премии мира в номинации «Поэзия» (2018). Участник Московской международной книжной выставки-ярмарки – 2020. Лауреат Международной литературной премии мира в номинации «Поэзия» (2020; 2021).

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ПУШКИНА

Некоронованная принцесса

На долю младшей дочери Пушкина – Наташи – выпало много бед. Великосветская Россия, в которой «задышался» великий поэт, не один раз унизила его дочь и её детей. Наталья навсегда покинула родину. Потомки Пушкина по её линии породнились с представителями высших аристократических кругов Европы.

Первая пощёчина

Наталья Пушкина была одной из самых красивых и образованных девушек своего времени. «Высокого роста, чрезвычайно стройная, с великолепными плечами и замечательно белизною лица, она сияла каким-то ослепительным блеском. Несмотря на малоправильные черты лица, напоминавшего африканский тип её знаменитого отца, она могла называться совершенной красавицей, и если прибавить к этой красоте ум и любезность, то можно легко представить, как Наталья Александровна была окружена на великосветских балах и как около неё увивалась вся щегольская молодёжь в Петербурге! Ей было всего 16 лет, когда сын знатного вельможи графа А. Ф. Орлова – Николай – влюбился до беспамятства и решил просить её руки. «Я не позволю тебе взять в жёны дочь какого-то сочинителя, убитого на дуэли! – кричал граф Орлов своему сыну. – Не бывать тому, чтобы наш род породнился с какими-то Пушкиными!» Свадьба не состоялась. Светское общество, откровенно травившее поэта, дало пощёчину его дочери.

Несчастный брак

Спустя год Наталья вышла замуж за офицера Михаила Дубельта, сына начальника известного Третьего отделения канцелярии. Мать Наталья Гончарова была категорически против этого брака: Дубельт славился необузданным нравом и страстью к азартным играм. Она пыталась отговорить

дочь от замужества, предвидя его горестные последствия. Но Наталья осталась непреклонна. Гордая, своенравная девушка бросила вызов обществу, плохо понимая последствия такого шага. Опасения матери подтвердились весьма скоро. Дубельт проиграл огромное состояние, в том числе и приданое жены. Всё чаще госпожа Дубельт выходила из дому в тёмной густой вуали и закрытом платье с длинными рукавами. Так она пыталась скрыть синяки и следы шпор на своём лице и теле. Пьяный муж в припадках дикой ревности топтал её ногами, бил лицом о стену и кричал: «Вот для меня цена твоей красоты!» Даже трое детей, рождённых в этом браке, не остудили его бешеный темперамент. Разговоры о семейных бесчинствах Дубельта дошли до ушей императора Александра Второго, и Михаила внезапно сняли с должности начальника Сводного кавалерийского штаба и отправили в бессрочный отпуск.

В этом же году, через девять лет после совместной жизни, супруги разъехались, а через несколько лет развелись официально.

Письма Пушкина

После разрыва с мужем Наталья Александровна уехала за границу. Её жизнь была сплошным скитанием: ни дома, ни положения, ни денег, ни будущего. Дочь Анну у неё отсудил муж, а сына Леонтия и дочь Наталью она вынуждена была оставить в семье матери. Горькая участь дочери стала для Натальи Николаевны страшным ударом, она вскоре скончалась, и внуки Пушкина остались на попечении её второго мужа – П. П. Ланского. Перед смертью Наталья Николаевна передала дочери свою переписку с Александром Сергеевичем, надеясь, что в трудную минуту письма великого отца помогут дочери поправить материальное положение. Но Наталья Александровна не продала семейную реликвию даже в минуты самой острой нужды. Письма она опубликовала годы спустя, в память об отце. Но эта публикация оказалась преждевременной, её восприняли как демонстрацию «домашнего хлама» и «пошлости».

Долгожданное счастье

Незадолго до официального развода с первым мужем Наталья Александровна Дубельт тайно повенчалась с немецким принцем Николаем Вильгельмом Нассауским. Брак был незаконным, но очень счастливым. Николай Вильгельм обожал свою жену. Ради того чтобы остаться с любимой женщиной, он отказался от прав престолонаследования. Принц получил достойное содержание от своего брата, в будущем – великого герцога Люксембурга, а Наталья – титул графини фон Меренберг. Во владениях мужа она наконец-то обрела подлинное счастье. В этом браке родилось трое детей: София, Александра и Георг-Николай. Георг женился на незаконнорождённой дочери императора Александра Второго – Ольге Юрьевской. Александра вышла замуж за аргентинца Максимо де Эли и уехала за океан. А вот София «имела несчастье» понравиться внуку Николая Первого, великому князю Михаилу Романову. Их брак не был признан в России. Император Александр Третий так возмутился своеволием кузена, что запретил ему приезжать на родину, вычеркнул из списков семьи, лишил содержания и уволил со службы. Супруги навсегда остались за границей. София, внучка великого русского поэта, так никогда и не побывала в России. Её дочери вышли замуж за признанных английских аристократов и породнились с членами правящей английской королевской семьи. Так что в роду Виндзоров ныне течёт капля Пушкинской крови.

Завещание Натальи Александровны

Принц Николай Вильгельм скончался в 1905 году, а его убитую горем вдову ждал ещё один удар. Наталья Александровна узнала, что по законам княжества Нассау и кодексу великокняжеской фамилии морганатическая супруга не может быть похоронена рядом со своим знатным мужем. Её происхождение оказалось важнее любви, счастливых лет супружеской жизни, прекрасных детей. Графиня Меренберг не смогла смириться с таким законом и написала гордое и дерзкое завещание.

Она умерла в 1913 году в возрасте 77 лет, и родные в точности исполнили её последнюю волю: они развеяли прах графини Меренберг над могилой её любимого мужа.

Зоя Капуста

Зоя Капуста – прозаик, публицист, краевед, литературовед, автор книги «Венерины слёзы», романа «Кромань», ведущая программы «Страна талантов» на радио «Океан плюс», общественный деятель. Её стихи и эссе переведены на многие европейские языки.

АЛЕКСАНДР ПУШКИН И АДАМ МИЦКЕВИЧ

Личности и творчество великих поэтов А. С. Пушкина и А. Мицкевича хорошо известны и выучены читателем, литературоведами и критиками. Но как-то упускается период, пусть короткий, встречи двух гениальных поэтов – разных по менталитету, образованию, происхождению и вероисповеданию, но объединённых великой идеей человеколюбия; мыслителей, которые презирали деспотизм и были покорены идеей демократического устройства общества. Их пути пересеклись, и переплелись ощущения и чувства в восприятии добра и зла, в великом поклонении мудрости своих народов. Может быть, поэтому так приняли они друг друга в свои сердца и так понимали творчество друг друга.

Великий русский писатель А. С. Пушкин известен далеко за пределами своей страны и является, бесспорно, одним из признанных классиков мировой поэзии. И в силу своего таланта, и в связи с широким распространением русского языка современники не просто выросли на его произведениях как читатели, но и, наверное, более тесно знакомы с русским фольклором, историческими легендами и событиями, а писатели берут за эталон простоту и в то же время яркую образность его языка. Даже с точки зрения психологии Пушкин – безупречный поэт и в смысле восприятия слова в его произведениях, и простоты построения предложения, фразы, понятности текста для читателя любого возраста. При этом осмысление сложности передаваемого внутреннего содержания текста приходит и детям и взрослым в любом случае, только по-разному отзываясь в силу опыта.

Я не думаю, что впервые именно мной подчёркивается эта особенность его манеры письма. И была ли манера? Мне кажется, что многое, в том числе и велеречивость – это психологическая особенность, а возможно, и генетическое влияние на понятие избранности слова и речи. Тем не менее эта избранность прослеживается и в поведении, и в отношениях, и в эмоциональности универсального человека и великого поэта. В данном контексте, мне думается, что эта психологическая особенность сыграла немаловажную роль в понимании чувств и мыслей, принятии личности друг друга как отличительных, в чём-то обособленных от общества, несмотря на общительность, глубоко чувствующих гениальных людей – великих поэтов Александра Пушкина и Адама Мицкевича.

И если о Пушкине русскоязычному читателю известно досконально практически всё, то Адам Мицкевич часто очень политизированно игнорируется. А ведь недаром, будучи ровесниками и живя в одно время – гениальный поэт А. Мицкевич, выходец из глубин литовских (белорусских) земель, воспитанный на ярких народных традициях своего народа и преданиях своей родины, и гений А. С. Пушкин – русский поэт, впитавший любовь к народному творчеству сказочной русской земли, занимая абсолютно одинаковые позиции по отношению к реформированию гражданского общества, сохраняя преданность поэтическому слову, эти два человека не просто нашли взаимопонимание, но нельзя отрицать и влияние их на творчество друг друга.

19-й век. Бурный рост вольнодумства в России. Ушла Екатерининская эпоха, и традиционность уверенности в непоколебимости русского царизма разбавляется вольницей и демократией, привнесённой польскими и литовскими выходцами разделённой Речи Посполитой, хлынувшими в Россию.

Кто по воле, кто по неволе. Присоединённые земли в самых тяжёлых формах крепостничества приводятся к повиновению и покорности. Никому не надо объяснять, что федеративная страна с многовековой историей, в том числе особенно её интеллигенция, творческая элита не сразу принимает новое политическое устройство.

Адам Мицкевич – поэт, философ, мыслитель, не магнат, европейски образован, знает несколько языков, в том числе немецкий, французский, латынь, польский, являлся одним из тех, кто создал в Виленском университете «Общество филоматов» (стремящихся к знанию), так называемых друзей науки. Он учится в Новогрудской доминиканской школе, а затем в университете в Вильне, где с давних времён училась в основном белорусская шляхетская молодёжь. Там талантливые друзья патриотически настроили молодого поэта на цель – просвещение общества и борьбу с царизмом за освобождение родного края.

Будучи по своей сути белорусским поэтом, но не имея достаточных условий для письма на белорусском языке, так как изначально польский язык был государственным на землях Беларуси, и потом уже в связи с приходом Российской империи, Мицкевич поэтому известен как польский поэт, как и те, кто писал в силу обстоятельств на польском языке, имея происхождение из белорусских земель.

В истории польской литературы он является родоначальником нового литературного направления – романтизма. Но он и его талантливые белорусские студенты не желали мириться с забвением родного языка. Мицкевич создаёт вместе с друзьями-романтиками «Общество филоматов», чтобы подготовить и белорусского писателя, и белорусского издателя к созданию и непосредственно восприятию белорусской литературы: Ян Чечот, Томаш Зан и другие, в том числе Мицкевич, имели написанное на белорусском языке, но их произведения не сохранились. Однако всё дальнейшее творчество Мицкевича было построено всегда на неиссякаемых крыницах белорусского народного творчества, а белорусский язык он называет самым гармоничным в мире и отделяется от польского патриотизма своим родным отношением к земле предков: «Литва! Айчына мая!» И это отношение показывает, какой земле всегда принадлежало его сердце. Общество признаётся властями противозаконным, и Мицкевича с соратниками ссылают в «глубь» России по приговору суда. Сосланных литовских литераторов встречает с распростёртыми объятиями передовая интеллигенция Санкт-Петербурга как героев.

Это в XX–XXI веках моральные ценности человечества перешли и сконцентрировались, отстаиваясь в СССР и теперь на белорусско-российском пространстве. Современники Пушкина в России воспринимали в то время литовских писателей как носителей европейской культуры, которой они восхищались и которой многие подражали. В том числе английского поэта Байрона видели учителем нового течения, которое уводило в так называемый «идеальный свет».

Будущие декабристы Кондрат Рылеев и Александр Бестужев сразу стали друзьями Мицкевича. Рылеев был знаком с первым сборником поэзии А. Мицкевича, изданным в Вильно в 1822 году. Он сделал перевод на русский язык его одной из лучших баллад – «Лилеи».

Мицкевича отправляют в Одессу, где он должен был работать преподавателем в лицее. А. Бестужев пишет рекомендательное письмо к члену декабристского Южного общества Василию Туманскому, где рекомендует Мицкевича ещё и как «поэта – любимца своего народа...». За 10 месяцев пребывания в Одессе и Крыму А. Мицкевич пишет блестящий цикл сонетов. И один из мотивов их – тоска по родной «Литве» и незабываемой любви.

Следует, наверное, отметить, что А. Мицкевич родился в небогатой семье адвоката при суде города Новогрудка Николая Мицкевича и местной шляхтянки Барбары Маевской 24 декабря 1798 года в фольварке Завосье (сейчас Барановичский район, Брестская область). Здесь семья проводила летние месяцы, и перед глазами восприимчивого мальчика открывалась там вся красота родной белорусской природы с её вольными гористыми полями, с таинственными борами, цветущими лугами, со сказочными белыми облаками и серебристыми точками белых аистов в высоком синем небе.

Сосуществование в Литве, как нигде больше, языческих верований и мягкого восхождения её в Христову веру, различных течений протестантизма (арианства, кальвинизма) сохранило невероятное верование людей в волшебство окружения и защиту Бога и породило ту чудесную смесь преданий и легенд, на которых сохранились традиции и вырос А. Мицкевич на своей родине.

Он называл своё детство «сельским, ангельским». Народные праздники, чистый белорусский язык (часто белорусско-польская трасянка шляхты), музыка и песни местного населения – пели и домочадцы, и слуги.

Заслушивались дети и белорусскими народными сказками, легендами, что охотно рассказывал им слуга Блажэй. Пани Барбара читала им книги, а для Адама она была и первой учительницей. Учёба в лучших на то время заведениях – Новогрудской доминиканской школе, а затем в университете в Вильне позволили Мицкевичу развить природные способности. Он много читает и изучает науки сначала на математическом, затем на философском факультетах. Под непосредственным влиянием баллад Яна Чечота в 1819 году Мицкевич пишет свои первые романтические баллады на основе устной поэзии белорусов, подчёркивая, «какие сокровища лежат под рукой».

Как же похожи пути и этого гениального выходца из глубин литовских (белорусских) земель, воспитанного на ярких народных волшебных традициях своей родины и гениального русского поэта А. С. Пушкина, впитавшего с молоком своей кормилицы любовь к народному творчеству сказочной российской земли. Как пересеклись их жизненные пути, переплелись ощущения и чувства в восприятии добра и зла, правды и кривды своего времени.

Может быть, именно поэтому так приняли они друг друга однажды и навсегда в сердца свои и так понимали творчество друг друга.

В 1825 году Мицкевича и его друзей возвращают в Москву, где, понимая высокообразованность литвинов, его берёт на службу в канцелярию московский генерал-губернатор Д. Голицын.

Пять лет прожил А. Мицкевич в России. Здесь он познакомился и подружился с лучшими представителями русской интеллигенции, с писателями. Среди его друзей и знакомых были А. Пушкин, П. Вяземский, Е. Баратынский, А. Дельвиг, М. Погодин, М. Глинка и другие.

Общению их способствовали и вечера в литературных салонах Зинаиды Волконской, знаменитой польской пианистки Марии Шимановской, где собирались знаменитости обеих столиц. Например, о круге знакомых Марии Шимановской, которая уехала в Россию в 1827 году, представление может дать её альбом, где есть автографы Баха, Россини, Беранже, Бетховена, Крылова, Карамзина, Дениса Давыдова, Пушкина, а Гёте посвящает ей своё произведение «Примирение». В эти избранные элитные круги России А. Мицкевич был принят и не просто признан, а завоевал огромную симпатию.

О тесной дружбе, которая связывала А. Мицкевича с гением русской литературы А. Пушкиным, пишет К. Цвирко в своей статье «Вялікі пясняр Беларусі» (о жизни и творчестве Мицкевича). «Первая встреча двух больших поэтов, – пишет он, – состоялась в Москве, куда Пушкин приехал в сентябре 1826 года из Михайловского. Своё впечатление о русском поэте А. Мицкевич высказал в письме к А. Одынцу: «Мы часто встречаемся. Пушкин – почти мой ровесник... в беседе он очень внимательный и живой, прочитал он много и с пользой, знакомый с современной литературой, у него чистое и отличное понимание поэзии...»

В свою очередь Александр Пушкин сразу увидел в личности А. Мицкевича гениального поэта, необычного человека. «Певцом Литвы» называл его А. Пушкин и хорошо знал произведения поэта, переводил некоторые из них на русский язык. Вспоминая путешествие Мицкевича по Крыму, гениальный русский поэт А. Пушкин в комментариях к Евгению Онегину отметил главный мотив поэзии Мицкевича:

Там пел Мицкевич вдохновенный
И, посреди прибрежных скал,
Свою Литву воспоминал.

Особенно впечатлили Пушкина, как и всех русских друзей, импровизации Мицкевича, с которыми поэт выступал в московских и петербургских салонах на французском языке.

«Во время одной из таких импровизаций в Москве, – рассказывал позже А. Одынец, – Пушкин, в честь которого был дан данный вечер, вдруг вскочил с места и, взлохматив волосы, бегая по залу, воскликнул: “Какой гений! Какой священный огонь! Что я рядом с ним!” И тут же бросился к Адаму на шею, обнял его и начал целовать, как брата...»

Волею судьбы эти два замечательных, уже знаменитых в своих краях поэта, встречаются в России, и эта встреча дополнила понимание их более глубокого творчества друг друга, менталитета

и чаяний двух народов, общности их и желания перемен в обустройстве государства. И кто знает, какие веяния свободомыслия и демократии добавили Мицкевич и «филоматы» в умы назревающего восстания декабристов.

Чужая для русских и святая для великого поэта Мицкевича, Литва стала ближе и понятнее, благодаря такому общению, для русского окружения Мицкевича. Ведь он подчёркивал в своих произведениях, рассказах в салонах Москвы и Санкт-Петербурга, что именно Литва пробудила легендами и материнской лаской Родины его гений поэта.

З. Волконская пишет: «(Он) разливает вокруг себя свои мысли и душу. Говорит, обращаясь ко всем, видит пред собой только братьев. Фразы его короткие, страстные, энергичные, кажется, Отчизна вслушивается в эти звуки издали, ловит эти пророческие слова, гордится его талантом, потому что она всегда и везде – тот горн, что его озаряет и согревает: это огонь матери-Родины такой, как греческие колонисты несли в чужие края».

Всех русских друзей-литераторов впечатляла высокая образованность и эрудиция «песняра Литвы». Отмечали и Пушкин, и другие русские писатели необыкновенную доброжелательность Мицкевича. Так узнаваемая нами белорусская черта...

«Казалось бы, он прочитал всё лучшее во всех литературах... он цитировал стихи и целые страницы произведений поэтов, писателей, – писал К. Полевой, – ...он читал по-гречески “Илиаду”».

Анна Керн вспоминала: «...До Дельвига на ужин приходил и Мицкевич... Не помню, часто ли встречался он с Пушкиным, но знаю, что Пушкин и Дельвиг уважали его и любили. Ничего удивительного. Был такой внимательный и доброжелательный, так сердечно относился к каждому, что все были в восхищении от него...»

Литовских (белорусских) литераторов в свою очередь необыкновенно покоряет и восхищает Пушкин. Их удивляла сила, утонченность и конкретность стиля молодого Пушкина. Европа в то время целиком захвачена английской литературой. Пушкин знакомится с байроновским «Корсаром» и, будучи выпускником лицея (где, по словам Мицкевича, «...не получил ничего, чтобы пригодилось народному поэту»...), пишет много и восхищает своим талантливым творчеством общество.

Его сразу признают первым поэтом его Родины. Как пишет А. Мицкевич, «оставаясь под воздействием творчества Байрона, Пушкин не столько следовал его произведениям, сколько попал под воздействие духа своего любимого поэта. <...> Если бы произведений Байрона, как поэта, вообще не существовало, Пушкин был бы объявлен первым поэтом своей эпохи...»

Ситуация в России, настроение в обществе уверили некоторых представителей дворянства и армии, что общество готово к переменам. «Литераторы в России, – пишет А. Мицкевич, – создали тоже своего рода братства, связанные многими нитями... все соотечественники разделяют их чувства, что наступило время для свержения деспотизма: установление на его место конституционной монархии.

Писатели любили собираться часто вместе, встречались почти ежедневно и проводили время на банкетах, совместных чтениях и приятельских беседах. Благодаря этому, в ряды заговорщиков привлечены многочисленные единомышленники из Санкт-Петербурга и Москвы. Будто по сигналу, вся русская литература стала на бок оппозиции. Кому не хватало смелости нападать на правительство в своих произведениях – затаились».

В Москве Адам Мицкевич с помощью Петрашкевича издал свою третью книгу – написанные в Одессе «Сонеты». Здесь же в Москве он написал одно из лучших своих произведений – стихотворную «историческую повесть», или поэму «Конрад Валленрод», где на материале литовской истории высказал свои свободололюбивые идеи. Напечатана она была в Санкт-Петербурге в 1828 году, и цензура пропустила её из-за давности описанных событий. Глубоко и с такой художественной силой А. Мицкевич воссоздал страницы истории Литвы и в поэмах «Пан Тадеуш», «Дзяды». Своё произведение «Валленрод» он начинает взволнованным обращением к Родине, которую по традиции называет Литвою.

«Дзяды» – стародавний белорусский обряд поминания предков. И слово чисто белорусское.

Адам Мицкевич не слепо держался фольклорных сюжетов, он творчески перерабатывал их. Однако его творчество стало принципиально новым словом в литературе и в Польше. Написанные им баллады, романсы открыли собой новое направление – романтизм на землях Речи Посполитой. И характерная их особенность – народность, широкое использование фольклора, его сюжетов, образов, мотивов – основана на народных легендах именно белорусов.

Польская писательница Моника Варненская пишет: «...Вновь, как на яве, край детских лет, улучшен грустью. Возвратились образы наднёманских околиц и родной Литвы, какая есть, “как здоровье”, возвратились, чтобы стать фоном одного из найчудеснейших произведений, что знает всемирная поэзия».

Как пишет Константин Цвирко – литературовед и исследователь творчества Мицкевича, – поэма «Пан Тадеуш» – это величественная песня родной Беларуси, её первозданным пушам и полям, цветущим лугам и соловьиным рощам, песня поэта о его большой и несбывшейся любви к Марыле Верещак.

Все образы, все сбывшиеся реалии А. Мицкевич брал на своей белорусской земле. Польши он не знал, никогда там не жил. Более того, как отмечает русский литературовед М. Живов в своей книге «Адам Мицкевич», варшавские «литературные реакционеры распространяли эпиграммы и пародии на поэму “Дядя” и посмеивались со “сморгонского” поэта за то, что он перенёс в польскую поэзию песни и язык белорусских крестьян Полесья».

Но на то время понимание Мицкевичем Литвы и Польши – это единое государство, созданное на федеративной основе в Средневековье, и поэтому он активно сражался за освобождение этих земель от царизма. Понимание положения Мицкевича того времени позволит ещё раз убедиться, что боролся он не с русским народом, а с властью. Это понимали и его русские друзья.

Свидетельством дружбы Мицкевича и русских поэтов, взаимной заинтересованности творчеством друг друга – великого Пушкина и Мицкевича – были переводы произведений друг друга. Мицкевич сделал перевод стихотворения Пушкина «Воспоминание», а Пушкин – двух баллад Мицкевича – «Ваявода» и «Будрыс и его сыновья», а также вступление к поэме «Конрад Валленрод».

Своему другу поэту Мицкевичу Пушкин посвятил немало поэтических строк. Восхищение высокими поэтическими способностями Мицкевича высказал русский поэт и в известном «Сонете» («Известный Дант не презирал сонета...»): *Под сенью гор Тавриды отдалённой / Певец Литвы в размер его стеснённый / Свои мечты мгновенно заключал.*

В те времена, при первой встрече «песняра Литвы» с А. Пушкиным, как вспоминает в издании «Русский архив» (1872, № 9) Цыпрынус, оказалось, что известный русский поэт очень мало знает европейскую литературу, как он сам это признал от «незавершённости его воспитания». Но Мицкевич хотя и удивился, но не изменял своей высокой оценки таланта русского гения. Среди интеллигенции ходила даже такая шутка, что однажды при встрече Пушкин, уступая Мицкевичу дорогу, сказал шутя: «С дороги, двойка, туз идёт!» Мицкевич ответил: «Козырная двойка и туза бьёт!»

Весть о смерти великого поэта настигает Мицкевича в Европе, куда он уезжает после ссылки. Он немедленно пишет свою статью «Пушкин и литературное движение в России» за подписью – Друг Пушкина. Это серьёзное, полное любви, уважения, самых искренних чувств публицистическое произведение.

А. Мицкевич выступает как литературный аналитик в своей статье «Пушкин и литературное движение в России» с объяснением для европейского читателя гениальности творческого наследия поэта, не только его роли в развитии литературного движения в России, но и тех условий государственного положения, что привели к переустройству сознания передовой литературной элиты, которая поверила в готовность общества к «свержению деспотии и установления на её месте конституционной монархии или республики...»

Литераторы в России – практически все люди богатые и государственные чиновники, и пишут больше для получения славы и авторитета», – отмечает Мицкевич.

«...Для чести русских литераторов следует признать, что в этом случае они показали такую твёрдость духа и бескорыстность, пример какому тяжело было бы найти в странах с большей свободой и более высокой культурой...»

Мицкевич пишет, что чувствовал себя в этой среде очень комфортно. Он, наверно, даже с радостью воспринимает готовность русской интеллигенции к переменам. В своих высказываниях в статье А. Мицкевич невероятно высоко оценил Пушкина не только как великого поэта, но и как глашатая грядущей революции.

Он пишет в своей статье: «...понимали это и царствующие особы».

«...Пушкин, как и его друзья, относился к оппозиции в последние годы царствования Александра и пустил по рукам несколько эпиграмм против его особы и его правительства; он написал “Оду до кинжала”. Эти крылатые стихи обошли всю Россию, от Петербурга до Одессы, их везде разбирали, читали, они принесли поэту более широкую популярность, чем все его последующие произведения, какие имели несравнимо большую художественную ценность...»

Отмечая, что «на Пушкина стали смотреть как на поводыря интеллектуальной оппозиции, как на политическую личность, небезопасную для правительства...» – Мицкевич этим упоминанием о последующей ссылке Пушкина в провинцию ещё раз подчеркивает родство их душ и судеб, взаимопонимание в родственности чувств и демократичности убеждений.

Ссылка спасла жизнь великому поэту, – отмечает Мицкевич. «...Его друзья погибли на виселицах и навсегда исчезли в сибирских рудниках».

И уже новый царь Николай пытается наладить отношения с поэтом. «...Это был неслыханный случай, чтобы царь разговаривал с человеком, которого во Франции назвали бы пролетарием...» После беседы Пушкин получил право на свободу печати, какое не имело претендента никогда в России.

А. Мицкевич анализирует то, что Пушкин был «умным и высокородным душой», для того чтобы злоупотреблять доверием царя и его этим подарком. И царь это хорошо понимал, практически нейтрализовав негативное отношение поэта.

Мицкевич отмечает, что Пушкин в этот период совершенствует своё творчество, образы его произведений «написаны с большей силой, а стиль уже свободный от всякой напыщенности». «Самым выдающимся, самым оригинальным и самым народным» его произведением Мицкевич называет «Евгения Онегина».

Мицкевич, будучи высокообразованным, европейским человеком по своему воспитанию и широте взглядов, уже абсолютно независимо, вдалеке от России, отзывается на смерть Пушкина в своей статье «Пушкин и литературное движение в России» с невероятным уважением, братской любовью и сожалением о загубленном таланте великого гения и говорит о невозможной утрате для России.

Влияние дружбы этих двух гениев на взаимное творчество, на произведения Пушкина ощущается в словах Мицкевича: «Он прошёл только часть предназначенного ему литературного пути. Те, кто знал его тогда, отметили в нём большую перемену... Он считал за лучшее слушать теперь народные былины, народные песни и зачитывался историей родной страны. Казалось, он навсегда оставил чужие края, уже срастался с Россией, пускал корни в родную землю. В то же время и разговоры его, в которых можно было заметить “начатки” будущих произведений, делались всё более серьёзными. Он любил рассуждать о высоких вещах, религиозных, общественных, что и не снилось его соотечественникам...»

«Как бы там ни было, я был убеждён, – пишет великий поэт Мицкевич, – его поэтическое молчание является счастливым предвестником для русской литературы... Все, кто знал его, разделяли мои убеждения и ожидания».

«Пуля, которая убила Пушкина, нанесла интеллектуальной России страшнейший удар... В России и сейчас есть отличные писатели: у неё остался Жуковский, поэт, полный высокородности и утончённости чувств; Крылов, баснописец, богатый на фантазии, несравненный по выразительности слова; князь Вяземский, что своим прекраснословием мог бы прославиться даже среди французов. Никто, однако, не заменит Пушкина. Ни одной стране не дано, чтобы у неё больше чем один раз мог появиться человек, что соединяет в себе такие замечательные и такие разносторонние способности...»

Пушкин, который вызывал восхищение читателей своим поэтическим талантом, впечатлял слушателей жизнерадостностью, тонкостью и проникновенностью своего ума. Он владел удивительной памятью, продуманностью суждений и утончённым вкусом...

Я знал характер русского поэта – очень впечатлительный, иногда лёгкий, но всегда искренний, высокородный и открытый... всё, что было доброго, шло от его сердца...»

Как бы пророчествуя о безвозвратности судьбы, хрестоматийным стало и произведение Пушкина о Мицкевиче «Он между нами жил...»:

Он между нами жил
Средь племени ему чужого; злобы
В душе своей к нам не питал, и мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Он посещал беседы наши. С ним
Делились мы и чистыми мечтами,
И песнями (он вдохновен был свыше
И свысока взирал на жизнь). Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Он
Ушёл на запад – и благословеньем
Его мы проводили.

Адам Мицкевич, как утверждал Пушкин, «...говорил о временах грядущих, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся...».

Я уверена, что в настоящее время великий поэт, пророк, патриот земли белорусской Адам Мицкевич был бы счастлив соединению двух талантливых братских народов, которые, имея все возможности для жизни и взаимопонимания, объединились в великом стремлении к миру и благоденствию.

Будем верить, что великие народные поэты – А. С. Пушкин и А. Мицкевич – своей дружбой, взаимопониманием, творчеством внесли большую лепту в развитие процессов литературной жизни стран, объединив стремления народов к общему согласию и уважению.

*А. Пушкин и А. Мицкевич.
Илл. <https://zen.ru/a/ZYm4caRHuj8Mn5IK>*

Валерий Герланец

Валерий Герланец – известный на Донбассе и далеко за его пределами писатель, драматург и публицист, заслуженный деятель искусств ДНР, член Союза писателей ДНР и Союза писателей России, многократный победитель международных и республиканских литературных конкурсов и премий. Его произведения для детей и юношества издавались в Белоруссии, Германии, Израиле, Канаде, России, США, Чехии, на Украине, а также ставились в профессиональных театрах, театральных коллективах школ искусств и дворцов детского и юношеского творчества, звучали по радио и телевидению. Ряд прозаических и поэтических произведений Валерия Ильича давно вошли в школьные хрестоматии и учебники, выходили отдельными книгами и в престижных литературно-художественных журналах и альманахах, а философская сказка «Как Иван правду искал» включена в собрание сочинений лучших современных писателей во славу М. Горького «Литературный фонд», которое вышло в 2018 году в Москве. В октябре 2023 года историческая повесть писателя «Благословенный» была отмечена Почётным дипломом Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» за реалистическое отражение эпохи Александра Первого и медалью «Ф. М. Достоевский. За красоту, гуманизм, справедливость».

ЭТОТ НЕИСПРАВИМЫЙ ПОЭТ-ДУЭЛЯНТ

Гениальный поэт, талантливый прозаик и драматург, один из образованнейших интеллектуалов не только Российской империи, но и Европы первой половины XIX века – и всё это Александр Сергеевич Пушкин. Ранение, полученное им 27 января 1837 года на дуэли со светским повесой поручиком кавалергардского полка Жоржем Дантесом, спустя два дня послужило причиной его смерти. «Солнце русской Поэзии закатилось», – скажет в некрологе В. Ф. Одоевский, получив за это выговор министра российского просвещения.

Ход дуэли Пушкина близ Чёрной речки с амбициозным французом, усыновлённым голландским посланником бароном Луи Геккерном, описан многими историками, пушкиноведами и литераторами вроде бы с хронологической точностью. Но до сих пор споры об этом трагическом событии не утихают. Одни авторы утверждают, что после выстрела Пушкина раненый Дантес рухнул в сугроб, другие – что пуля, выпущенная поэтом из длинноствольного кухенрейторовского пистолета, отскочила от брони, которую противник якобы предусмотрительно надел перед поединком. Однако одна из самых достоверных версий произошедшей дуэли, по мнению большинства исследователей, такова.

Дуэлянты стрелялись с двадцати шагов. В четыре часа тридцать минут дня секунданты зарядили пистолеты, и противники заняли свои места. Секундант Пушкина подполковник Константин Данзас подал знак, взмахнув шляпой с белым султаном. Дантес успел выстрелить первым.

– Я ранен, – произносит Пушкин, падая на шинель своего секунданта, служившую барьером, и останется недвижим. Его пистолет зарывается дулом в снег. Секунданты бросаются к нему, покидают свой барьер и Дантес.

– Подождите, – к Пушкину возвращается сознание. – Я чувствую достаточно силы, чтобы сделать мой выстрел.

Дуэль возобновилась. Дантес становится у своего барьера – боком к противнику, прикрывая грудь правой рукой. Данзас подаёт Пушкину новый пистолет вместо забитого снегом. У серьёзно раненного поэта нет сил подняться, и он целится лёжа, опираясь на левую руку. В сгустившихся сумерках гулко звучит ещё один выстрел. Теперь падает Дантес.

– Bravo! – Пушкин подбрасывает пистолет высоко в воздух и снова впадает в обморочное состояние. Его кровь медленно багрит снег.

– Он убит? – очнувшись, страдальческим голосом спрашивает поэт.
– Нет, ранен в руку и в грудь, – отвечает д'Аршиак, секундант противника.
– Я думал, что мне доставит удовольствие его убить, – медленно, будто размышляя, произносит Пушкин, – но теперь я этого не чувствую...

В мою бытность школьником, когда мы штудировали жизнь и творчество великого русского поэта, о второй части его дуэли с Дантесом в учебнике умалчивалось. Видимо, не стыковался обросший легендами и отлакированный до глянца, особенно в советский период, образ Пушкина как яркого борца с самодержавием с человеком, которому были присущи задиристость, ёрничество и дикая вспыльчивость. Помнится, наша учительница литературы рассказывала нам следующую версию последней пушкинской дуэли: раненый поэт якобы выстрелил в воздух. Именно так благородно он мог поступить, и никак иначе. Такая «правда» нашу словесницу и авторов школьного учебника вполне устраивала, даже если она противоречила воспоминаниям очевидцев и другим документам, которые были составлены в ходе расследования произошедшей резонансной дуэли.

Стыдливо умалчивали энциклопедические словари и хрестоматийные биографии и о других дуэлях поэта. А их на коротком веку Александра Сергеевича, благодаря вышеназванным чертам его характера, было предостаточно. Так что Пушкин мог быть убитым на дуэли и в 19, и в 20 лет, и в любой последующий год. Конкретные факты? Пожалуйста! Их более чем предостаточно.

В 1819-м Пушкин стрелялся со своим самым близким другом Кюхлей – такое прозвище носил ученик Царскосельского лицея Вильгельм Кюхельбекер. Что послужило причиной? Вот эта поэтическая шутка Саши Пушкина:

За ужином объелся я,
А Яков запер дверь оплошно...
И было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно, и тошно!

Пушкин и на этой первой дуэли шутил, уговаривая секундантов отойти подальше, потому что если очкарик Кюхля будет целить в него, то обязательно влепит пулю секунданту. Секундантом Пушкина был Пушин, а секундантом Кюхельбекера – Дельвиг. Кюхельбекер стрелял, но промахнулся. А Пушкин выстрелил в воздух и побежал мириться с оскорблённым им однокашником.

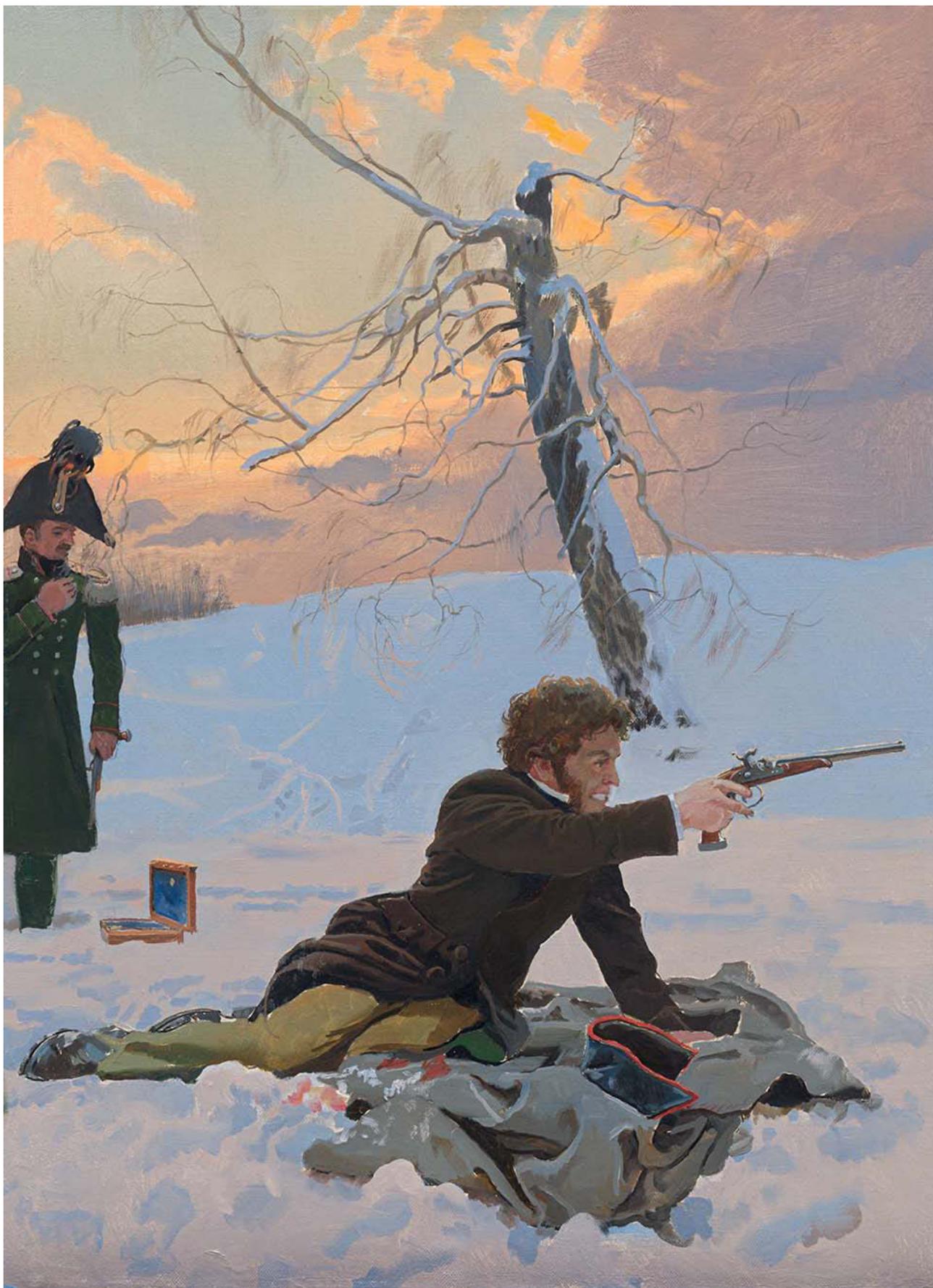
Однако уже через пару недель Пушкин вызвал на дуэль ещё одного своего лицейского товарища М. Корфа за то, что тот поколотил слугу Пушкина – Никиту. Корф ответил двадцатилетнему задире так: «Не принимаю Вашего вызова не потому, что Вы – Пушкин, а потому что я – не Кюхельбекер!»

Но в том же году потомок «арапа Петра Великого» имел с кем-то серьёзную дуэль. Большинство биографов поэта предполагают, что его противником был Кондратий Рылеев – тот самый поэт-декабрист, впоследствии объявленный царём государственным преступником и казнённый 13 июля 1826 года.

Сосланный в южную ссылку в Кишинёв Пушкин и там проявил себя как отъявленный дуэлянт, вызвав в июне 1821 года на поединок, причём на саблях, офицера Дегильи, но тот отказался с ним драться. В архиве сохранился насмешливый, где-то даже шаржированный рисунок поэта, где Дегильи сидит без штанов – якобы от испуга перед дуэлью с ним.

В январе 1822 года у Пушкина состоялась дуэль с командиром Егерского полка полковником С. Старовым. Её причина смехотворна даже для того времени: на вечере в клубе один офицер полка попросил музыкантов играть кадрили, а поэт заказал мазурку. Музыканты, зная щедрость Пушкина, заиграли мазурку. Старову этот инцидент не понравился, и он потребовал от поэта извинений перед офицером. Но не таков был Александр Сергеевич, который вместо извинений выбрал – дуэль. Она состоялась на следующий же день. К счастью, была страшная метель, и с шестнадцати шагов оба дуэлянта промахнулись. Промахнулись они и стреляя повторно уже с двенадцати шагов. Было решено стреляться при более хорошей погоде, но друзья противников сумели их помирить. «Я всегда уважал вас, полковник, и поэтому принял ваш вызов», – сказал Пушкин. А Старов ответил: «Вы так же хорошо стоите под пулями, как хорошо пишете!» Такой отзыв ветерана Отечественной войны 1812 года привёл Пушкина в восторг – и он кинулся обнимать своего недавнего противника.

А буквально через две недели Пушкин сцепился с 65-летним стариком И. Лановым. Последний назвал поэта молокососом, а тот в отместку обозвал своего обидчика винососом и привычно вызвал

Фрагмент картины художника Д. А. Белокина «Дуэль А. С. Пушкина. Выстрел Пушкина»

на дуэль. Генерал Инзов посадил Пушкина под арест, и тот сочинил благополучно дошедшую до наших дней эпиграмму:

Бранись, ворчи, болван болванов,
Ты не дождёшься, друг мой Ланов,
Пощёчин от руки моей.
Твоя торжественная рожа
На бабью ж... так похожа,
Что только просит киселей.

Летом 1822 года неугомонный и задиристый поэт заспорил с отставным офицером Рутковским, который рассказал о том, что видел градины весом в три фунта (это где-то 1,23 кг). Пушкин прилюдно высмеял рассказчика, после чего вспыхнула жестокая ссора. А надо заметить, что град такой величины и даже крупнее хоть и редко, но действительно выпадает. Так вот, из-за такой откровенной безделицы – очередная дуэль! Хорошо, что генерал Инзов снова посадил Пушкина под домашний арест... В итоге, сам того не ведая, он продлил жизнь будущего классика русской литературы на целых 15 лет.

Сохранились сведения, что в 1824 году, будучи в Одессе, Пушкин тоже дрался с кем-то на дуэли, но его противник отказался стрелять в буквально кипящего страстями поэта.

Постоянное безденежье, долги, полицейская слежка, сплетни и интриги вокруг его имени и имени его красавицы-жены. Всё это совершенно выводило Пушкина из себя. В последние годы он словно бы сам ищет смерти. Дважды собирался стреляться с известным авантюристом и карточным шулером графом Ф. Толстым, носившим прозвище Американец. До этого Толстой убил на дуэлях одиннадцать человек. Слава богу, эти дуэли по каким-то причинам не состоялись.

В 1836 году С. Хлюстин, хороший знакомый поэта, прочитал ему статью некоего О. Сенковского с гнусными намёками на плагиаторство Пушкина. Этот же «литературовед» в другом своём опусе пытался доказать, что «Слово о полку Игореве», найденное и опубликованное графом А. Мусиным-Пушкиным – современная подделка. Пушкин сказал Хлюстину: «Мне всего досаднее, что люди повторяют нелепости свиней и мерзавцев, каков есть Сенковский!» Как видим, повод для очередной дуэли подвернулся весомый, однако старый друг Пушкина С. Соболевский уладил дело. Но уже на следующий день встал вопрос о дуэли с князем Н. Репниным, которого поэт тоже заподозрил в нелестном отзыве в свой адрес. Репнин ответил письмом, исполненным уважения к поэту, – и конфликт был улажен без стрельбы.

Вскоре Пушкину показалось, что писатель граф В. Соллогуб оскорбительно разговаривал с его женой Натальей Николаевной. Он тут же вызвал обидчика на дуэль. Соллогуб купил пистолеты, выбрал секундантов, но твёрдо решил – в Пушкина не стрелять. Секундант поэта П. Нащокин примирил горячих противников, после чего Соллогуб написал Наталье Николаевне любезную записку. Пушкин тотчас протянул ему руку, сделавшись весёлым и дружелюбным.

А осенью того же 1836 года В. Соллогуб уже был... секундантом Пушкина, когда тот впервые вызвал Дантеса на дуэль. Тогда, благодаря своим дипломатическим способностям, Соллогубу удалось расстроить очередную пушкинскую дуэль. Однако трагедию у Чёрной речки, произошедшую спустя три месяца, предотвратить, увы, так никому и не удалось. Взрывной темперамент поэта, реализованный как в его гениальных произведениях, так и многочисленных любовных интригах, находил выход в его вспыльчивости и подчас неоправданной резкости по отношению к окружающим. Такие всплески апломба и бьющих через край эмоций сопровождали Александра Сергеевича всю его короткую сознательную жизнь.

О том, что по своей натуре Пушкин был завзятым дуэлянтом, красноречиво говорят и многие его произведения, герои которых становятся участниками дуэлей. Из-за капитанской дочки Маши дерутся на шпагах Гринёв и Швабрин, стреляются недавние друзья Онегин и Ленский, а в «Выстреле» Сильвио готовится давнее оскорбление смыть кровью обидчика. Как тут не воскликнуть: о времена, о нравы!

Хотя, с другой стороны, не будь у Пушкина подобного темперамента, такого мощного интеллекта и фонтанирующего остроумия, такой влюблённости в дам и такой непредсказуемой вспыльчивости, он был бы совершенно другим человеком. Человеком, который бы не смог создать и малой толики того, что оставил после себя бешеный гений и неисправимый дуэлянт.

Берега Новороссии

Светлана Рыбакова

Светлана Рыбакова – окончила Библиотечный институт, затем Литературный им. М. Горького. Училась на семинаре прозы у профессора Михаила Петровича Лобанова. В 2002 году вступила в Союз писателей России. Писательский дар у меня открылся неожиданно. Работала в приходской библиотеке, где пришлось сочинять сказки для детишек читательниц-мам, потому что совсем не было христианской литературы. Так началась моя творческая жизнь. Сначала сказки, а затем пошло-поехало. Выходили детские издания, а ещё книги для взрослых. Появлялись в свет сборники о паломничествах, очень нравится их описывать. Самый большой мой труд – это современная история икон Богородицы. Вышел первый том. Остальные книги в данный момент напечатать весьма затруднительно. Время от времени публикуюсь в журналах и газетах.

Участвовала в конкурсе IV Славянского литературного форума «Золотой Витязь» в 2013 году, стала лауреатом, и мне торжественно вручили статуэтку «Серебряный Витязь» и Диплом.

Работаю библиографом в Синодальной библиотеке Русской Православной Церкви имени Святейшего Патриарха Алексия II.

НЕРУШИМАЯ ТВЕРДЫНЯ ДОНБАССА

В России, да и во всём православном мире, хорошо известна мироточивая икона «Умягчение злых сердец». За последние несколько лет чудотворная икона Богородицы посетила Америку, Австралию, Европу, побывала на Афоне. В 2009 году почитаемая всеми святыня была принесена на Поместный Собор, где во время избрания шестнадцатого Патриарха Московского и всея Руси Кирилла икона благоухала и мироточила. А в 2014 году, накануне судьбоносного для нашей страны референдума, икона пришла в Крым, в Севастополь и Симферополь.

Живые и невредимые

После того как Крым бескровно вернулся в состав России, этот образ вновь побывал на полуострове. На совместной молитве крымчане благодарили Богоматерь за избавление от кровопролития и «коричневой чумы». В Евпатории чудотворный образ посетил детей и родителей, ушедших от войны из Луганска, Славянска, Донецка. Детишки-беженцы попросили, чтобы Матерь Божия пришла в Донецк и помогла их родителям, родному дому, чтобы прекратились бомбёжки и боевые действия. У людей возникла надежда, что если икону привезут в Донецк, то Богородица непременно защитит их родной дом от новых фашистов.

Полковник запаса Сергей Андреевич Поляков, в прошлом заместитель начальника управления «А» Центра специального назначения ФСБ, а ныне вице-президент Международной ассоциации ветеранов «Альфа», ещё с начала 2000-х годов начал сопровождать икону в путешествиях по России и миру. Сергей Андреевич рассказал об удивительной помощи Донбассу Заступницы рода человеческого через икону «Умягчение злых сердец».

«Мы посоветовались со схииерхимандритом Илием (Ноздриным), – вспоминал Сергей Поляков, – он три раза молился и благословил эту миссию. Поездка предстояла крайне опасная, и, чтобы не рисковать оригиналом чудотворного образа, мы взяли с собой список.

В те дни обстановка предельно обострилась: украинской армией были захвачены Красный Луч и Дмитровка, проход был заблокирован. Прилетели в Ростов-на-Дону. В два часа ночи выехали в сторону границы. В районе Красного Луча перед нами внезапно прошла колонна украинских танков, но

потом нам всё же удалось проскочить. Следом за нами возвращалась группа прикрытия из восьми бойцов. Они отстали от нас на полчаса и попали в засаду. Двое погибли, двое получили ранения, но остальные остались живы. Потом им несколько дней пришлось выбираться к своим, выходя из окружения.

В Донецк мы прибыли 7 августа 2014 года примерно в 12 часов дня. Изначально мы хотели закончить нашу поездку 8-го, но стало ясно, что уезжать сейчас никак нельзя – начинался генеральный штурм Донецка, в воскресенье украинские войска планировали парад в поверженном и разорённом Донецке. Так мы попали в самую гущу событий. Но Матерь Божия ничего им не позволила. Были массированные миномётно-артиллерийские удары по городу, попытка прорыва. Поступила оперативная информация, что сорок диверсантов проникли на окраины Донецка. Но у них ничего не получилось».

Накануне этих событий Донецк замер: тротуары опустели, машин на дорогах не было, даже собаки попрятались по подвалам. Казалось, огромный город подвергся ядерной атаке и все жители вымерли. На днях, действительно, украинская армия запустила по Донецку баллистическую ракету «Точка-У», весь миллионный город содрогнулся, как от землетрясения. В радиусе десяти километров взрывной волной выбило стёкла вместе с рамами и дверьми. Людей подбросило в воздух, как пушинки. Горожане оцепенели от ужаса. Но как только разнеслась весть о том, что из Москвы прибыла икона Царицы Небесной, стал собираться крестный ход, в начале человек шестьдесят, потом двести-триста. Особенно поразило присутствующих, что во время молебна на глазах изумлённых людей икона начала мироточить. Во время крестного хода то и дело слышались умилённые восклицания: «Матерь Божия пришла! Теперь всё изменится!»

И вскоре действительно свершилось чудо: окружение ополченцы прорвали, город не был сдан. Матерь Божия пришла в тот момент, когда решалась его судьба. Киевские власти уже готовились провести в Донецке парад победителей, но всё пошло не по их, человеческой, воле. Хотя украинских военных было тридцать тысяч, а ополченцев, оборонявших миллионник, – всего две тысячи. В итоге 24 августа 2014 года военнопленные солдаты ВСУ, решившие уничтожить своих соотечественников, прошли по улицам Донецка «парадом позора».

Но это случилось немного позже, а о том, что произошло сразу по прибытии иконы Богородицы, поведал полковник Сергей Поляков. «В первый же день, как мы с иеромонахом Макарием (Мантровым) приехали в Донецк, произошло и другое чудо. К нам обратилась женщина, рассказав о своей подруге, просившей помолиться за мужа – воина Владислава. Он в тот момент находился на Саур-Могиле. Этот курган ополченцы удерживали несколько месяцев под непрерывными атаками украинской армии. Их осталось десять человек, но сдаваться они не собирались. Несколько раз, когда украинские военные подходили совсем близко, вызывали огонь на себя. Один из ополченцев, Владислав, позвонил жене и заранее попрощался, понимая, что жизнь на волоске. Об этих героях и просили помолиться перед иконой. Батюшка Макарий тут же отслужил молебен. На следующий день все десять ополченцев, живые и невредимые, появились в Донецке.

<...> Уже в Москву нам пришло сообщение ещё об одном чуде: Божия Матерь на иконе открыла глазки. Это произошло в момент, когда освящалась танковая колонна ополченцев».

«Матерь Божия уберегла!»

Через десять месяцев, в Пасхальные дни 2015 года, по благословению схиархимандрита Илия, состоялся автомобильный крестный ход на Донбасс. Он прошёл по местам воинской славы России, а завершился в Донецке. Главная цель – перенесение на Донбасс благословлённого Креста как символа примирения и победы над вселенским злом. В этом торжественном автошествии принимал участие Александр Горцев – заместитель главного редактора журнала «Национальный контроль». Он был на донецком крестном ходе и прикладывался к чудотворному образу Царицы Небесной. В своём очерке «Мистическая защита» (газета «Спецназ России») он рассказал: «Лишь немногие знают, что ещё с прошлого года, когда Донецк стал подвергаться страшным обстрелам, местные жители решили ежедневно проводить в городе крестный ход. Это шествие совершается до настоящего дня. Каждый вечер дончане выходят в центр города на крестный ход вместе с детьми. Это чем-то напомнило мне Югославию. Когда в дни жутких НАТОвских бомбардировок на улицы и мосты

Белграда стали выходить сербские дети, они держали в руках белые листки с чёрными мишенями. Так повторяется и сегодня в Донецке, только вместо мишеней русские дети держат в своих ручках кресты и иконы. Это и есть мистическая охрана Донецка, и, может быть, их молитвами – для нас это непостижимо – ещё и жив город, и война, настоящая, ещё не началась... За несколько дней до прибытия Креста из России икона “Умягчение злых сердец” настолько замироточила, что мир залило оклад и стекало на аналой. Трудно передать тот трепет, который охватывает при виде этой иконы. И сегодня, как и год назад, образ Пречистой Девы источает видимые струи мира, сохраняя в людях надежду на мир, жизнь и умягчение злых сердец. Вряд ли эти символы смогут осмыслить в Госдепартаменте США, в НАТО и ООН, но именно в этом и есть главное оружие России: молитва, вера, надежда, любовь...

Когда наш автомобильный крестный ход прибыл в Донецк, по ночам активизировались вражеские беспилотники, поставляемые Украине из НАТО. На окраинах города возобновилась стрельба, всё чаще стали доноситься звуки разрывов. Но в центр ни один из снарядов не долетал. Только потом стала просачиваться информация, что, согласно разведанным, в эти дни планировались серьёзные провокации; возможно, даже крупное наступление ВСУ. Однако по каким-то причинам в последний момент от крупных боевых действий отказались, и хрупкий мир был сохранён. Кто знает, возможно, сработало “мистическое охранение”; не зря же схиархимандрит Илий (Ноздрин) так настаивал на необходимости принесения Креста на Донбасс. Миллионы православных верующих, как русских, так и украинцев, возлагают надежду на помощь Божию в разрешении военного конфликта и на подлинное примирение враждующих. Главное, чтобы не гибли люди, чтобы сохранялся мир, а навязанный извне конфликт не перерос в глобальную войну, чреватую катастрофой для всех народов».

Летом 2016 года батюшка Илий благословил называть чудотворный образ «Донецкая». Богородица как добрая, любящая Мать слышит через свою икону «Умягчение злых сердец – Донецкая» и помогает всем просящим у Неё помощи.

При чтении собранных Сергеем Михайловичем (хранителем Донецкой иконы) свидетельств об исходящей от образа чудесной помощи перед нашими глазами словно оживают летописные страницы историй древних икон Богородицы. Когда скорбь и страдания очищают душу человека, в ней просыпается живая вера, покаяние, благодарение и молитва.

Дончанка Мария Позднякова говорит: «Раньше я не читала Псалтырь, не знала, что такое кафизма. Начала читать во время первых бомбёжек, сидя в подвале. И не я одна. Мне кажется, уже весь Донецк выучил наизусть 90-й, 50-й и 26-й псалмы. Как-то батюшка привёл нам слова одного святого: “Чтобы научиться горячо молиться, надо сильно испугаться”. Мы испытали это на себе. Помню, как я была потрясена, когда мой 17-летний сын, которого мне никак не удавалось привести в храм на службу, во время бомбёжки схватил первый попавшийся Акафист с книжной полки и начал читать. Я от удивления даже о бомбёжке забыла. С тех пор и сын начал молиться».

А вот ещё живое свидетельство, записанное со слов очевидцев. Православному защитнику города при перестрелке изрешетило все внутренние органы. Врачи сказали: «Жить он не будет». Мама воина припала с молитвой к иконе Богородицы и зарыдала. В это время врачи в больнице отказались поверить собственным глазам: «Не знаем, что происходит, но органы восстанавливаются». Вскоре боец был здоров, а его мама вновь приехала к чудотворной иконе, но уже со слезами радости.

Другому ополченцу пуля попала точно в мушку автомата, и это спасло ему жизнь. Как потом выяснилось, в тот момент его мама молилась именно перед чудотворной иконой Матери Божией «Умягчение злых сердец – Донецкая».

Люди, живущие в военном Донбассе, не раз убеждались, что над ними Покров Пресвятой Девы, Которая иконою Своею всё время обходит Донецкую землю. Там, где Она побывала, люди остаются живы даже после страшнейших обстрелов.

Ещё одно интересное свидетельство Сергея Михайловича: «Приезжаем на блок-пост, встречает местный житель-ополченец: “Неделю назад вы были у нас, мы прикладывались к иконе. Через десять минут после вашего отъезда на то самое место, где вы стояли с иконой, прилетела мина. Я с товарищем находился здесь же – на расстоянии полутора метров. Нас должно было разорвать, но у меня – ранение головы, а у него – руки. Сегодня, через неделю, мы оба в строю. Это чудо какое-то! Нас Мать Божия спасла”.

Крайний пост пригородного посёлка находился в красивом ухоженном доме, во дворе которого отец Макарий отслужил молебен с Акафистом перед чудотворной иконой. Мы вновь были там через месяц – одни выгоревшие стены и убитая собака. На других постах нам рассказывали как легенду, какой чудовищный обстрел был через несколько дней на том месте. Но не было ни 200-х, ни 300-х (т. е. ни погибших, ни раненых), хотя в этом доме находился склад боеприпасов. Матерь Божия сохранила всех целыми и невредимыми.

В донецком аэропорту был такой случай. Во время посещения героических защитников чудотворным образом Богородицы разгорелся бой. Справа и слева от иконы свистели пули. На следующий день на то же самое место, где воины прикладывались к иконе Пречистой, влетела ракета. Бежать, прятаться бесполезно: от смерти отделяло мгновение. Миг – и ракета вдруг, изменив траекторию под прямым углом, улетела. Все как один перекрестились и сказали: “Матерь Божия уберегла!”»

«Дядя, спаси!»

Она старается ко всем прийти, всех защитить, утешить и всем помочь.

Посёлок Октябрьский сильно пострадал от обстрелов украинской армии. Один раз, после ночного обстрела, под проливным дождём к ним приехал весь донецкий крестный ход. Вместе с его жителями они обошли посёлок, приложили к мироточивой иконе её список и оставили пострадавшим, испуганным людям. Через несколько дней на глазах у маленькой девочки икона-подарок сама замироточила. Жители воодушевились и самостоятельно стали обходить крестным ходом свой посёлок. Этот случай мироточения других икон там, где прошла Царица Небесная, не единичный.

Хранитель образа добавляет к своему повествованию: «Запомнился крестный ход с иконой в города Макеевка, Харцызск, Ханженково и близлежащие посёлки. Ежедневно переживая бомбардировки, люди сами стали ходить с иконами вокруг своих домов и посёлков. Пригласили и чудотворную мироточивую икону Пресвятой Богородицы “Умягчение злых сердец – Донецкая”. Эту поездку полностью организовал раб Божий Василий. Сумерки... Пахнет степью, навозом и полынью, а мы идём, идём, идём... Люди по ходу сами предлагали: “Давайте пройдем туда – там двое погибли; давайте мимо того дома – там сейчас погибший в гробу лежит”. На одном поле икону встречали уже в кромешной тьме (только свет наших фар), стоя на коленях, с трогательным пением “Богородице, Дево, радуйся”, а половина встречающих, тоже стоящие на коленях, с поблёскивающими слезками в глазах, – детки! Это останется в памяти навсегда. В тот раз мы столько обошли и объехали, что на обратном пути поздно ночью, когда нас остановили на посту и спросили, откуда мы едем, сидевший за рулём раб Божий Леонид ответил военному: “Сейчас спрошу”, – повернул голову и говорит: “Так мы откуда едем?” Военнослужащий растерялся: “Не знаете, откуда едете?!” – но увидел икону Богородицы, и мы с миром поехали в Донецк домой».

Совершенно удивительный приём устроили чудотворному образу во время крестного хода в Докучаевске и окрестных сёлах. В сопровождении жителей икона в течение нескольких часов обходила многострадальный город. На всём пути следования Матерь Божию сопровождала милиция, которая перекрывала движение транспорта. Вдоль улиц, возле посечённых осколками домов, также встречали люди. Возле больницы – врачи, перед детским садом – нянечки с десятками ребятишек, около роддома – главврач, персонал, роженицы. Заехала Царица Небесная и на «хлебушек» – место, с которого всё начиналось и которое всех кормит, – доломитный карьер. Степь, карьер, ни души... Насельница сторожки – одна-единственная женщина-вахтёр – разрыдалась. Мама говорила ей, что сегодня весь город встречает чудотворную икону Богоматери, а у неё – работа, смена. И вдруг Матерь Божия Сама пришла к ней – единственной в этой глуши. Как говорит преподобный Серафим Саровский Чудотворец, «помощь же Божия верным и всем сердцем ищущим Его ныне та же, что и раньше».

Встречая Матерь Божию, люди, живущие под постоянными обстрелами, рассказывают о том, как близок Бог, и подтверждают это множеством случаев благодатной помощи.

Посёлок Александринка, крайняя улица, ночь... В доме молодой семьи спит малыш, а над колыбелькой – небольшая икона Спасителя. Во двор прилетел снаряд, в доме вылетели окна и двери. Родители бросились к малышу, а он стоит в колыбели, держится ручонками за иконочку и говорит (вдумайтесь, первые в его жизни слова!): «Дядя, спаси!» В горячке побежали на кухню: окон нет,

мебель порушена. Опять к малышу, а он снял иконочку со стены, обнял её и сопит в кроватке! Богородица была на этой улице, по которой сейчас работали снайперы.

Когда крестный ход с чудотворной иконой проходил в Докучаевске мимо зоосада, женщина рассказала произошедший с ней случай. Она с внуком шла в зоосад, и малыш захотел поставить свечи. Пошли в храм. В это время начался миномётный и артиллерийский обстрел. Если бы они не зашли в храм, их бы разорвало. Мать Божия проходила там.

Один священник передал рассказ женщины. Проснулась среди ночи от нестерпимого желания съесть яблоко. И спать хочется, и есть хочется, и помолилась уже... Ну, думает, воля Божия: перекрестилась, встала, зашла на кухню. Стоит чистит яблоко. «Пришло». Заходит в спальню: в потолке – дыра, на кровати – большущий снаряд.

Мы за мир и единство

Донецкий чудотворный образ знают и любят не только в Новороссии. Летом 2016 года верующие крымчане пригласили икону Богородицы «Умягчение злых сердец» к себе. По благословию старца Илии она отправилась в путь. Крестный ход Богородицы по Крыму сопровождался множеством знамений, исцелений и случаев благодатной помощи.

«Сразу же, как только икона пересекла границу Российской Федерации, разразился ураган. Всё почернело: гром, молнии, ливень... Шквальный ветер приносил издалека деревья и швырял их поперёк трассы. Мы ехали во мраке, а прямо над машиной, где находилась чудотворная икона, – клином раскрывались тучи и в ослепительно-голубом небе сияло солнце. Впереди же, в грозовой тьме, одновременно горели три радуги. Мы въезжали в них. И так на протяжении нескольких часов!

Мать Божия посетила древние монастыри, новые церкви и пещерные храмы I века. Везде к ней прикладывались верующие. Были и беженцы из Донецка, потерявшие близких в этой войне. С трепетным чувством мы проводили Богородицу по местам боевой славы русского оружия, где покоятся останки сотен тысяч защитников нашей Родины: тридцать пятая батарея, Малахов курган, храм-памятник святителя Николая погибшим при обороне Севастополя... Служились молебны, была взята земля, освящённая кровью воинов-мучеников. Священник сказал, что сделанное Матерью Божией трудно до конца осознать: из Крыма Она приведёт с собой на Донбасс бессмертный полк, незримую рать защитников земли Русской из разных времён, войн и эпох.

Удивительным подарком Матери Божией стала для крестоходцев встреча и молитвенное общение со старцем из ближних пещер Свято-Успенской Киево-Печерской Лавры. Расставаясь, мы просили у него благословения от лица жителей Донбасса. И он благословил нас выстоять и победить! Когда крестный ход возвращался в Донецк, пришла новость, что Крым перешёл в состав Южного федерального округа России».

Необходимо отметить, что это шествие Матери Божией по Крыму стало возможным только благодаря полковнику Сергею Андреевичу Полякову, который принял на себя всю организацию и руководство. Все крестоходцы отметили искреннее радушие православных воинов Крыма.

В августе 2016 года Мать Божия из Донецка через Москву направилась с крестоходцами на Валдай – туда, где среди дремучих лесов, возле истоков великой реки Днепр стоит дивный бревенчатый монастырь в честь Крестителя Руси святого равноапостольного киевского князя Владимира. После встречи иконы и торжественного богослужения прозвучали слова местного священника отца Валентина.

«Сегодня, 26 августа, нас здесь собрала Богородица. В день празднования иконы “Умягчение злых сердец” к нам прибыла икона “Умягчение злых сердец – Донецкая” с войны. Как сказал Патриарх, река Днепр необычная: протекая по территории России, Белоруссии и Украины, она объединяет три братских народа. Сейчас мы отслужили молебен о мире на истоке этой реки, также я выливаю водичку, которую давали пить деткам, потерявшим в Донецке родителей при обстреле, в которую капали их слёзы. Мы за мир и единство, но сегодня Мать Божия делает последнее предупреждение. Когда воды Днепра донесут до Киева воду с этого молебна и слёзы детей-сирот, либо умягчатся их сердца, либо Господь начнёт творить Свой нелюбимый Суд».

«Радуйся, печаль нашу в радость претворяющая»

Очень многие, не имея возможности приехать к чудотворному образу, звонят и просят зажечь свечу перед иконой, и благодатная помощь от Царицы Небесной приходит сразу же.

Не единожды по молитвам перед этой иконой получали благодатную помощь онкологические больные. Особую же помощь Матерь Божия подаёт в узах сущим: в плену или в тюрьме.

Одержимые, находясь рядом с исцеляющим образом, видимо, переживают изливающуюся на них благодать. В один из крестных ходов к иконе «Умягчение злых сердец» приводили бесноватого мужчину с помутившимся рассудком, и Матерь Божия вернула ему разум.

Дабы защитить мирных жителей, женщин, стариков и детей, Матерь Божия Своим дивным образом оградила от бед недра земные – спускаясь в шахту. Осветила Азовское море – прошла на корабле от Широкино до границы с Россией. Благословила небо – хоть оно и «закрыто», но чудотворная икона под парашютом летела над Донбассом на высоте трёхсот метров. Посетила она своим молитвенным заступничеством истоки реки Кальмиус.

Милостивая Царица Неба и земли благословляет венчающихся. Около десяти малышей называют Её крёстной: они появились на свет по молитвам перед этой иконой. К образу Пресвятой Богородицы «Умягчение злых сердец – Донецкая» обращаются за помощью не только православные христиане, но и населяющие донбасскую землю мусульмане, иудеи, язычники, католики, протестанты, буддисты, представители иных вер, и никто не остался не утешенным Ею.

Хранитель иконы Сергей Михайлович пишет, что главное чудо этого образа в том, что, «теряя дома, родных, близких, друзей, мы стали ценить то, что раньше не замечали: дружбу, надёжность, скромность, честность, верность, чистоту, целомудрие, отвагу, искренность, доброту, мужество, веру».

Статья составлена по материалам книги «Акафист Пресвятой Богородицы перед иконой Ее, именуемой «Умягчение злых сердец – Донецкая». Б.М., [2017].

Берега прочтения

Людмила Воробьёва

Людмила Анатольевна Воробьёва – автор книг литературной критики: «Душа слова» (2015), «Время жизни, любви и подвига» (2016), «Единство вечных истин» (2018). Литературно-критические статьи публиковались в российских газетах: «День литературы», «Литературный Санкт-Петербург», «Дагестанская правда», «Приневский край» (Гатчина), белорусских: «ЛіМ», «Звезда»; журналах: «Берега», «Подъём», «Невский альманах», «Язык и литература: проблемы теории и практики» (Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН), «Аспект» (Belgrade – Minsk), «Новая Немига литературная», «Белая Вежа», «Родное слова», а также на интернет-порталах: «Российский писатель», «Литературный Санкт-Петербург» (Дом писателя), «Осиянная Русь», «Русское Воскресение», на сайтах газеты «День литературы», Союза писателей Беларуси, холдинга Издательского дома «Звезда» (Минск, проект «Созвучие: литература и публицистика стран СНГ»). Лауреат Международной премии им. С. Есенина «О Русь, взмахни крылами...» (2017), Международного литературного конкурса «Славянский калейдоскоп – 2018», посвященного Дню единения России и Беларуси (Минск). Член Союза писателей Беларуси с 2017 года. Живёт в Минске.

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

О книге Лидии Довыденко «От неба данная земля». – Калининград, 2023

...Меж Русью Великой и Малой
Истоков моих окоём.
Над Белою Русью – взлетала,
В России – окрепла крылом!

Наталья Советная

Открывая новую книгу уже хорошо известного автора, мы всегда задаёмся закономерным вопросом: оправдаются ли в очередной раз наши читательские ожидания? Новая книга Лидии Довыденко, известного писателя, журналиста, общественного деятеля, главного редактора художественно-публицистического журнала «Берега», обладает необычайной энергоёмкостью. Каким-то удивительным образом под одной обложкой уместились статьи, очерки, эссе. Это всё литературно-художественная, гражданская, историко-краеведческая публицистика, посвящённая Беларуси, от начала и до конца пронизанная национальной идеей возрождения, идеей общности наших славянских народов. Символично и само название – «От неба данная земля», – в котором прочитывается преемственность народным традициям, верность своим корням. Автор и здесь продолжает общий культурный диалог – диалог Слова как феномена всей мировой культуры, всего мироощущения и мировоззрения. Слово писателя и гражданина олицетворяет генетическую связь со своей родной землёй – связь настоящего с прошлым и грядущим. Именно в Слове – воплощение взаимной творческой задачи единения и созидания! Воспоминания, жизненные и творческие встречи – написанное однажды, изречённая мысль – живут и реализовываются!

Сегодня не просто утверждать имидж писателя и человека. В начале третьего тысячелетия мы опять переживаем переломный исторический период. И когда Лидия Довыденко пишет о родном белорусском доме детства, о малой родине – это отнюдь не дань моде, ведь только в своей национальной принадлежности, в осознании себя как особой личности в мире утверждается человеческая личность, если хотите – известный «гонар беларуса». Утеря святого, переоценка вековых устоев не прошли бесследно, и автор видит возрождение духа сообщества прежде всего в народном мироощущении, в славянской культуре, в слове, в отечественной традиции, завещанной нам предками. Лидия Владимировна и здесь

по-прежнему верна национальным принципам духовности, прочно опираясь в своей книге на историческую, духовно-психологическую почву. Корни её цельной жизненной и творческой биографии тесно переплетаются с судьбой кровной ей белорусской земли, ведь она здесь родилась. Сегодня Лидия Владимировна – почётный гражданин Балтийского городского округа, живёт в Калининграде. В судьбе писателя соединились две Родины: Россия и Беларусь. И свою задачу автор видит в укреплении и развитии прочных связей двух наших народов. Ведь исторически у нас одна единая судьба!

Лидия Довыденко всегда будет возвращаться на свою малую радзіму, духовную спадчыну, в мыслях, в снах. Такие милые сердцу белорусизмы: маці, жыццё, каханне... Как же без них! Только вслушайтесь в мягкую и нежную музыку этих слов. Мать, жизнь, любовь... *«Живя здесь, мыслями я пребываю в родном краю, в родной Беларуси, где так жадно читала я классиков, русских и белорусских, всматривалась в окружающих меня людей, распознавая наши национальные типы, интересуясь историей славянских стран и проникаясь их величием, внутренним убеждением – нужно служить своему народу. И сейчас, выходя на берег Балтийского моря, я помню, что всё течёт и изменяется, жизнь многовариантна, потоки воды могут двинуться вспять, и в любой истории есть Божественный Промысел, а родная Беларусь – совсем недалеко и в мыслях, и в душе»*, – проникновенно, лирично, по-философски глубоко говорится в её книге о самых главных истинах бытия.

Памятью живёт подлинный писатель, памятью отчего края, памятью поколений, творящих историю. Память... Сколько хранится в ней... Лучшие русские и белорусские поэты, прозаики в двадцатом веке самые проникновенные произведения, посвящая их России или Беларуси, обращались прежде всего к своей малой родине. В их произведениях проступали зримо приметы Рязанщины, Смоленщины, Владимирщины, Подмосковья, собственно, как и Витебщины, Могилёвщины, Брестчины и Гомельщины. Именно «малая радзіма» даёт человеку мощный толчок, потрясающий всплеск духовных сил и эмоций, и небольшой кусочек земли живёт, бьёт вечным ключом внутри нас. Лишь в нём одном и есть надежный золотой запас. «Этот золотой запас воспоминаний детства и юности даётся художнику на всю жизнь. Он может многократно помножить его приобретением поздних наблюдений, реальным изучением жизни или по книгам, но заменить эту основу основ поэтического постижения мира невозможно ничем, как невозможно заменить в своей памяти родную мать – другой, хотя бы и самой красивой женщиной», – так писал Твардовский в своём очерке, посвящённом Ивану Бунину.

Поэтизируя родные уголки Беларуси, Лидия Довыденко припадает к исторической кринице нашей общей «спадчыны», находя там подлинные общечеловеческие ценности: *«Каждый метр деревенской земли мне дорог, живёт своей жизнью в воспоминаниях, в сердце, являясь высоким смыслом того, что мне непостижимо, почему я оказалась там, почему душа моя выбрала именно этот уголок земли для любви до конца своих лет»*, – пишет она о белорусской деревне Хомичи, что в Быховском районе Могилёвской области, в которой родилась спустя семь лет после Победы, тогда уже почти восстановленной. Свет «малой родины» согревает нас в самые тяжёлые минуты жизни, именно здесь находим мы отдохновение усталой душе, и человек мысленно возвращается в те места, где когда-то был счастлив, чтобы вновь рассказать о судьбе отчей земли и судьбах своего народа. *«Казалось, вода и небо наслаждались своей величественностью, рождая и в тебе представление о чём-то Большом и приучая тебя к Большому, без которого ты уже и не мыслишь своей жизни. Потом вода начинала медленно спадать, появлялись пятна грязных островков, и к июню месяцу луг покрывался сочной изумрудной травой, в которой пестрели цветы и вили гнёзда птицы. Трудно найти слова, чтобы описать красоту этого луга, когда он созревал и начинался сенокос. О, простор, о, запах сена, о, песни косцов! Сколько счастья вы дарили детскому сердцу! О, сказки и легенды в изложении мамы!»* – восторженно описывает автор реку Друть, впадающую в Днепр, казавшуюся ей тогда целым бесконечным морем! Как видим, немалое пространство книги органично подчинено природе родного края, наполнено тихим лиризмом, чистыми чувствами и помыслами.

На поле Куликовом

Очерти настоящее во времени.

Марк Аврелий. *«Размышления»*

Человек жив памятью поколений, историей прошлого и настоящего. Именно наше прошлое – залог благополучия в грядущем. Память родовая, генетическая – как преодоление времени, преодоление смерти. Сохранение своих корней. Историческая память народа формирует нравственный климат,

в котором живут поколения. Род Щеповых по линии отца Лидии Довыденко занимался обработкой леса, а её прадед, Щепов Архип, ходил в составе русской экспедиции к берегам Америки, принимал участие в Гражданской войне между Севером и Югом. В этом походе был и отец Николая Гумилёва (любимого поэта Лидии Владимировны, это о нём она напишет книгу «Гумилёвская осень») – Степан Гумилёв. Вот оно – пересечение судеб, перекрестие строк! Воистину пути Господни неисповедимы! Уникальное явление! Прадед вернулся из далёкого похода и поднял семью, в которой родилось 12 детей. Казалось бы, род должен жить и процветать. Были в этом роду и князья. Но весь род князей Щеповых «полёг на поле Куликовом», по словам историка-генеалога.

Сегодня подвиг славянского ратоборства выпал на долю и Лидии Довыденко: с гордым достоинством она продолжает его! В своём очерке автор с теплом и восхищением отзывается о президенте Республики Беларусь, подчёркивая его нравственное превосходство перед другими лидерами, его значимую роль в сохранении мира, в дружбе и сотрудничестве с Россией.

Стоит упомянуть и очерк-рецензию о книге Николая Коняева «Купола над Друтью» – колоссальное издание. Историко-краеведческое исследование в двух томах. В центре исследования Свято-Покровский монастырь в Толочине, в контексте культурно-исторических событий в течение тысячелетия на территории нынешней Витебской области. Варяги, нашествие Наполеона, Александр I, время новейшее. Роль и сила Православия, верность народа отеческим заветам, сохранение для потомков своей исконной веры. Глобальные темы – актуальные во все времена. Что примечательно: единое Соборное целое – идея всеединства человечества – красной линией проходит в книге Коняева. Строительство храмов, белорусские святые, просветители, среди них – яркая личность канцлера Великого княжества Литовского Льва Сапегы, явившаяся залогом сохранения национальных особенностей белорусов, их веры, культурно-просветительных традиций, языка, литературы. *«С чувством благодарности писателю заканчиваю я чтение книги Николая Коняева, с ощущением прорастания духовного зерна в живой и свободной моей родной земле, где возрождаются белые храмы с золотыми куполами в небесной сини, где бытийный мир не отделяется от его православного устройства, где злые мирские пагубы одолеваются отеческими заветами»*, – на такой высокой мажорной ноте завершает автор своё историко-литературное повествование.

По-настоящему вдохновенный образ истории, по мнению Лидии Владимировны, являет нам и книга Евгения Живоглода «Сказание о русах» – объёмный поэтический труд по истории России от язычества Руси до 1917 года. Жертвенное восхождение к истокам славянства. Сильный и пронзительный лирический дар автора. Уникальная поэма современности, не имеющая аналогов в изящной словесности нового века.

Удивительно и её философское эссе «Царство высокой духовной жизни» об одном из самых красивейших храмов Минска – Храме Всех Святых. *«Личность отца Фёдора, его неутомимую деятельность на благо православной Церкви и белорусского государства, его народа трудно переоценить. Покидая территорию храма, мы не замечаем декабрьского холода, проникшись благодарью места, ощущаем тепло и благодарность за причастность к святыне, за божественную истину, лёгшую на скрижали наших сердец»*, – с великой человеческой благодарностью напишет она о посещении этого насквозь пронизанного светом любви к человеку и миру духовного места.

Лидия Довыденко – кандидат философских наук. Видимо, поэтому её неотступно волнуют проблемы нашей цивилизации, тут и цифровизация, вопросы глобализма и техногенных катастроф. В книге рассказывается о достаточно объёмной работе двух учёных – Е. Бабосова и В. Старжинского, которые представляют ведущую национальную идею белорусской науки. Прежде всего, прочитывается глубокая связь с философией славянского космизма, утверждающей гармонию мира, – то, о чём писали Флоренский, Достоевский – та русская открытость, всемирная отзывчивость русской души. По мысли мировых писателей, философов, религиозных деятелей, именно Россия – родина космического мышления. К примеру, Рерих говорил о символе Троицтва – символе Вечности и Единения, – представляющем вечный круг Соборности. Это религия, знание и искусство в кольце Культуры, в общекультурном, общечеловеческом значении. Раскрывается философия вечной космической реальности. Космическая эволюция славянского народа, которая заключается в эволюции его сознания, в восхождении вверх по вертикали, а не по горизонтали.

Мы видим, что границы между «я» человека и «Я» человечества в действительности весьма тонки. На этот счёт немецкий прозаик Томас Манн писал: «Нам кажется, что мы выражаем только себя, говорим о себе, и вот оказывается, что из глубокой связи, из инстинктивной общности с окружающим

мы создаём нечто сверхличное». Это, пожалуй, и есть самое уникальное в творчестве Лидии Довыденко. Вне всяких сомнений, ей удалось частное сделать всечеловеческим. Как философ, она смогла выйти за рамки привычных представлений о мире, человеке и природе, смогла представить целостное видение окружающего нас бытия в философско-историческом, литературно-художественном и публицистическом контексте прошлого и современного.

Главные уроки жизни

Мудрость разумного – знание пути своего,
глупость же безрассудного – заблуждение.

Притч., 14:8

Так учит нас ветхозаветная «Книга притчей Соломоновых». Но одно дело советы мудрецов, совсем другое – собственный приобретённый опыт и ум. Воспоминания детства, пожалуй, – основной момент человеческой жизни. Лидия Довыденко – не исключение. Она черпает вдохновение и пьёт чистую родниковую воду из неиссякаемых криниц детства. Там, в белорусской вёсачке, в живописной деревеньке Хомичи, её кровное пристанище, духовная родина. Берег речки Узбинки, берега Друти... Да, дорогой читатель, ты угадал, что это сродни калининградским берегам, а значит – журналу «Берега», главным редактором которого она является.

Детство всегда неразрывно с родиной. И волнуется сердце, охваченное светлой грустью, трепещет взволнованной птицей. Сколько всего довелось ему испытать. Чего только стоила история с боевым и задиристым петухом или со странной болезнью «золотухой», какую излечить смогла лишь местная бабка-целительница, и поучительный случай спасения маленького братца. А наиболее существенное – это, конечно же, жизненные уроки. Мамины главные уроки. Семья, обязанности по дому, помощь и взаимовыручка, каждодневный труд, постоянная учёба, детские забавы на природе. Доброта и дружба. Сегодня можно с полной уверенностью сказать, что советская система воспитания себя оправдала. Мы не сидели в соцсетях, подчеркнёт в разговоре со своим братом автор. И всё успевали: работали, общались с природой и с друзьями, допоздна читали любые книжки. Приходят на ум высказывания и писателя В. Курбатова, который сокрушался, что современный мир стал в чём-то неаккуратным, неопрятным, что куда-то ушла строгая простота, чистота как внешняя, так и внутренняя. Нынешний человек и в семье, и в душе утратил лад. А ведь какое тёплое и берегающее было слово, взятое из золотых сокровищ собирателя народного языка Владимира Даля!

Бабушка и мама были семейными оберегами для Лидии Довыденко. Они в буквальном смысле решали глобальные проблемы добра и зла, учили отличать одно от другого. Однажды мама рассказала дочери старую легенду о тоскливо вскрикивающей птице, затем было объяснение, что *«нельзя отделяться от людей. Если они вместе делают какое-то полезное дело, ты должна быть с ними»*. Это был для девочки первый в жизни «урок соборности». Истоки многих качеств нашего характера кроются в детстве. Мы рождаемся, чтобы познавать мир, и жизнь – это не игра, а неустанный труд души, бесконечный путь к совершенствованию. Среди дошкольных воспоминаний навсегда осталась в её памяти и та земляничная поляна: *«В Белоруссии эти ягоды называют “суницы”. Когда мама собрала горсть первых ягод, она не съела сама, не дала мне, как я надеялась своим детским умом, а стала оглядываться по сторонам. Она искала пенёк и, найдя его рядом, положила на него первые суницы лета. “Дедам!” – коротко произнесла мама. Она преподнесла мне урок памяти о тех, кого уже нет с нами, урок невидимой, но существующей в сердце связи с ушедшими поколениями, урок способности к самоотречению, урок православной традиции: если давать, то – лучшее»*. Постепенно и ненавязчиво проступает сквозь описания житейских забот и тягот непростого деревенского быта обыденный подвиг женщины-матери, всецело отдающей себя общему труду, дому, семье, обеспечивающей жизненное благополучие своих родных и близких, мужа, детей. Разве забыть ей полный горечи мамин рассказ о годах войны и времени страшной оккупации белорусской земли немецко-фашистскими захватчиками? Партизаны, полицаи, герои, предатели. Время всё расставило по местам. Пришла пора воздаяния. Первостепенное – народ себя сохранил морально, сберёг свой духовный запас для будущих поколений.

Сдержанность в проявлении чувств, унаследованная автором от матери, сказывается и на выверенной манере письма. Известно, что всё подлинное – сдержанно, сердечно. Строгость воспитания, мудро

соединённая с любовью, – великая нравственная сила. Усвоив с детства уроки добра и благодарности, она сегодня щедро отдаёт эти знания людям. В ней, как в человеке, симпатичны и притягательны отзывчивость, доброта, внутренняя деликатность, непоказная интеллигентность.

Моя Беларусь

Нам раніць сэрца кожнае вяртанне,
І кожнае шчымлівае спатканне
Не умясціць у рамкі гучных слоў!

Евгения Янищиц

Не обессудь, дорогой читатель, от неожиданного потока белорусских слов, от того, что, вероятно, не сразу поймёшь их смысл, но свою родную мову генетически, подкожно чувствует автор. Ведь, по сути, славянам перевод не нужен. Мы ощущаем всё сердцем, на ментальном, интуитивном уровне. Ибо это единый мотив жизни – возвращение, прощание и вновь возвращение к вечно ждущему тебя отчому дому. Так устроен мир и такова человеческая природа, всегда стремящаяся к родным берегам. Дом – понятие многозначное: от маленького деревенского домика, избы, хаты до огромного Дома – нашей планеты Земли. А в христианской философии присутствует и Дом небесный, где все мы когда-то должны встретиться с дорогими нашему сердцу людьми. «Усе мы з хат» – одна из хорошо известных книг писателя Янки Сипакова, отразившая судьбу Беларуси, название которой стало крылатым выражением на долгие времена, тем самым подтверждая традиционную суть белоруса. И наша славянская литература больше всех других литератур пишет о деревне, говоря собственную правду, возрождая язык, сберегая память поколений.

Однажды вернётся к своему дому и Лидия Довыденко: «*Нет уже того дома, нет Узбинки, превратившейся в ручеёк и заключённой в трубу в том месте, где был мост. Но в памяти дорога каждая пядь земли, где бегали босые ноги, и всё, что мы любили*». Щемит душа о невозвратном. Но любовь к родине подразумевает и любовь к её людям. Люди Беларуси – это тоже вечный бесценный золотой запас, золотая руда, исчезающая в песке времён. Автор знакомит нас с настоящей крестьянской культурой, составляющей основу жизни белорусской деревни, её колоритный быт. Не секрет, именно провинция воспитала многих творцов, впитавших истоки народной старины, которые они постигали с ранних лет. Деревня – тема особая в белорусской литературе – корневая основа жизни. И детство для Лидии Довыденко означает не только мир милых грёз и ностальгических воспоминаний, оно прежде всего определяет саму сущность человеческой и писательской натуры, – то глубинное, что зачерпнуто из народной души, и проявившееся в значительном ряде произведений.

Впрочем, и творчество русских художников наряду с белорусскими нельзя представить без их деревень. Деревня – мощная непреходящая тема, в особенности деревня детства – неисчерпаемая криница, скарбница творческого вдохновения. Однако кто-то усмехнётся: мол, сколько можно использовать один и тот же избитый сюжет, когда многие писатели, журналисты давно живут в городах? Да, живут, но кровной сути это не меняет. Не исключено, что нашим внукам ещё придётся начать с того, где остановились мы, не разрешив извечных вопросов бытия; им придётся вернуться к нашим брошенным и покинутым хатам, к забытым очагам, покрытым травой забвения. Поверим – и, возможно, нам станет легче: боль потери не так будет жечь сердце, а надежда придаст силы жить дальше. С невероятной эмоциональной силой выплеснул из себя пронзительные строки национальный поэт Беларуси Михась Башлаков, которые звучат нам справедливым укором и которые сегодня стали пророческими: «Вернецца памяць... / Прыйдзецце самі да родных вытокаў і кінутых хат...» Поэт по-своему продолжил путь просветителя и гуманиста Микола Гусовского, впитавшего мощь поэзии всех времён и народов, мощь, подаренную Полесьем, путь которого восходил к древним славянским истокам.

Оказывается, иного пути нет. Сколько бы времени ни прошло! Вместе с автором мы отправляемся в деревню Бобровичи, что в Брестской области, в живописное белорусское Полесье, в гости к удивительному человеку и писателю, художнику во всех смыслах этого слова – Вениамину Бычковскому. Впоследствии – как результат столь незабываемой встречи – родилось интереснейшее литературно-краеведческое эссе Лидии Довыденко «О чём говорит полесский дуб...». Неповторимость древнего полесского края – отдельная историческая тема в творчестве белорусских художников. Им удалось

по-особенному услышать исконную музыку древнего Полесья, сосновый гомон его величественных деревьев, почувствовать царственное течение времени, где правит не время, а времена, посчастливилось услышать голоса разных времён, увидеть туманы, дожди, озёра, белые и золотые пески полесских берегов. Где ещё возможно встретить паром, если только не в этих стародавних местах?! Кирилл Туровский – белорусский духовный деятель, поэт и крупнейший религиозный философ двенадцатого века, мощная историческая фигура которого олицетворяет таинственный край Полесья.

В жизни и творчестве Вениамина Бычковского Полесье также сыграло свою знаковую роль. *«Неожиданная связь с землёй поменяла что-то во мне. Словно стал принадлежать какой-то новой касте людей – не горожанин, но и селянином не назовёшь меня. Что-то между ними. Хорошо это или плохо – не знаю. Но я легко понимаю горожан и, по-моему, уже разбираюсь в привычках сельских жителей. И чем больше отдаляюсь от своего прошлого, тем сильнее сближаюсь с прошлым этой земли. Стоит увидеть камышовую крышу на окраине деревни, как тут же представляю старую хату, скрипучую дверь с клямкой, а за дверью – крестьянский быт во всём многообразии глиняной посуды, самотканых рушников, деревянных скамеек и пузатых расписных сундуков... Странные ощущения переживаю в деревне: своя жизнь отдаляется, а чужой мир приближается и становится родным. Кажется, я врастаю в эту землю»*, – пишет он сродни философу-этнографу в рассказе «Межа», открывая для себя доселе неведомые тайны человеческого бытия. Ему словно вторит и автор, не перестающая всему удивляться в этом загадочном краю, чтобы в очередной раз убедиться, как нам всем необходима почва родной земли и отечественная традиция: *«Полесье – удивительная страна. Древностью дышит этот край. Вспоминаются слова поэта и живописца из Петербурга Александра Тимофеева: “Люби только то, что действительно делать умеешь, люби только ту, без которой тебе не прожить”. Наверное, к этому и стремится Вениамин Бычковский, и всё же поражает сложность его бытия, рядом с ним не знаешь, что существует, а чего нет. Дни без названия, вне времени, вне географии, волшебный вкус воды из колодца, запах дыма из печи, мелодия смешанного леса за домом, беззвучно говорящие камни. Уха, приготовленная на прощальном костре накануне отъезда»*. Здесь всё оживает и говорит на своём особом языке природы, языке самого Создателя: древний тысячелетний дуб, тёплые и холодные камни, колокола, иконы...

Завораживает, не отпускает дивное Полесье. Не менее захватывает и очерк, посвящённый повести Зои Капусты «Копыльская мистерия», действие которой тоже происходит на полесской земле. Зоя Николаевна Капуста-Кулик – белорусский писатель, публицист, общественный деятель, ведущая международной культурной радиопрограммы «Страна талантов».

«Лес чудесный, а деревни умирают, как везде. Не будет деревни, пропадёт земля, язык исчезнет напрочь. Из города землю можно обрабатывать, а вот любить нельзя. А без любви всё гибнет. Отбили людей от земли, от крестьянского труда... А сколько мужчин наших погибло за родину, а значит, за земельку свою», – с болью говорит главный герой ее повествования. Во время войны в белорусских лесах спасались и жители близлежащих деревень, и партизаны. Осуждая инородных захватчиков, местный философ подчеркнёт и суть характера простого человека: *«Всё не наедятся земельки чужой. А сколько чего нужно тому человеку? Покой да тепло, дети да еда. Да чтобы род жил, чтобы пуца стояла, солнце грело, молодёжь любила друг друга, старики уголок свой имели. Но людей на свете много, на всех совести у Бога не хватило. А мы, местные жители, так и живём на этом свете, лишнего нам не надо, чужого не желаем. Но и нашего не трогай! Пришёл к нам с добром, живи, работай, но не вреди, если наша земелька тебя пригрела, и люди с добром! Терпеливый наш народ!»* Более того, Лидия Довыденко подметит и другие существенные, важные моменты: *«Белорусские леса, укрывавшие партизан, описаны автором как целостное явление: природа помогает человеку, если он проникнут благородным стремлением – освободить свою землю от варварского нашествия фашистов. Тёплый голос собеседника героини повести делится заветами старины: “Свои держались в своём кругу, держались своей земли, берегли пуци, птиц, зверей. У каждого рода был свой оберег – тотем. Люди верили, что птицы, звери их оберегают, а может даже, они тоже люди, только в другом обличи. В наших местах люди уважали волков, считали волка охранителем мира ушедших, а воины местные шли на битву, одевшись в волчью шкуру, так они считались неуязвимыми. И это не удивительно. Когда-то человек жил рядом с волками в пуце, конкурировал с ними на охоте. И волк удивлял умом, выносливостью, организованностью стаи, семейной верностью»*. Действительно, недаром белоруса называют человеком леса. Экология природы воедино слита с эко-

логией души человека. Писатель должен уметь читать знаки судьбы. Ведь наша жизнь пронизана символами. Проступает двойной философский смысл, опять ведущий читателя к бездонным литературным криницам. Будто сквозь отзвуки романтических мелодий Владимира Короткевича начинают звучать и мелодии, в которых проступает какое-то мистическое сумрачное изящество, привлекая непривычной и странной гармонией. А это всегда интересно. «Копыльская мистерия» построена на контрастах: немецкие фашисты – белорусские патриоты. Кровавая смертельная схватка с волками. Яростный бой: нелюди-враги и звери, ставшие на сторону защитников своей земли. Символические образы. Крайне остро воспринимается и гибель двух молодых влюблённых, Винцуся и Яньки, во имя свободы, света и любви. И писатель Зоя Капуста призывает всех нас следовать высокой цели, оставаясь такими же целеустремлёнными и преданными долгу служения Родине, какими были эти люди, герои повести, постигшие жизнь во всём её трагизме и счастье, мужественно исполнив им предначертанное. Осмысление прошлого здесь происходит на тонком философском уровне. Вдумчивый художник не ограничивается в искусстве пределами личного, а стремится к всестороннему освещению действительности, выражая идеи гуманизма не отдельной части общества, а всего народа, поднимаясь в художественном осмыслении до общечеловеческой нравственной проблематики.

Каким-то непостижимым образом Лидия Довыденко показывает подчас абсолютно отличные друг от друга, но крепко связывающие разные эпохи и разные берега статьи. *«Я горжусь своим белорусским происхождением. В стране не разрушили, а усовершенствовали, модернизировали, актуализировали то, что было достигнуто раньше. Здесь понимают: не может расти дерево, если подрезать его корни. И сколько бы хорошего о Беларуси я ни написала, всё равно этого будет мало. Цвети, моя Родина!»* – проникновенно, душевно и в то же время чётко расставляя гражданские и общественно важные приоритеты, скажет автор своё веское слово о Родине. «Сердце человека обдумывает свой путь, но Господь управляет шествием его», – говорится в притчах библейского царя Соломона (Притч., 16:9). Перед нами может быть открыто множество дорог, но состоится только то, что предопределено и начертано свыше.

Мы прошли вместе с писателем путь, начавшийся от осознания себя на земле, осознания того, что человек являл собой изначально, прошли его до постижения – предназначения человека на Земле. Эта тема вне моды и всегда современна. Не удержусь, приведу ещё один отрывок из книги «От неба данная земля»: *«За Беларусь – будущее, за ней роль объединителя славянских народов и народов, входивших в Союз Советских Социалистических Республик, потому что в ней есть та неповторимость и величие, сохранение благороднейших традиций, отношение к Великой Победе как несокрушимой святыне. Великие страдания и в то же время великое победное одоление врагов в мировых пожарах и потрясениях – это белый свет современности, выращенный в высокую миссию нести миру гармонию, благоговение перед Творцом и Жизнью. Каждый год я устремляюсь к своему земному и небесному Отечеству, бывая в разных городах, но всегда заглядывая в милый душе городок на берегу Днепра – Быхов Могилёвской области, навещаю родственников и кланяюсь родным могилам... Я иду в Свято-Троицкий храм в Быхове, где была крещена я и мои дети, чтобы помолиться о Беларуси»*, – вот так с верой, надеждой, любовью Лидия Довыденко завершает своё мудрое и гражданственное повествование, свою песнь о светозарной земле Беларуси. Не зря апостолом Павлом было изречено: «Если имею дар пророчества и знаю все тайны, имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто». Развить такую животворящую любовь, дать ей крепкую почву может только отчая земля. И память о ней до скончания века будет жить в нас, она в крови, в дыхании. Это ли не мудрость наших отцов, оставивших нам в наследство удивительную часть света, тихий и неброский в своей красоте белорусский край? Беларусь ассоциируется с белым аистом – светлой надеждой обновления. При всех трудных путях, потерях нам всегда остаётся будущее, этот бесценный Дар – наша земля. Остаётся богатая славянская культура, уходящая своими корнями в историческое прошлое. Корни – это не только почва, взрастившая национальных творцов, это – обычаи и традиции, полученные в наследство. И как мощь дереву придают прочные, крепкие корни и кроны, которыми живы ветви, так и человек жив только родовыми чувствами, питающими его дух, жив родным словом...

Лидия Довыденко верит в то, что возможна гармония на земле. Не будем забывать, что неизменны лишь три вечные истины: любовь, историческая память и культура. Жертвенное служение во имя нашего общего дела мира, во имя сохранения наших самобытных национальных истоков и славянской культуры – вот что всегда объединяло и будет объединять народы России и Беларуси.

Берега прочтения

Елена Крюкова

Елена Крюкова – живёт в Нижнем Новгороде. Поэт, прозаик, культуролог, литературный критик. Окончила Московскую государственную консерваторию (фортепиано, орган) и Литературный институт им. Горького. Член Союза писателей России, Творческого Союза художников России, Издательского совета Русской Православной Церкви. Автор книг стихов и прозы. Лауреат премий: им. М. И. Цветаевой (2010), журнала «Нева» (2012), Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2014, 2016, 2019, 2021, 2022, 2023), им. И. А. Гончарова (2015), им. А. И. Куприна (2016), им. Э. Хемингуэя (2017, Канада), Южно-Уральской премии (2017), им. С. Т. Аксакова (2019), им. Ф. И. Тютчева (2020), журнала «Север» (2020), им. Н. Н. Благова (2021), журнала «Берега» (2021), им. С. Сергеева-Ценского (2021), «Молитва» (2021), им. Б. Корнилова (2022), «Есть только музыка одна» (2021, 2022), «Слово и музыка» (2023), им. Н. С. Лескова (2024) и др. Публикуется в литературных журналах России и стран мира (Франция, Германия, Болгария, США, Канада). Создатель авторского «Театра Елены Крюковой».

ПЛАМЯ ПАМЯТИ

О повести Анатолия Григорьевича Байбородина «Дрова»

Сибирь, мощная земля. Здесь горы и воды дышат древним Космосом. Живущий в Сибири понимает, с благодарностью вбирает и любит её беспредельную, Божию силу. Сибирские звёзды, ночами всходящие над тайгой, над широкою гладью Байкала, – глаза Времени, что строго, уповадно, неотрывно смотрит на нас, в нас. Во глубину наших сердец, порой устало, легкомысленно или грешно забывающих, что есть на свете живые, невероятно далёкие звёзды, и они отражаются в близёхонькой, подлунно блестящей, такой бездонной байкальской воде. Да это и не вода даже. А скатерть на совместном пире Господа и человека. Накрыт стол. Поклонись низко. Надо успеть воздать хвалу. Надо – СПЕТЬ.

У всякого из нас свой Байкал. Своя мощь великой природы. И – великой жизни нашей, и общей, народной, и отдельно взятой; вот наша родова, наши кровники, вот те, кто далече, а вот неведомые, навеки незнакомые, – но все мы современники, сомгновенники. И этот сердечный, духовный Байкал – озёрная чистейшая икона, образ, подаренный природой, таёжное благословенье. У Байкала есть, буряты верят, Бурхан; он его хранит, стережёт, питает, а Небесное Око, Белая Вода (Бай-Кель) питает и вдохновляет нас.

Счастлив рождённый в Забайкалье писатель Анатолий Байбородин. Внутри нашего времени судьбой вброшенный, он, как художник, раскрывался навстречу людям медленно, не чураясь в прозе с размахом широких крыл ни торжества, ни страдания, не упуская из виду никакую сокровенную подробность единственного бытия и в то же время обнимая душой великую тайну художественной цельности.

Что такое цельность? От чего она происходит-рождается, как воздействует на живую ткань искусства? Есть в произведении искусства некий незримый магнит, он могуче, властно притягивает к себе все мелочи, все изобразительные плетения-узоры, что хочет и может сотворить мастер; имена того магнита могут меняться, но они все одной природы, происхождения одного: Родина – земля – народ – природа – небо – Бог. Магнит собирает, магнит заставляет тебя становиться чище, лучше, требовательнее к себе. Читая прекрасные стихи или прекрасную прозу, ты не только воображаешь

живые картины, бытийные и событийные; ты соотносишь их с собственной жизнью, а главное, ты ОТКРЫВАЕШЬ неведомое, прикасаешься душой, драгоценным чувством к тому, что ты не испытал, а вот теперь, читая подлинного художника, испытываешь.

Это твой опыт постижения сердца как Космоса.

Так человек, погружаясь в искусство другого человека, ныряя в него, как во хрустальный холодный Байкал, и плывя в нём с захолонутым сердцем, рассматривая далеко на дне цветные камни, созерцая медленных царственных ельцов и юрких золотых рыбок-голомянок, проживает иную жизнь. Разве это не чудо – многократно прожить жизнь свою?

Рыбы и птицы. Перелётные, небесные, и домашние, родные, вот они, рядом с тобой, куры-утки, в стайке во дворе. Жизнь неистребима. Ты, малец, по жизни бежишь, задыхаясь, тебе надо догнать и перегнать, вволюшку наозоровать, выше всех подпрыгнуть, победить. А потом руки греть у бешеного, косматого костра. Согласно ритмике чудес природы живут и люди; родные люди, ведь они постепенно вырастают вот из этих гололобых огольцов, из этих мальчишских криков и беготни, из забайкальских, в полнеба, кроваво-парчовых закатов, из озёрной тишины, что манит тайной и пугает плеском Иномірия.

Иной Мирь... да ведь он далеко, отсюда не видать... а свой-то, близкий-родненький, да вот он: с матерью и отцом, со всем хозяйством, со всей древней жизнью, что перед глазами героя повести, Ивана Краснобаева, мальчонки Ванечки, играла и сияла каждой кровной мелочью, каждым днём бескрайней, так казалось в те поры, жизни:

«<...> Вспоминаю, отец выкурил самокрутку до корня, когда говорят: кури дружок, я губы обжѐг, и, поплевав, загасил. Надел брезентовые верхонки, ухватил колун и отмашисто саданул по чурке; а мать, пробегая по ограде, вдруг замерла... Настрадавшись от недельной пьянки-гулянки, умилѐнно глядела на трезвого и домовитого мужика, но потом взгляд заволокло слезами, словно тылым, морозящим дождѐм, и мать безголосо заплакала. Горькая и сырая бабья доля: и в горе воеет, и в радости слезьми уливается... Хвалила мать богоданного, глядя как нарядная, золотистая поленница выросла по бревенчатый заплот, гадая о житье-бытье просто: слава Те, Господи, сена корове накосили – с молоком перезимуем; картошку в подпол ссыпали, бочонок капусты наквасили, лагушок рыбы насолчили, дров напилили, муки, соли, сахара запасѐм, так и по миру не пойдѐм, с голоду не пропадѐм... даже если папаша загуляет. Загуля-а-ает... – смолоду обвык. <...>»

А вот и зима! «Десять месяцев зима, остальное лето», – смеялись мы в детстве, выкрикивая друг другу эту непонятную неоспоримость. Внутри холоднющей, злющей и так царски, райски, алмазно сверкающей зимы – тепло печи. А печь топят дровами.

«<...> Отец, если дрова кололись легко и ловко, добрел и, случалось, на перекуре толковал сыну: – В твои лета, паря, я уже в лес ездил по дрова... Помню, махнули в лес с братом... ему о ту зиму одиннадцать было... свалили пару листвяков, распилили на кряжи. В сани завалили кряжей пять, перевязали и тронулись с Богом. И, помню, примораживало, а коль мороз, дак сорок пудов на воз – снежный наст крепкий, дорога лёгкая, можно и побольше в сани нагрузить. <...> И помню, растяны, топор посеяли в дороге. Беда... Тятя не облаял, но велел: “Ну, паря, чаю хлебните с мороза, да и валите в лес, ищите топор. Коня не дам, конь устал, пеишом дуйте. Без топора не возвращайтесь – топор кормит, поит, одевает, обувает и обороняет...”»

И вот так у писателя, у художника слова Анатолия Байбородина дрова становятся не просто тематикой повествования, а – АРХЕТИПОМ бытия.

Анатолий Байбородин сурово и вместе самоцветно архетипичен. Что это означает? Библейски начален. Его Библия – как в музыке тема фуги и контрапункт: тема – Сибирь, контрапункт – мелодия живой души, то нежная, то колко-хвойная, то отчаянная, то кровавая. И снова, снова – через линзу человеческого уклада – Божия: на полнеба.

Архетипичен – это значит: упрямо идёт на вечность, на её свет, а ориентирами, вешками избирает приметы Времени, ступая по сине-сизому байкальскому льду.

Это значит – когда непроглядная темень вокруг, самому исполниться мужества, и вспыхнуть, и стать светом. Художество, мастерство писателя тоже может превратиться в свет.

В огонь.

В тот огонь, что пылает-полыхает, когда в печи дружно горят дрова.

И ведь печь тоже становится архетипом: это кладезь огня, его укрощение, ему поклонение, его приручение, им наслаждение, перед ним трепетание – ибо ты человек, а огонь – стихия.

Дрова – это благо, благодать, не только и не просто отопление на селе, в избе, на заимке, но – ВОЗМОЖНОСТЬ жизни. Дрова есть синоним жизни, ибо вся жизнь земная, зимняя спасается дровами, оранжево горящими в копотной печи.

Жизнь – горящее дерево... Поленце – как древко золотого, красного флага, спасительного, свободного, в лютый колотун, красного крыла. Да ведь и сами люди в мешанине времён, в Божьей гигантской печи – кто они такие?.. – горят и сгорают и обращаются в самосветящиеся, вспыхивающие то синим, то алым головни: чернеет поглощающая всех земля, пылают поверх неё костры, и память заставляет ушедших источать призрачный свет, переливаться недосказанной при жизни любовью; мы – дрова, и этот надмирный архетип лунно горит над укрытой белой холстиной землёй в чёрно-сажевой, остывшей печи неба.

Один герой шествует по всей долгой повести. Само речное течение текста – ход жизни. Трудно уловить и запечатлеть поток. В нём можно только плыть, как в бурливой, сине-изумрудной, строптивой Ангаре.

В природе человек вольным стилем плывёт; то задышается и барахтается, то сильно выбрасывает руки впереиз волне; сам свой маленький мирок строит, оглядываясь на Вселенскую многозвёздную избу. Медленно крутится годовой круг, вечные мировые Часы...

«<...> В прошлом году – затяжная поздняя осень, тёплая, посему и сиротская, и вербе почудилось – весна: распушилась, яко на Вербное воскресенье. Ох, поспешила верба с пухом: на Казанскую Богородицу небо с утра прослезилось, а к потёмкам приморозило, ночью оттепело и до рассвета – густой снеговой. Верно речено стариками: осеннее ненастье – семь погод на дворе: сеет, веет, крутит, мутит, ревёт, сверху льёт и снизу метёт. Потом весна явилась, тоже не чище; времена года хороводились вокруг лесной избушки, томили душу сладкой истомой, потом жгли душу горечью одинокого, не обласканного жителя-бытия.

Марья – зажги снега, заиграй овражки – с любовью, но по-свойски, словно деревенскую жёнку, сельские мужики и бабы величали преподобную Марию Египетскую; и в день её апрельский вдруг с отцветающих небес на вешние леса и поля слетелись все времена Года: Весна – игривая дева, украшенная звонколистным зелёным венцом, Лето – томная дева в цветастом сарафане, разметавшая по смуглым плечам белёсые косы, Осень – грустная дева, накинувшая багряную шаль, и Зима – суровая дева в синева-белом покровце. Взвзвись за руки, девы повели хоровод: с утра по-зимнему приморазивало, потом валил сырой осенний снег, а к полудню припекло весеннее солнышко, звенели ручьи и по-летнему зеленела, цвела мурава по сухим угорам. <...>»

А живой огонь – центр первобытного Мира, он же и средоточие Мира новейшего, со-временного художнику. Вот он, магнит жития-бытия! Да ещё какой! Руки огня тянутся к людям. Люди, возжжённые огонь, то любят им, то еду на нём готовят, то с его помощью растапливают баньку, а то просто, до костей промёрзнув, греются у огня. Огонь не только древний Бог, но и человек. Значит, дрова, при помощи коих таёжный Красный Владыка живёт на свете, – это еда огня, и всяк живущий поглощает пищу свою, чтобы возрадовать Того, Кто превыше всех вознесён.

Дрова разношёрстные. Разномастные. Житель, к примеру, среднерусской равнины прекрасно знает: лучше всего, жарче всего горят в печи дрова дубовые. У сибиряка иные о дровах понятия. Более всего лиственницу ценит сибирский человек – чалдон, гуран. И не только лиственничные дрова, горящие дольше всех и щедрее всех дарящие тепло, а и всевозможные хвойные деревья. Дух свежей хвои – это как благословенье таёжное, вдохнёшь глубоко хвойный аромат – это же как праздник! Кедр-митрополит... пихты-воины... ели разлапистые... сосны горделивые... Тайга вся, сплошь, хвойные дружины. Человек посередине этого колючего царства – добытчик пропитания, веселья, жизненной силы, маленьких радостей... и тепла. За тепло надобно сражаться! И значит, всякий день надо выходить на войну с жизнью.

«<...> Приволок берёзовых поленьев, щепы и бересты на растопку, и скоро огонь озорно запел; а когда открыл дверцу, дабы подкинуть дров, зарницы поплыли по сумеречной кути. Жалко Ивану печь – страдальца: замороженная, скучает по хозяину, а тот прибежит, растопит, печка и не

рада – после мороза хозяин её так раскалит, что уж духовка, сваренная из толстого железа, трижды прогорала. Да и печной кирпич крошился, не вынося резких перепадов мороза и жары. <...>»

А вот и школа. Вот они и уроки литературы – той литературы, что потом, позже, станет хлебом насущным, водой ключевой и воздухом, пьянее хвойного-родимого, для писателя Ивана Краснобаева. Дети, их озорство и неповиновение, их нетерпимые выходки, их абсолютное незнание того, что с ними станет завтра... Дети мало думают о том, что такое смерть, слава, судьба. Они сами живут внутри бессмертия, переходят, как по тонкому льду, неведомую судьбу.

Мальчишка Кеша Климов (по-деревенски – Маркен), что распоясался на уроке литературы (эка, учительница заставляла выучить наизусть письмо Татьяны из «Евгения Онегина»!), через горы времени стал военным, офицером; потом и генералом стал Иннокентий, воевал на пылающем Кавказе... Разве мог он в те дальне-туманные сибирские годы предсказать себе судьбу? Он же не Нострадамус. И никто из нас не пророк. Но все мы самими собою топим печь мировь. И школьное хулиганство в будущем оборачивается неподдельным геройством, а несдержанность – горячностью, ширью сердечной, страстью жить на полную катушку.

«<...> Ох, видно, теми вождями и образумил батя Маркена: минует четверть века, багровой зарёю взойдёт грядущее столетие, и перед Иннокентием Климовым, армейским генералом, хлебнувшим мятежного Кавказа, здешние власти постелят ковровую дорожку от поскотины до школы и будут гадать: какую улицу переименовать в честь Иннокентия?.. где воздвигнуть статую?.. и можно ли прижизненно?.. А для почина поменяют в Климовской избышке нижние венцы, сгнившие в труху, поправят забор и ворота с резными верями и двускатной крышей из соснового дранья. Но то будет после, а пока – школа.

Маркен всякое вольное время, прикрутив самодельные коньки на валенки, катался по ледяному озеру, и, мечтая о коньках-норвегах, о заправдашней клюшке, кривым сучком гонял по льду конский шавяк, похожий на шайбу. Подросши, напялил боксёрские перчатки и, случалось, валил с ног даже зрелых парней; а посему по физкультуре ходил в пятёрчниках, да и по иным предметам выбился в ударники, но литературу люто невзлюбил, словно злую мачеху. И не полюбил даже при Серафиме Ивановне, хотя вдруг, изумив братву с “камчатки”, взметнул руку и, выйдя к доске, прочёл “Бородино”, ловко изобразив бывалого вояку:

– Да-а-а, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя... – Маркен с нарочитой горечью вздохнул. – Богатыри – не вы! – картинно указал на Ваню Краснобаева.

А ведь тот, хотя и телок смирный, а двухпудовую гирию и кидал, и толкал, и жал; в тайге же нынче, когда готовили лес на тепляк¹, сосновые кряжи ворочал наравне с мужиками. <...>»

Как угадать? Как протянуть серебряную, инистую нить от малого мгновенья нашей юной, молочно-нежной, крохотной жизнёшки к вольно, раскидисто, в полный рост над полями Времени стоящей судьбе, как прочитать письмена, Богом процарапанные на коре ели и пихты в тайге детства, на кедровой плотной, пахучей древняной коже? Не узнать. Не рассмотреть в лупу, в волшебный телескоп, как над тайгой звезду. А просто – жить. И чтобы твои дрова, весело потрескивая, споро горели в твоей печи.

А кем ты станешь – да не всё ли равно; всё равно ты станешь тем, кем тебе стать предназначено. Горит твоё сердце. Освещает тебе суждённый путь. Вот стал ты, Ваня Краснобаев, служить русскому Слову. Вот подружка твоя, Кланька, с ней в одном классе учились, простою крестьянкой стала. И в том счастье наша, наиболее полное, наиболее светлое и святое. Хозяйка и мать; каждое праведное семейство на деревне – святое. А тот дерзкий парнишка Маркен, что на уроке в училку Пелагею Сысоевну хрестоматию швырял, и чуть не исключили его, не вытурили из школы вон, стал – героем. Настоящим. На настоящей войне. Жизни других – своею жизнью – заслоняя, спасая. И так ярко горел, посреди жизни, его военный огонь.

А учительница Серафима умерла. Всякая жизнь заканчивается. Просто и пронзительно говорит об этом Анатолий Байбородин... звучит далёкая музыка, песня памяти, и плачем мы, слушая её.

«<...> Былая краса Серафимы Ивановны по-осеннему построжала, словно уготовленная к грядущей зиме; и, вновь очарованный, Иван год жил перепиской, потом навестил учительницу в сонном городишке, но вдруг – короткое послание, где Серафима Ивановна оповестила: “Ваня, радость моя,

¹ Тепляк – флигель.

дни мои сочтены; и через месяц, будешь в храме, поставь на канун свечку во упокой моей грешной души; да и в алтарь пошли заупокойную записку. И я посильно молюсь о душе твоей... ” Упокой, Господи, душу усопшей рабы Твоей Серафимы, прости ей вся согрешения, вольная и невольная, и даруй ей Царство Небесное...»

Тайга как апофеоз леса, торжество природы властно вошла сызмальства в душу главного героя «Дров» Ивана Краснобаева – да на всю жизнь и осталась там. Тайга – вдохновение; тайга – чертог. Лес! Такой прекрасный, когда живой и шумящий! Тайга суть жизнь. А дрова? Ни на минуту не выпускаем из поля сердечного зренья архетип ДРОВ – не только топливо, но трагедия смерти, умирания во имя другой жизни; не только тянущиеся к облакам, качающиеся на ветру, как на море в шторм, сосны и пихты, но и ярое пламя, пожирающее дрова, как пожирает человека всеокрушающее Время.

А и прекрасна же, до мятного холодка в груди, в засердечье, родимая тайга! Заимка посреди тайги – вот ещё один символ-знак: конечная жизнь человека среди бесконечности природы. Природа, по Тютчеву, тоже разумна: «...в ней есть любовь, в ней есть язык». Иван Краснобаев устанавливает крепчайший контакт с дикою природой, с тайгой, вечноживой и вечношумящей, и эта связь больше похожа на предвечный брак; и брачные вечера в объятиях тайги, у пылающей печки, – вот счастье, вот чистая радость. Радость, в сердцевине коей – печаль. Неизбывная печаль будущего прощания с Миромъ.

Ах, заимка! И заготовка новых дров на новую долгую зиму! Анатолий Байборodin пишет ли портрет чей-то, вымышляет ли героя, переносит ли себя, свою жизнь и чувствования свои внутрь повествования – не знаем мы; а скорей всего, тут и то, и другое, и третье начало, и сплетаются они, – так сосны под землёй крепко сплетаются корнями.

Но ведь неважно нам, какова степень достоверности; в искусстве важна лишь высота образа, до коего достигнул писатель, та высота, откуда можно обнять внутренним взором под тобою летящий свет. Ягоды и грибы, пламена костра, смолистый запах дров, буйный огонь в печи... Жизнь есть красота, а красота таёжная есть размеренный ход дней и ночей, освящённый духом хвои, озарённый печными огнями. Для писателя это и есть подлинное, несомненное счастье: внутри ТАКОГО пространства растягивается, укрупняется Время, слышен скрип земной оси, слова слагаются как надо, наиболее убедительно, празднично, и иной раз явственно в дыхании слов, в потрескивании в зеве печи дров чувствуется Божие дыхание.

«<...> Растекаясь мыслью по дереву, утопая в щедром глаголении, мужики забыли, что наладились в хребет по дрова, и славно чаевали подле ласковой печки, ублажались чаем и казёнными шаньгами. Сквозь заснеженное окошко вопрошающе косились на поляну перед мелколесьем, где по-волчьи выла метель, летел косой снег, мела позёмка, вихрь в порывах ветра. Сдурела метель – даже в усадьбе разыграла, словно за околицей ведьмы свадьбу справляли; но бодрились приятели: мети метель, нам, мужикам, не боязно, мы в опрятной, тёплой избе... печка пышет сухим жаром... мы пьём чай и в ус не дуем, нам даже отрадно любоваться метелью из тепла и напевать: “...вьюга смешала землю с небом...”»

И вот знак равенства смело проводится автором между мощным русским архетипом дров и пространствами социальными, людскими, многолюдными: панорамой Родины.

Просторы родной истории... Трагедии всеобщей родной судьбы...

Уединение, уединённость – да, хорошо то для художника, превосходно, но плох тот художник, что мгновенья жизни и судьбы своей не посвящает мыслям об общественном пламени, о горении многочисленных душ, об огне великого, всецелого народа, на одном языке говорящего. Язык = народ! А сколько у нас на Родине народов? На скольких языках говорят наши люди? То-то и оно! Горит пламя разных этносов, различных вер. Господа называют разными именами. На одном Байкале с одной сторонюшки – буряты, с другой – хакасы и тувинцы, с третьей – староверы семейские, у всех свои обычаи и свои молитвы. Где же тот огромный, гигантский жертвенный костёр, что разложен в честь всех народов и в почитание всех богов? Куда мы уходим друг от друга? А может, мы друг к другу всё-таки идём, только с мучением, с болью, через пень-колоду?..

Задумался Иван Краснобаев, таёжный сын, русский писатель, о единстве народа, из многих народов состоящего. А может, есть народ, спица в колеснице, кто виновен в неисчислимых русских

бедах? Давно, в девятнадцатом веке, философ Константин Леонтьев говорил о «цветущей сложности» русской жизни. Простого – нет. Единообразного – нет. Горят дрова Времени, и задумчиво мы глядим на бьющийся огонь. А печь – это наша грудная клетка. В ней, в ней горит пламя. Жжёт тебя изнутри. Сердце твоё пылает – хорошо! Но огонь может стать жестоким, и всё внутри у тебя в одночасье выгорит. Да, не дай Бог, сгорит и снаружи.

«Мировой пожар раздуем...» (А. Блок, поэма «Двенадцать»).

Собрат-писатель Ярослав Онисимов написал очерк «Бесы и черносотенцы». Горячие разговоры Иван и Ярослав вели! Вспоминали весь страдальный двадцатый век и что народ русский за последние сто лет пережил. И Троцкого горько и страшно поминали, и над кровью революции кулаки стискивали. До хрипоты спорили, кто же в мученьях народа виноват...

«<...> Иван вспомнил: протоиерей Михаил Громов, с коим водил дружбу, пытал мужика на исповеди: “Пьёшь?..” – “Пью, батюшка, запиваюсь...” – “Блудишь?..” – “Ой, батюшка, блужу...” – “Сквернословишь?..” – “Хуже, матерюся, как пьяный сапожник...” – “И кто виноват?.. Ты же и виноват...” – “Нет, батюшка, я не виноват, бесы виноваты...”»

Слово за слово, приятели крепко сцепились, ибо один задержиха, другой неспустиха. Осадившись на “ельцинских рельсах”, до хрипоты и сипоты спорили; орали друг другу, словно глухой глухому, размахивая руками; и если бы тихий мужичок либо тихая баба увидели, то, испуганно глядя, покрутили бы пальцем у виска: мол, чокнулись мужики; а шутники бы посетовали: что за шум, а драки нету?.. Могли бы наворожить, накаркать, и здесь не грех трижды плюнуть через левое плечо, где анчутка беснятый незримо торчит и ворчит, а потом перекреститься: слава Богу, до драки споры не дошли. <...>»

... Тебя не ждёт уединение, затвор. Не надейся умереть при жизни. Замкнуться на заимке, дровами запастись на всю оставшуюся жизнь. Не выйдет! Мирь широк и велик. А Родина твоя иной раз безмолвно, молча, одними глазами озёр просит о помощи. Не дай чужаку-злодею уничтожить твоё святое, священное. Не дай бросить в огонь твоё самое любимое. Хотя тот, кому чужды родня, Байкал, тайга, храм, святые образа, жимолость и багульник в распадке, звон колокольный над шёлковой озёрной гладью, с удовольствием бы сжёг все это в своей собственной злобной топке. Ему ведь тоже чем-то топить его диаволу печь надо. А тут, гляди-ка – сколько энергетики, сколько красоты и воли! Берём! Сожжём!

Не дай превратить себя и Родину твою в пепел.

Никому.

Анатолий Байбородин – не даёт. Существование такой русской прозы внутри нынешнего русского искусства, здесь и сейчас, ясно говорит о том, что жива крепчайшая связь русского человека и русской природы; русского человека и русской истории; русского человека и русского Бога. Михаил Нестеров и Павел Корин, великие русские живописцы, помолясь, смело писали русского Христа; в повести «Дрова» Анатолий Байбородин, наследуя этим потрясающим мастерам, пишет не только русского человека Ивана Краснобаева, но – незримо, за ним – над горизонтом тайги – над синим ковром озера – над россыпями созвездий в вечеряющих небесах – русского Господа; и мы видим, как Господень лик просвечивает сквозь тучи и туманы, парит над островерхими пихтами, сквозит за длинными тёмными иглами кедрача.

«<...> По-вешнему голубело небо, солнышко припекало, снег искрился, таял, яко воск от лица огня, пахло сопревшими, лоняшними¹ травами, оттаявшей хвоей; и в душах, даже и остарелых, усталых, играло мартовское солнышко, искрился снег, залиvisto пела весёлая птица веснянка.»

Выбрали мужики листвяк, что уже скосился, готовый со дня на день рухнуть, завёл Иван бензопилу, и лишь цепь въелась в древо, как ухнула снежная кухта, и мужики оторопели, похожие на белые привидения, на снежных людей. Потом Иван кряжевал листвяк, а напарники обрубали сучки; и когда Ярослав, сучкоруб, ловко сёк топором листвяжьбы ветви, Иван любовался молодцеватой статью, словно и не закатный мужик подсоблял ему, а сельский паренёк в вешнем соку, в играющей силе. <...>»

Речь держит Анатолий Байбородин о дровах, а пишет на словесном своём холсте – народ! Вот где радость, вот где ценность! Друзей пишет, и друзья эти – ансамбль, хор, сочетание душ живых, круг-

¹ Лоняшный – прошлогодний.

кольцо веры, понимания, любви. Удивительна сцена, где автор живописует Рождество Христово широкой и радостной кистью:

«<...> Помнится, Рождество Христово в ночном храме, потом – святочная трапеза, а перед рассветом Иван вызвал извозчика и, ожидаючи, гулял по церковной ограде, выискивая в сияющем звёздном рое Вифлеемскую звезду, что привела волхвов к пещере, где родился Христос. И сладостно зрелось, певуче слышалось: в полночь по всей Руси Великой величаво и радостно звонят колокола, и плещется рождественский звон над заснеженными лесами и полями, над полуночными сёлами и городами, и крещёные единым гласом ликующе воспевают божественную стихирю преподобного Романа Сладкопевца: “Дева днесь Пресущественнаго рождает, и земля вертеп Непрístupному приносит; Ангелы с пастырьми славословят, волсви же со звездою путешествуют; нас бо ради родися Отроча младо, превечный Бог”.

Иван замер пред малиново подсвеченным вертепом, вырубленным из снега, озирая пещеру для скота, где в яслях, набитых сеном, возлежал Отроче млада, и умиленно глядели на Чадо Матерь Божия, святой Иосиф-обручник и даже овечки с бурой коровушкой. Подумалось: “Ишь, и в постоялом дворе не нашлось угла святому семейству, пришлось в пещере для овец и коров ночь коротать. Зябко, поди, семейству а ежли бы дрова, да Иосифу развести бы малый костришко, всё бы теплее... Хотя какие дрова в Вифлееме Иудейском...”»

А вот изображение вечного русского дружеского застолья. Трапеза. Неспешная беседа. Доверие, ясные взгляды. Душой поделиться, не только хлебом. Не хлебом единым да не дровами едиными... а ведь аккомпанементом к той беседе, давайте увидим это, в печи опять горят дрова... Одиночества – нет. Тьмы крошечной – нет. «Слава Тебе, показавшему нам Свет!» – хочется воскликнуть, вспоминая последование Божественной Литургии св. Василия Великого. «Блажени нищии духом», – и Нагорную проповедь вспомним. Пусть Иван нищ, он не грезит о богатстве. Богатство внутри него. Огонь духа в нём горит. И дрова в той печи – да, Божии.

И песня за столом – старинная, родимая, казачья, над снегами и огнями путеводной звездой плывущая.

«<...> По случаю филипповского поста Пётр Алексеевич Романов сварил чугунный казан омулёвой царской ухи... Помолвились с чувством, толком, а то Иван, забывчивый, рассеянный, суетливый, ежели забудет прочитать Иисусову молитву перед ествой, то читает после и благословляет еду и питье, крестя брюхо. А с батюшкой не забудешь...

В предчувствии лютых морозов, на ночь глядя Иван подтопил печь; и в сухом, избяном тепле поначалу ладом текла застольная беседа, а затем под завывание ветра за оконным куржаком батюшка пел “чёрного ворона”, да не ходового, а вроде былинной старины.

... Чёрный ворон, друг ты мой залётный,
Где летал так далеко?
Где летал так далеко?
Ты принёс мне, а ты, чёрный ворон,
Руку белую с кольцом.
Руку белую с кольцом...
Вышла, вышла, а я на крылечко,
Пошатнулася слегка.
Пошатнулася слегка...
По колечку друга я узнала,
Чья у ворона рука.
Эт рука, рука мойво милова,
Знать, убит он на войне
Знать, убит он на войне...
Он убитый ляжить незарытый
В чужедальней стороне...¹

¹ Былинная песня донских казаков.

Глаза застольников влажно мерцали в тихом свете настольной лампы, и даже Пётр Алексеевич прослезился, хотя, будучи пожизненным сыщиком, наглядясь на смерти и, бывало, уже смотрел без содрогания, без сосущего холода в паху, без волнения в душе.

А Иван слушал, чуял: мороз по сердцу пошёл; и приблизился ему байкальский старожил, певший древние песни, да столь могуче, что чудилось: сосны звенят, на священном Байкале волны вздымаются, прибрежные скалы трещат. И голосил сей певень забайкальского казачьего ворона: “Ты вещун, да птица-ворон, да чо кружишьси надо мной. Полетай, вещун да ворон, ты к себе лучше домой...” Певень потом сокрушался в беседе с Иваном: “Счас редко кто старинны мотивы поёт, всё больше дрыгалки-прыгалки, что в радиве, что в телевизоре... Да ишо и похабщина сплошь, а ранешни старики баяли: «Оборони меня Бог от грозы и молнии, от плохого глаза и уроченья, от зверя дикого и языка поганого»”.

Память с нами. Горит она. Пылает. Знай подбрасывай дровец.

И это есть наивеличайшее, на земле, счастье. Хранить огонь.

В чём же главный, царский секрет повести Анатолия Байбородина «Дрова»? Притягивает она сильно. Не оторваться. Мощный она магнит. Красоты в ней полным-полно: и картин природы, и картин души, и полноты, и насыщенности, неизмеримого богатства русского языка. Владение языком суть владение палитрой, цветом и светом, и сибирский писатель в словесной живописи, в звукописи и в сплетениях образов и смыслов щедр, уверен, то раздумчив, то страстен, но всегда исполнен благоговения перед Богом и жизнью.

«<...> Пётр Алексеевич с Иваном вышли на сон грядущий подышать лесным духом и, коль уж хмельные, кратко помолились, взирая на восток, усыпанный жаркими звёздами, благодаря Бога, что накануне исповедались, причастились святых даров в Никольской церкви, посреди села Олха.

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами Пречистой Матери, преподобных и богоносных отец наших, помилуй нас, – со вздохом, перекрестился Иван перед крыльцом.

А среди высоких снежных суметов, под сияющей луной остался Паша, сколь певучий, столь и богомольный; раскрыл толстый молитвослов, где затёртые корочки уже едва сдерживали взъерошенные страницы, и взмолился:

– Боже, милостив буди мне грешному...»

А дрова – лейтмотив нашей жизни, длящейся, не кончающейся. Перейдём мы в Мирь Иной, а кто поручится, что там, в эмпиреях, не надо будет иные, незримые дрова заготавливать, чтобы небесные дома согреть, чтобы греть вечным, будто солдатским, огнём памяти Град Небесный Иерусалим?..

Россия наша, Русь наша – это земля. Крестьянская страна наша Родина. Земли немерено. Тайга, поля, озёра, реки, хребты и увалы. Село стояло и стоит, хоть приговаривали его и казнили тысячу раз. Но восставало оно из могил, поднималось со креста, и именно земля даёт нам стол и кров, пищу и ветер, воду и волю. Так просто это понять! Так трудно бывает иной раз ПОМОЧЬ земле родимой!

По прочтении повести Анатолия Григорьевича Байбородина «Дрова» пусть вас охватит это чувство. Сопричастности. Общности. Родства. Пусть придёт желание помочь и понять. Жажда любить – бескорыстно, чисто, честно, ясно. По-Божески.

Ведь не зря мы на земле человеки.

Не зря созданы по образу и подобию Божию.

Берега прочтения

Лидия Довыденко

Лидия Владимировна Довыденко – главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», секретарь Союза писателей России, член Союза писателей Союзного государства, автор 34 художественных, историко-краеведческих, публицистических и научных книг, прозаик, публицист, критик, кандидат философских наук. Почётный гражданин Балтийского городского округа, член редакционного совета журнала «День и ночь» – Красноярск, член жюри Литературного конкурса «Новая Библиотека» – премии имени святых благоверных Петра и Февронии, член Международной академии русской словесности, лауреат ряда литературных премий, кавалер ордена «Русская звезда» имени Ф. И. Тютчева.

ОДУХОТВОРЕНИЕ

О сборнике стихов Владимира Скифа «В порту Байкал Распутин бытовал» (2024)

Где становятся звёзды
У избы на постой,
Там япил чистый воздух
Русской дали святой.

Владимир Скиф

Что наш жизненный путь? Божественный промысел? Судьба ли это, или полотно, на котором сами вышиваем нитями своих мыслей и идей? Или сами свой путь выбираем перед тем, как явиться в этот мир? Интуитивно выбираем уголок земли, священный именно для нас, выбираем время нашего пребывания на земле?

Сегодня мы оказались в мире, теряющем рассудок. Его безумный выбор политики как чуть ли не главного занятия жизни – свидетельство деградации человека и вытеснение духовного смысла бытия, ощущение его эфемерности из-за избытка пустой, ничего не значащей «информации», которая таковой не является.

Это ведёт человека к отказу от себя, ложно погружённого в надежду, что завтра некая политическая программа изменит его жизнь к лучшему, обманывая себя.

Но только поэты, особенно русские поэты, по-прежнему одухотворяют мир, который насколько бы был разумнее, душевнее, красивее, гармоничнее, радостнее, священнее, будь русский поэт прочитанным людьми. К таким одухотворяющим творцам принадлежит Владимир Скиф.

Звёзды над Байкалом

Откуда у поэта этот зрелый дух, пробуждённость сердца, настоящая осмысленность, исповедальные догадки? Не от чистых ли вод Байкала, его могущества, его глубин, его синевы, подобной хитону Христа...

Вдумчивость и чувство света, который «и во тьме светит», Владимира Скифа, то, что он выносил, испытал, сердцем выбрал – это понимание жизни как пути за любовью:

Ах, судьба, ты не меньше,
Чем огонь и зола:
Поцелуями женщин
ты мне губы сожгла.

Жизнь мимо не прошла, неминуемо дала испить чашу любви, а за ней – поэзии чашу:

Ходят рифмы в загоне. / Я открою закут.
Пусть, как чалые кони, / Чёрный космос толкут.
(«Где былинки и корни...», 2006)

Погружаясь в неизмеримые высоты, как звёзды над Байкалом, Владимир Скиф создаёт поэтические образы, постигая чудесную тайну души, природы, «русской дали святой», и ты чувствуешь, как зажигается твоя внутренняя улыбка – это отражённый свет души поэта, любящего землю, открывающего радость и полноту настоящего момента бытия.

Во мгле деревня на автопилоте.
Куда-то в любом космосе летит,
Петух скорлупку месяца проглотит,
И снова тьма крошечная стоит.

В эту тьму ушла великолепная страна, которой мы были нужны, и песни, что мы любили петь с каждой новой жизни, ушли друзья, родители, но всё же мы помним их душевный свет.

Владимир Скиф держит в памяти счастье «огнедышащей любви», свет своей юности. Не сокрушённое сердце стучит в груди, а живёт в нём, сохранилось то, что страсти не забыло:

Любовь... хотя меня губила,
возникла вновь и вновь.

И мы все, испытавшие это одухотворяющее чувство, согласны с ним, когда поэт обращается к читателям:

– Вы такие же, как я!

Мы вспоминаем Николая Гоголя, сказавшего бессмертные слова: «Друг мой, или у вас бесчувственное сердце, или вы не знаете, что такое для русского – Россия». И когда мы спрашиваем с неё правды, то это вопрошание любви. Поэт стоит на страже этого понимания, никакой успокоительной лжи, никакого усталого ума, мощные духовные силы направлены на осмысление своего пути и судьбы страны, человечества, судьбы планеты, на которой не перестают лететь «дроны сатаны в нашу кристальную Родину».

И может статья,
Я миру грешному скажу:
Хоть стало на земле смеркаться,
Я завтра солнце закажу...

Людям необходимо равновесие:

Между небом и землёй,
Между паузой и слогом,
Между глиной и золой,
Между дьяволом и Богом.

Но взлетают качели человеческой души от святости до окаянства, а потом от окаянства – к святости. И лишь поэт напоминает, что «есть и Божий суд!», и призывает любить тех, кто открывает правду: Николай Рубцов, Юрий Кузнецов, Василий Шукшин, Анатолий Байбородин, Татьяна Глушкова и многие другие, живые и ушедшие творцы художественного мира, мыслители.

«Зачем тоска земная Богом дадена?»

Стихотворение «Марианская впадина» полностью растворяет в пространстве расстояние между Иркутском Скифа и моим Калининградом, где навечно стало у причала в Музее Мирового океана научное судно «Витязь», на котором наши учёные с помощью наших глубоководных аппаратов изме-

рили самое глубокое место в Тихом океане – Марианскую впадину. Её глубина – 11 023 м. Эта цифра написана на борту научного судна. Исследования учёных позволили им сделать вывод о том, что глубины Мирового океана исследованы лишь на пять процентов, они полны тайн и загадок, что в полной тьме обнаружена жизнь в виде рыб и моллюсков, не замечающих мощного давления толщ воды.

Стихотворение «Марианская впадина» Владимира посвящено художнику – это Валерий Кунц:

Зачем тоска земная Богом дадена,
Зачем, как душ утопших – глубина,
Зовёт нас в океане Тихом впадина,
которая из космоса видна.

В бездну проник взгляд художника, «как будто нас позвал из глубины».

Наломало время дров,
Где угроблено полсвета...
Звёздный движется покров
В душу тёмную поэта.
Творить и думать подле тишины.
Для внутреннего создан я сгорания
И для убийства внутренней войны
В себе самом.

Тайные смыслы бытия, в чём они?

– В обладании душой, – отвечает поэт. – А без души неполноценен я.

Душе свойственно страдать. Как не страдать? Как не пополнять небеса страдальцами? Если у тебя есть сердце, оно болит. За что?

Земля скоро станет угасшей звездой.
Здесь всё уже стало пустым и не вечным.
Скрывает пустыня пропавших и павших землян.
Пустыня без пресной воды...
Может, Иуда ожил?
Последнее мы проиграли сражение
С самими собой.
Смертный холод унёс
Земное случайное наше рожденье.
И вряд ли земле принесёт Возрожденье
Уставший от крови Христос...
Торговцы, изгнанные из Храма, распяли Христа:
Всё двигалось к пропасти неудержимо.
Всё падало в хаос – дворец и погост.
И только Голгофа не двигалась мимо
И в небо без нас поднимался Христос.
Раскалённая душа горит и не сгорает. А разум?
Он был в космосе всегда (Георгий Куницын).
Разум вечен,
но только не вечен человек.

Эта устремлённость Владимира Скифа в космические высоты, в океанские глубины произрастает из русской почвы, а именно из принципа одухотворения поэтом большого и малого:

Тихий океан. Громада вод.
Гром гремит, и молния летает.
И стоит поэт-громоотвод
Над землёй, стихи свои читает.

Острота чувств, сострадательная реакция внутренняя на внешний мир, отзывчивость, любовь к своим героям у Владимира Скифа выносят его в сердцевину подлинной литературы.

Поэтические циклы

Опасаясь, что мы трусливо так и не задумаем значения для нас личностей Иосифа Сталина, Василия Шукшина, Юрия Кузнецова, Николая Рубцова, Валентина Распутина, собственной матери, Владимир Скиф, как воин на амбразуру, не просто бросает свой взгляд на этих сильнейших духом людей, а пропускает через себя самую суть их жизни, их сияние в веках, их боль и мечты:

Багряные ягоды спелой калины
Упали на сердце и сердце прожгли.
Зарождается песня, сияет былина.
Пересвет или время летят на коне.
Вызревает легенда, как будто калина,
О таланте неистовом – о Шукшине.

О духовной свободе мечтал Шукшин, безоружный перед хамством и подлостью: «всего-то под рукой лишь боль» да «крылатое слово»:

Ах ты, горькая боль за правду,
За калину, Катунь и Сетунь.
Как болел, как стоял за правду,
Так и пал богатырь Шукшин.

Русская муза Владимира Скифа возвращает нас к преображающему страданием слову, к болящему сегодняшнему сердцебиению.

Тревожная совесть России –
Василий Макарыч Шукшин
(Цикл «Василий Шукшин»)

Цикл «Юрий Кузнецов»

Нёс ты крест до последнего края,
И за край попытался взглянуть.
Обронил, под крестом умирая:
«Путь мой крестный прогнул мою грудь».
(Стихотворение «Крестный путь»)

«Я в поколенья друга не нашёл», – говорил Юрий Кузнецов. Одиноким, «душевными ненастьями сражён», «один ушёл», «жил острой любовью и былью»:

Судьба, глядевшая глазами ворона, говорила:

– Ты будешь бит! Здесь будешь предан...

Для Владимира Скифа Юрий Кузнецов – Русский ангел:

Полумёртвые падают птицы
Над пустым обгоревшим жнивьем.
Ты выходишь с антихристом биться –
Русский ангел с последним копьём.

Он вёл невидимую работу в русском сознании, когда нечем себя ободрить в минуты крайней усталости, находя властное слово с прежней статью, достоинством Родины и души. Ещё не сдаётся ум. И есть у нас ещё земля, лечь в которую есть у нас право и стать ею.

Цикл «Николай Рубцов»

Владимир Скиф, создавая образ пронзительно любимого поэта – Николая Рубцова, наполняет стихи высотой и бессмертьем:

Ни в чём не знал половины:
Уж пел так пел – наверняка.
В нём ощущение пуповины
С Россией, с Русью – на века...

Скиф пишет о могиле Рубцова, «над которой рыдает осень», о доме, где жил поэт, наделяя его чертами ангела, «страдателя милостью Божьей», «собрата растений, птиц и ягод», златоуста. «Он был поэт великий», «оставил след добра и покаянья», «он чувство веры и любви нам передал от Бога». В стихотворении «Русская квадрига» звучат имена четырёх дорогих русскому сердцу поэтов:

Чем судьбы жестокой бич длиннее,
Тем короче песни и пути.
Прасолов, Рубцов и Передреев,
На земле подобных не найти.
Мы вас помним. С вами ждём свиданья,
Передреев, Прасолов, Рубцов.
Вот и к вам на ветку мирозданья
Опустился Юрий Кузнецов.

От Слова, врачующего, спасительного, произрастает народ России, из величия пушкинской мысли, из света души Есенина, из охранного слова Рубцова, из «великих далей» Юрия Кузнецова крепится и созидается русский человек.

Стихи-притчи

В цикле «Стихи-притчи» Владимир Скиф мужествен и прекрасен, идя след в след за Сергием Радонежским, Михаилом Лермонтовым, Николаем Гоголем, Антоном Чеховым, Сергеем Есениным.

Его не уклончивость, а открытость к бесстрашию смыслов, за которыми стоят Куликово поле, и Бородинское поле, и великое Целое, как риза Христова, не из кусков, а единое Целое, выведившее наш народ из погибели, несправедливости и бесчестия.

Люблю поэзию Владимира Скифа, всегда готового вести радостную беседу или уединиться для горьких раздумий о последнем человеке на земле, о судьбах русских поэтов и их Слове, и о том, что не выразить словами, о потребности защищать и оберегать свой народ:

Подняться и стать бы запрудой
Для тех, кто по сути враги...
Да, злыдни идут отовсюду,
Россию от них береги!

Волшебная и затаённо грустная, несказанная поэзия Владимира Скифа, глубоко национальная, порой трагическая, ложится в самую основу души и духа России своим «распахнутым лиризмом» как ответ на общественную насущную потребность, возможно, даже не осознающую себя, – дать отпор вражде и презрению к своему народу, поклониться заступнику, гению, великому русскому Поэту.

Берега Болгарии

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ НИКОЛЫ Л. ФИЛИПОВА «БОЛГАРИЯ – РОДИНА. РОССИЯ – ОТЕЧЕСТВО: ЖИТИЕ-БЫТИЕ КНЯЗЯ НИКИТЫ, ОТРАЖЁННОЕ БОЛГАРСКИМИ МЕДИЯМИ»

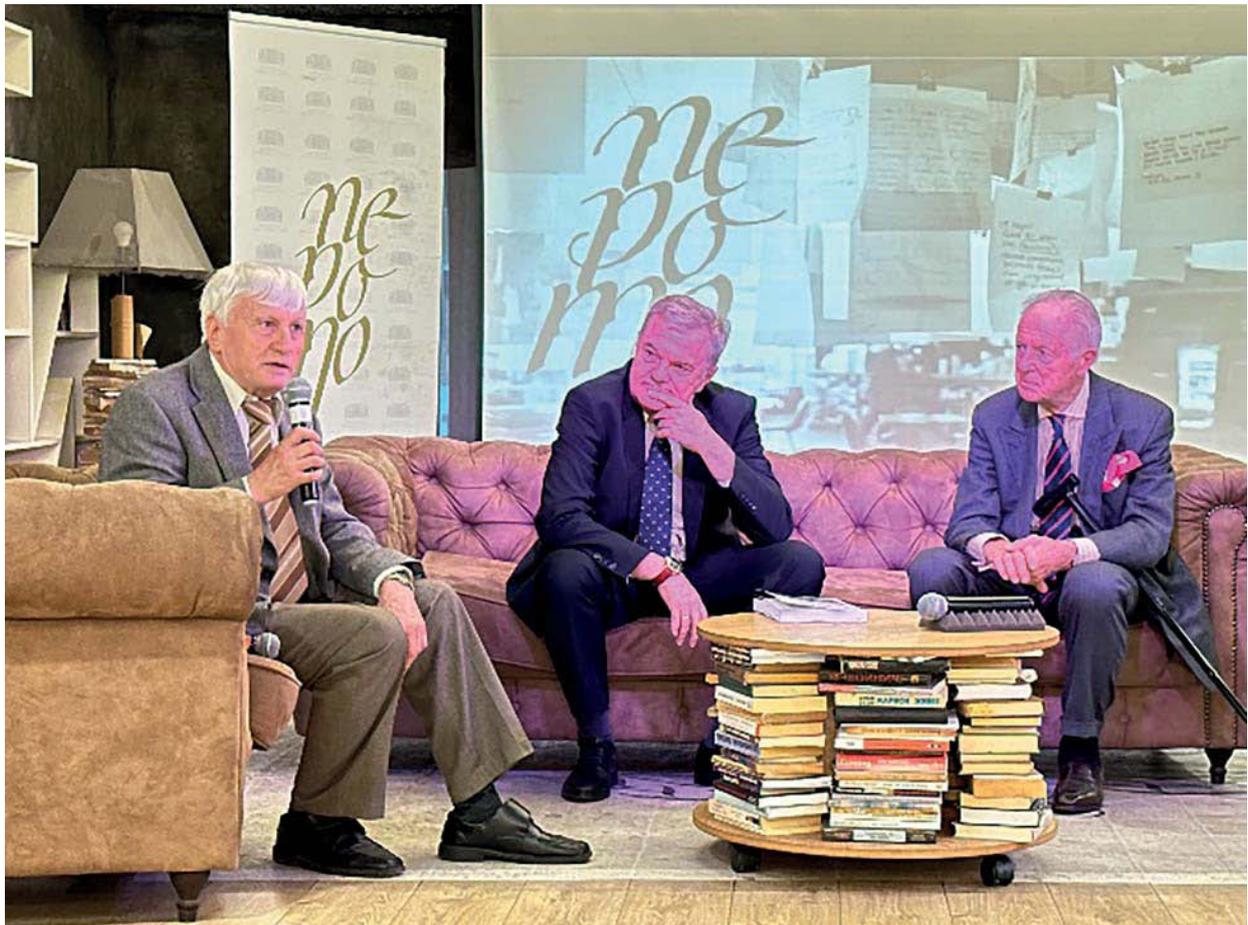
(Пловдив, 2024, 448 с. 100 илл.)

Румен Петков:

Уважаемые дамы и господа!
Дорогой наш Князь!

Хотел бы я вас поприветствовать: добро пожаловать в одно уникальное для нашей столицы, а также для всей страны место – клуб «Перото». Это место – со своей атмосферой и своим духом, своим гостеприимством, характерными для нашего болгарского духа, нашего самоощущения и нашей истории, и вообще для творческого потенциала Болгарии и Европы.

Сегодня мы собрались на презентации книги, воплотившей историю одной уникальной человеческой судьбы – самого князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского. Я уверен, что все участники сегодняшнего события хорошо знают нашего князя и его жизненный путь. Это дорога жизни, о которой порой очень и очень трудно говорить. Путь, насыщенный большим драматизмом, но и чувством принадлежности.

*Н. Филиппов, Р. Петков, Н. Лобанов.
София, Клуб «Перото», 17 мая 2024 г.*

Когда говорю о чувстве принадлежности, то я имею в виду то чувство, которое в последние десятилетия как-то осталось в стороне, на обочине. Это – принадлежность к своему роду, к своей Родине, к семье, к Отечеству, к «родному пепелищу», к нравственным ценностям, сопричастие с близкими, с закадычными друзьями.

Наш князь является носителем всех этих ценностей и качеств, и я бы сказал ещё – и добродетелей, хотя в последнее время слово *добродетель* отсутствует в нашем словаре...

Я говорю о том, что он является их носителем, потому что во всё то время, пока я его знал – и мы узнали друг друга, он неизменно проявлял интерес и заботу ко всем людям, с которыми он вырос в Софии, к друзьям, с которыми он пережил все трудности, препятствия, боль и счастье, и никогда не пропускал возможности поделиться этой памятной для меня фразой: **Болгария моя Родина, а Россия моё Отечество!** И может быть, это самое яркое выражение сущности того, что ты принадлежишь... Принадлежишь своей родине, несмотря на то что именно наша родина – Болгария – причинила князю и его семье достаточно трагедий, о которых невозможно вспоминать с радостью и тем более – с благодарностью...

Но, несмотря на все это, его чувство принадлежности и любви к родине остаётся всё-таки нетронутым злобой дня, начиная с времени его рождения, проходя через его детство, вплоть до наших дней. А также – его чувство принадлежности к отечеству. Отечество, которое тоже не совсем благоволило ему, его роду и его личной судьбе.

Я говорю всё это с особым чувством почтения и уважения, потому что, как я уже заметил, опираясь на силу нетлеющего горячего очага болгарского духа и болгарских ценностей, следует выражать своё почтение к истории – такой, какой она есть, к людям – таким, какими они являются, к их судьбам, со всем присущим им драматизмом или с глубокой трагедией, которую мы причинили или допустили и из-за которой мы не можем делать вид, что что-то когда-то вовсе и не случилось.

Мы должны не только назвать и признать эту историю, но и обладать достоинством, чтобы сказать ему: Привет тебе! Ты не только один из многих болгарских граждан, но ты являешься болгарским гражданином по рождению, выросшим вместе с нами, который, несколько десятилетий спустя, боролся за то, чтобы снова стать болгарским гражданином.

Это одна из вполне достойных и тяжёлых судеб, которая заслуживает полное уважение.

Хочу особым образом поздравить и автора этой книги – господина Николы Филиппова, так как эта публикация – не первая книга, которую он пишет о князе, с которым я знаком, и это знакомство, с полным к нему уважением, не только счастье... Это прежде всего ответственность.

Его судьба и жизнь, его человеческие качества позволили ему, в его достохвальном возрасте, высказывать открыто *своё* мнение и позицию по разнообразным отдельным вопросам. И делать это с полным сознанием, что оно не понравится всем. И более того, не понравится множеству людей. Но он делает всё это, дорожа теми, кому это может не понравиться, но также – и для самого себя, и своего собственного достоинства.

Ещё раз хочу поблагодарить господина Филиппова за его энергию и постоянство, потому что работать с князем не так просто именно в той области, которая является ответственностью и вызовом, а не только каким бы то ни было удовольствием. Но, конечно, это никак не назовёшь мазохизмом, так как работа с ним – это импульс для энергии человеческой мысли, а также возможность быть в той атмосфере, которая заслуживает почёта и уважения и которую излучает князь – не только в плане истории, но и в качестве выражения сегодняшнего духа и стремления к будущему. Ценно побыть в обществе князя и таких людей, как он, которые несут с собой многое из прошлого, но и много деятельного заряда, с его активностью. И это при всём том, что он делал и делает как коллекционер, учитывая его научные поиски, а также его участие в экономической деятельности стран. **Он является частью той энергии, которая заряжает будущее глубоким драматизмом истории, которую каждый из нас «проходил» одним или другим способом, а он – самым драматическим и трагическим образом, оставаясь при том сопричастным к своей Родине и к своему Отечеству!**

Берега Болгарии

Никола Филиппов

КАК СОФИЙСКИЙ ЧИСТИЛЬЩИК ОБУВИ СТАЛ ЧЕМПИОНОМ ПО ПЛАВАНИЮ, А ЗАТЕМ ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНЫМ БАНКИРОМ, КОЛЛЕКЦИОНЕРОМ И МЕЦЕНАТОМ?

И даже выступал с трибуны ООН в Нью-Йорке! И организует, и предоставляет первый международный финансовый кредит социалистической Болгарии. Прямо во времена Живкова!

Он стал чемпионом Болгарии по плаванию не потому, что тренировался как спортсмен и участник соревнований, а потому, что планировал сбежать из Болгарии через Чёрное море в Турцию! Чемпион среди юношей в 1951 году на 100 и 200 метров в стиле брасс.

Да, многие вещи кажутся фантазией, но это сущая правда!

А в книге «БОЛГАРИЯ – РОДИНА, РОССИЯ – ОТЕЧЕСТВО», премьера которой состоится 17 мая 2024 года в 16.00 в литературном клубе «Перото» Национального дворца культуры в Софии, в цикле статей-интервью, воспоминания, фотографии и документы, найдите именно причины и тайны такого развития. Об этой необыкновенной карьере, о его возвышении... И он, сам герой книги, будет раздавать автографы...

В истории этого человека много любопытного. Двойные шпионы жили не более пяти лет, рассказал один из наших историков, признавшийся, что когда-то работал в той отрасли. Они всегда переходили на тот свет при особых обстоятельствах, и доказать, кто из двух их работодателей совершил этот последний поступок, не удавалось. А как насчёт тройных и четверных шпионов?

Однако курьёз в этом отношении представляет и бывший чистильщик обуви с перекрёстка софийских улиц «Шипка» и «Сан-Стефано». Ему сейчас почти 90 лет, и он до сих пор жив и здоров, хотя болгарские власти обвиняют его именно в таком полишпионстве – не двойном и даже не тройном. Всю жизнь его преследовали как шпиона нескольких стран. А файл, который он скопировал из архива бывшего управления госбезопасности в Софии, имеет объём в сотни страниц. От царских и гитлеровских времён, через коммунистические времена и до сих пор.

Об этом человеке опубликовано уже семь книг и бесчисленное множество статей в различных изданиях многих стран. Нет, он не доктор Зорге, не Ким Филби и не какой-либо другой знаменитый разведчик. Он никогда даже не занимался шпионажем и разведкой, хотя в некоторых странах его до сих пор считают таковым. В том числе и в Болгарии...

Этот человек имеет американское, российское и болгарское гражданство одновременно! Ещё у него было французское, от которого ему пришлось отказаться, когда он стал американцем. Однако чтобы вернуть себе болгарское гражданство, хотя он родился и вырос в Софии, болгарские власти

запросили у него документ о добросовестности из США (?!). ЦРУ должно было гарантировать, что он не шпион. Или если он шпион, то он их...

Не раз, когда я навещал его дома в Лондоне, он приветствовал меня словами: «Меня ещё не арестовали, но... я ожидаю этого. Каждый раз, когда я приземляюсь в аэропорту, мне кажется, что меня арестуют как шпиона!»

Также отмечу, что мужчина пил чай вместе с Усамой бен Ладеном, с вдовой убитого американского президента Джона Кеннеди, с английской королевой Елизаветой II, обедал с президентом Путиным, ужинал с премьер-министром Медведевым и некоторыми другими известными людьми – мировые личности. Он имел личные встречи с гениальными художниками и деятелями культуры, такими как Сальвадор Дали, Николай Гяуров, академик Капица, Катрин Денёв, Евгений Евтушенко и многими другими... Различные гангстеры, талибаны и моджахеды выстраивались в праздничные шпалеры, чтобы приветствовать его, когда он посещал их территории в Афганистане и Пакистане! Не случайно он включён в Энциклопедию самых известных личностей мира «Кто есть кто в мире?».

Кто он?

Это родившийся и выросший в Софии князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский – один из последних наследников русского княжеского рода Рюриковичей, правившего много веков назад землями нынешней Украины и России. Основатель династии князь Рюрик считается также основателем самой Руси. Его родственник Алексей Лобанов-Ростовский в 1879 году подписал Константинопольский мирный договор между Российской и Османской империями, воскресивший наше государство Болгария.

После Октябрьской революции в России, когда дворянство, аристократия и зажиточные классы бежали на Запад, предки князя Никиты Лобанова поселились в Софии.

Однако не стоит думать, что княжеская семья сможет жить в Софии нормально, как все остальные семьи. Из-за их происхождения и связей за границей члены семьи были помещены под наблюдение болгарских властей сразу же по прибытии в 1922 году. И их считали шпионами. Вот только они не были уверены, в пользу какой страны шпионят.

Логично предположить, что те, кто получил образование в Англии, могли быть завербованы там в качестве английских шпионов. Тем более что Болгария подписала договор с Германией и присоединилась к оси Рим – Берлин – Токио!

Однако в огромной подборке полицейских сводок, как ни странно, оказывается, что профашистские власти объявили их не только английскими и французскими, но даже советскими шпионами! И почему? Потому что в ходе следствия болгарский агент установил, что князь Дмитрий Лобанов-Ростовский – отец Никиты – встречался с представителем советского Аэрофлота! Да-да, встреча князя с представителем советских авиакомпаний в Софии оказалась достаточным поводом заподозрить сбежавшего от большевистского правительства князя Дмитрия в работе в пользу того же советского большевистского правительства! И наконец, в пользу антифашистской коалиции – разве Великобритания и Советский Союз не стали союзниками против Германии?!

«Я долго слушал разговоры Лобановых под открытым окном в резиденции графа Николая Игнатъева на улице Мизии, дом 7, в Софии. Они постоянно говорили на иностранных языках – нет сомнений, что они шпионы!» – гласит один из типичных докладов преследовавшего их болгарского полицейского.

Летом они большую часть времени держали окна открытыми. Помимо того что мать Ирина получила образование за границей, она является гражданкой Франции, выросла и жила в Париже, знает и старается поддерживать французский язык. По тем или иным причинам, то за визами, то за какими-то другими документами, она посещала посольство Франции в Софии. Разве этого недостаточно, чтобы обвинить её в том, что она французский агент?!

И отец Дмитрий, и мать Ирина – носители английского языка. Завершив образование в Англии, они иногда общались и на английском языке, так как не все слова имеют равные и равноценные переводы на русский или болгарский язык. Так что они оба могли быть британскими шпионами.

И так – баланс: до 9 сентября 1944 года княжеская семья Лобановых-Ростовских в Софии состояла на учёте в полиции и отслеживалась как проверенные шпионы в пользу Франции, Великобритании и Советского Союза! Посмотрим «шпионаж» семьи после 9 сентября 1944 года. Расширяется ли поле или наоборот?

По окончании войны в Софии разместились контрольные комиссии из стран-победительниц: СССР, США, Великобритании и Франции. Помимо своего статуса известного русского княжеского рода, члены семьи Лобановых могли использовать в своих беседах все официальные языки, на которых говорили в этих комиссиях, – английский, русский и французский. Это привлекло внимание соответствующих комиссий, и родители Никиты встретились почти со всеми генералами и представителями США и Великобритании. Что ж, теперь каждый может заподозрить их в шпионаже! Помимо французского и английского, мы обогащаем свою деятельность теперь ещё и как агенты США.

После того как представители западных комиссий покинули Софию, если бы можно было как-то доказать, что родители Никиты были завербованными шпионами, они бы наверняка судили их публично с соответствующим освещением в СМИ. Но это было невозможно не только из-за отсутствия каких-либо доказательств, но и потому, что они фактически не занимались этим как таковым. Только в глазах внутренней болгарской контрразведки они были...

Отец, в конце концов, бесследно исчез в 1948 году, и только после 1990 года Никита узнал, что его расстреляли в тюрьме под Пазарджиком. Тюрьма, находившаяся под непосредственным контролем советского КГБ. Он также узнал из архивов ДС, что сам был зарегистрирован как французский шпион, когда ему было всего 13 лет. Это достижение болгарской контрразведки, пожалуй, достойно Книги рекордов Гиннеса.

Осенью 1953 года князю Никите с матерью удалось официально выехать во Францию, где жил его дедушка. Чтобы добиться этого, был задействован даже президент Франции де Голль, и вопрос дошёл до заседания Организации Объединённых Наций в Нью-Йорке, поскольку в то время рассматривалось принятие Болгарии в члены Организации Объединённых Наций.

После получения образования в Англии и США Никита Лобанов как специалист-геолог в течение нескольких лет участвовал и руководил разведкой нефти, железа, никеля и алмазов в Африке и Америке. Он бурил скважину в Патагонии, добывал никель в Венесуэле, ртуть на Аляске.

В начале его карьеры геолога с визитом в Колумбийский университет в Нью-Йорке приехала делегация геологов из тогдашнего Советского Союза, точнее, из Республики Казахстан. Естественно, что советских гостей, прекрасно владеющих русским языком, сопровождал русскоязычный геолог Никита Лобанов, которому они и поручили эту задачу. Но, согласно тогдашней общественной тайне, в советских группах всегда был инсайдер из КГБ.

Сопровождение рассматриваемой делегации обернулось случаем, после которого Никита Лобанов совершенно неожиданно для себя был объявлен шпионом в официальных СМИ. В непринуждённых беседах, помимо ответов на заданные ему вопросы, Никита как человек общительный интересовался геологической деятельностью в Казахстане. Откуда он мог знать, что в те годы там велась масштабная разведка и разработка урановых месторождений?

Так, после возвращения делегации в СССР один из руководителей написал на Никиту соответствующий донос и доложил куда надо. В результате в советской газете «Известия» от 17 января 1961 года появилась статья, в которой Никита Лобанов прямо был объявлен американским шпионом. Вот некоторые отрывки из этой статьи:

«Стремясь к мирному социально-экономическому сосуществованию двух систем, Советский Союз делает всё возможное для расширения культурных, научно-технических и других связей с капиталистическими странами, в том числе с Соединёнными Штатами Америки. Красноречивым показателем расширения этого вида связей является ежегодно возрастающее количество поездок за границу советских туристов, различных спортивных и творческих коллективов, многочисленных делегаций. Советский народ принимает с каждым годом всё большее число гостей из этих стран, проявляя к ним максимальное радушие и гостеприимство. Советские люди, выезжающие за границу, должны надеяться на полную взаимность. Однако с сожалением приходится констатировать, что гостеприимство в США зачастую понимают по-своему. Возвращающиеся из США советские туристы и члены различных делегаций рассказывают, что во время пребывания в США они всегда находились под пристальным вниманием ФБР – американской тайной полиции.

<...> Агенты ЦРУ строго записывали все встречи членов советских делегаций и туристов с представителями американской разведки и стремились использовать эти встречи для получения разведывательной информации о Советском Союзе. В вышеупомянутом Колумбийском университете относительно недавно произошёл такой случай. Советский турист-геолог из Казахстана, пожелав-

ший поговорить с известным американским геологом. В качестве такового они представили некоего Лобанова-Ростовского, называвшего себя болгаринном по происхождению. В ходе разговора Лобанов-Ростовский попытался узнать данные о геологической деятельности в Казахстане, которые, вне всякого сомнения, представляют интерес для американской разведки. Советский геолог сначала удивился вопросам Лобанова-Ростовского, но в конце концов дал ему точную характеристику: «Это не геолог, а просто шпион!»»

Упомянутая статья под заголовком «Гиды или шпионы?» была немедленно перепечатана в Болгарии, Румынии, а может быть, и в других социалистических странах. Как это обычно бывает, болгарская редакция перегнула палку при перепечатке статьи. Потому что они подчеркнули и вывели в качестве подзаголовков следующие утверждения: «ЗАПИСЬ В ВАННОЙ НОМЕРА ОТЕЛЯ. АГЕНТ ФБР, ПРОДАЮЩИЙ ЦВЕТЫ. “ГЕОЛОГ” ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ ЗАИНТЕРЕСОВАН КАЗАХСТАНОМ». Даже слово «геолог» взято в кавычки, чтобы внушить читателям, что Никита Лобанов вовсе не геолог, а был таковым лишь представлен советским туристам.

Оказывается, в какой-то период у него были веские основания подозревать шпионаж или же спецслужбы разыскивали его для возможной вербовки. Особенно когда он уже работал в банковской сфере и занимался выдачей финансовых кредитов. Вот некоторые из его воспоминаний, которые я записал:

«Моя роль в банке заключалась в том, чтобы иметь дело с сарафами во многих странах, и я посетил племена в Афганистане и Пакистане, которые занимались контрабандой и большим количеством валюты. Большая часть опиума и гашиша проходит через Афганистан. Его производят и продают за доллары, которые идут в американские банки. Параллельно с этим я давал кредиты правительствам разных государств. В этом контексте, когда вы даёте много денег определённой стране, вы уже знаете финансовое положение страны гораздо лучше, чем некоторые другие организации и правительства.

ЦРУ, конечно же, интересовалось этой информацией, и их люди приходили на встречи в банк. Тем более что я тоже давал кредиты Советскому Союзу. В нашем банке я лично занимался этими кредитами. Глава банка сообщил мне, что я не обязан отвечать на вопросы ЦРУ, поэтому оставил решение за мной. А я гражданин Америки, не хочу оставлять негативное отношение.

Когда пришли полицейские, я попросил их записывать то, что я им сказал. Они задались вопросом, зачем мне это нужно, и я сказал им, что мой ответ, который сейчас даю перед ними, будет известен в Москве не более чем через 72 часа. Потому что само ЦРУ было на шпионов советскими шпионами. Что вскоре и подтвердилось.

Глава контрразведки СССР и России, получивший за более чем 20 лет работы на них один миллион четыреста тысяч долларов. За эту сумму он предал десятки американских агентов. Это деньги, которые банкир моего уровня получал в течение трёх лет в качестве зарплаты. Вот почему я никогда не был шпионом, потому что это не очень прибыльная работа. А риски очень большие! И как они его поймали? Его поймали, потому что он купил “Ягуар”. Офицеру ЦРУ не полагается “Ягуар”.

Да и сегодня меня везде считают шпионом. И шпион многих стран. Я чувствую, что это хорошо для меня, потому что местные копы уважительны!»

Князь Никита Лобанов-Ростовский – интересный человек. Он является членом правления фондации «Свв. Кирилла и Мефодия» в Софии и, хотя живёт в Лондоне, посещает нашу страну два-три раза в год. Он также известен как даритель картин, музейных экспонатов и финансовых ресурсов Музею естественных наук Болгарской академии наук в Софии, панораме «Плевенская эпопея», Национальному историческому музею, Софийскому университету «Св. Климент Охридский», Синоду Болгарской православной церкви и др.

Князь всегда был желанным собеседником болгарских СМИ, когда находился в Болгарии. Однако выражение о том, что он гражданин мира, и выдающийся гражданин, ему очень подходит. Искусство – его страсть, и оно принесло ему международную известность. Он является консультантом аукционных домов Christie’s и Sotheby’s в Лондоне. Собиратель русской театральной живописи и графики, созданной в период с 1880 по 1930 год.

Никита Лобанов-Ростовский – почётный доктор Санкт-Петербургской академии художеств, пожизненный член Союза благотворителей Метрополитен-музея в Нью-Йорке, первый вице-президент Международного совета российских соотечественников и член руководства многих других международных союзов, комитетов и организаций.

Примерно в начале нового тысячелетия в подвале главного управления МВД в Софии была обнаружена сотня национализированных портретов времён так называемого Народного суда. Помимо царской семьи, среди них были также портреты Левского, Ботева и Стамболова, конфискованные у бывших богатых или вывезенные из их домов, вилл и офисов. В коллекции также находились полотна с изображениями многих расстрелянных болгарских политиков, а также других известных болгарских и мировых деятелей.

Эта находка дошла до ушей князя, и у него возникла идея создать в Софии Национальную портретную галерею, подобную галереям большинства европейских столиц. Он представил свою идею бюро фондации «Свв. Кирилл и Мефодий», и там приняли положительное решение.

После этого вместе с президентом фонда они отправились к Светлину Русеву, который был своего рода арбитром по вопросам искусства в Болгарии – отвечал за защиту культурных ценностей страны. Когда с ним поделились идеей, Светлин Русев хлопнул себя по лбу и сказал: «Как жаль, что эту замечательную идею придумал не я сам!»

Для начала князь Никита предложил десять тысяч долларов на ремонт зала на открытых пространствах с помощью того же фонда – Музея зарубежного искусства в Софии. Директор этого учреждения культуры якобы согласился, и через некоторое время выяснилось, что помещение было предоставлено под ресторан-кафе. Таким образом, София осталась без Национальной портретной галереи, а отведённое для неё помещение коррупция превращает в питейное заведение.

И где сейчас находятся рассматриваемые портреты, никто не знает. Куда делось это национальное культурное богатство, может кто-нибудь сказать?

Отношения князя Никиты Лобанова-Ростовского с Болгарией, его идеи, его помощь настолько разнообразны, что даже изданный сборник «Болгария – Родина, Россия – Отечество» на своих 450 страницах охватывает лишь часть из них. Будучи американским банкиром, князь Никита Лобанов предоставил Болгарии первый международный кредит в то время, когда Болгария в нём вообще не нуждалась. Потому что ему удалось убедить коммунистическое правительство во главе с Тодором Живковым, что таким образом повышается кредитный рейтинг страны и, наконец, в будущем, если ей придётся искать кредиты – она всегда сможет рассчитывать на таких!

А Музей естественной истории в Софии приобрёл кусочек планеты Марс в дар именно от князя Никиты. Кусок подарили ему в знак благодарности за создание и финансирование Факультета геологии в английском университете. Позже он подарил его нашей стране, поскольку именно здесь у него развился интерес к геологии и исследованиям.

По не совсем точным и неполным данным, его пожертвование болгарским музеям и галереям уже давно превысило сумму в сто тысяч левов. Пожелаем ему ещё долгих лет жизни и здоровья и продолжения его творческой и благотворительной деятельности!

05.05.2024 г.

София Осипова

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
Международный детский литературный конкурс им. И. С. Шмелева

Лето Господне

Учитель – Осипова Виктория Сергеевна, Таллинский Александро-Невский кафедральный собор, Республика Эстония, 8–9-е классы – возрастная категория

ДЕД

Рассказ

Ветер колыхнул лёгкие цветочные занавески, впустив в комнату яркий солнечный луч. Тот побродил немного по потолку, просмоленным деревянным стенам, пока занавески не были распахнуты вторым дуновением ветра, открыв свету свободный путь сквозь окно. Кухня сразу же наполнилась золотом полного, созревшего за лето августовского солнца. Вместе с ним потоки воздуха принесли с собой запах последних полевых цветов, тёплого дождя и, кажется, груш. Звонкая пчела влетела в комнату в поисках ароматных цветов, но, заплутав среди красочных картин, висящих на стенах, осталась внутри, передвигаясь из угла в угол и жужжа в своё удовольствие. Откуда-то из глубины дома послышалось глухое пение и сопровождаемые скрипом старых половиц шаги: «Один раз в год, сады цветут...» Под аккомпанемент воображаемого баяна Иннокентий Петрович исполнял свою любимую песню. Остановившись на пороге кухни, старик, пригладив рукой серебристую бороду, обвёл глазами полки серванта и шкафа с посудой, пока не нашёл на верхней полке свою любимую вазу. Простенькая такая, глиняная ваза. Раньше в ней всегда стояли свежие цветы, но теперь некому было их срезать. Однако сегодняшний день стал исключением. Грубые, мозолистые руки осторожно держали букет точно выверенных, но уже слегка растрёпанных, будто проснувшихся ранним утром, ярко-розовых и белых георгинов. Их Иннокентий Петрович осторожно сорвал сегодня утром в саду, чтобы сейчас, ставя в вазу, наслаждаться ароматом уходящего лета и думать о том, сколько радости могут принести, казалось бы, незначительные мелочи. Честно говоря, он бы ни за что не рвал цветы, если бы не его желание сделать что-то особенное.

Иннокентий Петрович отряхнул руки от налипшей после работы в саду грязи и пошёл в сторону раковины, но по дороге, повинувшись какому-то предчувствию, остановился у окна. Яркое, тёплое солнце полностью поглотило его внимание. Пытаясь вспомнить что-то или найти потерянную идею, старик выглянул наружу, вдохнул воздух полной грудью, зажмурил глаза и улыбнулся. Лицо его покрылось морщинками, загорелая кожа бронзово отсвечивала. Тишина. Единственное различимое – тонкий аромат спелых груш. Солнце слепит, а лицо приятно обдувают волны тепла. Где-то далеко, наверное в деревне, залаяла собака. Пронзительно, жалобно завывала. В углу кухни зажужжала и вновь затихла пчела. Пчела... пчела-пчела... Мёд и яркий запах груш. «Вот оно, – подумалось Иннокентию Петровичу, – что-то приятно-жёлтое меня сегодня положительно преследует». Обдумав несколько минут какую-то пришедшую в голову идею, он улыбнулся и развернулся лицом к кухне. «Хммм, грушевый пирог с мёдом», – довольно пробормотал под нос Иннокентий Петрович.

* * *

Входная дверь сначала со скрипом отворилась, а затем с грохотом захлопнулась. Иннокентий Петрович дёрнулся, будто по привычке, обернувшись в сторону прихожей. «Снесёт же дверь когда-нибудь, бесёнок», – то ли с негодованием, то ли испытывая внутреннюю жалость, подумал он. Даник жил в этом доме с раннего детства. В автокатастрофе Иннокентий Петрович потерял дочь и зятя,

а Даник родителей. Тогда-то дедушка и бабушка взяли внука на воспитание. Жизнь с этим шептунным существом накладывала свой отпечаток – обои на стенах в спальне пострадали от карандашей, на ветках одной из яблонь висели самодельные качели, а игрушки порой находились в самых неожиданных местах по всему дому. Ради воспитания внука Иннокентию Петровичу пришлось поменять и образ жизни – уйти со старой работы, вставать по утрам пораньше, чтобы успеть доехать с ним до школы, воспитать в себе немалое терпение. Идиллия царила в их доме, пока его жена не умерла. Это травмирующее событие, помноженное на переходный возраст, стало трещиной в отношениях деда и внука. Мальчик закрылся в себе. Самое неприятное было, когда подросток вот так уходил из дома, не предупредив и не объяснив, зачем и куда. Разговоры не давали никаких плодов – авторитет деда, видимо, когда-то пошатнулся, и прислушиваться к комментариям Даник не собирался. Иннокентий Петрович уже и отчаялся найти контакт с непослушным внуком, просто отдавшись воле судьбы. От постоянных волнений сильно устаёшь.

Постаравшись отделаться от плохих мыслей, старик дошёл-таки до раковины. Не время унывать, ведь дела не ждут. «Так, что же понадобится?.. Сахар, мука, масло... – Вытерев руки полотенцем, расшитым красными маками, он принялся искать на верхней полке шкафчика, висящего над раковиной, свой фартук. – Яйца есть, груш в саду нарву, а вот как быть с мёдом?» Прервавшись в размышлениях на то, чтобы рассмотреть в зеркале, он ненароком усмехнулся. Совсем не тот он стал уже, фартук на нём потрёпанный и выцветший, да и сам Иннокентий Петрович не походил на себя в молодости – шеф-повара большого ресторана. Он был похож на обычного деда в фартуке. Седина прочно обосновалась в его волосах, а морщины он перестал считать лет пять назад. Да, время не молодит. Только разве что прибавляет опыта да терпения. Оторвавшись наконец от зеркала, он вспомнил про пирог.

* * *

Готовка для него была формой искусства. Каждый раз, создавая новое блюдо или вновь готовя старое, Иннокентий Петрович творил чудеса. Простые ингредиенты в его руках превращали блюдо в маленький шедевр. Сегодняшний пирог не был исключением. На прибранном столе лежали все нужные продукты и вещи. Вдохнув полной грудью и поправив ещё раз фартук, Иннокентий Петрович приступил к делу. В большую железную миску он насыпал сахар, а затем аккуратно разбил туда несколько яиц. Полюбовавшись на тающий сахар, он начал осторожно взбивать содержимое миски. Получившаяся смесь была вся в пузырьках воздуха и приятно, даже сладковато, пахла. Туда же он добавил предварительно растопленное сливочное масло. И наконец наступил его любимый этап – добавление специй. Он отошёл от стола, за которым работал, и приблизился к полке, висящей над окном. На ней вразнобой стояли баночки, склянки, коробочки – всевозможные вместительные ёмкости, от которых исходил неповторимый запах. В них лежали специи, травы и приправы, коллекцию которых Иннокентий Петрович так долго собирал. Пристально рассмотрев ассортимент имеющихся ингредиентов, он взял с полки железную коробочку с надписью «Мак», конусообразную склянку с мелким коричневым порошком. «В таких делах надо быть разборчивым, если хочешь, чтобы всё получилось идеально. В готовке требуется точность, – пробормотал дед и, поразмыслив немного, взял стручок ванили, – и немного вдохновения». Все специи оказались в тесте. После в миску пошли все оставшиеся сухие ингредиенты – сода и мука, которую Иннокентий Петрович осторожно отмерил гранёным стаканом. Ещё несколько раз помешав смесь, Иннокентий Петрович взялся за грушу и грецкий орех. Груши он нарезал кубиками, а орехи растолок на кусочки, добавив следом в тесто. Закончив с тестом, Иннокентий Петрович достал из шкафчика любимый противень, смазав его маслом, вылил внутрь тесто. Сверху он выложил нарезанную аккуратными дольками грушу.

* * *

Пока пирог выпекался, Иннокентий Петрович успел слазить на чердак, откуда принёс большую картонную коробку с неизвестным содержимым и поставил её на стул, стоящий возле стола. Коробка была большая, потрёпанная, сверху на ней лежал большой пласт противной пыли, которую дед постарался аккуратно смахнуть тряпочкой. Эта коробка хранила в себе самые замечательные вещи, которые порой помещаются только в голове человека, – воспоминания. В самом верху расположились

старые выцветшие фотографии. Вот они с женой ещё молодые стоят у роддома, держат на руках своё маленькое счастье. Фото ресторана, где он работал. Пара фотографий дочери в разном возрасте. Семейная фотография со свадьбы, фото с зятем. Фото, где Иннокентий со своей женой стоят у их нового дома. Как он впервые взял на руки внука. И дальше небольшая стопка, перевязанная бечёвкой – там все фотографии Даника. Под стопкой наградные листы, сувениры из разных мест и разная мелочь. Рассматривая все свои сокровища, старик позабыл, зачем достал коробку. Аккуратно завернутые в пакетик, лежали среди этих вещей белоснежные свечи. Каким-то образом они, правда, оказались в этой коробке, но оно и к лучшему. Всегда приятно вспомнить прошлое, особенно если оно очень светлое и радостное.

Приятный запах исходил от готового пирога, стоящего на столе, заполняя собой всё пространство. Часы, висящие на стене, еле слышно тикали, призывая всё окружающее к покою. Отдалённо слышался гомон сверчков за окном. Первые вечерние тени легли на стены, и лишь слабые лучи заходящего солнца напоминали о прежней дневной желтизне. Всё вокруг погрузилось в предвечерние приглушённые тона. Иннокентий Петрович стоял у стола, завершая своё творение. Последний штрих – тонкий слой ароматного, тающего от тепла мёда. Теперь пирог красиво стоял на столе – румяный, тёплый, сладко пахнущий ванилью и мёдом. Иннокентий Петрович отошёл от стола и осмотрел с удовольствием свою работу. Затем, будто вспомнив о чём-то, вышел из комнаты и вернулся, неся ту самую белоснежную свечку в руках. Желая придать столу праздничность, он поставил её в подсвечник, а после, для пущего эффекта, зажёл. «Красота», – подумал Иннокентий Петрович.

Часы пробили семь. Озабоченно взглянув на циферблат, старик поморщился – Даник должен был уже вернуться домой. Странно, что его до сих пор нет. Всё следующее время он провёл в волнении, все его действия происходили бессознательно. Мысли занимали только переживания. Он подмёл аккуратно пол на кухне, убрал на место все вещи из коробки и отнёс её на чердак. Протёр до блеска обеденный стол, накрыл его цветастой хлопчатой скатертью, поставил на середину румяный пирог и чуть в стороне свой букет. Потом ещё долго ходил по дому, расставляя по местам какие-то безделушки, протирая пыль и стараясь хоть как-то себя занять. Пару раз старик пытался дозвониться до внука, но тщетно – в трубке были слышны лишь гудки. Через какое-то время он вышел во двор, чтобы увидеть закатное небо. К сожалению, всё его заволокло тучами, именно что противными и серыми, без единого просвета, как будто плотным, колючим одеялом. Иннокентий Петрович вернулся в дом и придвинул своё любимое кресло к кухонному столу. Оттуда было очень удобно смотреть в окно, из которого он мог обозревать весь двор и видеть калитку. Немного задумчиво посидел и достал газету. Часы пробили десять. Стало клонить в сон.

* * *

«Ладно, тогда встретимся уже в школе, – еле слышно произнёс парень в синей джинсовке, – спасибо ещё раз за помощь с проектом». Выйдя из автобуса, он помахал рукой и пошёл в сторону своего дома. Данику оставалось лишь улыбнуться ему в ответ. Ехать ещё час. Усевшись поудобнее на сиденье, он снял с шеи наушники и надел их на голову, приготовившись полностью погрузиться в музыку. Всё, что его окружало, только способствовало желанию уйти от реальности. На соседнем сидении расположился какой-то мужчина, громко разговаривающий по телефону, на другом конце автобуса плакал младенец, сам автобус то и дело трясло на ухабах. Сильно пахло чьим-то одеколоном. «Самое подходящее окончание этого дня, – раздражённо подумал парень, достав телефон, чтобы выбрать песню. – Разряжен? Надеюсь, дед не сильно волнуется».

Его передёрнуло от мысли о том, что старик сидит сейчас где-то на кухне и пытается до него дозвониться. Вполне в его стиле – постоянная опека и тревожность. Возомнил себя родителем. Решив не снимать наушники, Даник выглянул в окно, чтобы спрятать раздражение. Шум, исходящий от людей, было бы слышно даже сквозь музыку. За стеклом серыми коробками проносились дома, сменяли друг друга деревья и фонарные столбы. Жизнь продолжалась своим чередом, и только на улице, казалось, все затихло. На предзакатном небе виднелись облака. Да, кажется, сегодня не получится полюбоваться закатом. Обидно, ведь закаты Даник очень любил. Довольно поэтично смотрятся алые и рыжие краски. Похоже на огонь, пожар посреди неба, который постепенно гаснет. Но небо покрывал сплошной массив туч, так что горящего неба сегодня не увидеть. «Ещё одно разочарование, будто

мало было», – уныло подумал парень. Его вдруг накрыла волна грусти и обиды, от которой защипало в глазах. От досады пришлось закусить губу. Весь день насмарку. Стоит ему один раз не напомнить кому-то о празднике, так никому он, оказывается, и не нужен. Другу только помощь нужна, а дед... да что он помнит вообще? Только думает о своих пирогах да о саде. Никогда не может уделить хоть чуточку внимания, то одно, то другое. Несмотря на то что он чересчур заботлив, ничего у него не получается – слишком уж они разные. Помнится, Даник пытался заводить разговоры об интересующих его вещах – музыке или ... но дед только отмахивался: «Я ничего не понимаю в этом», или безучастно слушал. Тогда он решил вообще ничего не рассказывать, и тут дед спохватился: «Почему ты со мной не общаешься?» Знамо дело почему, только вот дед не понимает. Да, вокруг одна несправедливость, печаль, раздражающий шум и небо, отдающее противной серостью. Всё вокруг серое и посредственное. Дома – огромные коробки, наштампованные вразброс по городу. Вокруг них бегают люди – спешащие муравьишки, перебирающие своими двумя ногами по многочисленным дорогам – каменным лентам. Да и сами города – тюрьмы разума – каменные, унылые, пыльные. Не в силах больше смотреть на ужасное покрывало туч, Даник повернулся в сторону салона. Слёзы отступили. В конце концов, не так уж и обидно, он уже свыкся. Только осадочек остаётся, но это – пустяки.

Пока парень глядел в окно, не заметил, как они почти выехали за черту города. Это можно было понять по почти пустому автобусу. Людей в этот час и так немного. Данику нравились пустые пространства. Толпа народа всегда вызывала у него тревожность и желание раствориться. Сейчас ему было хорошо. Единственными пассажирами были какой-то старик, сидящий где-то в начале, и женщина с ребёнком на сидении перед ним. Малыш сонно хлопал глазами, упорно делая вид, будто спать вовсе не хочет. Мама, взяв его на руки, тихо читала книжку. Даник приподнял голову, с интересом вслушиваясь в её слова. «Тигрёнок и его мама жили в большой пещере в лесу. Тигрёнок очень любил играть на улице, а мама тигрица очень любила тигрёнка и разрешала ему подолгу гулять. Только она запрещала ему играть возле луж, чтобы он не упал в грязь и не испачкался. Однажды тигрёнок не послушал маму, пошёл на прогулку после дождя и испачкал свою чистую шёрстку. Он испугался идти домой и боялся, что мама его поругает. “Может быть, она вообще меня разлюбит после такого?” – ужаснулся тигрёнок. Он вернулся домой только поздно вечером, когда стемнело и стало холодно. Но мама не кричала и не ругалась. Она только спросила его: “Почему ты не пришёл сразу?” Тигрёнок сказал: “Мама, я боялся, что ты обидишься и перестанешь меня любить”. Тогда мудрая тигрица ответила: “Сынок, не бойся, ведь я тебя люблю и не буду ругать, если ты сознаешься сам. Даже если я ругаю тебя, то не стану любить меньше”. Тогда тигрёнок дал себе слово никогда больше не обманывать маму».

Что-то в сердце у Даника защемило. Ему представилась такая картина – грустный, мокрый и грязный тигрёнок в объятиях любящей тигрицы, которая заботливо его вылизывает. Невольно он перенёс эту ситуацию в реальность. И вот этот малыш, погуляв на улице, приходит домой весь грязный, а мама, тяжело вздохнув, лишь легонько укоряет его. Такая милая, близкая и по-своему родная картина. Забота... Точно такую же заботу проявляла к нему бабушка, когда клеила пластырь на разбитую коленку или гнала мыть руки перед обедом. Она заменила ему мать и была верным ангелом-хранителем. Сколько хорошего она для него сделала. Помнится, как-то они с дедом полезли через забор за дикой малиной, а потом бабушка приготовила пирог. Они тогда упали в крапиву, было немного больно, но очень весело. Дед глядел на него сверху и говорил: «Ничего, Данька, пройдут царапины, а воспоминания навсегда останутся». Действительно, помнит ведь до сих пор. Хорошее было время. Признаться честно, Даник хотел бы его вернуть.

* * *

Темнеющее небо полностью покрыто сеткой серых облаков. Прохладный воздух пробирает сквозь рубашку, нагоняя мурашки. Вместо остановки здесь старая деревянная скамья и дорожный знак. Наверху тускло горит фонарь, света которого хватает только из-за времени года. Зимой здесь темно и страшно. Рядом только поле, лес, уходящий вдаль, и дорога, покрытая мелкой щебёнкой. По ней он и идёт в сторону дома. Даник невольно вздохнул. В школу дед его подвозит, а вот по своим делам приходится ездить самостоятельно. А это сначала дойти до остановки, а после ехать на автобусе. Одним словом, одни неудобства. Если идти по этой дороге дальше, то в какой-то момент наткнёшься

на съезд с дороги, ведущий в лес. Вот эта тропинка и ведёт к дому. Невольно поняв, что стоять на месте холодновато, Даник двинулся в путь.

Тропинка, до которой он уже успел пройти, пролежала сквозь сосновый бор. Чем дальше в него заходишь, тем ярвственнее ощущается аромат хвои. Лес умиротворяет и успокаивает. Где-то вдалеке дятел простучал перебивку по стволу. Из-за сосен ещё не показался дом, но Даника уже охватило какое-то странное предчувствие, будто от чего-то страшного, что ждало впереди. От тревоги свело мышцы, и пришлось разжать челюсти, чтобы зубы не стучали друг о друга. В воздухе запахло жжёной тканью. Странно, особенно если учесть время суток и место, где он находился. Тревога всё усиливалась, и он поспешил поскорее выйти на полянку, где стоял их дом. Перед ним предстало ужасное зрелище. Над деревянной крышей дома взвивались клубы дыма. Огонь неумолимо сжигал всё на своём пути, дразня своей властью разрушать. Даник побледнел. От страха подкосились колени, его вдруг объял необъяснимый страх. И тут как молнией ударило: «Дед!» – промелькнуло в голове у Даника. Откуда-то тут же взялись силы. Бросив на траву все вещи, он опрометью кинулся к дому. Пламя жадно поедало цветочные занавески и ярко освещало ночной полумрак. Ничуть не раздумывая, он рванул на себя входную дверь, которая с противным скрипом еле отворилась. Его тут же обдала волна тепла и едкого дыма. «Только бы с ним ничего не случилось», – сквозь подступающие слёзы подумалось Данику.

* * *

Копоть, пепел, чёрный дым.
Я глотаю небо.
Воздух в лёгких стал живым,
Грудь стянула скрепа.
Крики режут темноту,
Боль скрывают слёзы.
Страх остаться одному
Чересчур серьёзен.
Руки-ледышки плавит жар.
Двадцать три пятнадцать.
Время встало на часах,
Глупо оставаться.
Лягу рядом на полу,
Защитив от гари,
Крепко-крепко обниму
Грязными руками.
Засыпай, не бойся света.
Сбитый пульс и боль в груди.
Засыпай. Ты что, не слышишь?
Где дыханье? Где же ты?

* * *

Иннокентий Петрович открыл глаза. Он лежал на холодной траве. Маленькие звёзды подмигивали ему с ночного неба. Где-то далеко послышались сирены пожарной машины. Перед ним, тяжело дыша, сидел Даник. Он тревожно озирался по сторонам, но не выпускал из рук ладонь деда. Они встретились взглядами, и каждый из них, думая о чём-то своём, произнёс: «Я за тебя волновался».

Бережок

Евгения Артюх

*Учитель – Севец Марина Ивановна,
Государственное учреждение образования агрогородка Негневичи Новогрудского района Гродненской области Республики Беларусь. 10–11-е классы*

ЛЮБИМЫЙ ХРАМ

Эссе

Двор пуст. Ветер гоняет опавшие листья, и такое щемящее чувство одиночества проникает в душу, что хочется молчать, слушать ветер и ни о чём не думать. Один самый смелый листок остановился у ног и вопросительно посмотрел на меня. Наверно, моё молчание ему наскучило, и он, послушный порыву ветра, затерялся среди своих собратьев. Где-то под куполом храма воркуют голуби.

Я так люблю здесь бывать... Сколько счастья и радости приносят мне эти минуты!..

Я всегда одна иду в храм. Вечно занятым родителям некогда, бабушку я едва помню, её не стало, когда мне было около четырёх лет. Но есть дорога к храму, и по ней надо идти. Я иду. Одна. Это моя дорога.

...То утро я не забуду никогда. Я проснулась оттого, что услышала голос: «Иди в храм». Сказала родителям, они не поверили, оделась и пошла. Помню, как было страшно идти по едва освещённым улицам. Тысячи мыслей горячими слёзками стекали по щекам: «Вот вырасту и никуда свою дочку одну не отпущу... Мама добрая... Папа кричит на неё... Фонари погасли – не споткнуться бы. Дверь в церковь уже открыта. Боюсь заходить. Никого нет. Что же мне делать? Дома, наверно, уже все успокоились». Салфетки не было, мокрая от слёз ладонка стыла от утренней прохлады. Так захотелось согреться, и я вошла в храм. В полумраке горело несколько свечей. Вдруг тёплая ладонь коснулась моей щеки, я протянула руку, чтобы удержать это прикосновение, подняла голову и увидела лик Пресвятой Богородицы. В Её добрых глазах было столько нежности, что я засмеялась и приложилась щекой к иконе. Я обняла икону, как обнимала маму, и снова меня погладили по щеке. Всё исчезло: утро в доме, одинокая фигурка в слезах на тёмной улице, страх – только счастье и покой наполнили мою душу. «Здравствуй, деточка, ты одна пришла?» – тихо подошёл батюшка. Я только кивнула. Он взял меня за руку и сказал: «Давай зажжём свечи». С тех пор прошло пять лет, я выросла, а Пресвятая Богородица по-прежнему жалеет и поддерживает меня.

Двор пуст. Тишина. И вот уже воображение уносит меня на 150 лет назад.

...Апрель 1871 года. Та весна стала особенной для жителей местечка и окрестных деревень. В архивных записях сохранилось для нас историческое событие, благодаря которому сегодня, в XXI веке, мы имеем свой храм.

Мне представляется не «съезд» дорогих автомобилей, а ряд телег с поднятыми кверху оглоблями, в старом парке привязанные лошади, мирно жующие по-хозяйски аккуратно положенное к их ногам сено. Смешалось всё: запахи, звуки, пёстрые платки женщин, яркие ленты девушек, смех детей.

С намерением привлечь в католичество местных православных в местечке построили латинский костёл. До 1866 года костёл оставался без прихожан: не меняли православные христиане свою веру, не изменяли ей, не предавали. Поэтому и передали строение в ведение православного духовенства.

Прихожане на свои сбережения и посильные приношения починили храм и берегли его. В нём видели красоту небесную, в нём возносили свою душу и светлые помыслы к Богу. Каждый прихожанин знал, что Храм Божий есть место, которое святыми иконами напоминает нам о небе, и поистине есть особенное место присутствия Божьего. *«Идѣже бо есть два или три собране во имя Моѣ, то есмь посредине их», – говорит Господь нам (Мат. 18:20).*

Храм был освящён в честь Казанской иконы Божией Матери 14 апреля 1871 года. Сам государь император Александр II пожертвовал в нашу церковь эту икону. Присланная из городской духовной

консистории, до окончательной переделки костёла в православную церковь икона была охраняема в самостоятельной Николаевской церкви, которая находилась за четверть версты от местечка.

Мне представляется торжественное внесение Казанской иконы Божией Матери при стечении множества людей. Я слышу пение канона Пасхи, вижу, как икону поднесли к новоустроенной церкви, и, принятая благочинным и местным священником, поставлена она на аналой по левую сторону иконостаса в отличном киоте, укрепленном резьбою и позолотою. После освящения престола освящена была и икона. По окончании литургии, которую соборно совершал благочинный, икона поставлена среди церкви, и пред нею совершён молебен Божией Матери.

До двух тысяч человек – духовенство, чиновники, крестьяне – собрались на это торжество и приложились к иконе. Все крестьяне получили в подарок по одному и по два крестика. Стройно пел хор из крестьянских мальчиков, организованный священником. Светились радостью лица людей, многие плакали, и это были слёзы благодарности и счастья.

При церкви учреждено церковно-приходское попечительство и братство, и в местечке имелось штатное народное училище.

В период польской оккупации и Великой Отечественной войны церковь вновь стала польским костёлом. В годы войны службы проводились в Николаевской церкви. 7 июля 1941 года фашисты подошли близко к деревне и стали обстреливать кладбище и деревню. Один снаряд попал в колокольню церкви, начался пожар. Священник и староста ещё и ещё раз бросались в огонь, спешили всё вынести: церковную утварь, иконы, книги, документы. Спасли почти всё и спрятали на подворье старосты в сарае, а затем ночью перенесли в каплицу. Горько плакали не только женщины, но и мужчины: церковь сгорела дотла. Но не могли люди жить без молитвы, и богослужения проводились в каплице. Лишь после войны прихожане получили возможность посещать православную церковь Казанской иконы Божией Матери. Всё, спасённое от фашистских снарядов, перенесли в храм.

Сегодня в нашем храме очень красиво, уютно, много цветов, и, благодаря неравнодушным прихожанам и стараниям священника, в нём появились новые иконы, Крест Евфросинии Полоцкой. Когда-то специально для нововозведённого мужского монастыря матушка Евфросиния заказала крест с драгоценными камнями и частицами святых мощей. Он необычайно красив! С благоговением прикладываюсь к иконам и кресту преподобной Евфросинии и я. Небесная покровительница не оставляет всех, молящихся ей, приносит радость, является примером чистоты и любви к людям.

Ещё одна святыня нашего храма – икона святителя Спиридона Тримифунтского с частичкой его мощей. Прихожане почитают святого как скорого помощника в бытовых, житейских делах, молят его о помощи, ведь при жизни святой никому не отказывал в помощи и крове над головой.

Как же нам отблагодарить Господа нашего за то, что у нас есть наш любимый храм? Взамен этого великого дара мы можем принести Ему свою любовь и преданность, свою искреннюю молитву.

...Двор наполняется тихими голосами. Это пришли наши бабушки и мои одноклассники. Мы вместе будем убирать в храме и составлять цветочные композиции. Ведь завтра у нас праздник – день воскресный, и мы соберёмся на Божественную литургию и благодарственный молебен, чтобы ещё и ещё благодарить Господа за великую милость Его к нам – за наш любимый храм.

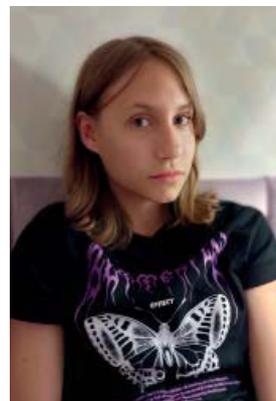
...Слышны голоса – значит, я не одна на своей дороге к храму. Только очень больно моему сердцу, что рядом нет ни мамы, ни папы, но я благодарна им, что они не мешают мне идти к Богу. Я верю в великую милость Господа, снова преклоню колени перед иконой и буду молиться о том, чтобы Он вразумил рабу Татьяну и раба Деонисия, просветил их светом Своей истины и показал им дорогу к храму, научил их молиться. И тогда мой любимый храм станет для меня ещё роднее и светлее, и сердце моё наполнится любовью, и не будет в нём места боли.

Бережок

Ксения Кондратенко

О себе: «Я – Ксюша, мне 12 лет, и я люблю изучать иностранные языки и писать истории. Также я увлекаюсь рисованием и занимаюсь скалолазанием. Я добрая, мне трудно отказать кому-то. Люблю школу, но не ранние подъёмы. Много друзей, нет врагов. Не сижу в телефоне 24/7, но если всплывёт возможность, я буду за неё хвататься. Немного упрямая, но это не мешает мне быть хорошим другом».

ОКНО

Рассказ

В моей маленькой, тесной комнатке есть такое же маленькое окно. Даже не окно, а окошко. И из этой дырочки в стене виден другой такой же дом с другими такими же маленькими окнами.

Хотя домом это здание назвать трудно – больше на трущобы смахивает. Для таких же бедных, как и мы с отцом. Но в этой беспросветной тьме нищеты и уныния есть лучик добра и веселья. Это соседнее окно, прямо напротив моего на втором этаже, за которым живёт такая же девочка, как и я. Внешне мы, конечно, разные, но проблемы одинаковые.

Мы с этой девочкой придумали, как общаться, не выходя из дома. Всё что нужно – это листы бумаги и фломастеры. Просто пишешь на бумаге слова и прикладываешь её к стеклу. Таким способом общения я узнала, что её зовут Мэй, ей 11 лет, она живёт в этом доме с мамой и учится в какой-то специальной школе, но я так и не поняла, что это за место. Мы «переписывались» так три дня, а потом я решила позвать её погулять. Написала ей сообщение: «Пойдешь гулять?» Она написала: «Надо у мамы спросить». Я осталась ждать у окна. Спустя две минуты явилась Мэй с листочком в руках. «Можно», – было написано на нём. Я радостная отбежала от окна и побежала предупредить отца.

– Пап, – позвала я, – можно, я пойду погуляю?

– Что? А, да, иди. – Он на секунду оторвал взгляд от дешёвого ноутбука и опять уткнулся в него.

Совсем скоро заработается. Ладно бы польза от этого была, так её нет! Получаем гроши какие-то. Ладно хоть на еду и одежду более-менее хватает.

– Я ушла! – крикнула я и закрыла дверь нашей квартирки.

Я вышла на улицу, и мне в глаза бросилась одиноко стоящая девочка.

– Привет! – крикнула я ей. – Ты Мэй?

Она кивнула, и я подошла к ней.

– Почему ты молчишь? – спросила я.

Мэй показала на рот, а потом скрестила руки.

– Ты... не можешь говорить? – изумилась я.

Мэй кивнула.

– Ну, ты же сможешь показывать то, что хочешь сказать?

Она ещё раз кивнула и улыбнулась.

– Пошли, я покажу тебе одно место, – сказала я, и мы двинулись вдоль улицы. Вокруг нас были низкие серые домишки, а тишина угнетала.

– Вот бы отсюда уехать... – мечтательным голосом сказала я. – В какое-нибудь красивое место. А ты бы хотела уехать?

Мэй яростно затрясла головой и расширила глаза.

– М, понятно. А кем у тебя мама работает? – «Если работает вообще», – подумала я про себя, но вслух ничего не сказала.

Мэй начала мне что-то показывать руками, но, спохватившись, что я ничего не понимаю, она достала блокнот и карандаш и принялась писать. Нам пришлось остановиться. Спустя минуту она

дала мне блокнотик, в котором было написано: «Я не знаю, кем она работает, но она уходит куда-то по ночам».

– Она что, из криминального авторитета? – спросила я, но подозревала совсем о другом.

Мэй пожала плечами и одними губами сказала: «Не знаю». Мы двинулись дальше.

– Вот, – я обвела рукой ландшафт, состоящий из ручейка, деревьев и домиков где-то вдалеке. – Красиво?

Мэй покивала головой.

– Вот бы весь город был таким...

Я опустила взгляд на берег ручья, и мне в голову пришла идея. Я взяла плоский камешек, наклонилась и метнула его вдоль ручья. Камешек отскочил от поверхности воды три раза и скрылся на четвёртом. Мэй заворожённо за этим наблюдала.

– А ты умеешь блинчики пускать? – спросила я её.

Она помотала головой.

– Хочешь, научу?

Мэй кивнула.

– Смотри: берёшь плоский камень, наклоняешься и резко бросаешь. Попробуй!

Мэй взяла камень, сделала, как я сказала, и её камень отскочил от воды один раз. Мэй захлопала в ладоши.

– Для первого раза неплохо, – похвалила я, – попробуй ещё раз.

Мэй послала ручейку ещё один каменный привет, но ручеёк принял его только на третий раз, что очень обрадовало Мэй.

Мы покидали ещё камешков, «поболтали», понюхали какие-то цветы и засобирались домой.

– Слушай, – обратилась я за советом к моей спутнице, – вот у меня такая проблема... в общем, у меня отец много работает и на меня внимание вообще не обращает. Ты можешь дать совет какой-нибудь? Пожалуйста!

Мэй постояла, подумала, потом достала свой блокнотик и написала следующее: «Я думаю, что тебе надо просто подойти и обнять его. Я так делаю с мамой, и это помогает».

– Спасибо, – поблагодарила я её и про себя сделала заметку.

Мы подошли к нашим домам и распрощались. Открыв дверь своей квартирке, я удивилась, не услышав знакомого клацанья клавиатуры. «Уснул», – подумала я. И правда – когда я зашла к нему в комнату, он развалился в кресле и тихо сопел. Экран ноутбука погас. Я подошла, обняла его и вышла из комнаты, закрыв за собой дверь. Войдя на кухню, я увидела на плите кастрюлю, а в ней были макароны. Мысленно поблагодарив отца за ужин, я подогрела макароны и приготовила чай. Поужинала и пошла в свою комнату с окошком. И тут я поняла, что, благодаря этой дырке в стене, у меня появился друг. Я улыбнулась и подошла к окну. В нём я увидела Мэй, держащую в руках листочек с надписью: «Спокойной ночи!» Я написала ответное сообщение и легла в кровать. Лёжа в ней, я вспоминала сегодняшний день и представляла последующие. «Благодаря окошку моя жизнь изменилась», – подумала я, проваливаясь в сон.

Наши друзья

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.rusklina.ru>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Журнал «Подъём»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»
Журнал «Сибирь», Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/o-nas?id=59>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Влтава», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздня, Вильнюс
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргамак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина», гл. ред. Тамара Малеевская, Австралия: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «ЛИТЕРА», гл. ред. Владимир Фёдоров
Поэтический альманах «Образ», гл. ред. Эдуард Побужанский, Москва: izdat.su
Журнал «Пересвет», Белгород, гл. ред. Сергей Бережной
Журнал «Невечерний свет», гл. ред. Владимир Хохлев: vladimir-khokhlev-2015.bibliowiki.ru/pages/nevechernij-svet.html
Альманах «Под часами», Смоленск

О приобретении журнала

Поддержка и приобретение журнала «Берега»
осуществляется перечислением на карту Сбербанка по номеру телефона 89118630467.

ЖК Адрес счастья в Калининграде
«РУССКАЯ ЕВРОПА»

Калининград. Адрес счастья. Офис продаж эко-квартала «Русская Европа»
Адрес: ул. Молодой гвардии, 36, Калининград, Калининградская обл., 236038

Телефон: 8 (401) 220-10-23.

Подробности на сайте <https://r-eu.ru/>